

ДВА РУБЛЯ СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЬ КОПЕЕК.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

33/31

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
М О С К В А

ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА ¹

М. А. Рейснер

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Настоящие очерки посвящены истории политических учений. Этот предмет некогда занимал исключительно большое место в ряду университетских наук. И это понятно: при идеалистическом воззрении на исторический процесс представляется, что не бытие определяет идею, но наоборот, идея определяет бытие. Отсюда был прямой вывод—изучение политических идей есть наилучший путь к тому, чтобы познать самую политическую действительность. И поэтому, когда желали изучить историю античного государства, то обращались к Платону и Аристотелю как основным представителям государственной науки древности. Историю Рима усваивали при посредстве теорий Полибия и Цицерона. Средневековые думали понять при помощи патристической христианской литературы, начиная с блаженного Августина и кончая Фомой Аквинским. Возрождение исчерпывалось утопией Кампанеллы и творениями Маккиавелли. А новейшее время укладывалось целиком в историю идей, выраженных Гоббсом и Спинозой, Локксом и Руссо, Кантом и Гегелем. В лучшем случае все эти учения более или менее изящно соединялись в разноцветную мозаику с философским узором, где идеи, совершенно оторванные от земли, складывались в стройные созвездия последовательно развивающихся систем. Некоторые излагатели достигали в этом искусстве значительного совершенства и в своих исследованиях и руководствах давали элегантную, но совершенно фантастическую картину развития политической мысли.

И надо отметить, что некоторые положительные ученые буржуазного лагеря сумели отметить всю бессмысленность такой политико-философской игры. Так, Рихард Шмидт в своем трехтомном труде по общему учению о государстве справедливо замечает, что «ближайшее знакомство (с историей политических форм) показывает сейчас, что подобные доктрины, даже наиболее знаменитые, по общему правилу, содержат в себе в высшей степени субъективные программы партий, часто даже меньшинств, иногда впрочем отдельных лиц, и появляются в такое время, когда по существу они больше совсем не подходят к действительному положению государства, не отражают его политической формы так же, как и его правового положения. Еще чаще они совершенно не отвечают тем запросам, которые

¹ Настоящая посмертная работа М. А. Рейснера представляет общее введение к его книге «История политических учений», куда однако она не была включена самим автором по неизвестным нам причинам.

предъявляет действительность. Платон и Аристотель рисуют свои идеальные образы мелкочерковой и конституционной республики в то время, когда она уже совершенно выродилась и погибла, и настоятельная необходимость стала великочерковой монархией абсолютизма. Полибий приписывает правовые положения конституционной олигархии Рима такой общественной форме, где они стали уже мертвой буквой. Типическое, будто бы, учение о средневековом государстве, которое мы находим у Салисбюри или Фомы Аквинского, обозначает на самом деле лишь короткий эпизод всеобщего государствообразования, подобно призрак уступивший место реальным и жизнеспособным образованиям такого типа, как тогдашнее государство Плантагенетов и Капетингов. Германское государство, которое в XV в. носилось перед глазами Николая Кузанского, было вообще в это время более неосуществимо. Фортескью рисует конституционное государство средневековой Англии для поучения наследнику короля, как раз принявшегося за дело уничтожения конституционных учреждений и подготовку абсолютизма Тюдоров. Николай Кузанский обучал конституции того самого принца, который впоследствии пал жертвой деспотизма Ричарда III в государственной тюрьме—Тоуэр. Боден, повидимому изображающий французский абсолютизм, является на самом деле представителем партийной программы столь же субъективного характера, как противоположная программа тираноборца Дюплесси-Морнэ, и притом в такое время, когда виды на будущее у абсолютизма—при Генрихе III—были более темны, чем когда-либо. Можно сказать, что даже наиболее последовательный и деятельный на литературном поприще апостол абсолютной монархии, Гоббс, вообще никогда не пережил в Англии такой государственной формы, которая совпадала бы с его учением, с другой же стороны, ему не удалось вызвать к жизни отвечающей его учению формы. Нисколько не меньше Пуффендорф в своем учении остался должником действительного государственно-правового положения Германии, по крайней мере, с одной стороны. И когда затем со стороны Локка и Монтескье было двинуто противоположное течение, бывшее введением к современному учению о государстве, то все равно доктринерская односторонность и произвольность остались присущими также и их учению... Одним словом, насколько вообще прежняя политическая литература примыкала к реальным образованиям государственной жизни, их описывала, анализировала и критиковала, она обозначала во всех своих отдельных представителях только одну из многих сил, влияющих на образование и изменение практического положения государственно-правового порядка; часто, впрочем, это влияние было лишь весьма подчиненного характера или даже совсем не увенчивалось успехом (R. Schmidt, Allgemeine Staatslehre, Leipzig, 1903, B. II, T. 2, S. 825—826).

Число подобных примеров можно увеличить до бесконечности. И тут не составляют исключений даже некоторые всеми признанные авторитеты политической мысли. Напомним, к примеру, что даже такой апостол естественного права, как Гуго Гроций, был не больше, не меньше, как идеологом одной из партий в республике Нидерландов, притом на стороне арминиа, бывших организацией наиболее имущих слоев Голландии. В основе политических учений лежит прежде всего, как это было признано и представителями буржуазной науки, различие партий, которые в свою очередь вели за собой классовую борьбу. Этим объясняется не только факт крайнего несоответствия политических учений создавшей

их действительности, но и чудовищных пробелов в самой истории политической мысли. Так политическая литература древней Греции почти не содержит следов напряженной хозяйственной и политической конкуренции, которую вели эллинические морские республики друг с другом, с Персией и Египтом. Ни у Платона, ни у Аристотеля мы не найдем ни слова о тех положительных государственных задачах, которые необходимо рождались из стремления захватить средиземный рынок. И если ограничиваться только их учениями, то действительно совершенно непостижимым оказывается появление империи Александра Македонского и Диадхов. А ведь Аристотель был как раз воспитателем этого завоевателя тогдашнего мира, представителя великой идеи эллинизма. Римская литература подобным же образом ничего не говорит нам о великих завоеваниях сначала республики, а затем империи, и менее всего отражает великочерковые планы тогдашних патрициев и оптиматов. Не говорим уже о том, что некоторые мировые движения остались совсем без политической литературы и таким образом должны быть прямо сняты со счета истории политической мысли. Если мы должны ограничиваться только историей политических учений, то мы не только должны умолчать о государственном развитии древнего Востока,—Египта, Ассирии, Вавилона, древней Персии, Индии и Китая,—но точно так же должны обойти молчанием такое грандиозное политическое движение и связанные с ним образования, как мусульманское завоевание, связанное с арабским движением, покорившее себе не только Малую Азию и Северную Африку, но также значительную часть Иберийского полуострова...

Совершенно очевидно, что классовая борьба, политическая жизнь и партийная мысль менее всего могут быть ограничены исключительно политической литературой в тесном смысле этого слова. Напротив, здесь речь идет об общественной идеологии как надстройке над экономическим основанием, а такая надстройка менее всего выражается в одних только политических учениях, теоретических произведениях и философских трудах. Политическую литературу в истинном смысле слова мы можем получить лишь там, где имеются для этого надлежащие предпосылки—свобода политической борьбы, связанная с демократией или конституционным порядком. Где нет открытой политической и партийной борьбы, там, само собой разумеется, не может быть и политической литературы. Ее место займет религиозная догма, поэтический миф или художественная литература. Для уяснения политической мысли в таких случаях приходится обращаться менее всего к несуществующим теоретикам государственных учений. Но даже там, где мы имеем широко развитую общественную жизнь и напряженную политическую и партийную борьбу, мы далеко не всегда можем ограничиться крупными мыслителями в области политических идей. Не надо забывать, что такие ученые, по общему правилу, являются представителями имущих классов и поборниками их интересов. Даже политически сознательные массы неимущего или малоимущего населения слишком редко имеют возможность создать или привлечь на свою сторону крупного теоретика. Им приходится довольствоваться памфлетистом или поэтом, легкой агитационной литературой или драматической пьесой. Когда же массы оказываются в силах выставить теоретически сильных вождей и представителей, то, как показывает история, подобные учения, исполненные духа недовольства, мятежа, переворота или революции, слишком часто бесследно пропадают в общем хранилище исторической памяти. Разитель-

предъявляет действительность. Платон и Аристотель рисуют свои идеальные образы мелкочерковой и конституционной республики в то время, когда она уже совершенно выродилась и погибла, и настоятельная необходимость стала великочерковой монархией абсолютизма. Полибий приписывает правовые положения конституционной олигархии Рима такой общественной форме, где они стали уже мертвой буквой. Типическое, будто бы, учение о средневековом государстве, которое мы находим у Салисбюри или Фомы Аквинского, обозначает на самом деле лишь короткий эпизод всеобщего государствообразования, подобно призраку уступивший место реальным и жизнеспособным образованиям такого типа, как тогдашнее государство Плантагенетов и Капетингов. Германское государство, которое в XV в. носилось перед глазами Николая Кузанского, было вообще в это время более неосуществимо. Фортескью рисует конституционное государство средневековой Англии для поучения наследнику короля, как раз принявшегося за дело уничтожения конституционных учреждений и подготовку абсолютизма Тюдоров. Николай Кузанский обучал конституции того самого принца, который впоследствии пал жертвой деспотизма Ричарда III в государственной тюрьме—Тоуэр. Боден, повидимому изображающий французский абсолютизм, является на самом деле представителем партийной программы столь же субъективного характера, как противоположная программа тираноборца Дюплесси-Морне, и притом в такое время, когда виды на будущее у абсолютизма—при Генрихе III—были более темны, чем когда-либо. Можно сказать, что даже наиболее последовательный и деятельный на литературном поприще апостол абсолютной монархии, Гоббс, вообще никогда не пережил в Англии такой государственной формы, которая совпадала бы с его учением, с другой же стороны, ему не удалось вызвать к жизни отвечающей его учению формы. Нисколько не меньше Пуффендорф в своем учении остался должником действительного государственно-правового положения Германии, по крайней мере, с одной стороны. И когда затем со стороны Локка и Монтескье было двинуто противоположное течение, бывшее введением к современному учению о государстве, то все равно доктринарская односторонность и произвольность остались присущими также и их учению... Одним словом, насколько вообще прежняя политическая литература примыкала к реальным образованиям государственной жизни, их описывала, анализировала и критиковала, она обозначала во всех своих отдельных представителях только одну из многих сил, влияющих на образования и изменения практического положения государственно-правового порядка; часто, впрочем, это влияние было лишь весьма подчиненного характера или даже совсем не увенчивалось успехом (R. Schmidt, Allgemeine Staatslehre, Leipzig, 1903, B. II, T. 2, S. 825—826).

Число подобных примеров можно увеличить до бесконечности. И тут не составляют исключений даже некоторые всеми признанные авторитеты политической мысли. Напомним, к примеру, что даже такой апостол естественного права, как Гуго Гроций, был не больше, не меньше, как идеологом одной из партий в республике Нидерландов, притом на стороне арминиа, бывших организацией наиболее имущих слоев Голландии. В основе политических учений лежит прежде всего, как это было признано и представителями буржуазной науки, различие партий, которые в свою очередь вели за собой классовую борьбу. Этим объясняется не только факт крайнего несоответствия политических учений создавшей

их действительности, но и чудовищных пробелов в самой истории политической мысли. Так политическая литература древней Греции почти не содержит следов напряженной хозяйственной и политической конкуренции, которую вели эллинские морские республики друг с другом, с Персией и Египтом. Ни у Платона, ни у Аристотеля мы не найдем ни слова о тех положительных государственных задачах, которые необходимо рождались из стремления захватить средиземный рынок. И если ограничиваться только их учениями, то действительно совершенно не постижимым оказывается появление империи Александра Македонского и Диадхов. А ведь Аристотель был как раз воспитателем этого завоевателя тогдашнего мира, представителем великой идеи эллинизма. Римская литература подобным же образом ничего не говорит нам о великих завоеваниях сначала республики, а затем империи, и менее всего отражает великочерковые планы тогдашних патрициев и оптиматов. Не говорим уже о том, что некоторые мировые движения остались совсем без политической литературы и таким образом должны быть прямо сняты со счета истории политической мысли. Если мы должны ограничиваться только историей политических учений, то мы не только должны умолчать о государственном развитии древнего Востока,—Египта, Ассирии, Вавилона, древней Персии, Индии и Китая,—но точно так же должны обойти молчанием такое грандиозное политическое движение и связанные с ним образования, как мусульманское завоевание, связанное с арабским движением, покорившее себе не только Малую Азию и Северную Африку, но также значительную часть Иберийского полуострова...

Совершенно очевидно, что классовая борьба, политическая жизнь и партийная мысль менее всего могут быть ограничены исключительно политической литературой в тесном смысле этого слова. Напротив, здесь речь идет об общественной идеологии как надстройке над экономическим основанием, а такая надстройка менее всего выражается в одних только политических учениях, теоретических произведениях и философских трудах. Политическую литературу в истинном смысле слова мы можем получить лишь там, где имеются для этого надлежащие предпосылки—свобода политической борьбы, связанная с демократией или конституционным порядком. Где нет открытой политической и партийной борьбы, там, само собой разумеется, не может быть и политической литературы. Ее место займет религиозная догма, поэтический миф или художественная литература. Для уяснения политической мысли в таких случаях приходится обращаться менее всего к несуществующим теоретикам государственных учений. Но даже там, где мы имеем широко развитую общественную жизнь и напряженную политическую и партийную борьбу, мы далеко не всегда можем ограничиться крупными мыслителями в области политических идей. Не надо забывать, что такие ученые, по общему правилу, являются представителями имущих классов и поборниками их интересов. Даже политически сознательные массы неимущего или малоимущего населения слишком редко имеют возможность создать или привлечь на свою сторону крупного теоретика. Им приходится довольствоваться памфлетистом или поэтом, легкой агитационной литературой или драматической пьесой. Когда же массы оказываются в силах выставить теоретически сильных вождей и представителей, то, как показывает история, подобные учения, исполненные духа недовольства, мятежа, переворота или революции, слишком часто бесследно пропадают в общем хранилище исторической памяти. Разитель-

ным примером здесь является почти полное исчезновение государственной литературы древней Эллады, поскольку она явилась созданием демоса и его вождей. С величайшим трудом мы сейчас можем восстановить отдельные черты политических учений даже таких общеизвестных учителей афинской массы, как пресловутые софисты. То же относится в еще большей степени к социалистическим и коммунистическим учениям средневековья и то же мы имеем сплошь и рядом на Востоке.

ИДЕОЛОГИИ И ИХ ФОРМЫ

Пользование политической литературой в качестве основного источника для изучения государственной жизни народов еще потому вызывает решительные сомнения, что, подобно всем иным формам религиозного и художественного творчества, политические учения страдают общим грехом всех общественных идеологий вообще. А именно: они никогда не представляют собой прямого и точного отражения действительности. Еще в старину некоторые мыслители находили громадную примесь идеологического извращения даже в чисто-научных произведениях. Недаром Бэкон Веруламский говорил о возможных «идолах», поклонение которым неизбежно накладывает печать извращения на самый искренний и стремящийся к истине ум. Одной из величайших заслуг марксистской теории является как раз учение об идеологических извращениях, об идеологическом мышлении и идеологизме вообще. В этом отношении методология марксизма весьма замечательна. С одной стороны, она исходит из признания полной возможности познания человеком окружающей его действительности. В этом глубокое отличие методологии диалектического материализма от всяких идеалистических систем. И если человеческий ум мыслит диалектически и переходит от отрицания к отрицанию и от последнего к положению, которое снова отрицается, то и здесь он не нарушает общего закона, лежащего в основе материального мира. Ибо там точно также диалектически движется развитие и дает ряд друг друга отрицающих и сменяющих противоположностей. И когда наше мышление переходит от «единичного» к «особенному», а затем на смену им к «всеобщему», то оно лишь повторяет тот процесс, который совершается в окружающем нас мире. Но такое учение о полной возможности познания об'ективного мира и абсолютной, совершенной истины насколько не отрицает того, что путь этой истины безмерно долг и труден и сопровождается *бесчисленными ошибками и уклонами*. Громадную роль здесь играет *идеологическое мышление*, которое сопровождает человека на всех путях его практической деятельности.

Мир политических идей не представляет здесь никакого исключения. Наоборот, если мы желаем найти те двойные и тройные искажения, совершенно обратные отражения и подчас чудовищные извращения, о которых так красноречиво говорит марксистская теория, то, пожалуй, именно здесь нужно искать наиболее яркие образцы желаний, ставшего идей. И это понятно: нигде мы не находим такого жестокого напряжения борьбы и столкновения интересов. Нигде в большей степени не разжигаются страсти и не работают эмоции. Некоторые ученые полагают даже, что по степени напряжения веры, энтузиазма, нетерпимости и жестокости политика в этом отношении может быть сравнена только с религией, так что можно говорить вполне об апостолах, пророках, мучениках и подвижниках государственной идеи (Берольцгеймер). Другой ученый пробовал даже обосновать поли-

тическую борьбу, ее страстность и напряжение при помощи теории всеобщей прирожденной человеку враждебности (Ратценгофер), что находит аналогию в придуманном современными психологами особым инстинкте «драчливости» (Мак-Даугол). Дело об'ясняется конечно гораздо проще: *политическая борьба есть лишь форма и выражение борьбы экономической и социальной, другими словами, борьбы классово*. А там, где работают классовые противоположности между угнетателями и угнетаемыми, и дело идет о жизни и смерти для масс трудящихся и об алчной власти эксплуататоров, — там естественно и необходимо на этой почве разгорятся самые пылкие страсти, закипит ненависть, родится героизм и всеми цветами заиграет творческая фантазия.

Конечно, все сказанное нами не представляло секрета ни для кого. Но предполагалось, что поскольку политическая мысль приобретает форму науки, она становится трезвой, хладнокровной и об'ективной. К сожалению, как мы видели выше, ограничиться одной научной теорией в области политической мысли оказывается совершенно невозможным. В этом случае мы имели бы совершенно недопустимые провалы, которые исключали бы из области политической жизни целые эпохи и общественные группы. Но, с другой стороны, лишь иллюзия идеалистической науки может допустить такую невероятную вещь, что будто бы ученый теоретик, занимающийся государственной наукой, в силу какого-то особого чуда, отрывается от реальной жизни, в которой он живет, отрешается от всех предрассудков, пережитков прошлого, умственных навыков, чувств и влечений, симпатий и стремлений и, переходя на поприще научной работы, становится таким же об'ективным аппаратом для записи окружающего, как какой-нибудь самопишущий прибор в физической лаборатории или на метеорологической станции. История, по крайней мере, таких исключений не знает, ибо совершенно очевидно, что не только содержание тех или иных политических идей определяется насущным интересом классово-борьбы, но и сама форма выражения этих интересов целиком подлечит неизбежному и неустраняемому давлению реальной обстановки. Материальная среда, а в частности экономическая деятельность, с ее производственным процессом и сетью производственных отношений, налагает одинаково свою руку не только на содержание, но и на *форму идеологического построения*. Не только то, что человек мыслит, а следовательно, говорит и пишет, является результатом материальных условий, но и то, как он это делает. И тот, кто желает действительно уяснить себе связь между политической идеологией и ее экономическими предпосылками, в виду сказанного, необходимо должен подвергнуть изучению наравне с содержанием политических идей и ту форму, в которой оно выражается.

Вопрос о форме политической идеологии приобретает однако еще более серьезное значение потому, что эта форма не представляет собой лишь одной теоретической оболочки, интересной в целях построения чистой науки. Наоборот, политические идеи, которые, наряду с политической наукой, находят свое воплощение в различных видах духовной деятельности, не только рождаются из борьбы, но и необходимо служат ей. Это особенно ясно, когда мы переходим к такому материалу нашей науки, как всевозможные акты практической политики в виде лозунгов и программ, памфлетов и самой различной агитационной и пропагандистской литературы. Подобно религиозной проповеди, и слово политического деятеля призвано к тому, чтобы возбуждать движение и рождать действие.

Ученый государствовед действует на своих читателей путем убеждения, основанного на обширном научно обработанном материале, и при помощи строгих теоретических выводов. Но практический политик уже более ярко обнаруживает активную сторону своей политической Теории. Он должен действовать на чувство и воображение, он должен двигать и толкать волю, слово для него есть одно из важнейших политических орудий, и в борьбе оно часто действует не хуже меча и кинжала. И нечего говорить, что от совершенства, технической приспособленности и умения учесть реальную обстановку в громадной степени зависит успех того или иного движения. Не надо забывать, что такому идеологу приходится пробовать подчас громадную толщу уже сложившихся враждебных идеологий. Ни один человек не представляет собой чистого листа бумаги, на котором можно было бы написать любые строки самой подлинной истины. Даже там, где на стороне нового лозунга кричащие моменты, казалось бы, самоочевидной действительности, даже там приходится употребить большее или меньшее усилие для того, чтобы помочь заинтересованной группе или классу познать, понять и оценить выгодную для него истину. *И форма здесь играет конечно колоссальную роль.*

Установленное здесь положение о громадном практическом значении самой формы для выражения политических идей, по существу, настолько очевидно, что не нуждается в особых доказательствах. Мы сошлемся здесь лишь на некоторые иллюстрации и примеры, которыми в избытке переполнена история классовой борьбы. Как и надо было ожидать, к таким ошибкам особенно предрасположен общественный класс, который по своему производственному положению является промежуточным или переходным. Печальной известностью в этом отношении пользуются крестьянство, мелкобуржуазные городские слои и примыкающие к ним группы. Но конечно, достаточно образцов неудачной формы выражения классовых интересов мы найдем и в других классах исторически сложившегося общества—у крупного землевладения дворянского типа, у буржуазии и даже пролетариата. Напомним несколько таких примеров. Наиболее древним образцом представляется здесь крестьянство, которое на протяжении многих веков пользовалось для выражения своих интересов религиозной и мистической оболочкой. Общеизвестна центральная идея этой мужицкой идеологии, где в качестве программы социального переворота или реформы действует призрак давно погибшего райского блаженства, мессианская мечта о чудотворном спасителе и царстве божием на земле, которое должно наступить при исполнении времен и сроков. Двусмысленность и фантастичность этой формы с ее мистическими провалами и витающей надо всем тайной послужили великолепным материалом для совершенно неслыханного извращения крестьянской социальной программы и, более того, для выработки идеологического орудия, закрепившего собой крепостничество и рабство. Даже революционные идеи религиозного коммунизма оказались по своей форме весьма неудачным боевым средством средневековых мятежников в том отношении, что они с исключительной легкостью давали сектантскую косность и исключительность самодовольства и вырождения. О крайне неудачной форме политических требований и программ у мелкобуржуазных движений нового времени мы достаточно можем прочесть в широко известных трудах Маркса и Энгельса, посвященных истории новых революций. Особенно блестяще избражены Марксом нелепые девизы французской революции 48-го года и бонапартовского переворота

(18 брюмера Людовика-Наполеона) и Энгельсом—идеологическая беспомощность немецкого мещанства. В избытке подобные примеры дает нам и Великая английская революция и наша современность.

Остановимся несколько подробнее на нашем времени. Оно замечательно тем, что извращению и искажению подвергается идеология, построенная, казалось бы, при наиболее совершенных условиях научной подготовки. Мы говорим здесь о революционной идеологии пролетариата, как она сложилась, по словам Ленина, в результате «немецкой философии, английской политической экономии и французского социализма». Как известно, в отличие от религиозных, романтических и метафизических оснований других классовых идеологий, и в том числе идеологии буржуазной, пролетариат создал свое боевое мировоззрение на строго научном основании, так как он принял теорию, построенную на диалектическом материализме, на положительных данных экономической науки и социалистической системе, которая была освобождена от каких бы то ни было следов утопических воззрений. Дальнейшее развитие пролетарской идеологии в своем господствующем течении сохранило этот свой материалистический и научный характер и получило блестящее подтверждение в грандиозном опыте Октябрьской революции. Деятельность Ленина увенчала в том смысле построение Маркса и Энгельса, что она непосредственно связала науку и революционную практику, так что мы можем без преувеличения утверждать, что российская революция была едва ли не первым образцом научно-организованного и целесообразно проведенного социального переворота, какого по размерам не знает история. И что же?—Значительная часть европейского пролетариата под влиянием ряда объективных причин осталась вне этого движения, и к давлению хозяйственного фактора присоединилось удивительное извращение марксистской теории. Догматизм, ревизионизм, бюрократическое самомнение европейских социалистических партий, уже задолго свившие себе гнездо в организации западного пролетариата, распустились пышным цветом сейчас, после горестного раскола единого пролетарского фронта. Теоретические ошибки и методологическая непоследовательность в руках могущественного аппарата партийного чиновничества дали особую форму пролетарской идеологии, которая получила характер «меньшевизма», «социал-демократизма», «социал-реформизма» и т. д. И бороться против этого течения приходится теперь не только посредством непосредственного влияния на экономическую структуру и классовые группировки, но и при помощи развитого аппарата критики и разоблачения, который должен вскрыть самую негодность этой формы пролетарской идеологии.

Такое значение формы для построения идеологии вообще не надо преувеличивать, но в политической идеологии оно необходимо приводит нас, таким образом, к двум основным вопросам марксистской теории. Вспервых, нашей задачей является выяснение несбодимой связи, существующей между содержанием политических идей и наличными интересами борющихся классовых групп. Разрешению этого вопроса посвящено достаточное количество литературы, при чем здесь предшественниками и спутниками марксистов были и некоторые буржуазные ученые. На основе классовой теории стоял в свое время и Лоренц фон-Штейн, который был современником Маркса и в своей истории классовой борьбы во Франции решительно выдвинул в качестве движущей силы истории классовую борьбу. В настоящее время в том или ином виде классовую точку зрения специально в обла-

сти истории политических учений поддерживают и Гумплович, и Берольцгеймер, и Р. Шмидт, и другие. Но особенно много здесь сделали конечно марксисты, которые единственно в последовательной и продуманной форме дали картину истории общественных идей. Здесь достаточно упомянуть прежние работы Каутского, недоконченный труд Плеханова, работы Меринга и других. Первый поставленный нами вопрос таким образом и разрабатывался и сейчас разрабатывается с большим успехом. Не так дело обстоит со второй проблемой—о связи между материальными предпосылками и формой идеологического воззрения. Здесь мы почти не имеем литературы, и приходится поэтому ставить вопрос наново и во всей полноте.

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ

Идеалистическая наука в этом отношении была в гораздо более удобном и легком положении. Там *предполагалось, что сознание определяет действительность*, а следовательно, история политических идей является определяющим началом для истории государственной жизни. Поэтому форма политического сознания получала независимый от жизни характер и подлежала определению лишь из самой себя. А так как политическое мышление есть лишь один из процессов нашего мышления вообще, то отсюда делался очень простой вывод: форма выражения политических идей определяется не чем иным, как законами человеческого мышления вообще, и стоило проследить развитие индивидуального разума и формы его деятельности для того, чтобы этим самым установить и для человечества форму его коллективного мышления, а с тем вместе и формы политических идей. Так поступали мыслители идеалистического лагеря, когда им нужно было отметить историческую смену одних форм политической мысли другими и сообразно с этим построить периодизацию политической мысли вообще. И так как история человечества дает некоторые типичные формы общественного сознания, в известной степени совпадающие с развитием индивидуального разума, то вывод подсказывается самым этим сопоставлением: подобно тому как отдельное существо переживает переходы от мистики и религиозного сознания к другим формам мышления, пока, наконец, оно не доходит до приемов и методов рационального и положительного познания мира, точно так же и человечество, начиная от дикарства и кончая современностью, переживает различные фазы общественного сознания, начиная с первобытных религий и кончая современной научной теорией.

Подобные историософские построения мы встречаем не раз. Основной их метод *безусловно ошибочен*. Выводы их в большинстве случаев или фантастичны или безмерно преувеличены. Однако, и для марксиста знакомство с этими системами необходимо: как обыкновенно это бывает в идеологической сфере, так и здесь за призраками фантазии скрываются некоторые весьма важные фактические данные. И если мы сумеем подойти диалектически к этим построениям, то мы сумеем из недоброкачественной идеалистической руды выплавить несколько драгоценных зерен материалистического познания. Так, уже знакомство с системой итальянского мыслителя Джамбатисто Вико дает нам некоторые весьма интересные указания. Как известно, этот мыслитель пришел к идее вечного повторения некоторых идейных форм. По его теории человечество в состоянии варварства необходимо приходит под влиянием условий дикарской жизни к созданию религиозного мирозерцания. Здесь творится божеский язык и все обще-

ство получает религиозные формы. На первое место выдвигаются учения о божественном происхождении мира и о рождении богов, а всякая новая мысль, новая склонность и перемена строя принимает религиозно-мифологический характер. Вторая эпоха, по учению Вико,—это время героической борьбы и аристократического строя, когда водворяется своего рода социальная поэзия, жизнь принимает форму героического представления, а все действия и самый язык усваивают характер особой торжественной и церемониальной символики. Под этой в известном роде поэтической формой водворяется суровый военный строй со строгой дисциплиной и завоевательной политикой. В третий период, наконец, является господство человеческой мысли и человеческого строя, при чем здесь его основой становится горд с присущим ему демократическим и правовым порядком. Таким образом, век богов с его мифологией и культом и век героев с рыцарской символикой и поэзией романтизма сменяются, наконец, веком человеческим, где вместе с развитием торговли и промыслов устанавливается политическая жизнь и философия. Каждый из этих порядков несет в себе семена разложения, которые и заставляют героев аристократов свергнуть божественную монархию и в свою очередь уступить место городской демократии. Но и последняя не представляет исключения из общего закона, богатство приводит к восстанию нищих, а с господством последних водворяется эпоха первоначального варварства, и колесо истории приходит к своему исходному пункту. Так в непрерывной смене идет *век божеский, век героический и человеческий*, после чего развитие начинается сначала. Теория Вико совершенно не оправдывается фактами. Но в ее построении есть один любопытный момент, который заслуживает нашего внимания и проверки. Во-первых, здесь весьма любопытно установление именно трех типичных форм социальной мысли с присущими ей, будто бы, отдельными формами. Во-вторых, не менее интересно указание на то, что различные формы идеологического языка связываются с преобладанием известных исторических условий и господствующего в этих рамках общественного строя: в первом периоде—жрецов, во втором—воинов и в третьем—промышленников и торговцев. Сопоставление этих двух пунктов дает нам уже *намек на различный язык и формы сознания отдельных профессиональных и классовых групп*.

Если мы сопоставим теперь с теорией Вико те построения, которые были даны Огюстом Контом, то и здесь мы заметим под идеалистической оболочкой некоторые реальные факты и построенные на них обобщения. И в самом деле, Конт рисует нам опять три формы развития человеческой мысли. Это—*богословская, метафизическая и положительная или позитивная*. Первую связывает Конт с периодом европейского варварства, а в частности средневековья, когда, как известно, господствовала католическая церковь с ее религиозным мирозерцанием. Второй период характеризует собой эпоху реформации и возрождения вплоть до начала новейшей истории с ее развитием положительной науки, промышленности и торговли. Здесь место прежней религиозной мысли занял метод метафизического созерцания, при чем олицетворение фетишей и богов сменялось различными философскими сущностями и отвлечениями. Это мир формального, юридического и математического мышления, наложившего свою печать и на физику, и на право, и на философию. Подобно Вико, и Конт не может удержаться в рамках идеалистических построений и не только сопоставляет эти формы мышления с определенными историческими условиями

натурального средневекового хозяйства, торгового капитала и промышленно-капиталистического развития, но и часто оговаривается в том смысле, что не идеи управляют материальным развитием, но, наоборот, слишком часто хозяйственные условия и связанные с ними интересы налагают свою тяжелую руку на развитие самых высших и чистых идей. Пример Конта дает нам также некоторые полезные выводы: и здесь мы видим попытку наметить своего рода *типологию форм общественной мысли*, и здесь эти формы как-то связываются, хотя и в обратном порядке, с *хозяйственной и политической действительностью*.

Учение Гегеля, величайшего идеалиста и вместе предшественника крупнейшей материалистической системы, выводит нас еще дальше в широкий мир сближения действительности и идей, реального развития истории и хода общественного сознания, включая в его состав и политическую идеологию. Как известно, Гегель различает в истории четыре эпохи ее развития, связанные с превращениями абсолютного духа, который в целях раскрытия своей сущности и познания самого себя воплощается в различные, сменяющие друг друга ступени культуры. Первую ступень образует культура восточного мира. Здесь господствует общая субстанция—внешний мир, который целиком поглощает личность. Свобода принадлежит здесь лишь одному царю или деспоту, все остальное находится в порабощении. Этот восточный мир, исполнив свое предназначение, погибает, чтобы дать возможность развитию следующей ступени. В противоположность об'ективному началу Востока, здесь, в Элладу, пробуждается сознание свободы во образе «прекрасной личности», эстетически связанной и эстетически свободной. Это—юношество духа, на Востоке пережившего свое детство. Юношескую гармонию Эллады с ее незрелостью и недозрелостью сменяет Рим. Тут резко противопоставлены общее и частное, всемирное государство и личные интересы, аристократия и демократия. В результате гибнет и эта раздвоившаяся культура, а личность, дошедшая до крайнего самоуглубления, находит свое тождество с божеством и примиряется сама с собой в христианстве. На смену погибшему Риму возникает наконец германский мир, где примирение личности и божества входит в об'ективную среду церкви и государства, где в конце концов наступает царство последней гармонии, представляющее собой высшее сознание свободы, а вместе с тем сущности абсолютного духа, дающего высшую сферу самопознания в науке, искусстве и религии. Государство во всемирной истории, следуя общей смене диалектически противоположных культур, является действительностью нравственной идеи, которая дает выражение единства разрозненных и борющихся друг с другом общественных элементов. В отличие от Вико и Конта, Гегель избегает резкого противопоставления отдельных периодов развития по формам общественного сознания и *стремится связать формы сознания с той или иной исторической средой*. Противоположность замкнутых идеологических систем у него дает живой процесс идейного творчества, и здесь уже открывается возможность сопоставить отдельные *формы идеологической конструкции с той действительностью, которая на самом деле их порождает*.

Если мы теперь попробуем подойти к социально-философским построениям трех указанных нами важнейших систем и оценке их при помощи исторического материала, мы сможем использовать их для наших целей. Прежде всего, сопоставление божественной эпохи Вико с теологическим периодом Конта и обожествлением природы у Гегеля указывает на до-

вольно правильную мысль о *религиозном характере всей древнейшей культуры*. По существу, в таком открытии даже нет никакой особенной заслуги, и мы можем без труда согласиться с тем в настоящее время общепринятым фактом, что религия является одной из древнейших и важнейших форм общественного сознания, так что даже политическая идеология древности в подавляющем большинстве случаев выражается именно в религиозной форме. К сожалению, однако, ни один из этих крупных мыслителей не ставит вопроса о том, почему впоследствии, когда явились, по их признанию, новые формы общественного сознания, религия тем не менее осталась одной из важнейших форм, между прочим, и политического сознания. Этот вопрос могла разрешить лишь теория исторического материализма, которая вскрыла классовые корни религии и этим самым об'яснила одну из важнейших причин необходимых связей между формами религиозного сознания и классовым обществом.

Относительно других форм политического сознания и соответственной идеологии мы не можем найти такого же единодушия у приведенных нами писателей. Как мы видели выше, Вико указывает на особую форму сознания в виде своеобразной «социальной поэтики», при помощи которой общественная, а в частности политическая идеология принимает характер какого-то эстетического, поэтического и символического построения. Конт такой формы не различает и сразу от религии переходит к метафизике. Напротив, у Гегеля мы находим нечто сходное с Вико, так как, характеризуя Элладу, он подчеркивает здесь эстетические формы сознания. Как известно, и Вико отметил свои образы социальной эстетики на истории Рима, а в частности в развитии древне-римского средневековья, чрезвычайно похожего во многих пунктах на последующее европейское средневековье. Простое сопоставление культуры средних веков с ее героическим романтизмом рыцарской идеологии, так же, как аналогия между культурой арабского и японского феодализма, подтверждают правильность мысли Вико о том, что действительно, как показывает эпоха феодализма в самых различных странах и у различных народов, феодальному обществу свойственно романтико-эстетическое мировоззрение, оставившее после себя крупные памятники социальной иерархии, корпоративной дисциплины и широко развитой символики как художественного, так и геральдического типа. Общеизвестен культ эротической поэзии, который сопровождал собой чудовищные преувеличения эпоса героических подвигов и волшебных приключений. Характерно, что тем же самым духом романтики и героической и любовной эстетики одинаково запечатлены самые различные культуры феодального типа. Однако это нисколько не исключает того факта, что то же феодальное средневековье, как показал Эйкен, было пропитано в достаточной степени и религиозно-мистическим сознанием. Отметим, что такое соединение мистики и романтики является довольно обычным во всевозможных феодальных культурах. Можно поэтому считать установленной гипотезу, что, действительно, пользование романтико-эстетическим методом сознания присуще феодальным обществам, поскольку господствующий класс феодального, а затем и вотчинного земледельческого общества, придает своеобразный характер всему мировоззрению и быту своей эпохи.

Человеческое мышление Вико и метафизическая эпоха Конта в значительной степени совпадают друг с другом. Это есть признание той общеизвестной истины, что *рациональное мышление, бывшее результатом городского хозяйства, денежного рынка и торгового оборота*, действительно

является сопутствующим признаком новой эпохи. Но здесь Вико в одном отношении более прав, чем Конт. Ибо он приписывает господство человеческого или, что то же, рационального мышления отнюдь не одной эпохе нового времени, когда мы встречаем расцвет торгового и промышленного капитала. Вико прав в том отношении, что где бы мы ни встретили город, рынок и денежный обмен, везде в этих случаях неизбежен переход и к рациональному мышлению. Это последнее в свою очередь имеет различные формы сообразно развитию капиталистического хозяйства, и две из них Контотом указаны достаточно верно. Это—начальная стадия рационализма, которая дает философию, а с нею вместе развитие метафизики, и вторая, связанная с расцветом промышленного капитала, которую Конт считает завершением рационального мышления вообще и называет веком полужителной мысли. Конт сделал только одну ошибку. Он не предвидел победы пролетариата и появления социалистически построенного хозяйства, вышедшего далеко из пределов старой положительной науки и давшего развитие новому диалектическому методу. Как известно, в своей картине будущего общества Конт поднялся лишь до картины классового государства, где вся власть принадлежит промышленникам и банкирам, интеллигенция превращена в особую церковь положительной науки, а физический труд целиком возложен на плечи многомиллионного пролетариата. Эта картина была в свое время утопией, в настоящее время она жестоко устарела.

Весьма соблазнительной представляется мысль о приурочении различных типов общественной мысли и ее методов к отдельным классовым единицам. Автор настоящих строк в свое время сделал опыт такого сближения, при чем исторически без особенной натяжки получилась весьма законченная схема. В ее конструкции религиозно-мистический метод общественного сознания оказывался естественным и необходимым методом представления крестьянских масс на протяжении многих веков и в рамках отсталого крестьянского хозяйства. Точно так же романтико-эстетический или формальный метод мышления без всякой натяжки укладывался в классевые рамки крупного землевладения феодального и крепостнического типа. Рациональное мышление в свою очередь представлялось как специальный метод буржуазии и пролетариата, выросших на почве товарно-капиталистического производства. Однако тогда же пришлось сделать очень серьезные оговорки, так как сама очевидность показывает нам, что ни мистика, ни эстетика, ни рациональное мышление отнюдь не ограничиваются не только какой-нибудь одной эпохой, но и одной классовой группой. И хотя в разной степени и в разных формах, но в известные моменты буржуазный рационалист становится самым жалким мистиком, пролетарий заражается романтикой, а крестьянин практикует наряду с мистическими методами и весьма рациональный расчет (М. А. Рейснер, Государство, изд. 1-е, часть I, 1911 г., Москва, стр. 73—108—Идеология и общественно-групповая психика). Дальнейшее развитие этого вопроса относится уже не сюда, а к области социальной психологии, куда мы и отсылаем наших читателей (новейшим опытом в этой области является книга М. А. Рейснера—«Проблемы социальной психологии», Ростов, 1925). Некоторую проверку положений о связи классового сознания и различных типов мышления мы найдем конечно и в последующем изложении нашего курса при изучении истории политических идей различных классов и на основе столь же различных форм хозяйственной жизни.

Пока с нас совершенно достаточно того, что мы имеем исторически выявленные различные способы представления, которые, само собой, имеют весьма разную познавательную ценность и, следовательно, играют большую роль при построении идеологий вообще и политических—в частности.

ТЕОРИЯ ОШИБОК

Благодаря таким данным может быть построена теория идеологических ошибок или намечены, по крайней мере, ее основные черты. Само собой разумеется, что там, где мы имеем мистико-религиозный метод производства идей, там мы встречаемся с чрезвычайным господством случайности в деле отражения окружающего мира в человеческом мозгу. И так как здесь господствуют бессознательная догадка и столь же бессознательное внушение, подражание и привычка, а самое закрепление опыта происходит при помощи мистического символа, мифа и обряда, то в результате возможна чрезвычайно удачная догадка в такой же степени, как величайшее заблуждение. Вместе с тем, как известно, мистика обладает величайшим даром коsnости и извращения и осбенной способностью отрыва от действительности. Нельзя сказать, чтобы всегда и везде мистический метод познания непременно влек за собой губительные последствия. При известных хозяйственных условиях, когда само производство лишено возможности накопления и работает при помощи чрезвычайно жалких орудий труда, то само собой понятно, что выросшая на этой основе классовая надстройка может с большим удобством организовать эксплуатацию и угнетение как раз при помощи всевозможного религиозного аппарата с его наперед установленной тайной, постоянным нарушением всякой социальной закономерности, в виде чуда, и использованием не только одного мира действительности, но и призрачной области потустороннего царства. Плоха принципиально только та идеология, которая не отвечает классовым запросам и данным производственным отношениям. Относительно хороша даже мистика, раз она удовлетворяет потребностям данного хозяйства. Но, конечно, говоря технически и сравнительно мистический метод восприятия с рациональными в его высших формах, мы не можем не признать, что с познавательной стороны мистика представляет собой наихудший метод мышления вообще и социального в частности. *Гарантия от ошибок и самых диких заблуждений здесь минимальна.*

Принимая романтико-эстетическое сознание и построенную при его помощи идеологию как один из типических способов политической мысли вообще, мы и здесь можем произвести соответствующую оценку. И этот метод хорош там, где его требуют условия производства и соотношения классов. Несомненно, романтико-эстетическое мышление отвечало глубочайшим запросам средневекового хозяйства и построенного на этом основании общества. Было бы смешно критиковать сейчас средневековую мысль с нашей современной точки зрения и поучать давно исчезнувшие поколения тому, как следовало бы мыслить для того, чтобы избежать наделанных ими глупостей. Не менее нелепо было бы выяснять всю ненаучность революционной романтики XVII и XVIII веков, которая в достаточной степени помогла тогдашней буржуазии не только поднять массы, но ослепить их, а иногда прямо обмануть. Что делать?.. Романтика должна была выполнить свою историческую роль. Это одинаково имеет значение и для нашего времени. Российский пролетариат, совершивший великую революцию,—первый шаг мирового переворота,—отнюдь не довольствовался одной строго-холодной

теорией в своем могучем восстании. Мы—современники и свидетели того, как в революционном движении России пролетариат создавал героическую идеологию брѣбы, проникнутую в громадной степени образами эмоционального возбуждения и творческой фантазии. И если такой идеологии масс была присуща значительная доля утопически работающей фантазии, то это не только не помешало силе под'ема, но наоборот, было точным выражением стремления к грядущему коммунистическому обществу, которое в пламени революционного энтузиазма представлялось гораздо более ярким и близким, нежели это было на самом деле. Важно то, что подобная художественная идеология, окрашенная цветами так называемого «практического идеализма», отнюдь не помешала общей научной основе пролетарского классового сознания. И когда нужно было, диалектически построенная наука дала возможность устранить все или по крайней мере большинство искажающих действительность стекол и точно соразмерить активную политику с реальной исторической средой. Однако такая связь между формальным мировоззрением и классовым запросом нисколько не мешала нам подвергнуть изложенное критике со стороны адекватности и точности отражения, так же, как точности и совершенству закрепления этой формы идеологического творчества. Формально-эстетическое мышление и его методы, взятые состороны их технического совершенства, не могут быть признаны удовлетворительными по сравнению с рациональным и в особенности с диалектическим мышлением. Лишь последняя форма мышления может организовать и использовать не только лежащую в основе мистики интуицию, но и эстетику в ее различных видах.

Рационально построенная идеология в свою очередь дает нам исторически различные виды и формы. Уже Конт отметил «метафизический период» сознательно и теоретически мыслящего разума. Мы можем принять без натяжки и второй тип рационального мышления, который словами Конта можно обозначить как время господства «положительного метода». Это приблизительно совпадает с двумя этапами развития естествознания и связанных с ним наук. Как известно, первый период дал не только ряд крупных открытий в области естественных наук, в математике и астрономии, но и безмерное увлечение естественно-научным методом в кругу наук общественных. Последнее не могло обойтись без метафизики и прямо фантастических измышлений, поскольку оно пыталось без надлежащих фактов сразу перекинуть мост к общественному и политике и найти таким путем единый общий закон всего сущего. Второй период—положительной науки—дает известную всем нам картину развития естественных наук в связи с громадными успехами в области производства. Усовершенствованная техника толкает так называемую «чистую» науку и в свою очередь является ее завершением. Сменившая положительный метод диалектическая мысль пролетариата стоит по существу на том же положительном основании факта, как и позитивная наука буржуазии. Но в одном отношении она делает громадный шаг вперед—сохраняя все принципы рационального мышления, она в то же время идет диалектическим путем от единичного ко всеобщему и таким образом выполняет задачу, которую тщетно пыталась разрешить первоначальная метафизика буржуазии. Пролетариат здесь является лишь наследником прodelанной до него колоссальной работы и уже в значительно большей степени, нежели так называемая положительная наука, боится себя от ошибок и заблуждений формальной логики и ее, как раньше верили, непогрешимого силлогизма.

Пример буржуазной мысли показывает нам, что и рациональный метод не дает никакой окончательной страховки от идеологических извращений. Само собой разумеется, что *одно овладение методом не дает и диалектике свойств непогрешимости*. Но условия реального существования пролетариата таковы, что ему прежде всего нужно точное и верное отражение картины мира и лишь временами и при некоторых условиях требуется помощь рискованных идеологических построений даже при помощи мистики или эстетики и тому подобно. Диалектика даст истину лишь тогда, когда этого потребуют производственные условия хозяйства. Но, конечно, соотносительно и с технической точки зрения—*диалектический метод познания является наиболее совершенным из всех, какие мы только знаем*. В настоящее время он в *наибольшей степени обеспечивает человеку свойственное последнему правильное отражение действительности*.

ПРАКТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ

Если мы теперь обратимся специально к области политических идеологий, то мы здесь должны отметить и особую *причину возможных заблуждений, свойственную специально этому виду мышления*. Дело в том, что политическая мысль относится по преимуществу к тому виду мышления, который в свое время позитивная философия относала к разряду наук *практических или прикладных*, в отличие от наук чистых или теоретических. Такое резкое разграничение не выдерживает критики уже потому, что, как доказала современная научная психология, акт мысли нельзя оторвать от целостной реакции человека на внешний мир и отрезать как нечто самодовлеющее от работы чувств и обнаружения воли. По существу каждая мысль неразлучна с действием, точно так же, как и с возбуждающим ее чувством. С этой стороны каждая теория в большей или меньшей степени практична, т. е. отвечает на запросы внешнего мира, а в том числе производственной деятельности, и дает в свою очередь данные для организации этого самого производства как особого вида коллективного приспособления общественного человека. Ибо последний есть общественное животное, отличающееся от других громадным развитием производственной деятельности и таким культурным аппаратом, который заключает в себе средства общественной организации производства. Но конечно, если все мысли человека так или иначе связаны с практическим воздействием на окружающий мир—на людей и на материальную природу,—то можно и должно различать те области мысли, которые отличаются более практическим характером от тех, которые по заданиям той же практики по возможности беспристрастно, трезво, точно и объективно устанавливают наличность того или иного факта. И если нельзя разделять науки на чистые и прикладные, то не только возможно, но прямо должно различать те из них, которые по преимуществу склоняются к идеологическим построениям, к техническим конструкциям или к оценочным суждениям, от других, которые своей основной целью ставят констатирование, изучение, обобщение и причинное объяснение фактов, как они происходят в окружающем нас мире.

Политическая мысль есть мысль по преимуществу практическая. Она исходит из определенной и притом активной реакции на внешний мир. Ее обычная схема такова, что, устанавливая определенную фактическую сторону, она ее оценивает положительно или отрицательно с точки зрения

определенных интересов, в основе своей интересов классовых. Таким образом устанавливается положительное или отрицательное отношение к действительности. Отсюда характеристика политических направлений в качестве *консервативных*, или стремящихся к сохранению существующих порядков. Нечего говорить, что, так как эти «существующие порядки» за ничтожными исключениями установлены в пользу господствующих, т. е. имущих классов, то и консерватизм становится по преимуществу знаменем их политических партий. Это, конечно, правило не без исключений. Во-первых, в тех редких случаях, когда власть переходит в руки народных масс, то последние оценивают положительно свой порядок и в этом смысле становятся консервативными: так может произойти консервация самой революции против контрреволюции, или обращения вспять. Во-вторых, имущие классы, потерявшие господство, снабжают положительной оценкой свое счастливое прошлое и таким образом, пытаясь восстановить потерянный рай, становятся на путь *возврата или реакции*. Наконец, такой консервативный или даже реакционный знак оценки может прикрывать собой по существу идеал будущего, который противопоставляется горькому настоящему. Но во всех таких случаях мы имеем все ту же оценку, которая может выразиться и в форме определенно отрицательной. Тогда мы становимся на путь *революционного или радикального отрицания*, присущего или восстанию или во всяком случае резкой оппозиции против существующего порядка. В зависимости от того, поскольку радикально такое отрицание, является мысль об устранении отрицательных сторон наряду с большим или меньшим сохранением сторон положительных. Так происходит переход к *реформизму*, дающему самые различные оттенки. Он может быть почти консервативным и весьма умеренным, он может быть *либеральным*, стремящимся к постепенному уничтожению тех или иных отрицательных сторон путем постепенного улучшения положительных. Он может быть *радикальным* в чистом смысле слова, но с сохранением общих начал существующего порядка, наконец, мировоззрение может стать *революционным* в истинном смысле слова, когда ставится вопрос о полном устранении этих самых порядков. Подсбные отрицательные суждения, само собой, являются достоянием угнетенных классов, стремящихся либо к дележу власти с господствующими классами, либо к занятию целиком их позиции. В этих ролях выступали неоднократно представители городского капитала, крестьянства и подневольного труда. Поскольку отрицание существующего смотрит вперед, оно может быть связанным с разными формами грядущего идеала вплоть до *социализма*. Но само собой разумеется, что и реакция может обладать достаточно резким характером, и в этом смысле становится и радикальной и контрреволюционной.

Различное отношение к существующему вызывает и различные конструкции того желательного порядка, который противопоставляется существующему или который представляется воплощением в это существующее. Отсюда построение *идеализации*, которая должна убедить в превосходнейших свойствах данного строя, или построение политического плана или идеальной формы, которая противопоставляется существующему. От идеализации к наиболее отдаленному ст действительности *построению идеала* идет целый длинный ряд, который допускает опять-таки всевозможные оттенки. Смотри по потребностям политического момента, определяемым интересами господствующего класса, идеализация может быть весьма умеренной и в более или менее многих пунктах совпадать с действительностью. Так обык-

новенно бывает в тех случаях, когда господствующий класс держится на реальных основах устойчивой экономики и рассчитывает на известное совпадение своих интересов с интересами масс. Расхождение этих интересов вместе с повышением оппозиции приводит на противоположной стороне к постепенному усилению идеализации, которая в конце концов может достигнуть чудовищных размеров и совершенно оторваться от всякой реальной почвы. Подобный же процесс мы можем наблюдать и при построении планов лучшего будущего или идеальных порядков. Поскольку оппозиция или революция обладает реальной силой в рамках определенного хозяйственного уклада, она обычно стоит на почве реальных фактов. Так же трезвы, хотя, быть может, весьма радикальны, ее цели и конечный идеал. Наоборот, отсутствие материальной основы у оппозиционного или революционного класса бросает его необходимо на путь фантастики и *утопии*, заключающейся в том, что она строится на основе одного желания, но в своем плане заключает несбыточные мечты и опять-таки идеализацию на деле не существующих сил. На путь такой утопии могут стать самые различные классы в своей политической борьбе. К утопическим построениям прибегли аристократы древности, лишённые власти городским капиталом. Так строится реакционная утопия. На этом же пути находится изгнанный из Советской России класс крупной землевладения. К утопии могут обращаться и представители торгового, промышленного или финансового капитала, когда они при крушении своего господства ищут спасения в каких-нибудь империалистских грезах. За утопию хватается крестьянин в борьбе против старого крепостничества, утопичным становится социализм, когда он или идеализирует добродетельность фабриканта или мечтает о внезапном наступлении совершенного коммунизма.

Как очевидно, во всех подобных случаях мы встречаемся с известной сработкой действительности, которая или преобразуется или прямо заменяется чем-то желаемым. Во всех подобных построениях, совершенно так же, как в любом техническом плане, цели и средства как *построение телеологическое* противопоставляются другому методу—трезвому, об'ективному и точному познанию действительности, т. е., другими словами, методу теоретического познания, которое бы мы назвали *онтологическим*. Эта противоположность есть основной и коренной пункт каждого политического построения. Противоположность, можно сказать, обладающая трагическим характером. И если всякая мысль стремится перейти в дело, а сама мысль порождена не чем другим, как материальной средой и вытекающим из нее делом, то совершенно ясно, что столкновение интереса и факта, желаемого и возможного, грядущего и настоящего, есть пункт чрезвычайной и решающей важности. И если политик под влиянием интересов своего класса теряет способность холодно, трезво и отчетливо видеть действительность, точно устанавливать не только благоприятные, но и все неблагоприятные моменты реальной обстановки, если он искажает факты, идеализирует их, строит утопию и для несбыточных целей прибегает к несуществующим средствам, то совершенно ясно, что он окажется в мире фантастики, обмана и полного бессилия. Но, с другой стороны, власть реальности не должна парализовать волю. С холодным умом необходимо сочетать горячее сердце. Без великой веры нет и не было великого политика. Сочетание желаемого и существующего должно произойти в расчете на грядущее. Оно должно быть достаточно близко политическому деятелю и должно, подобно маяку, освещать его путь. *Телеология должна быть*

целиком основана на онтологии. Но она не может быть заменена последней. Это два совершенно различных метода, которые лишь в своем диалектическом сочетании могут дать принципы той механики поведения человеческих масс и классовой борьбы, которая именуется политикой. Цели весьма редко могут быть признаны целиком совпадающими с наличной реальностью, а следовательно, всегда имеют в себе элемент и желаемого, и лишь предвидимого. Наличные средства влекут за собой процесс появления новых средств и новых возможностей. Общественная жизнь не стоит, а движется.

Единственным примирителем между телеологическим сочетанием целей и средств, с одной стороны, и причин и следствий—с другой, является самая диалектика жизни, вечное *развитие общества от одних форм к другим*. То, что представляется утопией для настоящего момента, может стать не только возможным, но и необходимым в ближайшем будущем. Противоречие между интересом и фактом разрешается в непрерывной смене хозяйственных форм, и в частности, форм производства. На них надстраивается все остальное и изменяется вместе с ними. И если даже социальное познание не дает вплоть до появления исторического материализма твердой схемы социальной закономерности, то во всяком случае каждый политик, лишь установив так или иначе ход социального развития, может окончательно решить вопрос о сочетании должного и сущего в процессе необходимого. На этом основана и тактика и стратегия политической борьбы. Здесь на помощь приходит, таким образом, своего рода «философия истории», которая и решает, где долженствовало общественное может и должно совпасть с необходимостью. При помощи этого метода нахождения *долженствования* определяется и непосредственное действие в политической среде. Такое *долженствование* необходимо, так как именно в нем лежит основа технической мотивации в общественном действии. При помощи должного политик, установивший цели и пути к достижению, активно определяет волю тех масс, среди которых он руководит социальной борьбой. Когда намечен план сражения, отдается приказ к выступлению и осуществляется принятая диспозиция. При помощи *долженствования* и революционного приказа бросаются массы на баррикады. При помощи вelenия и *долженствования* ведутся им навстречу защитники существующего. Всякая обязанность и подчинение держатся *долженствованием*. Оно формулируется в наставлении и приказе, в декларации и манифесте, в законе и обычае, в распоряжении и судебном приговоре, в нравственной заповеди и религиозном вelenии, в партийном лозунге, в научно-технической формуле. И опять-таки это *долженствование* встречается с другим, которое по существу есть простая необходимость. Для того, чтобы первое было осуществлено, оно должно опереться на второе, иначе оно останется висеть в воздухе, станет бессильным и невыполнимым. *Лишь то *долженствование* становится действительностью, которое есть предвидение реального процесса и общественного развития.* Поэтому в политике всегда в основе учения о должном, или *деонтологий*, лежит схема общего процесса исторической жизни. Будет ли это идея круговращения и постоянного возврата к исходной точке, будет ли то теория вырождения, постепенного извращения и падения, т. е. теория регресса, либо, наконец, будет провозглашено учение постоянного и необходимого усложнения, обогащения и улучшения, т. е. прогресса,—для дела безразлично. Без такой теории нет возможности создать постепенную цепь политических целей соответственной диалектикой друг друга сменяющихся средств.

Так, в отличие от политики окостенелого мира, мы переходим к тактике и стратегии постоянно изменяющихся и движущихся сил. Древний мир, в полном согласии со своим экстенсивным хозяйством, устойчивостью экономических форм и слабостью накопления, вполне естественно построил и мир, как нечто недвижимое, твердое и постоянное. Его политика поэтому была похожа на архитектурное строительство, где в результате должно появиться здание, предназначенное для пребывания во веки веков. Картины тяжелых кризисов, которые все же отделили под влиянием стихийных экономических процессов отдельные формы хозяйства—феодализма, городского рынка, международного общения рабовладельческих государств и средневекового крепостничества, нарушили устойчивость древнего мира. Явилось учение о гибели, вырождении, развале—и политик стал строить свои пути, как дорогу на скате, где надо было или удержать это сползание вниз какими-то особыми приспособлениями или облегчить скат в долину вплоть до воскрешения давно забытых прекрасных времен. Капиталистическое общество принесло с собой теории прогресса. И политик повернул все свои взоры к будущему, которое казалось так легко достижимым, стоит лишь уловить направление, темп и силу неустанного потока, идущего вперед по пути постепенного и необходимого совершенства. Сообразно такому переходу от неподвижности к движению и деонтология меняла свои формы. Неподвижный абсолютный закон постепенно уступал место условным и гибким правилам. Неприкосновенность раз установленного вelenия сменялась известной свободой инициативы и выбора. Противоречие между человеческим *долженствованием* и естественной необходимостью стало сглаживаться в приспособлении к живой действительности в ее более широких течениях и даже эмпирических моментах. Абсолютное *долженствование* религии нашло себе преемника в более гибком нравственном вelenии. Суровое предписание права с его справедливостью было отгеснено правилом политической целесообразности. *По мере сокращения расстояний между должным и необходимым сама деонтология подвергалась захирению* с тем, чтобы на своей могиле открыть пути диалектически понятой материальной и социальной необходимости. Недалеко, может быть, то время, когда сама телеология станет техникой, когда деонтология станет воспоминанием и человеческим обществом будет руководить диалектически построенная социология, как дополнение и развитие—в количестве и качестве—общего цикла наук о материи в ее различнейших проявлениях...

ПОЛИТИКА И РЕЛИГИЯ

Но пока что в классовом государстве мы стоим на точке зрения далеко не совершенных методов. Нам до сих пор приходится иметь дело с идеологией, которая не только включает в себя деонтологические и телеологические элементы, но не свободна от реакционности и утопии, от идеализации и фантастики, от жестокого противоречия действительности, а с тем вместе тяжелых ошибок, горьких разочарований и форменного торможения естественно развивающегося социального процесса. Более того, за небольшим исключением известных классовых групп и соответственных течений громадное большинство мира лежит под гнетом устарелых, глубоко-запоздавших и ложных идеологий, которые лишь с трудом сменяются растущим приливом экономического развития. За Европой, которая по установившемся воззрению является совместно с островами европейской культуры тем

в других странах как бы приютом рациональной мысли, позитивной науки и сознательной политики, лежит громадный мир цветных материков, где донныне царствует многовековая и порою тысячелетняя тескратия. Что мы говорим?—В самой Европе донныне к *политике примешивается богословие*, а судьбами народов так или иначе руководит грандиозная организация всевозможных религиозных церквей, обществ, сект и т. д. Приспособившееся к новым условиям христианство ставит непосредственно под знамение креста банки и колонии, политические партии и парламентарные правительства. Обостряющаяся борьба между трудом и капиталом только повысила спрос на давно, казалось бы, умершие идеи, и борьба атеизма с религией стала политическим вопросом дня. И это в то время, когда в особенности на Востоке новому освобождающему движению пришлось встретиться с идеями халифата и махдизма, с борьбой между исламом и индуизмом, с возрождением буддизма, которому пришли на помощь новые силы, увь, из просвещеннейшей Европы. И настолько почувствовали себя родственными западное христианство и восточная религия Будды, что новое течение нео-буддизма пытается объединить во всемирном братстве смирения, терпения и любви тибетских лам, цейлонских бикку (монахов), английских теософов и германских последователей Готамы. Такие связи для Запада особенно облегчаются тем, что западно-европейская наука уже давно работает над выяснением и оценкой религиозной мысли и Ближнего и Дальнего Востока. Нам в нашей восточной политике, в борьбе за национальное освобождение народов Азии приходится много сталкиваться с препятствиями религиозно-политического характера. Но, к сожалению, у нас в этой области сделано до крайности мало, и мы даже как следует не освещены о религиозных системах Востока. И еще в меньшей степени у нас произведена оценка той социологии и политики, которая заключается в новых и в древних религиозных построениях Азии.

Изучение этих идеологических систем представляет громадный и теоретический и практический интерес. Остановимся на стороне чисто-научной. Здесь в свою очередь нам представляются две основных точки зрения—первая определяется содержанием этих идеологий, вторая—их формой. Остановимся сначала на первой. Как известно, древний мир, а в значительной степени и современный Восток, все свои основные ценности выражает не в светских научных, нравственных или политических воззрениях, но почти исключительно в виде крупных религиозных систем. Таким образом, если мы желаем знакомиться с экономикой, классовым строем и политикой этих стран, то мы неизбежно должны обратиться к этим крупным религиям. Система хозяйства древнего Египта в такой же степени связана с религиозными заповедями и верой, в какой хозяйство современных мусульманских стран, индийского брахманизма или буддийского Дальнего Востока. Еще в большей мере религиозная догма огрзила и закрепила при помощи своих положений социальную структуру стран Востока. И если древне-египетские сословия отошли в область предания так же, как какое-нибудь социальное расслоение древних хетгов, то индийские касты уцелели до нашего времени и, по свидетельству новых исследователей, представляют не малое препятствие к переходу в состав фабричного пролетариата жителей деревни, до сих пор разбитой на части десятками кастовых перегородок. Смешно сказать, но донныне в известной своей части живут и действуют законы Ману (Манав-Дарма-Шастра), которые в свое время явились реакцией на буддийскую попытку известной, хотя бы духовной нивелли-

ровки различных каст. Не говорим уже здесь о положении различных профессиональных групп, часть которых может похвастаться не только вековым существованием, но в известном смысле прямо бессмертием. Когда знакомимся с идеологией древне-египетского бюрократа-писца, этого правящего интеллигента закрепощенного общества, то прямо поражает неизменность его воззрений, которые с равным успехом господствуют и теперь, если только хоть на минуту воскресает монополярная власть интеллигента-специалиста. Бюрократия, опираясь на данные древнего Востока, может праздновать воистину свой многократно-тысячелетний юбилей. Столь же бессмертными оказались и члены великой армии поповства: жрец древнего Египта подает здесь руку вавилонскому магу. Иудейский священник становится в один ряд с мусульманским муллой, брахман находит полное свое повторение в буддийском ламе, а последний в свою очередь ничем не отличается, ни в теории, ни в практике, от своего римско-католического или православного собрата. Лишь благодаря изучению источников древнего и нового Востока мы можем понять неизменную структуру этих фабрикантов веры и чудес, богов и демонов, политической власти и классовой эксплуатации. И если религия крепче, чем какая-нибудь другая идеология, умеет выковать классовое угнетение, формы неизменного божеского порядка, то нигде не раскрываются перед нами с такой потрясающей силой функции жречества, как первых прислужников и участников классового господства.

Мы слишком много увлекаемся в нашей антирелигиозной пропаганде этнологией и этнографией. Конечно, это одна из великих задач—разыскать корни происхождения религий и раскрыть материальные корни некогда рожденного божества. Но я опасуюсь, что мы не уделили достаточно внимания другой стороне изучения религий. Мы до сих пор слишком мало занимались теми религиозными системами, где с неподражаемой наивностью древнего мышления боги непосредственно приурочивались к производству и обмену, являли черты то животворящего Нила, то ежегодного половодья Тигра и Евфрата, то становились символом времен года, то прямо превращались в живых участников хозяйственного процесса. Разве библейский Ягве не был прямым-контрагентом по поднятию мелкого сельского хозяйства своего почитателя? Разве Аллах не перенес в небесные сферы универсальную контору арабской караванной торговли? Разве бог Шамаш не установил основных начал гражданского права, а буддизм не противопоставил нужды городской торговли патриархальному индийскому феодализму? Вот где не только с совершенной прозрачностью, но с какой-то циничной откровенностью *религия обнаруживает свои материалистические корни* и дает ничем не прикрытую символику то земледелия, то животноводства, то, наконец, торговли, с ее коммерческими и кредитными операциями. Мы положительно советуем нашей марксистской молодежи не забывать наравне с бытом дикарей идеологического творчества тех великих культурных наций, которые во многих отношениях опередили им современную Европу, а кое в чем могут поучить нас и сейчас. Исключительный интерес в этой области приобретает для нас идея мессианства и последующего царства божия. Тот, кто хотя бы поверхностно познакомится с памятниками древнего и нового Востока, поймет, что *истинная природа* мессианства с его умирающим и воскресающим богом, с жертвой искупления и последующим блаженством всех тружущихся и обремененных не в космическом мифе, не в непосредственном отражении земледельческих процессов,

но в глубокой социальной трагедии эксплуатируемых классов, всяческой трудовой бедноты.

Правда, не везде мы можем проследить с достаточной точностью этот миф. Иногда, как это было в древнем Египте, мы его находим уже глубоко переработанным в классовом интересе господ. Рай и ад здесь уже организованы жречеством, а официально признанный мессия Озирис становится преобразованием всякого участника последнего блаженства. Под этой оболочкой мы не можем разглядеть его специальных функций в качестве того бога трудящихся, который их искупил своим страданием и ведет к покою, свободе и радости. Но уже у евреев перед нами от начала до конца карьера социального мессии, который носит на себе резкий классовый отпечаток и перед тем, как стать спасителем всего народа, воплощается в фигуре революционных вождей бедняцкой массы золотов. Еще любопытнее появление мессийской идеи в исламе. Здесь мессия, Гуссейн или Али, появляется лишь в тот момент, когда коран купцов был принужден понести свои заповеди массам земледельческого населения. В лице Махди он и в настоящее время пытается играть великую освободительную роль. Еще поучительнее история буддизма. Здесь первоначальная религия аристократов под влиянием классовых запросов городского капитала перерождается в идеологию просвещенного купечества. Но, как только эта религия должна была стать верованием широких народных масс, она немедленно включила в свой состав в учения Махайяны и повесть об искуплении, и ад, и рай, и Будду в виде мессии—Бодисатвы, и даже его японский образ Амитабы, вождя народных масс в так называемую «чистую землю». Таков чистый миф о мессии. Но разве мессийским ореолом не окружает себя обожествленная царская власть в тот момент, когда она простирает свои руки ко всем слабым и обездоленным, хвалится помощью вдовам и сиротам и приписывает себе те великие чудеса, которых пророк Исайя ждал от грядущего сына божия? Осушение болот, орошение безводных пустынь, превращение их в цветущие сады, проведение каналов и постройка плотин, сооружение дорог и, наконец, те или иные меры правовой защиты бедноты, а в частности, ее труда,—разве это не достаточное основание для того, чтобы увенчать себя короной посланника богов и сына божьего, который уничтожает неправду, карает преступление, но в то же самое время подсобно солнцу животворит всех своих смиренных и послушных рабов, отдающих ему с благодарностью и достояние, и свою собственную жизнь? И одинаково на фараонах Египта, на царях Вавилона, халифах Сирии и чекрвартинах Индии горит этот мессийский нимб¹.

Макс Вебер в одном из своих опытов по истории буддизма указывает на тот факт, что эта религия была, между прочим, использована великой индийской империей Ашоки, а вслед за ним монархами северной Индии, Цейлона и другими, в целях, как он выражается, «доместикации», или порусски—*одомашнения или приручения народных масс*. Но подобная задача была присуща всем мировым религиям, и если мы хотим познать их услугу господствующим классам, как она развивалась в истории, то нам никоим образом нельзя ограничиваться одним буддизмом. Напротив того, нет религии сколько-нибудь крупного значения, которая не служила бы в то же самое время вместилищем классовой юстиции и наиболее острого ее

¹ Чекрвартин—друг или спаситель человечества—официальный титул царей Маурийской династии в Пизин.

проявления в божеском уголовном праве. Система наказаний, которая развертывается в качестве, с одной стороны источника, а с другой—дальнейшего развития судебного террора, присуща положительно всем известным нам религиозным системам и в частности достигла пышного расцвета в восточном боговластии. Ад древних египтян, дополненный демонскими силами и мутью богов здесь на земле; чудовищная демонология и соответственные адские мучения, связанные с нарушением божественного запрета—в Вавилоне. Адские ужасы древних иудеев, грозный ад ислама—все это дополняется совершенно исключительным развитием небесного террора и бесконечных мучений в индийской системе, где путем постоянного перерождения или возрождения живых существ все в новом и новом виде они терзаются до тех пор, пока наконец добродетель не сотрет наказания, и смирение не даст возможность рождения среди богов или погурения в нирвану. Ад на земле дополняется адом в потусторонней жизни. И нет тех совершенно, казалось бы, невообразимых мучений, которые с уточненной свирепостью не предназначались бы всем, нарушившим божеский закон земного устройства. Так выясняется один из важнейших моментов социального значения веры. Святая уголовщина не всегда непосредственно связана с формой производства. Такова разве уголовно-религиозная защита известных животных от истребления—своего рода усовершенствованное табу,—связанная с ним система жертвенных запретов, запрещение известных занятий и профессий. Но зато с тем большей яростью подвергает своим нечеловеческим пыткам религия всяких бунтовщиков и противников, восстающих против установленного порядка, против освященной власти жрецов и царей. И настолько важна роль религии для первоначального права, что в известных нам, и притом наиболее совершенных кодексах, охватывающих систему наказаний и частно-правовые отношения, все время за велениями законов стоит божественная санкция, скрепляющая каждый акт и даже гражданскую сделку. Неудивительно поэтому, что такие законодательные собрания, как кодекс Гаммураби, хеттские законы, законы Моисея и законы Ману, явились в виде актов божественной воли, опиравшейся не только на земную кару, но и на неслыханные муки здесь в этой и в другой жизни по воле карающих богов.

Таково значение религиозных систем Востока для социальной среды. Мы подчеркиваем еще раз, что эти идеологии встречают нас и ныне на Востоке, так как лишь с великим трудом совершается переход этих стран на пути новой техники и новой организации хозяйства. Но религиозные системы Востока имеют еще и другое значение. Они дают исчерпывающий материал для суждения о *самой форме идеологических построений*. Благодаря этим данным мы можем установить целый ряд положений. Во-первых, мы убеждаемся в том, что нет ни одной страны, даже самой древней, которая отвечала бы схеме Огюста Конта и целиком находилась бы во власти теологического метода мысли. Напротив, использование не только романтики, но и самого трезвого рационализма постоянно сопровождается господствующую мистико-религиозную форму и с полным нарушением последовательности снабжает ее и данными положительного опыта, и материалистически обоснованными наблюдениями, и несбычайно ясной и разумно построенной техникой. С этой стороны самая религиозная система есть мистическое творение лишь в известной, а иногда довольно-таки несущественной части. Во-вторых, чрезвычайно легко происходит рационализация мистики и эстетики, так же как, наоборот, рациональное содержа-

ние снабжается мистической санкцией, моральными и иными деонтологическими мотивами. Лишь там, где мы встречаемся с более или менее чистой классовой линией, очищается и основной метод построения от различных примесей и сохраняет господствующую линию данного классового способа представления. Типичен с этой стороны купеческий рационализм корана и первоначального буддизма, так же как мещанская романтика библии, иерархия крови браманизма и аристократическая эстетика буддийской любви или метты. Во всяком случае, в-третьих, материалы религий Востока дают нам полную возможность проследить классовую принадлежность отдельных способов представления и установить в общем и целом необходимую связь не только между определенными интересами и соответствующей идеологией, но точно так же *необходимую зависимость определенных форм мышления от экономической среды, а в частности от классового положения той или иной группы*. Рационализм купечества, мистика крестьянства и городской бедноты и романтика аристократии находят в дальнейшем исследовании известное подтверждение: *каждый класс говорит прежде всего своим собственным языком*.

ЭМПИРИЗМ И ДИАЛЕКТИКА

В. Ральцевич

«Главным и очередным является теперь лозунг именно практичности и именно деловитости».
В. И. Ленин. «Очередные задачи советской власти». «Правда» № 86, 1929 г.

I

В названной статье слова «практичность» и «деловитость» Ленин поставил в непосредственную связь с задачами социалистического строительства. Между тем, эта статья была написана в марте 1918 года, т. е. в такое время, когда задачи строительства еще не могли быть выдвинуты *во всем своем объеме*. Именно так они поставлены в настоящее время, в период реконструкции материально-технических основ хозяйства, когда социалистическое строительство начинает ускоренно развертываться «на собственной базе». Таким образом, лозунг практичности и деловитости в гораздо большей мере является актуальным теперь, нежели в период военного коммунизма, или в период «восстановительный».

Сугубая важность этого лозунга, осязаемые практические следствия, которые могут получиться в результате того или иного его понимания и претворения в жизнь и которые уже обнаружались как с положительной, так отчасти и с отрицательной стороны,—все это требует от нас постоянного теоретического усвоения смысла этого лозунга, необходимости постоянного освещения его с точки зрения общих принципов марксистской теории.

Это освещение необходимо в особенности потому, что лишь установление диктатуры пролетариата *впервые* влечет за собою для пролетариата постановку практически-строительных задач. Ленин говорит, что до этой поры революционеры «должны были относиться к такому лозунгу с отрицанием и насмешкой». Таким образом, крутой поворот *в этом отношении* (впрочем, как и всякий крутой поворот в объективном ходе вещей и в развитии тактики) требует со стороны сознательных участников творческого процесса глубокого теоретического понимания.

Необходимость подобного понимания не снимается указанием на то, что этот лозунг уже получил на практике блестящее осуществление.

Неясность, имеющаяся у представителей пролетарского актива по вопросу о сущности, содержании, значении этого лозунга, отнюдь не помогает борьбе против наблюдающегося широкого мелкобуржуазного и буржуазного его извращения. Возражения такого характера, что, мол, подобные извращения в их откровенной и конкретной форме уже достаточно разоблачены (напр., устряловщина, кондратьевщина, энчмениада и др.),

не уничтожают того факта, что эти извращения могут иметь и имеют место в наших собственных рядах, в рядах рабочего класса и его партии. Борьба с ошибками данного типа в данной форме не является абсолютной гарантией от ошибок того же типа в иной форме. Своеобразие формы есть вообще та свобода, которую необходимость предоставляет случайности. Правые уклонисты как раз являются теми, кто оппортунистически извращает ленинский лозунг практичности и деловитости. Теоретическое разоблачение правых в этом вопросе является также практической задачей дня.

Но прежде всего идея практичности требует теоретической трактовки по той причине, что наши философские механисты в своих последних литературных выступлениях развернули достаточно широкую философскую базу для правооппортунистических извращений этой идеи¹. Дело, действие, воздействие, практика, эмпирия, факты, опыт, наука, конкретность итд итп—в противоположность «чистой» теории, умозрению, абстракции, философии итд—вот те большие слова, на спекуляции которыми многие стараются составить теоретический капитал, которыми не боятся только безнадежно ленивые. Таким образом, необходимостью понять общетеоретические, философские основы идеи практичности выдвигается все снова и снова условиями нашего развития. И совершенно естественно, что такое понимание заслуживает своего названия лишь в том случае, если оно будет исходить из философских взглядов марксизма-ленинизма. Вот почему более или менее развернутая критика эмпиризма должна в теоретической работе партии—по всем вопросам теоретической и практической борьбы—занять подобающее ей место.

II

«О философах надо судить не по тем вывескам, которые они сами на себя навешивают («позитивизм», философия «чистого опыта», «монизм» или «эмпириомонизм», «философия естествознания» и т. п.), а по тому, как они на деле решают основные теоретические вопросы...» (Ленин, соч. т. XIII, стр. 178).

В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин приводит следующие слова «научного позитивиста» Рея: «...эмпиризм, все более тонкий, все более богатый оттенками, приводит к фидеизму, к признанию главенства веры,—эмпиризм, который некогда был великим оружием в борьбе скептицизма против утверждений метафизики. Не произошло ли это потому, что, в сущности, путем незаметных нюансов, мало-по-малу, извратили реальный смысл слова „опыт“?»²

¹ Впрочем родство оппортунистических извращений программно-политической и тактической линии партии с эмпирически-механистическим философским направлением определяется не только общностью социально-экономических (именно мелкобуржуазных) корней. В действительности правому оппортунизму нет нужды заимствовать философию со стороны. Он уже давно имеет собственную механистическую методологию и социологию. Пожалуй, именно из этой теоретической базы выросло, с одной стороны механистическое направление в философии, а с другой—оппортунистический уклон в политике. Общеизвестно, что это направление до сих пор опирается на широко распространенные (и щедро распространяемые до настоящего времени) соответствующие массовые учебники по «марксистской социологии». Нельзя также не отметить прямого родства с этой социологией современных механистических извращений марксистской теоретической экономики.

² Соч., т. XIII, стр. 240.

В этих словах Рея верно все, за исключением мысли о том, что «эмпиризм... был великим оружием скептицизма против утверждений метафизики». В действительности, если иметь в виду общую и основную линию развития философии, эмпиризм был великим оружием материализма в борьбе против идеалистической метафизики. Но для более точного понимания нашего утверждения надо хотя бы бегло ознакомиться с общей характеристикой развития новой философии.

Общеизвестно, что в средние века природа не признавалась самостоятельным об'ектом, достойным исследования. Материя, чувственные тела (в том числе человеческий организм); вещи—все это было лишь ничтожным, переходящим продуктом божественного творчества. Ничтожность, неистинность предмета знания вела к отрицанию об'ективности, истинности, силы самого знания. За чувствами и рассудком признавалось лишь переходящее практическое значение. Особенно же необузданный скептицизм господствовал по отношению к «чувственному знанию». А в теснейшей связи с этим скептицизмом выростал мистицизм, вера в откровение, слепое, догматическое преклонение перед нелепыми «истинами» «священного» писания.

Отсюда видно, что утверждение Рея о союзе эмпиризма и скептицизма против метафизики есть плод фантазии или, если угодно, добросовестного заблуждения. Наоборот, дело началось со священного союза религиозной метафизики, догматического рационализма, необузданного скептицизма по отношению к об'ективности и истинности познания внешнего мира, на основе отрицания самостоятельности (субстанциональности) этого внешнего мира—с слепым, стихийным, ползучим эмпиризмом-практицизмом, чувственным, «опытным» «знанием», не идущим дальше поверхности явлений и имеющим узкоутилитарный характер, интерес минуты и успех на несколько дней. Мы употребляем слова Ленина «интерес минуты и успех на несколько дней» в применении к средневековью, следовательно, не в буквальном смысле, а в том смысле, что вся «земная» жизнь людей рассматривалась тогда, как дело минутное, кратковременное, ничтожное и низменное по сравнению с «вечной», «истинной» «загробной» жизнью.

На борьбу с этим-то священным союзом и выступили идеологи революционной буржуазии. Основой своей борьбы они провозгласили субстанциональность, самостоятельность, об'ективную реальность природы, внешнего мира, т. е. материализм. Из этого их взгляда вытекало уверенность в об'ективной истинности и суверенности (неограниченности) человеческого познания.

Непосредственное отражение внешнего мира в ощущениях, чувствах—как первая, исходная («опытная» или «эмпирическая» или сенсуалистическая) ступень, логическая, теоретическая обработка чувственных данных в согласии с об'ективным развитием внешнего мира—как высшая («рационалистическая», разумная) ступень познания—вот что характеризовало материализм (Бэкон, Гоббс, отчасти Локк, отчасти Декарт и Спиноза, в особенности—французские материалисты и Фейербах). Эта же линия—в основном—была подхвачена, очищена от искажений, усвоена, диалектически переработана, развита марксизмом.

Но уже с самого начала XVIII века, у Беркли, мы видим идеалистическое толкование опыта, эмпирии, чувственности, ощущений, восприятий, а вместе с тем отказ от их рациональной обработки, отрицание решающей роли разума в познании, сохранение за ним роли внешнего регистратора событий, не имеющего никакого права судить об их истинности, даже, пожалуй, искажающего «чувственную действительность», «опыт» итд (правда, в из-

винительных целях повседневной практики). Отсюда пошло искажение понятия опыта, практики, эмпиризма. Эти понятия потеряли свой непосредственный материалистический характер. «Эмпиризм» оказался самым удобным словом для прикрытия суб'ективно-идеалистических и эклектических взглядов.

Вот поглядите: «Я заявляю торжественно: внутренний смысл, душа моей философии состоит в том, что человек не имеет вообще ничего, кроме опыта, человек приходит ко всему, к чему он приходит, только через опыт...» Не правда ли, какой это яркий философ чистого опыта? Автор этих слов — суб'ективный идеалист — И. Г. Фихте¹.

А вот еще образец: «... моя система не парит, как все предыдущие, в воздухе, превыше всякой реальности и опыта»... Не правда ли, нескромного автора этих слов нельзя обвинять в отрицании «реальности и опыта»? Но слушайте дальше: «... для воздействия, одинакового с воздействием тела, нет безусловной необходимости в присутствии тела». Вы уже разочаровались в «реальности»? Теперь послушайте насчет «опыта» и «практики»:

«Вообще, к рассматриваемому здесь опыту можно было бы свести почти все случаи, когда духи являются на одном и том же месте, и *сверх'естественное* ограничено определенным районом — церквями, кладбищами, полем сражения, местом убийства или казни и теми, дурную славу приобретшими домами, которые никто не хочет населять, — их всегда можно встретить там: и мне в моей жизни они попадались неоднократно...»

Эта система, «реальность» и «практика» принадлежат знаменитому гегеледу, кантианцу и антиклерикалу Артуру Шопенгауэру².

Но эмпирик-фидеист Беркли, практицист Фихте и волюнтарист Шопенгауэр — все это публика философски образованная и честная, в основном она влять не станет и единодушно и открыто причисляет себя к лагерю *идеалистов*. В этом отношении буржуазные философы позднейшего времени, философы-эпигоны, эклектики, путанники и посредственные софисты вместе с потерей философского духа утратили и философско-партийную честь. Общепринятые в буржуазном мире клички — «эмпирики», «критицисты», «позитивисты», «эмпириокритики», «прагматики», «реалисты», «сциентисты», «эксперименталисты» итд итп лишь трусливо замаскировывают переход философов буржуазии на положение *ancillae theologiae*, их прислужничество фидеизму и соглашательство с ним. Удивительно ли, что мы требуем от тех, кто берет заговорить об эмпиризме, кто так или иначе пользуется понятием эмпиризма, особенно кто хочет связать эмпиризм с диалектическим материализмом, удивительно ли, что мы требуем от них понимания этих фактов, требуем диалектического истолкования материализма, требуем, наконец, чтобы люди, берущиеся говорить об эмпиризме, определяли его основной философский характер, ту основную философскую линию, по которой идет этот эмпиризм?

Ведь это же элементарное требование, ясное для всякого мало-мальски философски грамотного человека.

Однако, путаница в вопросе об эмпиризме, начавшаяся у нас по крайней мере со времени распространения махизма, не прекращается до сих пор. И что хуже всего, особенно путают в этом отношении люди, считающие себя диалектическими материалистами. Таково, по сути дела, все механистическое философское направление в нашей стране.

¹ Ленин, соч., т. XIII, с. 122.

² Полн. собр. соч., т. I, с. 17, 202 и 251.

III

«Только *expérience!*— вот их лозунг, но чрезвычайно редко можно найти у них хоть несколько правильное и правдивое размышление над наблюдаемыми явлениями: *expérience, expérience!*— и глупость в придачу».

(Шопенгауэр. О четверяком корне закон достаточного основания. М., 1900. Стр. 61).

Ни в одной книжке, ни в одной статье наших механистов мы не имеем сколько-нибудь серьезной попытки подойти к теоретическому разбору эмпиризма. Заучили люди раз и навсегда, что марксизм имеет отношение к эмпиризму, и больше не хотят себе отдавать отчета, в чем сущность эмпиризма, как, в каком смысле эмпиризм входит в марксизм, какие вопросы возникают в связи с этим, надо ли и как надо отгородиться от называющих себя эмпириками, философами опыта, от буржуазных философствующих сикофантов, могут ли вообще марксисты называть себя эмпириками итд.

Эту путаницу особенно рельефно отразила в своих последних писаниях Л. И. Аксельрод-Ортодокс. Прочтите следующую классификацию видов эмпиризма:

«Дело в том, что следует отличать несколько видов эмпиризма. Существуют: 1) эмпиризм вульгарный, практический в общежитийском значении; 2) эмпиризм суб'ективно-идеалистический; 3) эмпиризм скептический, 4) так называемый эмпиризм мистический; 5) эмпиризм научный, исторический и философски обоснованный»¹.

Из всех этих «видов эмпиризма» гносеологическое, философское лицо имеет лишь эмпиризм суб'ективно-идеалистический. Под рубрику всех остальных аксельродовских «эмпиризов» любой грамотный обыватель имеет полное логическое право вложить какое ему угодно содержание. Поглядите на пятый эмпиризм. Он называется «научным». Но ведь понятие «научный» не есть гносеологическое понятие. Ведь буржуазия в настоящее время очень часто вкладывает в это понятие целиком идеалистическое содержание. «Исторически и философски обоснованный»!.. Но ведь и второй, и третий, и четвертый эмпиризмы прекрасно «обоснованы» исторически и философски. Любое современное философское течение есть исторический продукт и имеет соответствующую философскую базу. Поэтому вся эта классификация есть классификация «образованного» обывателя, она случайна, узко-эмпирична (в суб'ективно-идеалистическом смысле), эклектична, произвольна и к тому же—поскольку Аксельрод не оговаривает, что она перечислила не *все* эмпиризмы—метафизична.

В настоящее время слово «эмпирия» у господствующей буржуазии философски целиком совпадает со словом «чувственность». Чья чувственность, где и как она существует, к какой из основных философских категорий (бытие—сознание) она относится? Нелепый вопрос—отвечает «научный эмпирик» Мах, а за ним интуитивист и скептик Бергсон, а за ним прагматист (практицист) и мистик Джемс, а за ними наши махисты—Богданов, Базаров и К^о. Эмпирические элементы мира (ощущения)—ничьи. Это только Беркли, Юм, Кант считали ощущения суб'ективными. Мы же, люди науки, опыта, практики, преодолевшие противоположность идеализма и материализма,—считаем, что сочетание *одних и тех же элементов*: создает

¹ Аксельрод-Ортодокс. В защиту диалектического материализма, стр. 222.

в одной связи материальное, физическое, объективное содержание, в другой—психическое, субъективное. «Принципиальная однородность физического и психического»—вот «научный» ответ на нелепый вопрос «запытных материалистов»: чьи ощущения? Мы, от начала до конца эмпирические философы, люди опыта, всегда остающиеся в пределах опыта, категорически отрицаем «субъективность опытных данных, признавая реальность «как она есть в себе» содержанием опыта». Никакой реальности вне ощущений, вне «эмпирии», вне чистого опыта!.. Никаких «вещей в себе», независимых от нас! Мир не есть *мое* представление, как думал Кант. Мир есть ничье... *представление*. Мир не есть явление, за которым скрывается непознаваемая «вещь в себе». Мир есть *абсолютное тождество* явления и вещи в себе.

Пусть «одни, верные прямым заветам Канта, стараются теоретически удержаться в пределах чистого феноменализма, познания явлений, и только моральными своим чаяниям отводят уголок в «ноуменальном» мире, области непознаваемых вещей в себе» (Базаров). Но ведь так—скажем мы—поступают *все* неокантианцы, имманенты и прочие откровенные идеалисты—эмпирики, так поступает признанный ученик эмпириокритика Авенариуса—Корнелиус у которого учились все наши махисты, в том числе Базаров.

Пусть «другие веруют в „материю“, наполняющую сверхопытный мир» (Базаров). Но ведь признание существования материи вне и независимо от какого бы то ни было человеческого опыта и человечества является азбукой марксизма!

Пусть «третьи разыскивают там бога» (все тот же Базаров). Но ведь это проделывают те же самые «эмпирики». А кроме того,—что является самым пикантным—Бергсон и Джемс не только «разыскивают», но и находят бога совсем не в «сверхопытном мире», а именно—в «опытном», эмпирическом.

Базаров, конечно, ничего не понимает в философии. Но кое-какие факты он все-таки знает. Он сам утверждает, что «в основных своих линиях она (теория интеллекта Бергсона.—В. Р.) совпадает со взглядами тех эмпириков, которые выдвигают на первый план *активную* природу познания, его *непосредственную* связь с жизненной борьбой человека, с развитием *производства* и *техники*. Оригинальность Бергсона заключается в том, что именно в этой *практической* тенденции познания он видит главный аргумент, оправдывающий *мистические* полеты умозрения». Базаров, конечно, «атеист». Ну как же может не быть атеистом человек, стоящий на точке зрения практики, **практики!**, не признающий реальности вне «непосредственного опыта», вне ощущений.

Но ведь махисты, Бергсон, Джемс, исходят из тех же предпосылок? Несомненно,—отвечает Базаров. Но я не виноват, что они приходят к богу. Вольному воля.—А не является ли признание бога необходимым логическим выводом из тех предпосылок, которые Базаров и все روسсийские махисты, Мах и Авенариус, Бергсон и Джемс, а также Беркли, Юм, Кант и Шопенгауэр *одинаково* кладут в основу своего мировоззрения? Напрасно мы будем ждать от них ответа. Наши философы готовы признать логику во всем, за исключением самой логики.

Но Базаров, ведь, отнюдь не ортодоксальный марксист, скажут нам. Какое же отношение имеет он к современным механистам, а особенно к Аксельрод-Ортодокс, которая в свое время боролась с махистами? В «свое время»—да, но в *наше* время Аксельрод и другие механисты являются

не более, как продолжение той же махистской линии. Вот поглядите на эти утверждения: «коротко говоря—диалектический материализм покоится на опыте: он, как сказано, от начала до конца эмпиричен»¹.

«Данный ученый, скажем, наш известный русский химик Бутлеров, видит «духа». Он его видит (так и написано! В. Р.), а потому рассуждает «эмпирически». Раз я его вижу, следовательно, он существует. (Да ведь так рассуждает всякий диалектический материалист! Аксельрод обывательски путает видение с иллюзией. В. Р.). Вот эту эмпирику Энгельс называет «чистой эмпирикой», т.-е. эмпирикой критически не проверенной» (стр. 234). Последнее утверждение Аксельрод совсем чепуховое. Энгельс совсем не такого рода вещи называл «чистой эмпирикой». Ни один материалист не сомневался, что если человек *видит* что-либо, то это нечто *существует* независимо от глаза и вне глаза человека. Никакое духовное явление не может действовать на органы чувств—ведь это же опять-таки азбука всего материализма. Не только Энгельс, но и ни один материалист не признавал никогда, что «духа» можно как бы то ни было видеть. Что это утверждение Аксельрод не описка, видно из следующей цитаты: «В этой книге («Многообразие религиозного опыта» Джемса. В. Р.) собраны верования, настроения, действия экстатиков, истериков и так называемых святых, которые *воспринимали* все *фантомы* как подлинную реальность. Для этих людей все эти *восприятия* имели, конечно, значение их *опыта*» (229). «Восприятие фантомов!» И этикие чудовищные вещи пишутся в защиту диалектического материализма!

Но нас интересует другое. Аксельрод задается вопросом: что является критерием в руках Энгельса для обнаружения суеверия и заблуждения эмпирических мистиков-естествоиспытателей. И отвечает: «*Критерием является другой опыт, опыт действительный, критически проверенный на основании всего научного исторического опыта*» (235). Но что такое «действительный», «научный» и «критический»? «Разработка и развитие *научного опыта* во всем его объеме... охватывает ряд проблем, из которых на первый план выдвигается проблема реальности, как она проявляется в *опыте*... Все эти проблемы трактуются критически, т.-е. с точки зрения *опыта*...» (223). «Только диалектический материализм... ставший на твердую почву *научного опыта*, может дать *подлинно-научную* теорию познания или (или!) теорию опыта...» (223—224). «*Короче, теория опыта может и должна быть основана на данных опыта*» (226).

Итак, «опыт действительный» есть опыт «критически проверенный». Опыт, проверенный критически, значит проверенный «на основании всего *научного исторического опыта*». Но этот «*весь научный исторический опыт*» еще должен быть «разработан и развит во всем его объеме». Эта разработка имеет своей «самой важной, самой сложной и самой трудной задачей», между прочим, «проблему реальности, как она проявляется в опыте». Эта проблема, в свою очередь, должна трактоваться «критически», т.-е. с точки зрения опыта...» А когда все это будет проделано, тогда «на твердой почве опыта» можно будет дать «теорию опыта». В самом деле, «теория опыта может и должна быть основана на данных опыта».

Итак, опытный—значит научный, научный—значит критический, критический—значит опытный, а опытный—значит научный, научный—значит критический, критический—значит опытный. Словом, земля на китах, а киты

¹ Аксельрод-Ортодокс. В защиту диалектического материализма, стр. 238.

на воде, а вода на земле, а земля на китах. Ну и теория опыта! Аксельрод, впрочем, как и все наши механисты, в погоне за «научным опытом» забыла пустячок, тот факт, что колбы и реторты хотя и думают за некоторых естественников, но за философов мыслить не будут. Поистине можно сказать, перефразируя Шопенгауэра, что Гегель оказал на наших механистов такое же влияние, как если бы он жил не на сто лет раньше, а на сто лет позже их.

Наиболее философская среди механистов голова, Аксельрод-Ортодокс, следующим образом описывает *основной принцип* диалектического материализма:

«В полную противоположность гегелевскому общеполитическому построению, диалектический материализм исходит из того неоднократно повторяемого нашими классиками общего положения, что *истинной (?) реальностью являются противостоящие нам предметы, воспринимаемые нашими чувствами* (подчеркнуто нами—В. Р.). Соответственно этому *основному принципу*, все наше познание исходит из опыта и покоится на опыте. *Диалектический материализм от начала до конца эмпиричен*» (221).

Прежде всего совершенно нелепо называть «противостоящие нам предметы» истинной реальностью. А разве сами мы—как биологические организмы—не «истинная» реальность? А разве наши чувства не «истинная реальность»? Ленин вместе с Дюрингом утверждает, что мышление есть высший вид реальности. Слова «истинная реальность» обнаруживают беспомощность Аксельрод в элементарных вопросах гносеологии.

Таким образом, исходным пунктом диалектического материализма, по Аксельрод, служит положение, что нам противостоят предметы, «воспринимаемые нашими чувствами», и «соответственно» этому опытный, эмпирический характер марксистской философии. Но это *неверно*, это не характеризует ни диалектический материализм, ни материализм вообще. С Аксельрод согласится всякий махист, всякий эмпирик, Джемс, Оствальд, Бергсон, а еще раньше Шопенгауэр и сам Иммануил Кант. Хороша же *основная* посылка материализма, да еще диалектического, с которой согласны *все* эмпирики!

Общезвестно, что Кант требовал, чтобы все наше знание начиналось с опыта, покоилось на опыте и не выходило за пределы опыта. Даже априоризму Кант придавал положительное значение лишь постольку, поскольку этот априоризм был условием опыта и имел целью опыт.

Шопенгауэр уже в 1813 году «присоединился» к утверждению Аксельрод: «Все дело в том, откуда ты добыл свое понятие: если оно почерпнуто из опыта—à la bonne heure, соответственный предмет существует и не нуждается в дальнейшем доказательстве; если же оно высижено из твоего собственного *sinciput*, то ему не помогут никакие его признаки: оно не более как химера, сотканная твоим мозгом»¹.

К Аксельрод «присоединяется» кантианствующий махист Иосиф Пецольдт. «В двух важных пунктах наше воззрение согласуется с последним («с воззрением обыденного человека»—В. Р.): во-первых, в том, что в восприятии мы непосредственно улавляем предмет, что воспринимаемая вещь есть не просто субъективный, проектированный комплекс ощущений, за которым лишь скрывается действительная вещь... воспринимаемая вещь продолжает существовать также после нашего восприятия и вообще не за-

¹ «О четверяком корне закона достаточного основания», стр. 11.

висит от нас (в данный момент ее «воспринимающих»—В. Р.) в своем существовании»¹.

Эклектик психологист Оствальд гордится тем, что в его «Натур-философии не выставлено ни одной гипотезы»². Оствальд, конечно, «эмпиричен от начала до конца»: «Итак, если мы хотим избежать в новой натур-философии ошибки старой, мы должны испытывать наше мышление, сообразуясь с данными опыта, и до тех пор изменять и улучшать его, пока не исчезнут все противоречия между этим мышлением и опытом»³. Существуют ли, по Оствальду, предметы, воспринимаемые нашими чувствами? О, конечно, и предметы, и внешний мир, и прочие «истинные реальности» несомненно существуют—так как они (как того требует Аксельрод) проявляются... в опыте. А что такое, по Оствальду, опыт?—«... опыт сводится, собственно, к тем процессам, которые имеют место в нашем сознании» (стр. 17).

А вот в каких выражениях присоединяется к Аксельрод цитированный нами в самом начале статьи «научный эмпирик» Абель Рей: «Философскую точку зрения, изложенную в этой книге, можно было бы назвать рационалистическим позитивизмом, абсолютным позитивизмом или „сциентизмом“. Чтобы избежать всякой двусмысленности, было бы, быть может, предпочтительнее назвать ее экспериментализмом, что указывало бы как на то, что она покоится целиком на опыте..., так и на то, что в своем абсолютном реализме, в своем экспериментальном монизме она отказывается подниматься над опытом»⁴.

«... будучи всереальностью, опыт, как таковой, не нуждается в оправдании: он существует» (255). Но что же такое эта «всереальность»? Что такое опыт? «Опыт,—отвечает А. Рей,—это прежде всего и непосредственно совокупность наших ощущений, то, что мы называем явлениями» (стр. 255).

Наконец, на основании работы Рея, можно сказать, что вполне согласен с Аксельрод и В. Джемс. «В. Джемс, желая дать определение прагматизма, настаивает на том, что это система, уклоняющаяся от априорных обяснений, от диалектики и метафизики и стремящаяся всегда к фактам и опыту»⁵. Совсем, наконец, не спорит с Аксельрод и кантианец Эдуард Бернштейн: «Основа всякой действительной науки—это опыт; свое здание она строит на накопленном опыте»,—а так как научный социализм есть только «система мыслей», есть ненавистный Бернштейну «изм», выходящий за пределы опыта к «кирпичам будущего», то... научный социализм Маркса есть, по Бернштейну, не наука, а утопия.

Таким образом, эмпиризм диалектического материализма Аксельрод ничем не отличается от самых разнообразных субъективно и объективно—идеалистических форм эмпиризма.

IV

Теперь обратимся к вопросу о цели познания и о критерии истины. И в этом вопросе механисты целиком становятся на точку зрения современной буржуазии. Вот, например, что пишет Аксельрод против т. Деборина: «Целью познания, возвещает наш философ, является истина... Ни

¹ Проблема о мире с точки зрения позитивизма. 2-е русск. изд. СПб. 1911, стр. 147.

² Натур-философия, стр. 6. Предисловие, разрядка автора.

³ Там же, стр. 12.

⁴ Современная философия, стр. 255.

⁵ Там же, стр. 249.

один современный идеалист, стоящий на уровне знания нашей эпохи, не согласится с такой формулировкой. Утилитарный в общем значении этого понятия характер познания выступает с такой выпуклостью в наше время, что, пожалуй, даже просвещенные теологи не станут разделять такой формулировки»¹.

Вот вам образец метафизики и полное отсутствие точки зрения развития и классовой борьбы. Ведь в том-то и заключается своеобразие современной эпохи, что огромное большинство философских направлений усиленно подчеркивают утилитарный, практический характер теории. Даже прямые фидеисты и образованные попы хватаются за положение: цель, характер, существо; роль теории исключительно практическая. Механисты видят, слышат это и ... радуются. Подлинно, простота хуже воровства. Заклятые враги материализма вообще, и диалектического материализма в особенности, чуждые сколько-нибудь последовательной, хотя бы идеалистической, философии, теории, мировоззрения, отрицающие суверенность, об'ективную истинность теории, науки, современные буржуазные философы выставляют в качестве знамени лозунг: наше знание только орудие практики и ничего больше. Никакой истины самой по себе в научных теориях нет, все относительно и все относительно истинно—в своей сфере. Истина теории—только технические правила. Действительность же или никакой истинности в себе не заключает или представляет собой «иррациональный поток данного».

Вот как совершенно правильно изображает Базаров философию Бергсона (помните его «активность», «практику», «производство», «жизненную борьбу»?): «Назначение интеллекта—не познание вещей, как они суть в себе, а их преобразование в соответствии с потребностями человеческой жизни»² «... даже те явления или стороны действительности, которые задерживаются в сознании, воспринимаются нами в искаженном, приспособленном для нашей практики виде»³. И далее «В действительности, сознание *вообще* не приспособлено для того, чтобы созерцать или *отражать в себе мир*,—сознание есть служебный аппарат, помогающий организму целесообразно реагировать на внешнее раздражение. В корне несостоятельны поэтому все стремления охватить мыслью природу в ее целом, воспринять *ее процессы так, как они суть*»⁴ «... для Бергсона сущность мира, процесс его непрерывного становления, его вечно творческой эволюции, *находится за пределами познания*»⁵. «Проникновение в самую *сущность* целостного процесса мировых превращений, *если бы даже оно и было возможно*, было бы *бесполезно для нашей жизненной борьбы*». (Следовательно, наши теории потому и полезны, что они неверны. Дальше по этому пути обожествления и мистификации практики и дискредитации теории, а также отрыва практики от теории, идти некуда).

И. Пецбльдт провозглашает: «Правильно—это понятие практическое, а вовсе не теоретическое»⁶.

А вот какие «милые» выводы делает Джемс из этой растленной «теории» Бергсона:

¹ Аксельрод-Ортодокс, В защиту диалектического материализма, стр. 163.

² Очерки философии коллективизма, стр. 152.

³ Там же, стр. 155.

⁴ Там же, стр. 151.

⁵ Там же, стр. 149.

⁶ Проблема о мире с точки зрения позитивизма, 2-е русск. изд., 1911 г., стр. 145.

«Почему «опыт» и «разум» не могли бы встретиться на этой общей почве? Почему бы им не сделать друг другу некоторых уступок? Разве не может атеизм, который обыкновенно, но совершенно напрасно, связывают с философией непосредственного опыта, уступить место теизму, который теперь, как мы видим, основывается прямо на этом опыте, понимая его более глубоко? И разве не может рационализм, удовлетворившийся тем, что его априорные доказательства существования бога действительно уступили место эмпирической очевидности, отказаться от некоторых своих абсолютистских претензий? Стоит только на ряду с богом признать какое бы то ни было бесконечно малое «иное» по отношению к нему, и рационализм с эмпиризмом могут подать друг другу руки и заключить прочный мир. Они оба могут тогда откинуть в сторону тощие абстракции и совместно стремиться, как это и делают люди науки, путем аналогии и использования всех доступных им данных, создать наиболее вероятную и наиболее приближительную идею о том, чем может быть божественное сознание в своей конкретной действительности»¹.

Наши механистические позитивисты на утверждение диалектиков о том, что эмпирики отрицают теорию, отвечают, что в природе таких эмпириков не существует. Они, механисты, не понимают той элементарной вещи, что отрицание самостоятельной, продуманной и последовательной об'ективно истинной теории, будучи также «теорией», ничего общего не имеет с марксистским пониманием теории. В противном случае всякую религиозную идеологию надо было бы назвать теорией.

Абель Рей говорит, что с точки зрения эмпиризма прагматистов «истина определяется как функция действия, т.-е. как функция его практических результатов. Истина—это успех. Всякий опыт, который приводит к удачному результату, т.-е. дает возможность достигнуть ожидаемого результата, устанавливает истину»².

Истинно—то, что мне или нам обеспечивает практический успех. Следовательно, истинное—только практическое. Классовый враг в лице своих «философов», «мыслителей» выдвигает лозунг: «Человек! Распрощись с философским мышлением! Не размышляй об истинной опоре деятельности. Делай положительное, серьезное дело в нашем мире, в котором есть многое что делать.

Действуй так, как если бы мир действительно существовал». («Tue so, als ob die Welt wirklich wäre»—вывод Фридриха Флинкера из учения Рихарда Вале). Философия «als ob», «как будто», «как если бы»—вот венец эмпирического философского мышления современной буржуазии. Вот к чему нас хотят вести механисты.

Вот вам современное—отсутствовавшее во времена Маркса—извращение в понимании практики, как критерия истины, в понимании эмпиризма, опыта, эксперимента, чувственной деятельности. Вот кардинальное историческое изменение обстановки, требующее соответственного изменения, углубления, расширения наших философских формулировок, наших методов опровержения философского фидеизма, разграничения и противопоставления нашего понимания философских категорий идеалистическому, вульгарно-материалистическому, позитивистскому итд. В против-

¹ Проблема о мире с точки зрения позитивизма, стр. 172.

² Современная философия, стр. 230.

ном случае диалектический материализм окажется в хвосте самых реакционных и хвостистских теорий.

Такому эмпиризму мы об'явили войну. Против *такого* эмпиризма мы можем бороться, только опираясь на материалистическую *диалектику*. Мы видели, как использует Джемс свой эмпиризм, свое понимание «опыта». Посмотрите теперь, против чего борется Джемс: «Я глубоко уверен в том, что такой эмпиризм является более существенным союзником религиозной жизни, чем когда-нибудь была или может стать *диалектика*»¹. Диалектика—вот гроза эмпиризма (а также и рационализма). Долой диалектику, так как она претендует на *всю, полную, неурезанную истину*, ибо «... *диалектическое* познание, если только оно сколько-нибудь истинно, должно иметь *всеобщее применение к элементам и отношениям*»².

V

«На практике должен человек доказать истинность, т.-е. действительность и силу, *посюсторонность* своего мышления—эта мысль, взятая из 2-го тезиса Маркса о Фейербахе, как известно, была неверно переведена Плехановым. Плеханов писал: «Практикой должен доказать человек истину своего мышления, т.-е. доказать, что оно имеет действительную силу и не останавливается по сю сторону явлений». Наши махисты и, прежде всех, Богданов ухватились за эту «ошибку», во-первых, для того, чтобы обвинить Плеханова в кантианстве, а, во-вторых, для того, чтобы доказать тождество философии Маркса с философией эмпириокритицизма, позитивизма и прочего психологизма. Между тем, Плеханов был неправ лишь формально. В действительности, признание полной познаваемости «вещей в себе», предметов и процессов, существующих независимо от какого бы то ни было мышления, чувств, сознания, опыта, практики людей—есть предпосылка всего материализма, а следовательно, и марксизма.

Ни диалектические идеалисты, ни Фейербах не сомневались в об'ективной истинности мышления, в том, что оно «не останавливается по сю сторону явлений». Фейербах и Маркс не сомневались в том, что мышление познает не только способ воздействия независимых от всякого мышления предметов на наши органы чувств, но тем самым и существование этих предметов самих по себе. Плеханов боролся против кантианского ограничения познаваемого мира миром «явлений», т.-е. миром образов в нашей чувственности, против отрыва явлений от вещей в себе, против принципиального разграничения мира вещей и мира явлений, и всегда подчеркивал необходимость выхода мышления за эти образы к об'ективно существующим (по ту сторону чувственности, вне ее, независимо от нее) и верно отражаемым чувствами и мышлением вещам самим по себе. Таким образом, Плеханову пришлось отстаивать азбучные истины материализма в таких условиях, когда эти азбучные истины стали подвергаться сомнению со стороны новых, социал-демократических сторонников Канта. Махисты же ухватились за формальную ошибку Плеханова для того, чтобы вместе с половинчатым материализмом Канта выбросить также и материализм вообще.

Вот почему Ленин *целиком* поддержал эту абсолютно верную мысль Плеханова. Опровергая Базарова, Ленин писал, что «внешний мир лежит»

¹ «Вселенная с плюралистической точки зрения». М. 1911, стр. 173.

² Там же, стр. 190.

за границами «ощущений, восприятий, представлений человека»¹. Ленин утверждал, что «по сю сторону явлений» останавливают человеческое мышление только юмисты и кантианцы.

В чем суть линии агностика?—спрашивает Ленин, «В том, что он *не идет дальше* ощущений, в том, что он останавливается *по сю сторону явлений*, отказываясь видеть во что бы то ни стало «достоверное» за пределами ощущений» (стр. 88). Ленин говорит, что «из слов Энгельса яснее ясно видно, что для материалиста реальное бытие лежит за пределами «чувственных восприятий», впечатлений и представлений человека, для агностика же *за пределы* этих восприятий выходить невозможно» (стр. 91). Ленин отрицал принципиальную метафизическую разницу (которую проводил Кант и агностики вообще) между вещью для нас и вещью в себе. Но он же признавал *диалектическую* разницу между ними, он говорил, что при переходе от явления к вещи в себе есть «переход *за пределы* чувственных восприятий *к существованию* вещей вне нас» (стр. 98) (о чем иной раз забывал Иосиф Дицген, за путаницу у которого так любили хвататься наши махисты).

Махисты, исправляя формальную ошибку Плеханова, спутали две различные вещи: вопрос об об'ективной реальности и предметности истины и вопрос о критерии истины. Критерий истины—эксперимент, практика. Но это положение есть вывод из основного положения всякого материализма: «вне и независимо от всякого опыта и практики существуют материальные вещи, и наше сознание (и чувства и мышление) есть их об'ективный образ, копия, изображение, отражение.

Загораживание первого вопроса вторым—вот в чем суть агностицизма, эмпиризма, философии опыта, практики, прагматизма, бергсонизма и нашего механического «материализма» или, попросту, позитивизма. «*Основной вопрос*»,—говорит Ленин,—есть «для материализма» (для Энгельса, как материалиста) *вопрос о существовании вещей вне нашего сознания* (эта разрядка наша.—В. Р.), вызывающих ощущения своим действием на органы чувств. *Нельзя быть материалистом, не решая утвердительно этого вопроса*, но можно быть материалистом при различных взглядах на вопрос о критерии правильности тех изображений, которые доставляют нам чувства» (стр. 92). (Этой мысли Ленина никогда не понимал в особенности И. Степанов).

Вспомните теперь «основной принцип» «диалектического материализма» Аксельрод: «...истинной реальностью являются противостоящие нам предметы, воспринимаемые нашими чувствами». Этот «основной принцип» ничего общего не имеет с основным принципом материализма, так как в нем ничего нет основного, ни принципиального нет. В материализме речь идет не о противостоянии нам предметов, а об их об'ективно-реальном, материальном, *независимом* от нас существовании. Мало того. Так как речь идет об основе и принципе материализма, то мы должны подчеркивать то, что об'ективная реальность—природа—существовала и тогда, когда ни о каком ее противостоянии нам не могло быть и речи. Материальный мир существовал раньше людей и независимо от какого бы то ни было сознания. Когда появились люди, предметы мира оказались «противостоящими нам предметами», попрежнему существующими сами по себе, независимо от сознания, как об'ективная реальность, как материальные пред-

¹ Собр. соч., т. XIII, стр. 94.

меты. Эти предметы действуют на (материальные же) органы чувств людей. Ощущения, чувства представляют собой об'ективно-верный образ предметов внешнего мира. «Считать наши ощущения образами внешнего мира—признавать об'ективную истину—стоять на точке зрения материалистической теории познания,—это одно и то же»¹.

Критикуя в 40-х годах прошлого века гносеологию Фейербаха, Маркс не нуждался в специальном раз'яснении материалистического понимания «предметов», так как в этом вопросе никакой решительной разницы между Фейербахом и Марксом не было. Для Маркса основной вопрос стоял, главным образом, о критерии предметной истины (в существовании которой он не сомневался), о взаимоотношении теории и практики, о понимании и о теоретических условиях практики, о значении об'ективно-истинной теории, как руководства, орудия и средства практической деятельности.

В наше же время выставлять в качестве «основного принципа» положение о противстоящих нам предметах, воспринимаемых чувствами,—это, по меньшей мере, означает отказ от дачи ясного и недвусмысленного ответа на вопрос: каково ваше мировоззрение? Ибо *нет в природе* таких философов, которые бы не считали, что мы познаем противстоящие нам предметы.

Мало того. Всякий самый посредственный идеалист в наше время целиком подпишет под формулой—«предметы воспринимаются нашими чувствами», так как, во-первых, отсюда еще отнюдь не следует, что предметы не могут восприниматься еще как-нибудь иначе, так как, во-вторых, отсюда мы еще отнюдь не узнаем, являются ли наши чувства истинным образом предметов. Поэтому мысль Аксельрод о том, что «все наше познание исходит из опыта и покоится на опыте», лишена какого бы то ни было гносеологически-материалистического значения. Под этим выводом подпишется всякий сенсуалист, начиная от Беркли и Юма, переходя к Канту, Шопенгауэру и Конту и кончая современными бергсоньянцами, прагматистами, неореалистами и прочими идеалистическими и эклектическими эмпириками. Мало того, вопреки мнений Аксельрод, под ее формулой подпишется тот самый Гегель, против которого эта формула направлена. Пусть Аксельрод и прочие наши механисты попробуют опровергнуть следуюшую мысль Лейбница: «Итак, под словом «опыт» несомненно может скрываться и материалистическая и идеалистическая линия в философии, а равно и юмистская и кантовская, но ни определение опыта, как предмета исследования, ни определение его, как средства познания (вспомните аксельродовское: теория познания или теория опыта.—В. Р.), ничего еще не решает в этом отношении»².

Характеризуя «основной принцип диалектического материализма», Аксельрод *забыла* предварительно ответить на следующие «побочные» вопросы: 1) Существуют ли «противстоящие нам предметы» вне и независимо от какого бы то ни было сознания, существовала ли природа до человека, до человечества, до какого бы то ни было опыта, или иначе—что такое материя? (Против идеализма вообще и против механического материализма, защищаемого Аксельрод). 2) Являются ли ощущения, чувства, представления, понятия *образами, отражениями* этого внешнего мира, или материи? (Против теории иероглифов, которую проповедует Аксельрод).

¹ Ленин, т. XIII, стр. 106.

² Там же, стр. 125.

3) Способны ли мы об'ективно-истинно и неограниченно познавать материальный мир, как он существует сам по себе? (Против агностицизма вообще и кантианства в особенности..., в отношении к которому у Аксельрод далеко не все обстоит благополучно). Все эти «мелочи» трусливо обойдены при указании «основного принципа» марксистского мировоззрения. «Диалектический материализм от начала до конца эмпиричен!» После всего сказанного это не просто пошлость, а подлинная клевета. Называть без всяких оговорок марксистское мировоззрение, особенно в настоящее время, от начала и до конца эмпиричным—это значит выбрасывать из него не только диалектику, но и материализм, т.-е. выбрасывать *все* марксистское мировоззрение. В этом суть всей линии наших махистов, «научных эмпиристов», позитивистов и механистов, начиная с Богданова и кончая Аксельрод-Ортодокс, в этом же суть и всей философской линии Бернштейна, обоих Адлеров, Бауэра, де-Мана, Каутского и прочих международных оппортунистов.

Лишь отвечая утвердительно на эти три поставленные нами вопроса, мы можем сказать, что диалектический материализм «от начала и до конца» эмпиричен. На этой основе значение его эмпиричности заключается в том, что все наше знание есть результат воздействия на наши органы чувств предметов и процессов материального мира, «все знания из опыта, из ощущений, из восприятий»¹, «из опыта (=ощущений)»².

Но если поставить вопрос о том, отражается ли об'ективная истина только в ощущениях, чувствах, восприятиях, то понятие эмпиризма (=сенсуализма) становится совершенно недостаточным. *А ведь в этом суть* спора диалектических материалистов с механистами по вопросу об эмпиризме. И вот на этот-то вопрос диалектики категорически отвечают: диалектический материализм от начала и до конца не только эмпиричен, но и рационалистичен. Об'ективная истина не только в ощущениях, но и в мышлении, в понятиях. Рационализм, как исходный пункт познания—ложь. Рационализм, как мыслительная обработка чувственных данных, как признание истинности мышления—истина. Ничего этого наши механисты не понимают.

Но диалектический материализм не только эмпиричен и не только рационалистичен, так как он является и тем и другим в одно и то же время в одном и том же отношении. Понятие диалектического материализма (о чем и не подозревают наши механические горе-философы) включает в себя, содержит в себе *в снятом виде* и эмпиризм и рационализм. Не эмпиризм и отрицание рационализма является сущностью диалектического материализма, а наоборот, диалектический материализм является высшей ступенью развития, высшим результатом, подчинившим себе предшествовавшие моменты, является истинной материалистически-об'ективного сенсуализма Фейербаха и идеалистически-об'ективного диалектического рационализма Гегеля. Высшим синтезом высших форм эмпиризма и рационализма является материалистическая диалектика Маркса, Энгельса, Дицгена, Плеханова, Ленина.

¹ Ленин, т. XIII, стр. 104.

² Там же, стр. 141.

VI

Эмпиризм диалектического материализма есть первичное отражение в восприятиях материально-объективных фактов и их непосредственного, внешнего движения. Его рационализм есть опосредствованное, переработанное отражение в понятиях отношений, связей, законов внутреннего движения этих фактов. Переход от восприятия к понятию не есть простая количественная, математическая и механическая обработка чувственных данных. Понятие качественно отличается от восприятия, как высшая форма, содержащая в себе в снятом виде форму низшую, отличается от этой последней. Научное понятие есть выход за непосредственно доставленный, усвоенный чувствами опытный материал. В процессе рациональной обработки непосредственных чувственных данных человек развивает память, опирается на нее, при чем эта память не только его личная, но и общественная, об'ективированная в науках. Он пользуется законами логики, наиболее общими понятиями, категориями, выработанными человечеством на основе чувственного опыта. Он предвидит движение фактов, т.-е. то, чего нет в «опыте»,—на основе предшествовавшего восприятия фактов и знания законов развития других фактов того же типа, а вместе с тем и на основе понимания общих законов движения всего существующего, каковые законы подытожены в логике.

Таким образом, эмпиризм проникает и превращается в рационализм, восприятие—в понятие, опыт—в разумение, известные факты понимаются. Рационализм диалектического материализма эмпиричен, но и обратно—его эмпиризм рационалистичен. Это выражение кажется нелепым лишь с обычной, обывательской, вульгарной точки зрения. «Нет ничего в интеллекте, чего раньше не было в чувствах»—говорит Локк. Конечно! Но о чем интеллект и о чьих чувствах идет речь? Речь идет об индивидууме—всем духом своих произведений отвечает Локк. Тогда это неверно. Таких людей в природе не существует, чтобы все их понятия были основаны на их собственном опыте. Точка зрения Локка—это, конечно, материалистическая и об'ективно-сенсуалистическая точка зрения. Но вместе с тем, это—ограниченная, индивидуалистическая, буржуазная точка зрения. Все наше знание из опыта (=ощущений)—это положение верно лишь с общественной точки зрения. В самом деле, попробуйте сказать: все мое знание из моего опыта (=моих ощущений)—и вы неизбежно впадете в болото «критического» суб'ективизма, скептицизма и агностицизма.

Ребенок учится не только на непосредственно воспринимаемых фактах. Он воспитывается также, усваивая понятия, которые выработаны до него, независимо от его ощущений, от его опыта. Так же накапливаются знания человечеством, так же развиваются и ученые и науки. Знающие люди не сомневаются, что от земли до солнца полтора миллиона километров, между тем это расстояние никогда не было непосредственным предметом опыта (ощущений). Нельзя сомневаться в том, что у луны имеется обратная сторона, хотя никто ее не видел и, по всей вероятности, не увидит. Никто не видел живых ихтиозавров, но ученые не сомневаются в том, что ихтиозавры жили. Указывать на эти элементарные вещи даже как-то неловко. Опыт, на который опирается передовая наука, включает в себя и об'ективные ощущения и об'ективные понятия материальной действительности. Только у грудных ребят «душа», мозг человека представляет собой *tabula rasa*. Мозг людей науки и вообще взрослых людей предстает

влет собою продукт общественного развития, никогда не «чистую» доску, но всегда так или иначе обработанную рационалистически. Следовательно, рационализм проникает и превращается в эмпиризм. Но это не мешает тому, чтобы диалектико-материалистический «рационализм» был высшей формой познания.

Понятие есть результат восприятия. Но понятие есть также высшая ступень и форма знания. Понятие есть концентрация, сгущение восприятия. Оно является вместе с тем сокращением восприятий, опыта. Это возможно только потому, что об'ективная реальность сокращается в самой себе, в отношениях, связях, законах своего движения. Абстракции понятий, против которых так воюют Бергсон и Джемс, а за ними наши механисты (и Аксельрод в том числе) как раз и отражают, с точки зрения диалектического материализма, существенные моменты, существенное содержание, концентрированное движение «противостоящих нам предметов». Только потому, что человечество выработало и вырабатывает и «опытным» путем и путем размышления, философии, логики—абстракции, возможно прогрессивное движение человеческой мысли, науки, теории.

Механисты хотят быть философами опыта *par excellence*. Аксельрод даже ставит знак равенства между теорией познания и теорией опыта. Они выступают против «абстракции», они отрицают конкретность понятий, но этим они лишь обнаруживают свой теоретический хвостизм и величайшее пренебрежение к прогрессивному опыту человечества, подведенному в качестве итога в категориях диалектико-материалистической философии, в социальных понятиях марксизма. Это значит не то, чтобы они могли обойтись без понятий—наши механисты, слава богу, не троглодиты—а то, что они следуют обычным, вульгарным, ходячим, школьным, буржуазным, и буржуазно-понимаемым понятиям. Таким образом, они не только не понимают существа понятий, теорий вообще, но и в понимании опыта становятся на «беспартийную» точку зрения.

Ведь совершенно ясно, что если бы Маркс усвоил «теорию опыта» наших механистов, то «Капитал» не был бы написан. Только неграмотный человек (или так же грамотный, как Эдуард Бернштейн) может допускать, что «Капитал» есть просто результат изучения большого числа фактов, которые не были известны до Маркса.

Маркс ни одного эксперимента в области политэкономии не поставил и не мог ставить. И до Маркса имелось достаточное количество опытных данных и после Маркса это число необозримо выросло. Что же сделал Маркс в основном? Проверил политико-экономические опытные данные с точки зрения диалектического материализма, опустил глубже поверхность опыта, наблюдений, правил буржуазной политической экономии, *понял* этот опыт *со своей точки зрения*. И он мог это проделать только при том условии, что не стал на «опытный» путь современной ему экономической науки. Но как иначе возможен был переворот в области философии, логики и обществоведения, как не на том основании, что Маркс и Энгельс взглянули на данные предшествовавшего и современного им опыта как на сырой материал, требовавший новой переработки с точки зрения их философии, их логики, их диалектики. И лишь на основе такого коренного изменения точки зрения или логики изменил марксизм направление, содержание, цели опыта. В области естествознания дело обстоит и будет обстоит несколько иначе. Но именно «несколько», отнюдь не целиком, отнюдь не в основном, не в главном. Неужели механисты думают, что мы в этой

области можем *просто продолжать* линию современного естествознания? Нелепые, бессмысленные думы. Бессмысленное, стихийное распыление средств и сил. Пошлое демократическое уравнивание и теоретических и практических задач. Уравнивать теоретически проблему скорости света и проблему твердого тела, уравнивать практически проблему превращения энергии и проблему состава пищи! Какая нелепость, какой хвостизм! Какое отсутствие понимания и теоретических и практических задач эпохи!

Но как прекрасно увязывается такое беспартийное понимание практики—в одной только области естествознания—с поверхностным пониманием опыта. Опыт, эмпирия, данное в ощущениях, непосредственные связи, внешние отношения, разрозненные сферы наблюдения—это, теперь и здесь, факты, факты, факты—и ни единой об'единяющей мысли.

Чем больше указано фактов, тем больше опоры для мысли, для выводов. Конечно! Но каким образом, друзья-механисты, вы примените эту мысль («как таковую») на деле? Вот проблема повторяемости и необходимости. Аксельрод, на основе своей «теории опыта», так решает эту проблему: «Накопление опытов прошедшего, каждый из которых был и будущим, *создает уверенность в повторении*. И чем больше количество опытов, тем сильнее эта уверенность в повторении данных связей явлений в будущем»¹.

Но ведь это же самое говорит Юм, так же, как и Аксельрод, не имеющих понятия о единстве необходимости и случайности, о единстве закона и форм его проявления. Ведь в этих утверждениях нет ни грана теории (если не считать таковой механические представления). Собирается говорить о необходимости связи явлений и даже не поставить вопроса о соотношении необходимости и случайности—можно ли обнаружить большее отсутствие мысли!

Теперь посмотрите, какие социологические выводы вытекают из «теории» Аксельрод. Буржуазное общество существует триста лет, диктатура пролетариата 12 лет. Повторение «опытов» буржуазного жития по сравнению с опытами нового общества было бесконечным. Триста лет наблюдались («опытно» познавались) «данные», буржуазные «связи явлений». Опыт же новых, социалистических явлений совершенно незначителен, количественно мал итд. Но ведь по «научной теории опыта» Аксельрод «чем больше количество опытов, тем сильнее эта уверенность (уверенность мыслителя, человека науки, теоретика, не обывателя—ни в коем случае?—В. Р) в повторении данных связей явлений в будущем». Словом, деды наши и отцы наши так жили, и нам так полагается, ничто не ново под луной, всегда так было. «Так было, так будет». «И штоф очищенной всей пятерней сжимаю, лбом в полюс упершись, а пятками в Кавказ», сотни лет спала «непробудным сном Россия—мать святая». А вот на двенадцатом году величайшей в мире революции, строительства, невиданного ранее, совершенно не бывшего в опыте *нового общества*, появляются «марксистские» теоретики и говорят: спала сто лет?—значит, будет спать еще двести... И они обижаются, когда их называют *ползучими эмпириками*. Да разве они *только* ползучие? Они прямые *реакционеры* и *мракобсы* в теории, и их «научная теория опыта» есть прямое оправдание реакции, макарковского «так было, так будет», устряловщины, кондратьевщины, буржуазной и мелкобуржуазной обывательщины и хвостизма...

Только диалектика дает теоретическую опору в понимании *нового*, новых явлений, новых связей, обосновывает необходимость новых качеств и форм, их закономерного появления. Факт внешней повторяемости явлений в прошлом указывает на более глубокую внутреннюю и внутренне-необходимую основу этой повторяемости. Но отсюда еще отнюдь нельзя сделать вывод, что «так будет». С теоретической точки зрения, утверждению: так было, следовательно так будет,—с одинаковым и, пожалуй, с большим правом можно противопоставить утверждение: так было, следовательно, так не будет. Повторение явлений свидетельствует о сохранении внутренней живости и жизненности тех условий, основ, законов, которые порождают данные явления. Сущность, основа явлений и форма их осуществления находятся, конечно, в единстве. Но как и всякие различные стороны единого, сущности и явления не всегда совпадают друг с другом, они сохраняют собственную относительную самостоятельность, некоторую свободу движения одного по отношению к другому. Поэтому рассуждение Аксельрод: «чем больше..., тем сильнее»—совершенно односторонне, метафизично, формально, рационалистично, мертво. Скорее наоборот: «чем больше количество данных исторических фактов, явлений и связей, тем сильнее уверенность в уничтожении, прекращении этих связей в будущем, в смене их иными связями». Аксельрод, подобно Юму, и представления не имеет о том, что всякая конкретная необходимость изживает, исчерпывает себя в случайных фактах, сущность—в повторении явлений, закон—в эмпирических правилах, что с необходимостью должно наступить время, когда необходимость целиком перейдет в случайность, внутренняя устойчивая основа—в поверхностную традиционную форму, лишённую старого живого содержания, разумная и необходимая действительность—в простую и слепую наличность. Тогда повторению фактов грош цена, дни этого повторения сочтены. Гениальность пролетарских вождей как раз заключается в понимании условий перехода от одной необходимости к другой, в умении заметить отмирание, недостаточность старых условий, основ жизни и деятельности, схватить наиболее об'ективно удобный момент перехода к созданию новых условий или форм борьбы. А обыватели—все равно, в каком обличении—в это время все еще спят, все еще сонно твердят: повторяется? значит необходимо... во веки веков, аминь—и крестят лоб до той самой поры, когда на голову им вдруг свалится давно зреющая новая необходимость. Для наших философов механистов, как и для теоретиков правого уклона, проблема изменения мира не существует. Все их предвидение остается целиком в области «повторяющихся явлений», т.-е. в области привычной практики. Проблема обоснования непривычной, новой практики, эта вещь им даже не снится.

VII

Понятие опыта, «эмпирии» в материалистической диалектике указывает на об'ект, на независимо от сознания существующие предметы, отражающиеся в наших чувствах. Но эта точка зрения является *только* теоретической и потому недостаточной. Об'ект опыта есть не просто об'ект, но об'ект-суб'ект; единство об'екта и суб'екта есть или результат материального и чувственно-деятельного суб'екта или сам деятельный суб'ект. Не просто движущийся, не просто развивающийся об'ект, а практически деятельный, относящийся к человеческой общественной практике как резуль-

¹ В защиту диалектического материализма, стр. 225.

тат, условие, средство или цель этой практики,—или как непосредственное единство объекта и субъекта, как самостоятельное общество. В таком понимании *опыт превращается в практику*. Эмпиризм снимается в понятии практики (так же, как рационализм в понятии теории). Теория является выводом практики, практика—исходным пунктом теории.

Диалектический материализм от начала и до конца практичен. Но также и теоретичен. Практика есть основа теории, есть ее жизненный нерв, ее цель. Но и обратно, теория есть предпосылка практики, ее условие, ее руководящая нить и ее вывод. В первом случае практика рассматривается как стихийное движение пролетариата и трудящихся масс, как стихийная классовая борьба против эксплуататоров, как стихийно-революционное движение. Но, опосредованная марксистской теорией, соединенная с нею путем связи партии и класса, стихийная практика превращается в сознательную. Только на основе марксистской теории возможна научная политика, победоносная классовая борьба пролетариата, социалистическое строительство. Вне теории невозможно понимание *основных исторических задач*, выделение *существенного* из массы побочных моментов, определение *главных путей движения*, овладение *новыми основными и решающими* его формами. Сила практического движения масс, успех революционной борьбы обуславливается глубиной и широтой охвата масс марксистской теорией. Теория становится материальной, эмпирической, практической силой, когда она овладевает массами.

Теория об'ективируется в практике, в своей реализации, в своей цели. Опыт стихийного движения масс концентрируется, подытоживается в партийной теории. Теория осуществляется в сознательной практике передового класса. Теория есть выражение концентрированной практики, практика есть осуществленная, проявленная теория. Лишь в их единстве сила, причина, основа, источник самостоятельного, преобразующего общества движения пролетариата.

Никто так не любит хвататься за формулу: истина конкретна, как ползучий, трусливый, скептический эмпирик. Никаких абстракций, *только конкретное*. Но «конкретное» у эмпирика целиком лежит на поверхности,—это то, что можно непосредственно пощупать. Дай синицу в руки—таково требование конкретности. На шаг дальше или глубже непосредственно чувственной поверхности явлений, и эмпирик уже кричит: ближе к делу! Истина конкретна, это значит: истина единична, истина—это теперь и здесь. Ни шагу дальше, ибо в следующее мгновение истина снова конкретна, истина—*только* это, теперь и здесь. Что глубже, то слишком обще, слишком абстрактно, то—*только* теория. Но это значит, что закон явлений, их сущность, их основа, на деле признается неизменной, постоянной, старой, «как мир» (такова механическая «материя как таковая»).

Таким образом, лозунг «только конкретное», «конкретное во что бы то ни стало», по сути дела означает: подлинная истина—только абстракция, только пустое неизменное общее. Следовательно, лозунг «конкретное во что бы то ни стало», «конкретное как таковое» является на деле лишь трусливым прикрытием вечных, схоластических, абстрактных истин. Разукрашенный павлиньими перьями осязательного, безмерный, только конкретный эмпиризм на деле эклектически мирно уживается с пустым, голым, внутренне бессодержательным, безмерным рационализмом, поверхностный опыт ощущений—с окостенелостью понятий, обывательская практика—с мистицизмом раз навсегда заученных теоретических формул.

Истина всегда конкретна. Прекрасно. Но что значит «конкретна»? Значит, обусловлена временем и местом, обстоятельствами исторического развития. Но если я буду *всегда* утверждать одно и то же положение,—какая это будет истина? Абстрактная. Следовательно... ваше утверждение, что «истина всегда конкретна», есть истина абстрактная. Следовательно... вы ничего не поняли в диалектике.

Истина и абстрактна и конкретна в какое угодно время и в каком угодно месте. Истина «только конкретная»—это нечто совершенно бессмысленное.

Под *абстрактным* диалектический материализм понимает сущность, основу и закон, общее; под *конкретным*—явление, форму, частное, особенное. Как закон и явление, общее и особенное, не существуют раздельно, так и абстрактное и конкретное существует лишь в диалектическом, движущемся, развивающемся единстве и взаимопроникновении, отражаемом нашими понятиями.

Истина конкретна—это значит: сила, действительность и действенность истины зависят от условий ее реализации, осуществления; это значит иначе: общая истина всегда имеет конкретную, особенную форму проявления. Только в их конкретном диалектическом единстве истина.

Рационалистическая истина есть истина, навсегда, значит, вне времени. Эмпирическая истина есть истина на сегодня, на данный «момент». С одной стороны, истина рассудка, с другой—истина чувств, одна для души, другая для тела, одна происхождения «небесного», другая—земного, одна из «теории», другая из «опыта», одна для размышления на досуге, другая для «дела», одна для мирового масштаба, другая для домашнего потребления итд итп. Это и есть форменная схоластика.

Для материалистической диалектики есть только одна истина—диалектико-материалистическая, моменты, стороны которой, эмпирическая и рациональная, практическая и теоретическая, не самостоятельны. Теория есть одна сторона практики, есть внутри практики. Но также и практика есть критерий, орудие и средство теории, есть ее опытный, экспериментальный момент. И практика и теория относительны. В пределах этого отношения практика абсолютна, теория относительна. Но сама абсолютность практики относительна. Лишь единство теории и практики абсолютно по самому своему существу. Практика производства, развития техники, научных изобретений, открытий, практика классовой борьбы есть постоянный источник теории, есть ее об'ективно-материальная основа и цель. Об'ективно-истинная теория есть руководство для научной практики. В конечном счете решает практика.

Марксизм—руководство для действия. Следовательно, марксизм есть лишь средство. Его, как теории, цель лежит вне его—в практике. И это верно, но лишь постольку, поскольку он осуществляет свою собственную непосредственную цель—установление истины.

Если марксизм—ленинизм, научный социализм есть, вопреки Бернштейну, подлинная наука, то у него должны быть свои непосредственные научные цели. Каковы же эти цели? Вообще «цель науки дать верную... картину мира...»¹. Цель общественной науки дать верную картину общественного развития.

¹ Ленин, т. XIII, стр. 140.

Именно в настоящих условиях, когда представители реакционнойшей, идеалистической, позитивистской, эмпирической итд философии, Бергсон, Леруа, Джемс—взывают к людям науки: «...согласитесь с нами, что наука имеет *только практическое* (курсив наш.—В. Р.) значение для одной области человеческих действий, а религия имеет *не менее действительное значение*, чем наука, для другой области действий...»¹, особенно в наших условиях, когда дух мелкобуржуазного узкого практицизма, «строительства вообще», делаясь проникает в ряды даже передовых представителей рабочего класса,—в этих условиях подчеркивать *исключительно* непосредственно-практический характер науки, теории, марксизма—ленинизма, значит пасовать перед буржуазной идеологией. Только осуществляя свою непосредственную цель—дать верное, об'ективно-истинное отражение действительности, марксизм может быть орудием глубокого, коренного, практического переустройства общества.

Для пролетариата только та теория важна и полезна, только та теория имеет действительный успех на практике, об'ективная истинность которой доказывается самой практикой, независимо от желаний, намерений, интересов пролетариата. Такой проверенной теорией является не рационализм и не эмпиризм, а материалистическая диалектика.

VIII

Диктатура пролетариата *коренным образом изменяет отношение пролетариата к лозунгу «практицизма и деловитости»*. Когда основная историческая задача заключается в революционном разрушении старого капиталистического общества, в ломке буржуазной государственной машины, в установлении диктатуры пролетариата, в непосредственной и массовой экспроприации экспроприаторов,—в этих условиях под лозунгом практичности скрывается «в той или иной форме стремление примириться с капитализмом или ослабить натиск пролетариата на основы капитализма, ослабить революционную борьбу против капитализма»².

С этой точки зрения, основная линия международного оппортунизма как раз и характеризуется духом практицизма и деловитости, духом «строительства», постановкой перед пролетариатом, при диктатуре буржуазии, положительных политических, экономических и культурных задач. Движение—все, цель—ничто³,—это лишь общетеоретическое выражение предательства социала-демократией коренных интересов пролетариата и отказа от выполнения его основных исторических задач. И этот-то *реакционный политический лозунг неразрывно связывался с общеполитическими кантианскими и махистскими* взглядами социал-демократических теоретиков. «Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ»—это выражение Маркса было понято и западно-европейскими и русскими («экономисты») ревизионистами в том смысле, что стихийное и раздробленное движение рабочих, даже целиком остающееся на почве признания неизбежности капиталистического строя, неизмеримо принципиально важнее марксистской теории. «Марксизм—не догма, а руководство для действия»—

¹ Ленин, т. XIII, стр. 238.

² Ленин, Очередные задачи советской власти, «Правда» № 86, от 14 апреля 1929 года.

³ Э. Бернштейн. Условия возможности социализма. СПб. 1906 г., стр. 216.

это важнейшее положение революционной социал-демократии было истолковано оппортунистами в том смысле, что *основные истины* марксизма (революционно-классовая борьба, диктатура пролетариата итд) признавались устаревшей догмой, не оправдавшейся на практике, имеющей лишь историческое значение. «Действие» же, «движение» оппортунисты сводили к элементарным, не затрагивающим коренных интересов капитализма, приемлемым для капиталистов формам «цивилизованной», «законной» борьбы.

Неудивительно, что среди революционеров не было менее популярного лозунга, чем лозунг практичности и деловитости, лозунг строительства. Но действительных революционеров тогда было чрезвычайно мало. С другой стороны, «мирная» борьба постоянно отвлекала участников движения в сторону от постановки революционных задач и, следовательно, в сторону от их теоретического разрешения. Поэтому высокое теоретическое, марксистское сознание явилось исторически необходимой предпосылкой революционности в условиях мирного бытия. Ленин как раз и гениален тем, что после Маркса и Энгельса первый и единственный поднял, особенно своей брошюрой «Что делать?», знамя теоретической классовой борьбы на уровень практических всемирно-исторических задач пролетариата. Теперь это виднее, чем когда бы то ни было.

До революции единственным видом строительной практики пролетариата ленинизм считал лишь практику собирания, об'единения, обучения революционных сил, *практику строительства партии*. Ясно, конечно, что без разрешения этой положительной задачи задача отрицательная—разрушение капиталистического строя—не могла быть разрешена.

Но «совершенно понятно, каким образом дело должно было *измениться в корне* после завоевания власти пролетариатом, после обеспечения этой власти, после приступа к работе по созданию в широком масштабе *нового, т.-е. социалистического общества*»¹. Таким образом лозунг положительной практики стал верен лишь после укрепления диктатуры пролетариата. Но как бы предчувствуя возможность оппортунистического извращения этого лозунга, Ленин уточняет, конкретизирует его, обставляет его рядом принципиальных условий. Представляет ли новая задача что-либо принципиально новое по сравнению со старыми революционно-разрушительными задачами? В каком взаимоотношении друг к другу находятся эти задачи? Нет,—отвечает Ленин,—«именно во исполнение наших революционных задач, именно во имя того, чтобы эти задачи не остались утопией или невинным пожеланием, а превратились бы в реальность, были бы осуществлены немедленно,—именно во имя такой цели мы должны теперь поставить, как свою первую, очередную и главнейшую задачу, именно практичность и деловитость организационной работы» (там же).

Итак, новая задача есть лишь особая форма реализации старой, прошлое и настоящее связывает единая цель—установление социалистического общества, уничтожение классов. Новая эпоха выполняет новыми методами старые задачи—можно еще и так формулировать связь прошлого и настоящего с будущим.

Но Ленин не ограничивается характеристикой лишь положительных задач. Отрицательные задачи не ликвидированы и не могут быть отстра-

¹ Там же. Курсив наш.—В. Р.

нены до установления социализма. Строительная работа пролетариата имеет не только социалистически-положительный, но и отрицательный, разрушительный по отношению к старому обществу характер. «Мы и теперь,—говорит Ленин,—не в праве ни на волос ослабить ни своей работы по убеждению массы населения в правильности наших идей, ни своей работы по разрушению сопротивления эксплуататоров» (там же).

Мы привели лозунги Ленина, относящиеся к началу 1918 г. Но совершенно очевидно, что общее значение этих лозунгов целиком сохраняется и в настоящее время. Даже можно сказать, что в настоящее время эти лозунги верны по преимуществу. Отрицательные, разрушительные задачи исторической борьбы пролетариата отнюдь не уничтожаются с переходом к «мирной», организационной, строительной работе,—ни в форме административно-фискального регулирования частно-капиталистического накопления, ни в форме вытеснения ходом социалистического строительства капиталистических элементов и социалистической переделки мелкобуржуазных. *Социалистическое строительство по самому своему существу есть строительство революционное.* С точки зрения «здравого», «трезвого» эмпиризма это положение кажется игрой в понятия. Однако эта мысль является единственно верной, настолько верной, что всякое отклонение от нее ведет в сторону от ленинизма.

Чтобы понять это положение, рассмотрим сначала, каковы строительные задачи буржуазии, пришедшей к власти. Буржуазия уже в рамках феодального общества непосредственно строит экономические основы своего собственного общества. Ее основными историческими задачами являются, по преимуществу, задачи разрушительные, и, главным образом, в политически-правовом смысле. По сути дела, на второй день после революции перед буржуазией не встает задача выращивания буржуазно-экономических отношений. Сохранение освобожденной от феодальных тисков буржуазной экономики, капиталистического способа производства, капиталистической частной собственности является предпосылкой увековечения буржуазного общества. Классовая борьба между пролетариатом и буржуазией уже в рамках феодального общества скрывает революционные антифеодальные тенденции буржуазии. Революционность буржуазии может отцвести, не успевши расцвести,—как это случилось с буржуазией российской. Тем меньше нужды испытывает буржуазия в ломке остатков феодализма тогда, когда власть ею уже завоевана, а пролетариат выдвигает свои собственные задачи. И, наконец, чем ближе к гибели, тем более тесным, по общему закону, становится союз буржуазии с крепостническими элементами.

Таким образом, действительно, революция в сфере производственных отношений, производимая буржуазией политически-юридическим путем (законодательное закрепление экспроприации крестьянами помещиков, отмена цехов и др.), является первым и последним единовременным революционным актом в этой сфере. Дальше наступает длительная «четвертая революционная фаза»—переворот в технике, строительный период как таковой. Техническая революция, конечно, влечет за собой такую ломку старых производственных отношений (особенно во время кризисов), но это происходит вопреки желанию буржуазии. Постоянное революционизирование производственных отношений, происходящее на общей победившей капиталистической основе, происходит стихийно, не затрагивает этой основы или затрагивает ее лишь частично, вытекает не из противоре-

чий капитализма и феодализма, а из внутренних противоречий самого капитализма.

Следовательно, строительство господствующего капитализма отнюдь не является революционным с точки зрения буржуазии. Строго говоря, у победившей буржуазии никаких задач строительства капитализма нет, так как к этому времени капитализм уже построен. Привести в соответствие со сложившейся буржуазной экономикой государственный строй (Сталин)—вот революционная задача буржуазии. Развивать на данной экономической базе и при сохранении этой базы технические производительные силы,—вот послереволюционная, объективно-историческая (обусловленная успешностью классовой борьбы пролетариата), «вынужденная» задача буржуазии.

И вот эту-то схему развития (за вычетом социал-демократического понимания «вызревания» социализма) некоторые учебники по историческому материализму и некоторые обоснователи правого уклона накладывают на нашу эпоху. Они считают, что экономическая революция у нас уже давно (лет восемь назад) закончилась и что мы вступили в четвертую фазу технической революции как таковой. Удивительно ли, что с этой точки зрения мы вступили в мирную (без кавычек) организационную полосу нашего внутреннего развития? Ничего удивительного. Основной тезис Маркса, что эпоха диктатуры пролетариата ничего иного не может представлять собою, как только революционное преобразование общества капиталистического в социалистическое,—этот краеугольный камень всего учения марксизма-ленинизма попросту выбрасывается знаменитой схемой четырех фаз революции. Заучили люди обычное понятие революции—в смысле ломки государственной машины, гражданской войны, непосредственной экспроприации экспроприаторов—и не хотят думать над словами Маркса. Мало того, свою мертвящую схему четырех фаз они стремятся выдать за ленинское учение о социалистическом строительстве.

А теперь посмотрите, как эта схоластическая, абстрактная, рационалистическая теория прекрасно согласована с ползучим эмпиризмом, «практицизмом и деловитостью» (в кавычках), т.-е. с делячеством! Раз революционная—по отношению к производственным отношениям, к экономике—эпоха осталась позади, то, естественно, нам осталось заняться только и по преимуществу развитием производительных сил. Поэтому—laissez faire, laissez passer—производите, торгуйте, ускоряйте оборот! Производите все,—ведь экономическая революция уже совершилась. Да здравствует «практичность и деловитость», мирная и благоденственная организационная и культурная работа, развитие науки и техники итд итп! Никаких потрясений общественного (механически подвижного) равновесия!

Потише с классовой борьбой, мы—«партия гражданского мира»! Обеспечим же частно-хозяйственный интерес мелкобуржуазного производителя! Не мешать производству кулацких хозяйств! Не сковывать развития производительных сил общества! Обеспечим во всех отраслях сельского хозяйства «современно научный»... «крупно-промышленный»... пролетарский... то-бишь, «физико-химический подход»¹. Практика, практика,—и тихо и плавно на смирной крестьянской лошадке мы в'едем в социалистическое царство.

¹ Л. Степанов, Диалектический материализм и «деборинская школа», стр. 21.

IX

Троцкистский рационализм (на такой же эклектической базе, как и современный правый уклон) хотел прямолинейно продолжать политику военного коммунизма, непосредственных экспроприаций итд. Троцкизм совершенно не понял строительных задач эпохи, он не понял, что социализм рождается на базе диктатуры пролетариата, на базе экспроприации (помещиков и) буржуазии в длительной и упорной строительной работе. Великолепный прыжок — и готово, получайте чистенький, законченный социализм. Воображаемые троцкистские прыжки оказались лишь пустой фантазией взбесившегося мелкого буржуа. Троцкизм не заметил ни почвы, ни материала для стройки социалистического здания, он испугался трудностей строительства и с социалистическими фразами на устах скатился в болото контрреволюции. Что же касается самой стройки, самой социалистической практики, то ее троцкисты понимали в самом поверхностном смысле, именно в смысле буржуазном. Коренное изменение дает только кратковременная революция. Строительство и разрушение—это совершенно несовместимые вещи¹.

Но по сути дела на этой же точке зрения стоят и правые оппортунисты, хотя исходят они из других предпосылок. Вопреки троцкизму, они считают вместе с партией, что политические и экономические условия для строительства социализма в нашей стране имеются. Но они идут «дальше». Они уподобляют строительство социализма, с методологической точки зрения, «строительству» капитализма. Они, по сути дела, принципиально отрицают строительство *качественно-нового*. Социализм у нас уже есть, как нечто *готовое*, его надо только *увеличивать*. Простой количественный рост — и только, реставрация капитализма изнутри уже невозможна. Кулаку некуда податься. Никакой ломки производственных отношений больше не требуется. Соблюдайте равновесие всех элементов национального хозяйства — все будет благополучно. Таким образом, строительство социализма, с точки зрения правых, превращается в *только* «реформационный» процесс, в равнине на узкие места национального хозяйства.

Троцкисты ввучили наизусть старые формы классовой борьбы и за новыми ее формами в наших условиях не заметили ее существа. Они вообще отказались признать, что наше строительство есть вместе с тем фактически, на деле, *непримиримая классовая борьба с буржуазией, с кулачеством*.

Правые уклонисты по сути дела также односторонне поняли классовую борьбу, и, правильно отрицая необходимость классовой борьбы в тех формах, в каких она ведется при капитализме и при непосредственно революционном переходе от капитализма к диктатуре пролетариата, они перешли к отрицанию вообще необходимости классовой борьбы при диктатуре пролетариата, необходимости ее обострения на тех или иных (в частности, на данном) этапах развития диктатуры пролетариата.

Именно в этом суть эмпиризма или реализма правого уклона. «Гг. освобожденцы — говорил Ленин в эпоху первой революции — не знают много реализма, кроме ползучего; им совершенно чужда революционная диалек-

¹ Само собой разумеется, что фразы Тихомирова, а затем социалдемократических оппортунистов об абсолютном единстве революции и революции, и, следовательно, революционном характере эволюции старого капиталистического общества, есть лишь прикрытые их отказа от революции.

тика марксистского реализма, подчеркивающего боевые задачи передового класса, *открывающего в существующем элементы его ниспровержения*»¹ Если правые оппортунисты попробуют обвинять нас в механическом применении формулы Ленина к совершенно иным условиям, то они обнаружат тем самым полное непонимание основ материалистической диалектики. Дело здесь вовсе не в словах «боевые» и «ниспровержение», имеющих непосредственно революционный и политический характер. Суть в том, чтобы открыть в ныне существующем элементы его *уничтожения*, его *коренного изменения*. Надо признать, что существующее, с точки зрения марксистской диалектики, коренным образом должно быть изменено. Надо указать условия и силы, способные его изменить. Эта мысль верна всегда, применима во все эпохи жизни и борьбы пролетариата, иначе все называть пролетариат единственным по существу и до конца революционным классом.

Жизнь и борьба пролетариата есть высшее воплощение диалектики. Непрестанная забота о коренном изменении *данного*, непрестанное отыскивание, взращивание элементов *нового*, непрестанная забота об *ускорении* этого роста *нового*, о *воспитании сил*, способных на борьбу со *старым* за новое, непрестанная *теоретическая* работа, теоретическое осмысливание происходящих процессов, их *внутренних* источников, раскрытие их *тенденций*, непрестанный теоретический выход за пределы непосредственно *данного* в *будущее*, непрестанный марксистский анализ основных *классовых* взаимоотношений, их изменения итд итп, — вот что означают приведенные слова Ленина. Имеет ли такой реализм что-либо общее с ползучим, поверхностным, хвостистым реализмом правых оппортунистов, с политикой равновесной умеренности и аккуратности, с бесхребетной гибкостью тактики — без стратегии, с поворотами или, вернее, шатаниями «от случая к случаю» — без необходимой устойчивой линии? Ничего не имеет общего!

Отнюдь не из эмпиризма, не из близорукого практицизма; а из материалистической диалектики, из теории пролетарской революции вытекают следующие, к выработке программных директив относящиеся бесмертные слова Ленина:

«Мы думаем, что в особенности в революционные эпохи с.-д-тия должна на своих съездах *подводить итоги* периодам общественного развития, *применяя* к ним свои марксистские методы исследования, *уча* другие классы оглядываться назад и относиться к политическим событиям *принципиально* (курсив всюду Ленина. — В. Р.), *а не с точки зрения интереса минуты или успеха на несколько дней*, как относится буржуазия, *презирающая*, собственно говоря, *всякую теорию и боящаяся всякого классового анализа переживаемой истории*»². Таково подлинное методологическое и политическое завещание Ленина, рассчитанное на всю эпоху классовой борьбы, трусливо обходимое и фальсифицируемое представителями правого уклона и введенное в жизнь ЦК партии и XVI партийной конференцией.

Особенно ярко и во всей своей красе обнаруживается позитивизм, ползучий эмпиризм правых уклонистов их заявлением, что в нашем развитии «факты случились по Преображенскому». Только люди, целиком остающиеся на поверхности явлений, могли сказать такую чудовищную вещь. Только люди, принципиально стоящие на той же методологической позиции, что и троцкисты, могли договориться до такой сверхъестественной чепухи.

¹ Т. IV, изд. 1-е, стр. 286. Курсив наш.—В. Р.

² Т. VIII, стр. 225. Курсив наш.—В. Р.

Только люди, под «фактами» подразумевающие хвосты у лавок, могли так пошло и так «оптимистично» понять те глубокие преобразующие процессы, которые имеют место в нашей экономике.

И после этого видеть источник их оппортунизма в переоценке наших сил и недооценке врага? Ни в коем случае. Так могло казаться только в самом начале. Теперь стало яснее ясного, что в основе правого оппортунизма лежит животная трусость мелкого буржуа, боязнь перед трудностями подлинного, коренного социалистического переустройства всего нашего общества, полное нежелание вести классовую борьбу, стремление «пролезть» в царство социализма бочком-бочком, авось, не заметят. Отсюда бесконечное повторение старых тактических лозунгов, боязнь взглянуть прямо в лицо новому, глубоким новым задачам, отсюда стремление оградить себя непосредственными задачами минуты в самом пошлом, бытовательском, эмпирическом их понимании.

Но напрасно. Партия твердо помнит следующее методологическое завещание Ленина в области тактики: «Мы не можем удовлетвориться тем, чтобы наши тактические лозунги ковыляли вслед за событиями, приспособлялись к ним после их совершения. Мы должны стремиться к тому, чтобы эти лозунги вели нас вперед, освещали наш дальнейший путь, поднимали нас выше непосредственных задач минуты»¹. Решения XVI партийной конференции об индустриальной пятилетке, о необходимости усиленного развития коллективизации сельского хозяйства итд свидетельствуют, что партия твердо идет по ленинскому пути.

Мы против ползучего эмпиризма в области учета настроений масс, против тактического оппортунизма, равняющегося на отсталые, цеховые настроения масс, хотя бы и пролетарских, как это имеет место у некоторых руководителей профсоюзного движения в наше время. Ленинская партия есть партия, «ведущая массы к социализму, а вовсе не идущая за всяким поворотом настроения или упадком настроения масс, никогда выдержанные революционные с.-д. не поддаются любому повороту настроения масс»². У партии в особенности нет оснований плестись в настоящее время в хвосте отсталых элементов массы потому, что передовые и широкие слои рабочего класса охвачены революционной бодростью и твердой уверенностью в правильности политики партии, в победе социалистического строительства, руководимого партией и ее ленинским ЦК.

Наконец, мы против эклектического, трусливого, лицемерного, двуличного, «ужеподобного» эмпиризма правых оппортунистов в области объяснения причин борьбы партии с уклонами и примиренчеством с ним. Мы против оппортунистического затенения и прикрытия ими принципиальных расхождений с партией, против замалчивания коренных идейных разногласий, против их извращения мелкими личными вопросами, придирками к словам итд итп. Нет, подобно философским механистам, не удастся и правому оппортунизму просунуть хвост туда, куда не лезет голова. Теоретической основой партии был и остается не эмпиризм, не схоластика, не стихийные перелеты от одного к другому, а революционный диалектический материализм.

¹ Ленин, т. VI, стр. 289.

² Ленин, т. XI, ч. I, стр. 177—178. Курсив наш.—В. Р.

О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ ПСИХОЛОГИЕЙ И ИДЕОЛОГИЕЙ¹

Ю. В. Франкфурт

Проблема взаимоотношения между психологией и идеологией, интересная и важная сама по себе, приобретает особый интерес в связи с двумя попытками, идущими из двух противоположных лагерей—механистического и идеалистического,—попытками приписать марксизму отождествление психологии и идеологии.

Некоторые марксисты-психологи механистического толка утверждают, что под «суб'ективным» в собственном смысле этого слова, под суб'ективным отражением, под суб'ективными переживаниями марксизм понимает только идеи. Они заявляют, что есть только идеология, что психологии, как чего-то особого, отличного от идеологии нет, что, следовательно, психология как наука, изучающая суб'ективные переживания человека, не нужна, что нужны идеологические науки для изучения идеологии и физиологическая наука—для изучения мозга. Эти товарищи отождествляют психологию с идеологией для того, чтобы свести фактически всю проблему мозга к одной только физиологии.

С другой стороны, эмпирик Челпанов, пытаясь спасти позицию своей, потерявшей у нас социальную и идеологическую почву, эмпирической психологии, желая оградить ее от марксизма и доказать, что марксистской может быть только психология социальная, а не индивидуальная, мотивирует свою точку зрения тем, что «психология по Марксу отождествляется с идеологией, а так как с идеологией имеет дело психология социальная, то она и может быть марксистской, индивидуальная же психология идеологии не изучает и не может поэтому быть марксистской, как не может быть марксистской минералогия и другие сходные с ней науки»

Вопрос о взаимоотношении между психологией и идеологией и будет предметом настоящей статьи.

I

Суб'ективное в истории имеет два смысла—широкий и узкий. Суб'ективное в истории в широком смысле этого слова охватывает всю об'ективную общественную жизнь и деятельность, протекающую вне наших организмов, и все их суб'ективное отражение внутри нас. Суб'ективное в истории в узком смысле этого слова охватывает то суб'ективное отражение об'ективного общественного бытия, которое получается внутри нас.

¹ В порядке обсуждения. Ред.

Спрашивается, каково содержание этого субъективного отражения внутри нас, которое мы впредь будем называть «субъективное».

Расшифровывая историко-материалистические взгляды Маркса, Плеханов дает следующую формулу:

1. Состояние производительных сил.
2. Обусловленные им экономические отношения.
3. Социально-политический строй, выросший на данной экономической основе.
4. Определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека.

5. Различные идеологии, отражающие в себе свойства этой психики¹. Поскольку социально-политическая надстройка, государственной организации для подавления господствующими классами эксплуатируемых классов, еще не было в первобытном коммунистическом обществе и уже не будет в будущем коммунистическом обществе, постольку эта формула Плеханова относится только к классовому обществу. Не касаясь пока вопроса о бесклассовом обществе, мы можем, на основе вышеприведенной формулы для классового общества, установить следующие положения, ясно и определено из нее вытекающие, а именно:

1. В классовом обществе субъективное отражение внутри нас охватывает две надстройки: а) психику и б) идеологии.

2. Психика предшествует идеологиям.

3. Являясь отражением экономической базы и социально-политической надстройки, психика в свою очередь отражается в идеологиях.

4. Идеологии вырастают на «базе» психики, как ее производное, как ее отражение.

5. Психика, следовательно, есть отражение первой степени, а идеологии, вырастая на почве психической надстройки, являются уже отражением этой последней, отражением отражения, опосредствованным (через психику) отражением общественного бытия, отражением второй степени.

Мы имеем здесь диалектическое превращение следствия в причину, а именно: психика, сама выросшая из экономики (с лежащими в ее основе производительными силами) и из социально-политической надстройки, в свою очередь превращается в непосредственную причину для идеологии.

Конечно, когда идет речь о роли и значении психологии как «базы», как причины идеологии, то нельзя ни на одну минуту забывать, что сама психика является производной, что прежде чем стать «базой», она сама должна быть «создана», «произведена», что прежде чем быть причиной, она должна быть следствием, и что, следовательно, ее роль ограничена. Однако, ограниченность роли психики не означает отрицания ее роли как непосредственной причины идеологии.

Эту зависимость между психикой и идеологиями Плеханов неоднократно вскрывает при анализе идеологий. Приведем два примера. Сравнительно творчество Виктора Гюго, Эженя Делакруа и Гектора Берлиоза, которые «работали в трех совершенно различных областях искусства» и были настолько «далеки друг от друга», что «Гюго не любил музыки, а Делакруа пренебрежительно относился к музыкантам и романтикам», Плеханов утверждает, что «этих трех замечательных людей все-таки справедливо назы-

¹ Т. XVII, стр. 231.

вают романтической троицей», так как «в их произведениях отразилась одна и та же психология», «сказалось то же самое настроение: все идеологии имеют один общий корень — психологию данной эпохи»¹. В другом месте мы читаем: «В истории идеологии часто приходится задаваться вопросом, почему данный обряд или обычай сохранился, несмотря на то, что исчезли не только отношения, вызвавшие его к жизни, но и другие родственные ему обычаи или обряды, порожденные теми же отношениями. Вопрос этот равносильно вопросу о том, почему разрушительное действие новых отношений миновало именно этот обряд или обычай, устранив другие. Отвечать на этот вопрос ссылкой на силу традиций, значит ограничиться повторением его в утвердительной форме. Чтобы помочь горю, «надо обратиться к общественной психологии»². Отсюда вытекает общий вывод Плеханова: «Надо от экономики уметь перейти к общественной психологии, без внимательного изучения которой невозможно материалистическое объяснение истории идеологии»³.

Итак, субъективное распадается на два слоя — психику и идеологию. Мы находим, однако, у Плеханова также и другое определение субъективного. «Субъективная сторона жизни, именно психологическая, говорит Плеханов, это — человеческий дух, чувства и идеи людей»⁴. А так как жизнь охватывает все общественное бытие людей, то речь идет здесь о всей субъективной стороне, о всем субъективном, о всей человеческой психике, о всем человеческом духе, о всех чувствах и идеях людей. Следовательно, Плеханов как-будто отождествляет здесь психику со всем субъективным, со всем человеческим духом, со всеми чувствами и идеями людей. Получается, как-будто, явное противоречие. С одной стороны, субъективное распадается на два слоя — на психику и на производную от нее идеологию, а с другой стороны, то же субъективное приравнивается психике, и идеология, следовательно, или исключается совсем, или отождествляется с психикой. Однако это противоречие только кажущееся, только формальное. Оно получает свое разрешение, если подойти к этому вопросу диалектически, формулируя ответ так: одной своей стороной субъективное входит полностью в психику, а другой своей стороной субъективное (все или частично) выделяется из психики в отличную от психики идеологическую надстройку.

Спрашивается, что из субъективного и какой своей стороной, оставаясь органической частью психики, образует в то же время отдельную от нее надстройку. Для того, чтобы выяснить это, займемся анализом содержания понятий «психика» и «идеология».

Первый вопрос, могущий возникнуть в этой связи, это вопрос о том, не относится ли к идеологиям только та часть субъективного, которая неправильно отражает бытие? На этот вопрос надо ответить отрицательно.

«Исторически условна всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа», говорит Ленин⁵. Как мы видим, Ленин признает не только научную, но и религиозную идеологию. Вся разница между ними только в том, что научной идеологии соответствует объективная действительность, а религиозной — не соответствует.

¹ Т. XVIII, стр. 232.

² Т. VIII, стр. 266.

³ Т. VIII, стр. 250.

⁴ Т. VIII, стр. 169.

⁵ 1-е изд., т. X, с. 109.

Таким образом, является ли данная идеология правильным отражением бытия или неправильным, и в том и в другом случае мы имеем дело с *идеологией*. Несмотря на всю разницу между наукой и религией, они сходны между собой в том отношении, что обе они являются идеологиями. Следовательно, принцип правильности или неправильности отражения не является принципом выделения из «суб'ективного» идеологий.

Встает новый вопрос о том, не представляет ли собой идеология суб'ективное *только* ее творцов, идеологов? Не относится ли идеология *только* к суб'ективному идеологов, как индивидов? И на этот вопрос следует ответить отрицательно. Если мы опять обратимся к Плеханову, то увидим, что он считает важнейшей задачей партии рабочего класса развитие классового мирозерцания, классового самосознания. Классовое же самосознание, классовое мирозерцание рабочего класса — это и есть его классовая *идеология*.

Идеологи рабочего класса, Маркс, Энгельс, Ленин, да и сам Плеханов, — эти живые воплощения воли и сознания пролетариата, — как говорит Деборин, — уже формулировали к тому времени свое учение; у них, следовательно, уже были суб'ективно-идеологические переживания.

Почему же Плеханов говорит о задаче развития классового мирозерцания, т. е. идеологии рабочего класса? Да потому, что нельзя ограничиться суб'ективно идеологическими переживаниями одних только *идеологов*. Необходимо, чтобы ими овладел весь *рабочий класс*, чтобы эти суб'ективно идеологические переживания впитались, как говорит Энгельс, в плоть и кровь рабочего класса, чтобы они стали суб'ективными переживаниями всех рабочих, по крайней мере подавляющего большинства рабочего класса, его авангарда; ибо, как говорит Маркс, всякая теория становится силой только тогда, когда ею овладевают *массы*.

Представим себе, что Маркс Энгельс-Ленин напечатали свои произведения, но рабочие их учения не приемлют. Тогда в обществе существовала бы в об'ективной, материально зафиксированной форме идеология рабочего класса, но в реальной жизни, как *общественный* фактор, этой идеологии *еще не было бы*. Классовое самосознание у рабочего класса тогда отсутствовало бы.

Каким же образом учение Маркса-Ленина, формулировавшее идеологию рабочего класса, стало, скажем, у нас в СССР, одним из могущественных факторов общественного бытия?

Оно стало им потому, что рабочий класс СССР сначала в лице своего авангарда, ВКП(), а затем и во всей своей массе проникся идеями Маркса, Ленина, воспринял их, впитал в себя, в свою волю и чувства и стал творить *их* в жизнь своей революционной деятельностью.

Итак, идеологии присущи не только идеологам, но и тем людям, которые воспринимают их от идеологов. Другими словами, идеологии — это явление не индивидуального, а общественного, классового порядка.

Теперь подойдем к этому же вопросу с обратной стороны: не является ли *психика* суб'ективным только индивида? Не представляет ли собой психика явление индивидуального, а не общественного порядка? Плеханов различает три ряда условий жизни: 1) общие, 2) особенные и 3) частные и случайные обстоятельства. Психика является отражением и общих, и особенных, и частных условий жизни. Она состоит из черт общих, особенных и частных. Так как общие и особенные условия — это условия общие для всех членов класса, и только частные обстоятельства различны у раз-

ных людей одного и того же класса, то из трех составных элементов психики только частные черты являются чисто личными, чисто индивидуальными, общие же и особенные черты психики являются чертами общими для всех членов класса. Следовательно, психика в целом относится не только к индивиду и представляет собой явление не только индивидуального, но и общественного классового порядка. Таким образом, ни психика, ни идеологии не конструируются по принципу индивидуальности.

Идеология — это *сгусток психологии*, говорит Бухарин. Следовательно, идеология состоит из психологии и, как сгусток, выделяется в ней и над ней. Но что же значит «сгусток»?

В предисловии к «Критике политической экономии», Маркс заявляет, что «при рассмотрении общественных переворотов всегда необходимо строго различать материальную перемену в условиях производства, которая должна быть естественно-научно констатирована, и перемену в юридических, политических, религиозных, художественных и философских, словом *идеологических* формах, в которых *мысль* о столкновении проникает в человеческое сознание и в которых скрытым образом из-за него происходит борьба».

Как мы видим, идеологии представляют собой для Маркса определенные формы мысли, определенные формы общественного сознания, а именно: юридические, политические, религиозные, художественные и философские формы сознания.

Теперь вернемся к Плеханову. «На почве данной психики, говорит Плеханов, вырастают известные течения философской мысли и художественного творчества»¹, религиозные верования², нравы и обычаи³, гражданское и государственное право, естественные и общественные науки⁴. Но что понимать под правом, религией, нравами, обычаями, науками, искусствами и философией? В то время, как определение идеологии Маркса ясно говорит о *формах мысли*, о *формах сознания*, т. е. о формах *суб'ективного*, из определения Плеханова не вполне ясно, говорит ли он только об определенных формах мысли, сознания, — правового, религиозного, бытового, эстетического, научного и философского порядка, т. е. только о явлениях суб'ективного порядка, или же он имеет в виду не только формы суб'ективного, но и материальные и общественные установления, организации, произведения и действия религиозного, правового, бытового, художественного, научного порядка, т. е. также и явления об'ективного порядка. Оставим пока в стороне вопрос об об'ективном. Поскольку же речь идет о суб'ективном, то ясно, что идеологии здесь характеризуются как определенные формы мысли и сознания. Но ведь мысль, сознание, выходит по Плеханову в психику; следовательно, некая часть суб'ективного выделяется по признаку *определенности* в особую группу идеологий. Что это за признак определенности и что такое *определенные* формы? Идеологии суть определенные формы мысли, сознания в *том смысле*, что каждая идеология охватывает одну специфическую, следовательно, однородную по своему характеру область суб'ективного, а именно: право — одну область, религия — другую, искусство — третью, науки — четвертую и т. д. и т. д.

Науки, искусства в свою очередь дифференцируются, и каждый отдельный вид искусства или каждая отдельная отрасль наук охватывает

¹ VIII, 169.

² VIII, 208.

³ VIII, 251.

⁴ VIII, 266.

еще более узкую по объему, но зато еще более специфическую и однородную по характеру часть суб'ективного.

Следовательно, каждая идеологическая форма — это специфически-однородная область суб'ективного, психика же, охватывая все суб'ективное, не однородна, а разнородна, не специфична, а всеобща.

Но не является ли такое различие специфически-однородных идеологий механистским? Нам кажется, что нет. Идеологии связаны между собой, переплетаются, воздействуют друг на друга, как и те общественные явления, которые в них отражаются. Однако эта связь не может означать их полного слияния, не может и не должна уничтожать их различий между собой, качественной своеобразности каждой из них, как *определенной* (по выражению Маркса) *формы мысли*, в которой относительно разграниченные области бытия отражаются в человеческом сознании.

Поэтому, несмотря на связь между идеологиями, каждая идеология представляет собой относительно самостоятельную, качественно своеобразную часть суб'ективного, единство определенной специфически-однородной части суб'ективного.

Встает дальше вопрос о том, не означает ли идеология каждую отдельную специфически-однородную часть нашего суб'ективного, а психика — всю сумму этих специфически-однородных частей? Другими словами, не является ли психика *только собирательным именем* для всех идеологий?

Здесь надо рассмотреть *две* возможности: 1) идеологии какого-нибудь класса охватывают *все* его суб'ективное и 2) не *все* суб'ективное входит в его идеологии.

Допустим первое, т. е., что никакого другого суб'ективного, кроме того, что входит в отдельные идеологии, нет.

Спрашивается, имел ли Плеханов основание выделить психику и идеологию в особые надстройки при таком допущении? Нам кажется, что имел.

Являясь отражением общественного бытия, развивающегося по законам исторической диалектики, идеологии исторически относительны, — они меняются от эпохи к эпохе, а в пределах данного исторического периода от класса к классу.

Однако в каждый данный период, у каждого данного класса каждая идеология, т. е. каждая специфически-однородная часть суб'ективного является не только исторически относительной, но вместе с тем и некоторой системой, некоторым связным *единством*.

Так, говоря об учении Гегеля относительно разумности действительности, Плеханов замечает, что Гегель «высказывал часто самые гениальные *догадки* об экономических причинах общественных явлений», но что эти «гениальные догадки оставались не более как догадками», т. к. «лишенные прочной систематической основы, они не играли серьезной роли в исторических взглядах Гегеля».

Отдельные догадки, не увязанные с системой, не образуют идеологии, ибо последняя есть связная, хотя и относительная система, единство — вот смысл утверждения Плеханова.

Таким образом, каждая идеология представляет собой исторически относительную, но все же связную и цельную *систему* специфически-однородной части суб'ективного. Ну, а всеобще-разнородная психика? Об'единена ли она в систему, в единство, по мнению Плеханова?

Плеханов считает *неоспоримым* то обстоятельство, что «каждый человек есть „я“, и у каждого человека каждое соображение о том или другом своем поступке *неотделимо* от сознания этим человеком своего „я“»¹.

Таким образом, и психика представляет собой некоторую систему, связь, единство, но систему, связь, единство всеобще-разнородного суб'ективного.

Конечно, и психика, как система всеобще-разнородного суб'ективного, исторически относительна: она меняется от одной исторической эпохи к другой, а в пределах одного исторического периода от класса к классу; но у каждого данного класса в каждый данный период она представляет, хотя и исторически относительную, но все же систему, связь, единство всеобще-разнородного суб'ективного.

Эта связь, это единство, эта систематизированность как психики в целом, так и каждой отдельной идеологии, определяемые в своих основных чертах об'ективным бытием, оформляются в головах людей по особым, присущим им законам.

Однако поскольку каждая идеология представляет собой *специфически-однородную* систему переживаний, а психика в целом *всеобще-разнородную* систему переживаний, постольку для образования, под давлением бытия, в человеческой голове этих столь *различных* систем необходимы различные виды головной работы, происходящие по *различным* законам. Какие это различные законы — об этом ниже.

Далее, психика в целом и каждая идеология в отдельности являются исторически относительными системами, когда мы их рассматриваем как явление общественное. Но как переживаются они отдельными людьми, как протекает процесс переживания?

В реальной действительности каждый человек переходит ежедневно от переживаний в одной области к переживаниям в другой, поскольку он имеет переживания из разных областей, а это имеет место у всех классов, ибо каждый класс имеет одну психику и много идеологий. Так, мы переходим от своей трудовой деятельности с ее переживаниями то к общественной деятельности с ее переживаниями, то к театру с его переживаниями, то к спорту с его переживаниями, то к чтению научной книги и т. д. и т. д.

Следовательно, психика *каждого человека*, взятая в целом, представляет собой непрерывный процесс переживаний, в коем *перемежаются* переживания из различных идеологических областей.

Каждая же идеология, в отличие от психики в целом, образуется, вырабатывается и переживается каждым из нас с перерывами, с промежутками.

Эту разницу можно иллюстрировать (подчеркиваем, во избежание недоразумений, что речь идет не о параллели, а только об иллюстрации) следующим примером: строится здание, возводятся его четыре стены, но не систематически, а беспорядочно: кладется кирпич в одной стене, затем в четвертой, потом в третьей, второй и т. д., и т. д., но каждый кирпич прилагается к соседнему кирпичу из той же стены.

После сказанного ясно, что в психике и идеологиях мы имеем дело с двумя качественно различными единствами, с двумя качественно различными образованиями, различающимися между собой и по характеру своего

содержания (всеобщее-разнородное или специфически-однородное), и по характеру своего протекания в переживаниях людей, и по характеру законов, участвующих в их образовании, в их увязке, в их объединении.

Психика не есть только простая сумма различных идеологий, не есть только собирательное имя для всех идеологий, а представляет собой качественно своеобразное единство.

Поэтому, Плеханов был прав, выделяя психику и идеологию в особые надстройки, даже при том допущении, что всё суб'ективное распределено по идеологическим областям. Но Плеханов тем более прав, что и вторая возможность, т. е. наличие суб'ективного, не входящего в идеологии, вполне реальна, как мы это и постараемся сейчас выяснить.

Психика включает в себе черты общие, особенные и частные, т. е. чисто личные. Однако, чисто-индивидуальные, чисто-личные черты психики индивида суть черты хотя и важные, по мнению Плеханова, но второстепенные, как не характерные для класса в целом.

Характерными для класса чертами психики являются отражения общих и особенных условий бытия. Эти общеклассовые черты и составляют психику класса как такового. А так как общественная идеология есть идеология класса, а не индивида, то она, следовательно, образуется из классовой психологии, т. е. из отражения общего и особенного в положении класса, из общих для класса черт, а не из индивидуальных черт того или другого человека. Другими словами, индивидуальные черты психики общественного человека не включаются в идеологии.

Психика общественного человека шире его идеологии — по линии индивидуальных черт.

Далее, когда мы говорим о праве, религии, философии, науках и искусствах, то мы имеем дело с формами мыслей, являющихся в нашем сознании. Когда человек переживает что-либо из их содержания, то мы имеем обязательно в наличности «осознание».

Мы оставляем при этом в стороне вопрос о том, нет ли здесь также и бессознательных процессов, т. к. для разрешения нашего вопроса важно только безусловное наличие сознания. Что же касается психики общественного человека, то здесь сознание не всегда налично, здесь возможны переживания и без наличествующего сознания, переживания бессознательные.

Таким образом, психика общественного человека представляет собой особое, отличное от всех идеологий единство, и объем ее шире объема всех идеологий как по линии бессознательного, так и по линии чисто-индивидуальных черт.

Здесь напрашивается еще такая форма деления на психику и идеологию, такое их разграничение:

Психика охватывает все суб'ективное, и сознательное, и бессознательное, а идеологии — только сознательное.

Рассмотрим это возможное разграничение.

О товаропроизводителях, создающих капиталистическое общество, Плеханов пишет: «Они не имеют врожденных идей. Образ их мыслей создается влиянием окружающей обстановки. Живя в капиталистическом обществе, они начинают думать, что это и хорошо, что они живут в нем, что иначе и нельзя жить людям, что капиталистический порядок самый «естественный» и «справедливый». Да и так думают они в редких случаях

(большой частью, они вовсе ничего не думают) о своем общественном порядке: они берут его как он есть»¹.

Поскольку это сознание людей, о котором идет здесь речь, возникает помимо воли и желания людей, как непосредственное отражение их бытия, мы можем назвать его пассивным сознанием. А так как идеологические системы характеризуются тем, что они складываются при сознательно-активном участии людей, то следовательно, одна группа сознательных переживаний, а именно пассивное сознание, не входит в идеологии.

Но что такое пассивное и активное сознание? По Марксу, «идеальное есть переведенное и переработанное в человеческой голове материальное». Суб'ективное отражение в нашей голове делится на простые «переводы» и на продукты «переработки».

Напрашивается мысль о том, не представляют ли собой идеологии, как активное сознание, результат этой специфической перерабатывающей деятельности нашей головы, а пассивное сознание — только перевод?

Мы видели, что в пассивное сознание входят мысли. Спрашивается, как же? О тех же товаропроизводителях Плеханов утверждает: «Они не приводят своих понятий в систему. Но их несистематические, отрывочные понятия насквозь пропитаны «духом капитализма»².

Что это за неприведенные в систему, несистематические, отрывочные понятия?

Так как для них характерна неприведенность в систему, т. е. некая пассивность, то они относятся к пассивному сознанию. Следовательно, пассивное сознание — это неприведенные в систему, несистематизированные понятия, мысли, это сознание, дошедшее лишь до отрывочных несистематизированных понятий и мыслей. Активное же сознание — это высшая форма сознания, характеризующаяся системами, приведенными в связанное целое понятиями, мыслями, чувствами.

Но ведь отрывочные, несистематизированные понятия и мысли пассивного сознания представляют собой результат не только переводов, но и переработки (по определенным законам) ощущений, представлений и отдельных конкретных мыслей. Каждое из этих отрывочных, несистематизированных понятий и мыслей пассивного сознания представляет собой результат не только переводящей, но и перерабатывающей деятельности нашей головы. Следовательно, не все продукты переработки входят в идеологии, а только часть. В идеологии не входят те переработки нашего пассивного сознания, которые доходят только до отдельных несистематизированных, отрывочных понятий. В идеологии входят только те переработки высшего активного сознания, которые образуются от переработки и систематизирования этих несистематизированных отрывочных понятий.

Тут мы подходим к очень интересному формальному противоречию, которое и поможет, как нам кажется, найти основу для различения психики и идеологии в суб'ективном смысле. Дело в том, что эти не входящие в идеологии, несистематизированные, отрывочные понятия пассивного сознания сами являются результатом некоторой переработки и систематизации. Далее, каждое из этих понятий бесспорно связано со всей психикой, входит в нее, как в систему, единство всех наших переживаний.

¹ Т. V стр. 35.

² То же.

А между тем Плеханов все же называет их отрывочными, несистематизированными, неприведенными в порядок.

Имеем ли мы здесь дело с противоречием у Плеханова, или же, когда Плеханов говорит о несистематизированности, отрывочности, необ'единенности некоторой части психики, а именно отрывочных, несистематизированных понятий пассивного сознания, то речь идет об отсутствии единства, увязки, систематичности в каком-то другом смысле, не противоречащем единству, увязке, систематизированности, необходимым для образования отрывочных понятий пассивного сознания?

Нам кажется, что мы здесь имеем дело с последним, что никакого противоречия здесь нет, что все дело в том, *какой* систематичности недостает, по мнению Плеханова, упомянутым отрывочным, несистематизированным понятиям.

В каком же смысле они не систематизированы? Нам кажется, что они не систематизированы между собой в двух отношениях. Во-первых, пассивное сознание, не входящее в идеологии, не систематизировано в смысле отсутствия в нем высших форм мышления. В пассивном сознании мы имеем дело с до-логическим мышлением. Это только первая, низшая ступень систематизирования. В активном же сознании, характерном для идеологии, мы имеем дело с высшей формой мышления, с логическим мышлением, с логикой понятий, с систематизированием последних, с образованием из них высших мыслительных форм.

Следовательно, в пассивном сознании мы имеем дело не с абсолютным отсутствием систематизированности, а только с низшей степенью систематизированности. Таким образом, в идеологию входит активное сознание, систематизированное по высшим формам логического мышления, а пассивное сознание, с его низшей формой систематизирования, по низшим формам до-логического мышления, в идеологию не входит.

Во-вторых, пассивное сознание, не входящее в идеологии, в сравнении с активным сознанием, входящим в идеологии, не систематизировано в том смысле, что в нем нет *идеи*, нет об'единяющего суб'ективного принципа, который увязал бы его внутренне. Активное же сознание, систематизированное по высшим законам логического мышления, систематизируется ими вокруг тех или иных руководящих суб'ективных принципов.

Что это так, видно из оценки, даваемой Плехановым «гениальным догадкам» Гегеля. Гегель сделал, по мнению Плеханова, целый ряд гениальных догадок. Эти догадки были у Гегеля так или иначе связаны, увязаны, вкраплены в его учение; однако они, по мнению Плеханова, остались бесплодными в силу их несистематичности. Почему? Потому что они внутренне не увязались с его руководящей идеей, с его принципиальной установкой.

Мы видели также выше, что неприведенные в систему отрывочные понятия пассивного сознания проникнуты духом капитализма и, однако, не систематизированы. Как же так: и проникнуты одним «духом», и не об'единены? Все дело в том, что, отражая капиталистическое бытие товаропроизводителей, они насквозь проникнуты его «духом», но проникнуты только фактически. Этот «дух» еще не поднялся на высоту сознания. Нет еще суб'ективного *осознания*, нет еще в суб'ективном единого принципа, руководящей идеи, связывающей все сознание в единое идеологическое целое.

Эта видно также из следующей мысли Ленина.

«Никогда этого не было, да и теперь этого нет, чтобы члены общества представляли себе совокупность тех общественных отношений, при кото-

рых они живут, как нечто определенное целостное, проникнутое таким-то началом: напротив, масса прилаживается *бессознательно* к этим отношениям и до такой степени не имеет представления о них, как об основных исторических общественных отношениях, что, напр., об'яснение отношений обмена, при которых люди жили многие столетия, было дано лишь в самое последнее время».

Если в течение многих столетий у людей не было представления об определенном, целостном, проникнутом одним началом общественном бытии, например, об обмене, то значит ли это, что у них не было никакого сознания об обмене? Нет, такое сознание у людей было. Они знали, что у одного есть одни вещи, а у другого—другие, а потому они и обмениваются. Они знали, что если у одного есть излишние предметы, то он может их обменять или продать за деньги и на последние купить недостающие ему предметы. Они знали, что если кому-нибудь *недостаёт* вещи, то он может купить ее за деньги или обменять ее на что-либо из имеющихся у него вещей.

Другими словами, у людей на протяжении многих веков было представление, сознание, отражение эмпирического факта обмена, т. е. у них было *эмпирическое* сознание, но у них не было *об'яснения*. Каково же содержание этого недостававшего им об'яснения с точки зрения суб'ективных переживаний? Чего не доставало в их сознании, представлении, переживаниях?

Об'ективное бытие, напр., обмен, представляет собою некоторую целостную совокупность, проникнутую определенным единым началом.

Осознания этого-то об'единяющего начала, сознательного отражения его и не было в сознании, представлении, переживаниях людей. В их сознании не было суб'ективного об'единяющего принципа, который отражал бы об'ективное об'единяющее начало.

Об'яснение, научное сознание, познание—это наличие в сознании, в представлении, в переживаниях *«сознания»* этого об'единяющего начала, наличие об'единяющих идей, принципов в качестве отражения об'единяющего начала реального общественного бытия.

Одна из идеологических форм, а именно наука, характеризуется, по Ленину, наличием в сознании принципиальной идеи, об'единяющего принципа, отражающего целостность об'ективного бытия, между тем как эмпирические житейские переживания отражают лишь поверхностные эмпирические факты и лишены сознания об'единяющей идеи, об'единяющего принципа.

Наука представляет собою определенную систему идей, об'единенную некоторым руководящим принципом, отражающим единство самого об'ективного бытия.

Характерно ли это наличие в сознании об'единяющих идей, начал, принципов только для одной идеологии—для науки, или же оно свойственно всем идеологиям?

Можно ли представить себе религию без об'единяющей идеи божества, в которой и вокруг которой все религиозные переживания и действия связаны и об'единены в одну систему, в одно единство?

Можно ли сказать, что в литературе, в искусстве, в праве и т. п. мы не имеем аналогичных об'единяющих начал, принципов, идей? Конечно, нельзя сказать. Наличие определенных об'единяющих идей, начал, принципов свойственно всем идеологиям. Следовательно, для идеологий характерно активное сознание, систематизированное по высшим законам логи-

ческого мышления вокруг тех или иных об'единяющих суб'ективных принципов; пассивное же эмпирическое сознание, систематизированное по логическим законам, не об'единено вокруг единого суб'ективного принципа. Мы видели, что идеология может отражать об'ективное бытие и верно, и неверно. Об'единяющий принцип научной идеологии является *верным* отражением реального об'ективного об'единяющего начала, между тем как об'единяющий принцип религиозной идеологии есть *фикция, химера, выдуманная нереальность, неверное отражение бытия*. Соответствует ли об'единяющий принцип данной идеологии об'ективному бытию или не соответствует, является ли он верным или неверным отражением бытия—в обоих случаях *всякая* идеология характеризуется тем, что она представляет собой систему идей и чувств, суб'ективно об'единенную, посредством высшей переработки, вокруг единого руководящего суб'ективного принципа, независимое также и от того, увязывает ли этот принцип об'единяемую им систему в нечто логически цельное или в нечто эклектически-путаное, в нечто реальное или в нечто фантастическое.

Поэтому мы считаем себя вправе утверждать, что по Плеханову, как и по Ленину, психика это — вся суб'ективная сторона, весь человеческий дух, все бессознательное и все сознательное, все чувства и идеи, все суб'ективное, а идеологии — это *часть* суб'ективного (а именно, активное сознание, приведенное в систему посредством переработки высшей степени по логическим и высшим психологическим, а следовательно, и лежащим в основе последних физиологическим) законам, вокруг об'единяющей идеи, вокруг руководящего суб'ективного принципа.

До сих пор мы подходили к вопросу о психике и идеологии только с точки зрения связанных с ним суб'ективных переживаний, только со стороны чисто суб'ективных черт, характерных для суб'ективных переживаний психики и идеологии. Но к этому вопросу необходимо подойти и с другой стороны, со стороны чисто об'ективной.

«По каким признакам судить нам о реальных помыслах и чувствах реальных личностей?» — спрашивает Ленин и отвечает: «понятно, что такой признак может быть лишь *один*: действия этих личностей, — а так как речь идет только об общественных помыслах и чувствах, то следует добавить еще: общественные действия личностей, т. е. социальные факты»¹.

Суб'ективные переживания, как таковые, реальны непосредственно только для самого переживающего их. Явлением общественным, общим, реальным для окружающих они становятся, только претворяясь в действиях, в об'ективных материальных проявлениях.

Плеханов заявляет: «умственное развитие основывается на экономическом, но затем, в свою очередь, влияет на него через средство социально-политической *деятельности* людей».

Все наши суб'ективные переживания вырастают из всей нашей социальной деятельности как ее суб'ективное отражение, как ее суб'ективная сторона, и в ней же они претворяются, реализуются, реагируются, об'ективируются, материализуются.

Вся трудовая хозяйственная и политическая деятельность людей является 1) базой, основой, причиной и 2) всеобщей формой об'ективизации и материализации, претворения, реагирования всей нашей психики.

¹ Ленин, II, 69.

Ну, а та часть наших суб'ективных переживаний, которую мы называли идеологиями?

Она имеет еще и специальную форму материализации и об'ективизации а именно: произведения литературы, искусств и науки, обычаи, нравы, религиозные и правовые установления, учреждения, организации.

Таким образом, можно установить *об'ективное* различие между психикой в целом и ее специфической частью — идеологиями, различие в формах об'ективизации, материализации, претворения, реагирования.

А если так, то психика, во-первых, шире всех идеологий по об'ему охватываемых ею переживаний, по характеру и степени их переработки и, во-вторых, отличается новыми формами об'ективизации. Психика и идеология не совпадают между собой. Психика есть единство всего суб'ективного, а идеология — это частные внутри-психические единства.

Но если психика охватывает все наши переживания, а идеологии только часть их, то спрашивается, на основе чего Плеханов выделяет последние, уже входящие в психическую надстройку, в отдельную от психики идеологическую надстройку?

Нам кажется, что *об'ективной* основой для выделения идеологии в особую надстройку являются те специфические формы материализации идеологий, о которых мы говорили выше.

К этой об'ективной основе для выделения идеологии в отдельную от психики надстройку примыкает второй момент из области самого суб'ективного.

Что это за момент? Чтобы ответить на этот вопрос, перейдем от рассмотрения вопроса о том, *что* из суб'ективного входит в идеологии, к рассмотрению вопроса о том, *какой* стороной эта часть субъективного входит в идеологии.

В психике мы имеем дело с *процессом*, прежде всего с процессом ее возникновения, ее образования. У Плеханова мы читаем: «Не психика общественного человека определяет собою склад его жизни, а склад его жизни определяет собою его психику. Это нам хорошо известно в настоящее время, но это еще не значит, что нам в каждом данном случае известен тот *процесс*, который приводит к возникновению данной психики на основе данной формы общественного бытия. Далеко нет. Очень и очень многие стороны этого многообразного *процесса* только еще становятся предметом научного исследования».

За процессом возникновения психики следует процесс ее протекания и реагирования.

Очень интересно в этом отношении следующее место из книги Плеханова о Чернышевском. Плеханов называет очень тонкой и справедливой ту характеристику, которую Чернышевский дает Толстому.

«*Психологический* анализ — пишет Плеханов — может принимать различные направления: одного поэта занимают всего более очертания характера; другого — влияние *общественных отношений и житейских столкновений на характер*, третьего — *связь чувств с действиями*; четвертого — *анализ страстей*: графа Толстого всего более — *сам психический процесс, его формы, его законы, диалектика души*, чтобы выразиться определенным термином».

«Внимание графа Толстого более всего обращено на то, как одни *чувства и мысли развиваются из других*: ему интересно наблюдать, как *чувство, непосредственно возникающее из данного положения* (общественное положение, общественная ситуация, действия людей—Ю. Ф.) или впечатле-

ния, подчиняясь влиянию воспоминания и силе сочетаний, представляемых воображением, *переходит в другие чувства и снова возвращается к прежней исходной точке* (т. е. положению, ситуации, действиям—Ю. Ф.).

Литературно-художественное творчество представляет собой один из видов *идеологии* наряду с наукой. Подобно тому, как наука имеет объект изучения, отличный от нее самой, подобно этому и художественная литература имеет свой объект, отличный от нее самой. Объектом художественной литературы являются действия людей и психический процесс. Ниже мы коснемся вопроса о том, является ли психика полностью объектом художественной литературы, является ли она объектом только для поэзии, или также и для науки психологии. Сейчас нам важно отметить только то, что *психологический анализ* заключается в изучении процесса возникновения психики, ее протекания и возвращения к исходной точке, т. е. отреагирования психики. Следовательно, в психике нас интересует самый процесс переживания и те законы, по которым переживания образуются, вырабатываются, протекают,—самый процесс отражения, перевода и переработки в нашей голове того или другого содержания. В идеологиях же нас интересует не процесс переживания как таковой. Идеологии интересуют нас как определенные формы общественной мысли, взятые в их *содержании* как отражения общественного бытия.

Вот почему нам кажется, что на вопрос, *какой* своей стороной частные внутри-психические единства, составляя органическую часть психической надстройки, входят в то же время еще и в особую идеологическую надстройку,—можно ответить следующим образом: как конкретные переживания они входят в психику, но кроме того, они со стороны своего *содержания* входят в идеологии. Следовательно, идеологии выделяются из психики по признаку содержания.

Как переживания они не выделяются над психикой, а представляют собой часть психики, внутри-психическое образование.

Но взятые в их содержании, в их специфической форме отреагирования, идеологии выделяются из психики и представляют собой *отражение* психики в том смысле, что в них сконцентрировано в конденсированной форме все психическое, ибо, как высшая форма, они включают в себе, в качестве побочных, все низшие формы психики.

Что это так, видно из следующего.

В одном из писем Плеханова к Засулич (в эпоху выработки программы РСДРП) Плеханов следующим образом отзывается о характеристике Лениным капитализма.

«Фрею (т. е. Ленину) хотелось найти такую формулировку, в которой утонуло бы всякое различие между Россией и Западом. Я понимаю психологическое основание такого стремления, но знаю также, что оно приводит подчас к крупным логическим и социологическим промахам»¹.

Нас здесь не интересует спор по существу, в котором прав Ленин, а только те выводы, которые можно сделать из этого замечания Плеханова относительно различения трех моментов: 1) момента психологического, 2) логического и 3) социологического.

Социологический промах означает, по Плеханову, социолого-теоретическую, идеологическую формулировку, неправильно отражающую действительность. Здесь Плеханов сопоставляет *идеологические, теоретические*

формулировки Ленина, *со стороны их содержания*, с той действительностью, которую они должны отражать.

Следовательно, в теории, как идеологии, нас должно прежде всего интересоваться содержание мыслей в его соотношении с объективным бытием.

Далее, под *психологическим* здесь разумеются субъективные желания, стремления, а следовательно, и мысли, которые привели Ленина к определенной теоретической, идеологической формуле, т. е. *весь реальный конкретный процесс переживания* В. И. Ленина.

Под *логическим* же разумеется внутренняя связь отдельных положений, отдельных мыслей между собой (по своему содержанию), как правильное («логичное») или неправильное («нелогичное») отражение внутренних связей объективного бытия.

Таким образом, высказывается следующее различие между психикой и идеологией, а именно:

А. *Психика*—это все наши переживания тех или других содержаний, как переживания: 1) в процессе их образования под давлением общественного бытия, 2) в процессе их протекания в нас в качестве перевода и переработки общественного бытия и 3) в процессе их отреагирования, претворения, материализации и об'ективизации в практике, в практической деятельности, т. е. обратного их воздействия на общественное бытие.

Б. *Идеологии*—это та часть психики, которая представляет собой объединенные систематизированные посредством переработки высшей степени, т. е. по законам логического мышления, вокруг об'единяющих субъективных принципов, *специфически-однородные переживания*, взятые не как процесс переживания тех или других содержаний, а в их содержании и имеющие особую форму об'ективизации, материализации, отреагирования.

Резюмируя сказанное, мы можем сделать следующие выводы:

А. *Суб'ективное в истории в широком смысле* этого слова представляет собой в интересующем нас теперь аспекте *единство многообразия*, состоящее из двух качественно различных элементов:

1) *об'ективного общественного бытия, конкретной практической человеческой деятельности*, а именно: социально-экономической и вырастающей из нее и над ней социально-политической деятельности;

2) *суб'ективного отражения* этого движения внутри нас или субъективного в истории в узком смысле этого слова, в смысле внутри людей имеющегося субъективного отражения.

Б. *Суб'ективное в истории в узком смысле этого слова*, т. е. субъективное отражение об'ективного общественного бытия, также представляет собой *единство многообразия*, состоящие из двух качественно-различных элементов:

1) психики, т. е. всех внутренних субъективных переживаний людей, вырастающих из об'ективного общественного бытия, как отражение первой степени и 2) идеологий, *вырастающих* внутри психики, на почве психики и в известном смысле над ней, как отражение второй степени.

В. Взгляды Плеханова полностью *противоречат* утверждению психологов-механистов и эмпирика Челпанова о *тождестве* психики и идеологии. Такое отождествление неверно, не соответствует реальной конкретной действительности, противоречит диалектическому принципу охвата действительности такую, какова она есть, и означает идеалистическое или механическое смазывание качественных различий между психикой и идеологиями.

¹ Ленинский сборник, т. II, стр. 93.

Психика и идеологии представляют собой особые качества, особые общественные категории, *не тождественные* между собой.

К вопросу о разделении суб'ективного отражения на психику и идеологии Плеханов подходит с исторической точки зрения и видит в этом разделении явление исторического порядка, ибо все сказанное выше относится, как мы уже указывали в начале статьи, к классовому обществу.

Подобно тому, как само классовое общество имеет свою историю, свое начало и конец, подобно этому имеет свою историю, свое начало и свой «конец» и разделение суб'ективного отражения на психику и идеологию.

По поводу замечания известного историка искусства Вильгельма Любке о том, что у первобытных народов художественные произведения носят на себе печать *естественной необходимости*, между тем как у цивилизованных наций они проникнуты *духовным сознанием*, Плеханов пишет, что «творчество цивилизованных народов не менее первобытного подчинено необходимости», что «разница состоит лишь в том, что у цивилизованных народов исчезает непосредственная зависимость искусства *от техники и способов производства*», что эта «разница очень большая», но причина в ней «не чем иным, как именно развитием *общественных производительных сил*, ведущих к разделению общественного труда между различными *классами*»¹. У цивилизованных народов, у которых уже имеется общественное разделение труда между *различными классами*, идеологии (напр., искусство) находятся в опосредствованной (через психику, через духовное сознание) зависимости от трудовой деятельности, от техники и способов производства. У первобытных же народов, т. е. в бесклассовом обществе, идеологии были *непосредственным* отражением трудового процесса. А так как основное отличие между психикой и идеологией состоит в том, что психика является непосредственным отражением бытия, а идеология — отражением опосредствованным через психику, то, поскольку в первобытном обществе идеологии также являлись непосредственным отражением бытия, постольку *разницы* между психикой и идеологиями, как вырастающими друг над другом надстройками, в первобытном обществе еще не было. Следовательно, разделение внутри наших суб'ективных переживаний на психику и идеологии есть явление историческое, присущее только классовому обществу, что вполне согласуется с тем указанным нами в начале статьи положением, что пятичленная формула Плеханова относится только к классовому обществу.

Но почему же в первобытном обществе у людей нет отдельных психики и идеологии, почему там идеология непосредственно вырастает из производительной деятельности и почему картина меняется в классовом обществе?

Из всего сказанного Плехановым о первобытном обществе, о роли орудий труда, о покорении человеком природы и о развитии общественной жизни на протяжении веков, можно сделать следующий вывод по интересующему нас вопросу:

Первобытный человек впервые стал на путь систематического использования, выработки и усовершенствования орудий труда. Его производительные силы просты, примитивны. Примитивен, прост, узок его труд. Узка та сила природы, которой он овладел. Проста и несложна его общественная организация. Просто, несложно, примитивно и суб'ективно

отражение в его голове его примитивного бытия. Его примитивные, суб'ективные переживания являются непосредственным переводом и переработкой об'ективного бытия, увязанными в единое целое, по сравнительно простым, примитивным до-логическим и психологическим (а следовательно, и лежащим в основе последних физиологическим) законам.

Правда, у первобытного человека уже есть мирозерцание, первобытный анимизм.

Это, бесспорно, — система, но система, складывавшаяся в результате весьма примитивной, внутри-психической переработки, система простая, примитивная, в коей и из коей еще не выделилась идеологическая надстройка, как таковая. Эта система содержала в себе лишь *зачатки* идеологии.

В самом деле, что такое первобытный анимизм? Первобытный человек суб'ективно-непосредственно воспринимает себя как активно-переживающее и активно действующее существо. Он мало знает свой организм, окружающую природу, он имеет мало верных знаний о своих взаимоотношениях с окружающим миром и о самом обществе, членом коего он является, но для него суб'ективно является *непосредственным эмпирически-воспринимаемым* фактом, что действует он потому, что хочет. Таким же непосредственно-воспринимаемым, но по существу остающимся непонятным является тот факт, что сейчас он спокойно отдыхает или спит, а мысль его что-то делает, где-то далеко от того места, где он обретается теперь. Сюда же надо отнести и непонятое еще им явление смерти. Отсюда, из этих эмпирически-воспринимаемых фактов, как их непосредственное отражение, вырастает мысль о теле и о душе, то выходящей, то вновь входящей в тело. Это суб'ективное эмпирическое восприятие, для коего нужна сравнительно простая «логическая» и психическая работа.

Далее, все окружающие его вещи, все предметы, с которыми он приходит в соприкосновение, являются для него живыми, имеют душу. Почему? Потому что они дают на него, сопротивляются ему, действуют на него. А почему они дают, действуют, сопротивляются? Да по той же причине, что и он сам, т. е. потому что они имеют души.

Хотя это представление о том, что предметы живы и имеют души, строится первобытным человеком по аналогии с самим собой, хотя аналогия совершается по «логическим», психологическим (а, следовательно, и лежащим в основе последних физиологическим) законам, но она, эта аналогия, строится непосредственно на основе эмпирически-воспринимаемых фактов и осуществляется помощью сравнительно простых законов до-логического мышления. Логика понятий только зарождается.

Надо обратить при этом внимание на то обстоятельство, что каждый предмет жив и одушевлен *индивидуально*. Нет одной души у всех вещей, а каждая вещь имеет свою душу. Таким образом, представление об одушевленности всего мира есть идея, полученная не столько в результате внутри-суб'ективной логической переработки, не столько в результате общения, сколько в результате простого, примитивного отражения *отдельных* фактов, непосредственно вырастающего из эмпирически воспринимаемого бытия.

Не то мы имеем в классовом обществе. Ведь оно вырастает из первобытного общества лишь тогда, когда поднялись на известную высоту производительные силы, когда, в силу этого, труд стал более производительным, доставляющим прибавочный продукт, т. е. на расширенной производственной базе.

¹ Т. XIV, 28.

Сложнее становятся орудия труда, богаче производительные силы; расширяется та часть природы, которой овладел человек, усложняются общественные отношения, появляются классы, государственная организация и, как результат всего этого, усложняется и суб'ективная отражение в голове людей, развивается психофизический воспринимающий, переводящий и перерабатывающий аппарат мозга.

Теперь уже вырастает об'ективная необходимость и об'ективная потребность усиленно систематизировать, группировать суб'ективные отражения, перерабатывать их соответственно разветвленному бытию, причем эта переработка происходит уже по более сложным законам, вокруг тех или других внутренних об'единяющих принципов. Без этой более сложной переработки вокруг об'единяющих суб'ективных принципов нельзя уже разобраться в окружающем сложном бытии, нельзя успешно действовать в нем.

Вместе с этой растущей об'ективной потребностью вырастает и суб'ективная потребность производить более сложную внутри-психическую переработку, ставшую возможной в силу того, что нервно-мозговой аппарат окреп и вырос под давлением более сложного общественного бытия.

В результате всего этого, внутри психики и из нее выделяются идеологии, как более сложные, высшие внутри-психические и логические переработки все более усложняющегося содержания общественной жизни людей.

Со стороны сторонников отождествления психики и идеологий мы можем встретить следующее возражение:

Если в первобытном обществе не было разделения на психику и идеологию, если тогда у людей все их суб'ективное отражение было непосредственным отражением бытия, то это потому, что первобытное общество есть общество *трудовое*, все члены которого принимают активное участие в производстве. А так как производительные классы классового общества ничем не отличаются от членов первобытного трудового общества в отношении своего активного участия в производстве, то их суб'ективное отражение должно было бы быть полностью таким же непосредственным отражением их трудовой деятельности, как и у первобытных людей, следовательно, различие в классовом обществе психики и идеологии должно было бы относиться только к непроизводительным классам. Такая постановка вопроса может быть, как *будто*, подтверждена ссылкой на самого Плеханова.

«Если—говорит Плеханов—в первобытном обществе, не знаящем разделения на классы, производительная деятельность человека непосредственно влияет на его мирозерцание и на его эстетический вкус, то в обществе, разделенном на классы, непосредственное влияние этой деятельности на идеологию становится *гораздо менее заметным*. Если, например, один из видов пляски у австралийской женщины-туземки воспроизводит работу собирания ею корней, то чтобы понять, скажем, менюэт, совершенно *недостаточно* знания экономики Франции XVIII столетия. Тут нам приходится иметь дело с танцем, выражающим собою психологию непроизводительного класса. Психологией этого рода об'ясняется огромное большинство обычаев и приличий так называемого порядочного общества»¹.

¹ XVIII, 223.

При чтении этой цитаты как *будто* напрашивается только что указанная мысль о том, что у непроизводительного класса появляется психика, как посредствующее звено, потому что у него нет отражений, получаемых непосредственно в процессе производительно-трудовой деятельности; что, следовательно, у производительных классов нет *будто бы* деления переживания на психику и идеологии, что отдельные «психика» и «идеологии» присущи *будто бы* только непроизводительным классам.

Но против такого допущения говорит, во-первых, точный анализ самой цитаты и, во-вторых, основная формула исторического процесса, данная Плехановым.

Что касается цитаты, то Плеханов не говорит об абсолютном недействии производительной деятельности на обычаи и приличия господствующих классов и об абсолютной ненужности знания экономики для об'яснения происхождения этих обычаев и приличий.

Плеханов говорит *только о гораздо менее заметном влиянии* производительной деятельности на эти обычаи и приличия и о *недостаточности* знания экономики для их об'яснения. Следовательно, оспариваемое нами возражение механистов не вытекает из текста Плеханова.

Насколько оспариваемый нами вывод противоречит исторической формуле Плеханова, видно из следующего:

Во-первых, та пятичленная формула, в которую Плеханов укладывает исторический процесс, относится, ведь, к классовому обществу, а если так, то Плеханов должен был бы указать в ней, что 4-й и 5-й члены относятся только к непроизводительным классам.

Поскольку такого примечания нет, формула относится ко всему классовому обществу, ко *всем* классам, следовательно, и к производительным.

Во-вторых, единственным основанием для различия у господствующих классов психики и идеологии явилось бы отсутствие у них производительного труда.

Но мы, ведь, знаем, что и господствующие классы на *определенных* этапах исторического развития принимали активное участие в организации производства; следовательно, в такие периоды и у них должно было отсутствовать различие между идеологией и психикой. Но у Плеханова такой поправки нет. Следовательно, раздельность психики и идеологии присуща господствующим классам всегда, не только тогда, когда они не имеют непосредственного соприкосновения с производительно-трудовой деятельностью, но и тогда, когда они с ней соприкасаются в той или иной форме.

В-третьих, упомянутое допущение означало бы, что идеологии отражают *исключительно нетрудовую* деятельность, но что тогда делать с техническими науками?

Все эти соображения убеждают нас в том, что упомянутое понимание происхождения идеологии слишком упрощено и совершенно чуждо Плеханову, согласно пятичленной формуле которого идеологии являются отражением не только социально-политического строя, но и экономики с лежащими в ее основе производительными силами.

Сравним роль и участие производительных и непроизводительных классов в экономической и социально-политической жизни с точки зрения получаемых ими суб'ективных отражений.

Можно ли тут действительно установить, что у господствующих производительных классов должны образоваться и психика и идеологии, а у производительных классов—только одно отражение, одна надстройка?

В социально-политическом строе классового общества власть принадлежит господствующим классам, они являются его активными организаторами и участниками, следовательно, они получают непосредственные отражения от него.

И если у них выделяются отдельно психика и идеологии потому, что для создания, укрепления и сохранения социально-политического строя, обеспечивающего им их господство, им мало непосредственного эмпирического осознания создаваемого и охраняемого ими строя, и у них вырастает потребность в создании цельной системы взглядов об этом строе,—системы, об'единенной едиными принципом, т. е. соответствующей социально-политической идеологии, то спрашивается:

Разве угнетенные производительные классы, находящиеся под давлением социально-политического строя, созданного господствующими классами, могут, в процессе своей социально-политической борьбы, в противовес идеологической, об'единенной единым принципом системе социально-политических взглядов господствующих классов, не создавать свою идеологическую, об'единенную *другим* принципом систему социально-политических взглядов?

История показывает, что они создают и не могут не создавать своей собственной идеологии. Следовательно, и у производительных классов, в отношении социально-политического строя, выделяются и идеология и психика.

А как обстоит дело с экономикой?

Рассмотрим этот вопрос прежде всего с точки зрения производственных отношений. Ясно, что без участия господствующих классов они не создаются и, следовательно, здесь положение такое же, как и в отношении социально-политического строя.

Картина резко меняется, когда мы переходим непосредственно к трудовой деятельности. Тут, действительно, господствующие классы не имеют непосредственных восприятий, непосредственных отражений в отличие от производительных классов.

Но если бы разделение на психику и идеологию определялось *только* этим моментом—наличием или отсутствием непосредственного отражения самого процесса труда, то, как мы уже указали это выше, Плеханов не мог бы формулировать, что отражение двух степеней, психика и идеология, получается не только от социально-политического строя, но и от экономики с лежащими в ее основах производительными силами. Тогда Плеханов должен был бы дать *другую* формулировку.

Поэтому мы считаем, что хотя между непродуцированными и продуцированными классами в классовом обществе, пришедшем на смену первобытному обществу, и есть разница в смысле наличия или отсутствия непосредственного отражения от самого процесса труда,—схема Плеханова, признающая раздельные психику и идеологии, исходит не только из учета значения непосредственной трудовой деятельности для образования психики и идеологии, но и из учета *всей* социальной жизни, и относится, следовательно, ко всему обществу, ко всем классам.

Лучшей иллюстрацией является различие класса в себе и класса для себя в отношении к рабочему классу.

Как понять, что на определенной ступени своего развития рабочий класс не является еще классом для себя, а представляет собою лишь «класс в себе»?

«Подражание низшего класса высшему, пишет Плеханов, есть верный признак того, что низший класс еще не созрел для борьбы за свою эмансипацию. А такое подражание присуще низшим классам тогда, когда они еще не достигли самосознания»¹.

У рабочих есть сознание, как отражение их положения. Они *знают*, что им плохо, что они нанимаются на работу, что у них нет денег, нет собственности на орудия труда, что орудия и средства труда принадлежат нанимателям, что последним живется хорошо, а им плохо. Они стремятся улучшить свое положение, они борются, хотя и негодными, не ведущими к цели средствами.

Почему же мы говорим, что это еще только класс в себе, что это еще не есть класс для себя?

Да потому, что у рабочих на указанной стадии исторического развития имеется только сознание *эмпирического факта* и недостает классового самосознания, недостает основной, об'единяющей идеи или принципа, т. е. идеи научного социализма, недостает классовой идеологии.

Когда в умах рабочего класса вырабатывается эта основная идея, этот об'единяющий принцип, это приводящее в порядок начало, он становится классом для себя, т. е. классом, имеющим свою классовую идеологию.

Не значит ли это, что до выработки своей классовой идеологии у рабочего класса нет совсем идеологии? Нет, она у него есть, но это—идеология господствующего класса, как мы это видим и сейчас на тех рабочих, которые находятся под влиянием социал-демократии, этого проводника буржуазной идеологии в рядах рабочего класса. Следовательно, «класс в себе», на примере рабочего класса, означает класс, имеющий эмпирически, как отражение своего об'ективного бытия, свою классовую психику, но еще не выработавший своей классовой идеологии, живущий еще идеологией чуждого класса и сочетающий в себе *свою* классовую психику с чуждой классовой идеологией.

Таким образом, и у рабочего класса есть и психика, и особое внутрипсихическое частное образование—об'единенная единым началом идеология,—чуждая на одной ступени исторического развития и своя на более высокой стадии развития.

После всего сказанного ясно, что когда Плеханов проводит разницу между первобытным и классовым обществом, то речь идет не о том, что различие психики и идеологии действительно только в отношении непродуцированных классов, а речь идет *только о примере* из жизни непродуцированных классов, имеющем своей целью показать недостаточность одного экономического анализа и необходимость так же и психологического анализа,—примере, дающем возможность вскрыть механику разделения субъективного отражения на два слоя—на психику и идеологию, механику выделения внутри и над психикой идеологии. В самом деле, откуда берутся танцы у первобытных женщин, занятых производительным трудом, и у женщин непродуцированных классов, таковым трудом не занятых?

Представим себе этих женщин до того времени, когда у них впервые появились танцы.

¹ Т. IX, стр. 103.

У женщин первобытного общества, занятых производительным трудом, образуются в голове суб'ективные переживания, как единство непосредственных отражений их производительного бытия, переведенных и переработанных по логическим и психологическим (а, следовательно, и физиологическим) законам, под непосредственным давлением об'ективного бытия.

Теперь они впервые начинают танцевать. Откуда берется их танец? Он копирует их бытие, действия жизни, он составляет часть их об'ективного бытия, а мысли и чувства танца составляют часть уже присущего им суб'ективного отражения. Тут ничего нового по существу не создается. Тут только повторяется определенная органическая часть их об'ективного бытия, вместе с его суб'ективным отражением, но повторяется не в обыденных естественных условиях производительного труда, а в форме танца. Когда мы говорим, что в случае танца дикарки ничего нового не создается, то мы не хотим и не думаем отрицать момент творчества. Но творчество здесь сводится лишь к стремлению создать в форме танца, копирующего бытие, новые формы бытия. В этом смысле, в этом отношении наличие творчества несомненно. Говоря о том, что в танце дикарки ничего нового не создается, мы имеем в виду совсем другое, а именно не творчество стремления, не творческие поиски новых форм бытия, копирующих те или иные моменты производства, а самый танец. Этот танец, как таковой, в его содержании, взят из окружающего бытия, копирует, повторяет последнее. Впоследствии он, танец, может быть видоизменен, но вначале он просто копирует жизнь. Следовательно, творчество наличествует в поисках новых форм бытия, т. е. танца, сама же комбинация движений и переживаний танца не создается, а берется вначале в готовом виде из бытия.

Это-то воспроизведение в танце уже наличного бытия Плеханов и называет непосредственным отражением бытия.

Теперь обратимся к женщинам непроизводительных классов до того момента, как они стали впервые танцевать.

Не занимаясь производительным трудом, они имеют, однако, суб'ективные переживания, мысли и чувства, как отражение их бытия, их экономического и социально-политического положения.

Эти мысли и чувства были у них связаны, как и у всех людей, в единое целое. Но они не занимают производительной деятельностью. И вот, когда у них появляется творческое стремление и творческая мысль о новых формах «бытия» — танцах, то они не могут в своих танцах повторять отсутствующую производительную деятельность.

Их танцы не могут быть органической частью их уже наличного бытия, воспроизведением его, непосредственным копированием этого последнего, не могут повторять действия, мысли и чувства из области производительной деятельности, в которой они не участвуют.

Откуда же берется их танец? Пользуясь перерабатывающей функцией своего психофизического аппарата, они создают танцы, не отражающие непосредственно часть их бытия, из известных им отдельных элементов отдельных действий соответственно их вкусам, образу мыслей и привычкам.

Здесь явно выступают две ступени в их суб'ективном отражении: первая представляет собою перевод и переработку по логическим и психологическим (а следовательно, и по физиологическим) законам, как непосредственное отражение их бытия, а вторая является в результате внутри-суб'ективной переработки согласно более сложным законам, как опосредствованное отражение их бытия (через посредство психики), на базе суб'ективных

переживаний первой группы, — как процесс активного творчества, руководимого определенными вкусами, образом мыслей и привычками.

Такова механика выделения внутри психики суб'ективно-идеологических переживаний, как опосредствованного отражения бытия — механика, вскрываемая Плехановым на примере непроизводительных классов, но присущая всем классам.

Таким образом, у всех классов классового общества выделяются: 1) психика, об'единяющая все их суб'ективные переживания, все переводы и все переработки, и 2) идеологии, как та часть созданных переработкой высшей ступени сознательных суб'ективных переживаний, которая отражает не непосредственное восприятие бытия, а восприятие опосредствованное уже имеющейся психикой.

В первобытном обществе мы имеем только самые первоначальные фазы процесса образования внутри психики особых идеологий. В дальнейшем развитии человеческого общества область суб'ективно-идеологических переживаний, в пределах психики растет и усложняется. Этот процесс, понятно, не закончен. В будущем коммунистическом обществе, когда человечество будет сознательно регулировать не только силы природы, но и силы самого общества, — будет иметь место пышный расцвет человеческой психики, освобожденный от пут эксплуатации. Но вместе с тем внутри психики будет расти ее идеологическая часть. Овладевая все в большей и большей степени законами природы и общества, человек, естественно, будет расширять ту часть своей психики, которая систематизируется по высшим законам внутрипсихической переработки. Суб'ективно идеологическая часть наших переживаний будет становиться все большей и большей, и разница в объеме между психикой в целом и суб'ективной идеологией будет все более уменьшаться.

Таким образом, разница в объеме между психикой и идеологией имеет тенденцию «отмереть».

Мы говорим: «тенденция», а не отмирание. Поскольку суб'ективно-идеологическая часть растет, по своему объему охватывая все большую часть наших переживаний, все большую часть психики, постольку намечается уничтожение разницы в объеме между психикой и идеологиями. Но, так как наше суб'ективное отражение всегда будет расти по мере роста и обогащения общественного бытия человечества, то в нашем исторически-растущем суб'ективном отражении всегда будут иметься такие переживания, которые мы еще не успели довести до высшей степени систематизации, путем переработки их вокруг того или иного об'единяющего, руководящего принципа. Поэтому мы и говорим только о «тенденции к отмиранию», а не об «отмирании».

Этим указанием на тенденцию к отмиранию разницы в объеме между психикой и идеологией мы считаем необходимым подчеркнуть тот исторически бесспорный факт, что все большая и большая часть психики будет включаться в идеологии. Отсюда ясно также, что мы не идеологию уничтожаем в будущем коммунистическом обществе, не идеологию сливаем с психологией, не суб'ективно-идеологическое явление переводим на психическое, а следовательно, и психофизиологическое явление, а, наоборот, указываем на историческую тенденцию претворения все большего числа психических состояний в идеологические.

В первобытном обществе идеологическая часть психики была мизерна, незначительна, ибо она только еще начинала складываться. В будущем же

коммунистическом обществе, наоборот, идеологическая часть психики будет превалировать в психике.

Такова музыка будущего, которое, на новой основе, установит новое взаимоотношение между психикой и идеологией, диаметрально противоположное отношению между ними в эпоху первобытного коммунизма.

Но уменьшение разницы в объеме между психикой и идеологиями не уничтожает качественного своеобразия психики, с одной стороны, и идеологии, с другой стороны, ибо психика, как мы говорили, это есть суб'ективное как *процесс переживания* того или другого содержания, а идеологии—это само содержание переживаний, как определенные специфические формы общественного сознания.

Наконец, последний вопрос.—Нужна ли особая психологическая наука?

Мы видели, что Плеханов и Чернышевский говорят о психологическом анализе, производимом поэтами, художниками, писателями. Можно было бы сделать вывод о том, что психику изучает только художественная литература, поэзия. Но это не верно. Поэты, художники, писатели, изображая своих персонажей, *не могут не касаться их психики*. Однако поэзия и художественная литература *не могут заменить* психологической науки.

Это вытекает, во-первых, из того, что поэты, художники, писатели *не всегда* дают психологический анализ.

«Очень редко он встречается у великих иностранных художников», говорит Плеханов.

Это вытекает, во-вторых, из того, что они не всегда охватывают психику *полностью*. Великие иностранные художники—говорит Плеханов, «по большей части представляют нам *не* диалектику мыслей и чувств, *не* переход одного чувства в другое и одной мысли в другую мысль, а только два крайние звена этого психического процесса: только его *начало и конец*, и это потому, что большинство поэтов заботится преимущественно о *результатах* проявления внутренней жизни, о столкновениях между людьми, о действиях, а не о таинственном *процессе*, посредством которого *вырабатывается* мысль или чувство».

Это вытекает, в-третьих, из того, что психологический анализ, даже тогда, когда он занимает в поэзии значительное место, все же является в ней *второстепенным* моментом. «Психологический анализ,—излагает Плеханов Чернышевского,—*более всего развит у Лермонтова, но и у него он все-таки играет слишком второстепенную роль и редко обнаруживается*».

Таким образом, даже у великих художников слова психологический анализ является *большей частью* чем-то не всегда наличествующим—во-первых, второстепенным—во-вторых, и не полным—в-третьих. Они берут большей частью начало и конец, а не самый внутренний, внутри головы совершающийся психический процесс. Однако они не перестают из-за этого быть великими художниками. Включая или не включая психологический анализ в свои произведения, они приобретают или лишаются некоторых особых черт, но это не меняет существа их творений, не меняет существа поэзии, художественной литературы, ибо основное назначение последней состоит в том, чтобы нарисовать результаты определенной общественной ситуации, ее отражение в содержании общественной мысли, а не в том, чтобы вскрыть внутреннюю динамику, внутреннюю диалектику души, внутри головы происходящий диалектический психологический процесс.

Правда, некоторые писатели включают *полностью* анализ психологического процесса в свои художественные произведения. Так, Толстого Плеханов—Чернышевский характеризуют следующим образом: «Толстой не ограничивается изображением *результатов* психического процесса, готовых чувств: его интересует *самый процесс*. Внимание графа Толстого более всего обращено на то, как одни чувства и мысли развиваются из других: ему интересно наблюдать, как чувство, непосредственно возникающее из данного положения (общественное положение, общественная ситуация, действия людей,—Ю. Ф.) или впечатления, подчиняясь влиянию воспоминаний и силе сочетаний, представляемых воображением, переходит в другие чувства, снова возвращается к прежней исходной точке» (т. е. положению, ситуации, действиям.—Ю. Ф.).

Однако, даже тогда, когда художественная литература включает *полностью* анализ психологического процесса, она дает *только* эмпирический материал, очень ценный, могущий послужить исходным пунктом для научного анализа, но *не* заменяющий этого последнего. Поэзия и вообще художественная литература не могут заменить науки психологии, хотя они и касаются психики. Вскрытие механизмов (не в узко-физиологическом механистическом смысле), вскрытие диалектики процесса образования, протекания и возвращения к исходной точке, т. е. отреагирования психического процесса—все это является задачей особой психологической науки.

АВСТРОМАРКСИСТСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

С. НОВИКОВ

1. ОТТО БАУЭР—«КРИТИК» КАУТСКИАНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Левая социал-демократия инсценирует видимость серьезных разногласий с откровенно контрреволюционной каутскианской концепцией Октябрьской революции. Как всегда, тон задает О. Бауэр. На марсельском конгрессе II Интернационала он старался притупить острие каутскианской критики Октябрьской революции, противопоставив *свою* концепцию каутскианской. Вот ход мыслей Бауэра в Марселе. Империалистическому пацифизму стран-победительниц, заинтересованных в сохранении Версальского status quo, противостоит воинственная разновидность социализма—большевизм, опирающийся на азиатско-африканский национализм. Демократический социализм II Интернационала противостоит деспотическому социализму большевизма и *должен* стать между империалистическим пацифизмом и большевизмом, опирающимся на азиатско-африканский национализм, чтобы спасти мир от столкновения этих двух воинственных сил: империалистического пацифизма, с одной стороны, и большевистского империализма, с другой. В отличие от большевизма, который ждет развязки мировой революции от новой войны, демократический социализм должен добиваться мирного освобождения колоний и полукolonий путем разрешения колониального вопроса демократизированной Лигой Наций. О. Бауэр был недоволен наивным, некритическим отношением левого крыла английской рабочей партии к большевизму. Он говорил, что II Интернационал должен бороться с большевизмом не только потому, что деспотический социализм большевизма в корне противоречит демократическому социализму, но прежде всего потому, что международная политика Советского Союза и Коминтерна якобы ориентируется на войну.

Но, с другой стороны, О. Бауэр выражал недовольство также и взглядами большинства социалдемократических партий, которые видят в большевизме только смертельного врага. «Даже такой муж, как Каутский, человек, у ног которого мы сидели как ученики и у которого мы научились больше чем у кого-либо из ныне живущих, заходит уже теперь так далеко, что он проводит аналогию между нашим отношением к большевизму и отношением республиканцев к Луи Бонапарту». «Нет ничего опасней для будущего, чем такое отношение Интернационала к большевизму. Большевики—без сомнения поддерживаемая одной частью русского пролетариата, без сомнения революционная, без сомнения социалистическая партия. Конечно, это не

наш социализм. Это социализм «профессиональных революционеров», которые готовы заплатить кровью и бедствиями пролетариата за достижение власти, которые устанавливают диктатуру большевистской бюрократии над пролетариатом и не гнушаются даже новой всемирной войны для достижения своих целей. Но как бы ни были велики противоречия между демократическим и деспотическим социализмом, это все же социализм тут и там. Поэтому социалдемократия не должна стать на сторону контрреволюции, в случае восстания против Советской власти, или на сторону империализма в случае военного столкновения между англо-саксонским империализмом и Советским Союзом, опирающимся на азиатско-африканский национализм. Социалдемократия должна бороться с большевизмом, ибо он содействует новой всемирной войне. Но если, несмотря на противодействие социалдемократии, наступит война революционных наций против контрреволюционных, II Интернационал ни в коем случае не должен стать орудием контрреволюции против революции. Поэтому II Интернационал должен выбросить пароль: «Руки прочь от Советской России!»¹

Эта концепция, официально узаконенная Марсельским конгрессом, целиком составляет продолжение понимания Октябрьской революции, которое Бауэр выработал себе еще в 1920—21 гг., в последний год военного коммунизма и первый год нэпа.

В своей известной работе «Большевизм или социал-демократия» Бауэр пытается определить историческое место Октябрьской революции. Он приходит там к заключению, что Октябрьская революция оправдала концепцию пролетарской диктатуры, абстрагированную Марксом из французской революции 1793 г. и предначертанную им для немецкой революции 1848 г. Бауэр утверждает, что эта концепция осуществилась в русской революции в 1917 г., но она неприменима в наши дни к пролетарским движениям Западной и Средней Европы на том же основании, на каком она оказалась неприменимой к французской революции 1848 г. Маркс и Энгельс в канун революции 1848 г. предвидели возможность непосредственного превращения буржуазной революции в пролетарскую. Они рассматривали буржуазную революцию в Германии «как непосредственный пролог пролетарской революции» (Ком. Манифест, IV). Французский пролетариат не мог в 1848 г. установить свою диктатуру. Он не мог привлечь на свою сторону мелко-собственническое, социально и политически реакционное крестьянство. Июньское поражение парижских рабочих сделало невозможной диктатуру пролетариата в Германии. Но марксowska концепция ожила снова в России, ибо Россия пережила в 1917 г. ситуацию Великой Французской революции. Диктатура санкюлотов над Парижем и города над деревней покоилась на бескультурности крестьянства. Крестьянин защищал диктатуру против внешних врагов, которые грозили привести в страну феодальную контрреволюцию. Но крестьянская армия, разбившая феодальную контрреволюцию, низвергла затем и плебейский город. 18-го брюмера крестьянство поставило на место диктатуры города империю крестьян.

Буржуазная революция 1917 г., разбившая феодализм, превратилась в пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата потому, что здесь

¹ См. О. Вауер, Der Kongress in Marseille, Der Kampf, 1925, № 8/9; Die Kriegsgefahren in Osten—речь Бауэра и резолюция Марсельского конгресса. 2-ter Kongress in Marseille, Protokoll des Kongresses von Marseille, pp. 331—340, 362—364.

буржуазная революция произошла в такое время, когда самым многочисленным и революционным городским классом России оказался крупно-промышленный пролетариат. Но Октябрьская революция установила режим деспотического социализма. Диктатура большевизма над пролетариатом и диктатура пролетарского меньшинства над крестьянством покоится на бескультурности русского крестьянства. Поднимаемая культурный уровень крестьянства, Советская власть разрушает предпосылки своей диктатуры. Культурное, политически выросшее крестьянство сломит самодержавие городского пролетариата. Когда крестьянское большинство нации захватит власть, оно взорвет историческую форму диктатуры меньшинства—Советскую власть! Крестьянское господство может временно облечься в форму цезаризма, опирающегося на крестьянство, но впоследствии оно выльется в демократическую республику. Диктатура пролетариата в России не есть преодоление демократии, а лишь фаза развития к демократии. Деспотизм пролетариата имеет своей исторической задачей поднять крестьянскую массу русского народа из бескультурности, в которой ее держал царский деспотизм, и таким образом создать предпосылки демократии в России. Диктатура пролетариата в России—переходная фаза к крестьянской демократической республике. В России, где пролетариат составляет ничтожное меньшинство нации, пролетариат может удержать свою власть только временно; он ее потеряет, как только крестьянская масса нации достаточно созреет культурно, чтобы взять власть в свои руки. В России пролетариат может удержать свою временную власть только в форме деспотического социализма, в форме советской диктатуры пролетарского меньшинства над бескультурным крестьянским большинством¹.

Если в начальную фазу Октябрьской революции диктатура большевистской партии была исполнительным органом пролетарских масс, то теперь это—диктатура над пролетариатом и крестьянством, это не диктатура действительного пролетариата, а диктатура идеи пролетариата. Эта диктатура милитаризовала все хозяйство. Она строит социалистическое общество. Но если это социализм, то это социализм особого рода, *деспотический социализм*. Только бескультурностью русского крестьянина объясняется, почему царский деспотизм должен был смениться не демократическим самоуправлением русского народа, а диктатурой пролетариата, составляющего меньшинство русского народа. Только культурной отсталостью русского рабочего объясняется, почему диктатура пролетариата превратилась из господства пролетарских масс в деспотизм небольшого передового пролетарского меньшинства. Деспотический социализм в России есть необходимый продукт социальной революции, разразившейся на такой ступени развития, когда русский мужик еще не созрел для политической демократии, а русский рабочий для индустриальной демократии. Деспотический социализм есть продукт русской бескультурности². И Отто Бауэр предсказывал, что под'ем крестьянства к политической власти окончательно определит общественный строй России. Это будет: государственный социализм в промышленности, транспорте и банковском деле; кооперативная организация торговли; крестьянское частное хозяйство; новая буржуазия, развивающаяся на базе тайной торговли; иностранные концессионные капиталистические предприятия—вот элементы, из которых сло-

жится новое русское хозяйство. Так Россия может прийти к смешанным общественным формам, внутри которых соотношение социалистических и капиталистических элементов будет определяться ходом и темпом преодоления капитализма и построения социализма в остальном мире. Но социалистическим хозяйством России может стать только в рамках демократического социализма³.

В России, на базе полуфеодалного культурного уровня масс, диктатура пролетариата может осуществиться только в форме деспотического социализма. На промышленном Западе, при несравненно более высоком культурном уровне масс, господство пролетариата осуществится в форме демократического социализма. Преходящее господство индустриального социализма в аграрной России—только факел, который зовет пролетариат индустриального Запада к борьбе. Только завоевание политической власти пролетариатом индустриального Запада может установить длительное господство индустриального социализма.

В первый же год нэпа, к 4-й годовщине Октябрьской революции, Бауэр опубликовал в «Арbeiter Zeitung» серию статей о «Новом курсе в Советской России». В предисловии к брошюре, в которой эти статьи были переизданы⁴, Бауэр раскрывает как нельзя более ясно суть своей концепции. Он вспоминает о том, как еще за месяц до Октябрьской революции он доказывал в брошюре, посвященной итогам февральской революции⁵, что окончательным результатом русской революции может быть только буржуазная демократическая республика. Но буржуазная республика в России не может быть установлена буржуазией, а рабочими и крестьянами, которые должны были взять власть в свои руки, чтобы отразить контрреволюцию и провести великую аграрную революцию. После проведения аграрной революции крестьянская масса вынесет к власти буржуазию и восстановит буржуазную демократию. Уже тогда, накануне Октября, он, Бауэр, рассматривал преходящее господство пролетариата в союзе с крестьянством, как необходимую фазу в развитии России к буржуазной демократии.

Эта же мысль, говорит он, проходит красной нитью через брошюру «Большевизм или социал-демократия», в которой обобщен опыт военного коммунизма. И здесь он изобразил диктатуру пролетариата в России как необходимую переходную фазу, которая аграрной революцией подготавливает предпосылки для подъема крестьянства и развития России к буржуазной демократии.

Большевики—рассказывает он дальше—страстно оспаривали эту концепцию, называя ее меньшевистской философией. Бауэр говорит, что он предоставил антикритику самой истории, которая быстро и основательно позаботилась о ней. Введение нэпа якобы подтвердило целиком прогноз Бауэра и в частности его предсказание, что развитие России приведет к своеобразным смешанным экономическим формам (государственный социализм, кооперация, крестьянское хозяйство, новая буржуазия, концессии).

Сам, де, Ленин в 1921 г. подтвердил бауэровский анализ и его «меньшевистскую философию»⁶ в брошюре «О продналоге». Бауэр цитирует

¹ Там же, стр. 70.

² O. Bauer, Der Neue Kurs in Sowjetrußland, Wien 1921, pp. 3—5.

³ H. Weber (O. Bauer), Die russische Revolution und das europäische Proletariat, Wien, 1917, pp. 26—27.

⁴ Иронические кавычки принадлежат О. Бауэру. С. Н.

¹ O. Bauer, Bolschewismus und Sozialdemokratie, § 10, pp. 64—74.

² Там же, стр. 62—64.

из главы «О современной экономике России» известное место о пяти общественно-экономических укладах [1) патриархальное крестьянское хозяйство; 2) мелкое товарное производство; 3) частно-хозяйственный капитализм; 4) государственный капитализм; 5) социализм]. Он говорит, что Ленин призывает в этой брошюре насаждать в России государственный капитализм, в противовес натуральнохозяйственным и мелкотоварным формам, путем предоставления концессий иностранному капиталу, развития кооперации, комиссионной торговли и, наконец, сдачи в аренду государственных предприятий внутренним капиталистам. И Бауэр вопрошает торжественно: «Разве можно более убедительно подтвердить меньшевистскую философию?»¹.

Бауэр скрывает от своих читателей, что вся глава «О современной экономике» написана Лениным еще в 1918 г., что и в 1918 г. и в 1921 г. Ленин рассматривал «насаждение» государственного капитализма (кавычки принадлежат Ленину. С. Н.) при диктатуре пролетариата как шаг вперед к социализму, в противовес мелкому производству и частному капиталу, что «государственный капитализм» под строжайшим контролем диктатуры пролетариата есть одно из посредствующих звеньев для перехода к социализму, что весь вопрос по Ленину, как теоретический, так и практический, состоял (тогда, в 1918 и 1921 гг., а не теперь — в 1929 г.! — для сведения Отто Бауэров. С. Н.) в том, чтобы... «обеспечить превращение в недалеком будущем государственного капитализма в социализм»². Важнейшим условием для этого Ленин считал дальнейшее укрепление диктатуры пролетариата (и в частности усиление репрессий против меньшевиков и эсэров). Ленин разъяснял и в 1918 и в 1921 гг., что Россия стоит впереди Западной Европы по своему политическому строю и позади самого отсталого западно-европейского государства по организации добропорядочного государственного капитализма, по высоте культуры, по степени материально-производственной подготовки к «введению» социализма³. Ленин предостерегал против двух возможных ошибок: против меньшевистской и лево-коммунистической ошибок, ибо каждая из них по-своему мелкобуржуазна. Ленин особенно резко возражал против меньшевистской ошибки, которая заключается в утверждении, «что раз признано несоответствие наших экономических «сил» и силы политической, то, «следовательно», не надо брать власть. Так рассуждают «человеки в футлярах» (т. е. меньшевики и прочие Отто Бауэры. С. Н.), забывающие, что «соответствия не будет никогда, что его не может быть в развитии общества, как и в развитии природы, что только путем ряда попыток, из которых каждая, отдельно взятая, будет односторонняя, будет страдать несоответствием, — создается победоносный социализм из революционного сотрудничества пролетариев всех стран»⁴. (Курсив и кавычки Ленина. С. Н.).

Несравненный диалектик Ленин как бы разъяснял меньшевистским тупицам, что механического соответствия между базисом и надстройкой, между экономикой и политикой нет и быть не может. Да, — говорил Ленин, — наш жалкий технический и культурный уровень не соответствует нашему высокому, непревзойденному политическому строю; надо этот строй дикта-

¹ О. Bauer, Der neue Kurs, p. 5.

² Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 217.

³ Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 211.

⁴ Там же, стр. 211.

туры пролетариата всемерно упрочить, чтобы добиться соответствия между материально-производственным базисом и культурной надстройкой, с одной стороны, и политическим строем, с другой. Надо отступить и сделать такие-то и такие-то уступки в экономике, но именно поэтому *наступление*, никаких уступок в политике. Это тоже несоответствие, но оно необходимо, чтобы через него прийти к соответствию нашей экономики и политики, перейти в наступление и в экономике, «обеспечить в недалеком будущем превращение государственного капитализма в социализм».

Ленин дает в брошюре о «Продналоге» (как и в последующих своих работах об Октябрьской революции, напр. в статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции», написанной одновременно с Бауэровским «Новым курсом», в заметках «О нашей революции», написанных в 1923 г.), самый трезвый, насквозь объективный, материалистический анализ нашей экономики, признающий нашу материально-производственную и культурную отсталость; но этот анализ заканчивается историко-материалистическим, историко-оптимистическим прогнозом в смысле Маркса: «Человечество никогда не ставит себе неразрешимых задач, ибо при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее разрешения уже существуют, либо по меньшей мере находятся в процессе их становления»¹. (Курсив наш. С. Н.). Ленину было ясно, что материально-производственные предпосылки построения социализма в России находятся в процессе становления; задачи новой экономической политики сводились (и сводятся теперь) к ускорению этого процесса становления. Главным ускорителем этого процесса и условием непосредственного перехода к социализму Ленин считал (и наша партия сейчас это осуществляет) всестороннюю индустриализацию и электрификацию страны. Но это потребовало бы минимум 10 лет для построения районных электрических станций первой очереди. На ряду с этим главным ускорителем, который мог оказать свое действие через десяток-другой лет, Ленин выставлял, как побочный и немедленный ускоритель, как посредствующее звено, насаждение «государственного капитализма» (т. е. всемерное развитие кооперации, аренды концессий и комиссионной торговли) под бдительным и строжайшим диктаторским контролем и регулированием социалистического государства.

Бауэр совершенно не понял или притворился, что не понимает, ленинского прогноза. Но он не понял и глубочайшей разницы между, якобы совпадающими, его и ленинским анализом нашей экономики. У Бауэра перечень элементов нашей экономики не содержит даже упоминания о государственном капитализме, начинается с государственного социализма и заканчивается концессионным капитализмом. У Ленина перечень элементов нашей экономики расположен в историко-логическом порядке, от низших к высшим общественным формам, и заканчивается социализмом. И это не «случайно». По Бауэру Октябрьская революция закончится капитализмом. По Ленину — социализмом. Это две непримиримые концепции.

Не поняв ленинского анализа и прогноза, Бауэр выдает их за подтверждение своей меньшевистской философии и хвастливо заявляет: «Так «новый курс» большевизма целиком подтвердил мое понимание экономических тенденций развития русской революции. Спор идет лишь по вопросу, каковы будут политические последствия экономического поворота русского

¹ K. Marx, Vorwort zur Kritik etc., Berlin 1924, p. LVI.

большевизма. Большевики питают иллюзии (о возможности сохранения диктатуры). Иллюзии нужны борцам, чтобы подольше продержаться в борьбе. Нельзя смеяться над такими жизненно-необходимыми иллюзиями, которые извинительны в пылу борьбы. Но марксово понимание истории было бы бесполезным, если бы оно не сделало с.-д. способными иначе и глубже понять Октябрьскую революцию, чем она рисуется самим участникам в их идеологиях и иллюзиях, питаемых страстью и пылом борьбы».

Напустив этот туман, Бауэр, в роли стороннего наблюдателя, дает Октябрьской революции мудрый и беспристрастный совет и предупреждение — покончить с иллюзией и, во избежание полного краха, своевременно, вслед за отказом от экономических иллюзий, дополнить новый курс в экономике новым курсом в политике¹ (т. е. пойти на мирно-демократическую ликвидацию диктатуры пролетариата). Именно к этому сводится поучение, которое Бауэр прочел Октябрьской революции к ее 4-й годовщине в 4 больших передовицах, помещенных в «Арbeiter Цейтунг».

Тонкий смысл этого плоского совета сводился к меньшевистско-каутскианской идее заполнения напэ *экономического* напэ *политическим*.

В своих четырех статьях о новом курсе Бауэр делает ряд политических и «философских» выводов о новой экономической политике и всей Октябрьской революции. В годы военного коммунизма казалось, что капитализм целиком уничтожен и осуществлено социалистическое общество². (Мы видели, что это «казалось» и самому Бауэру: в брошюре «Большевизм и социал-демократия» он говорил, что в России возникает социалистическое общество, правда, в форме деспотического социализма). Полтора года новой экономической политики убедили Бауэра, что в России восстанавливается капиталистическое хозяйство, полная капиталистическая организация хозяйства в промышленности, торговле и кредите. Бауэр забывает о двух вещах: 1) о запятой диктатуры пролетариата, 2) свое собственное хвастливое утверждение, что напэ подтвердил «его» прогноз насчет смешанной капиталистическо-социалистической формы нашего хозяйства. Какое же это смешанное хозяйство, если оно состоит из чистого и полного капитализма?

«Раз сопротивление крестьянской массы советскому правительству вынудило возврат к свободной торговле, *внутренней логикой* торговли была восстановлена вся капиталистическая организация хозяйства». И тут же «философский» вывод: в этом грандиозном историческом опыте получает подтверждение основная мысль марксизма понимания истории: производительные силы и производственные отношения *каждой страны* определяют ее общественный строй. Никакая диктатура, никакой террор, никакое насилие не могут навязать какой-нибудь стране общественный строй, к которому не созрели ее производительные силы и производственные отношения»³.

Мелкий лавочник в политике, Бауэр и не представляет себе что при диктатуре пролетариата и логика другая, что внутренняя логика нашей внешней и внутренней торговли ведет не к реставрации капитализма, а к социалистическому огосударствлению и обобществлению процесса обращения. Мелкий лавочник в философии, Бауэр выдает за марксово

¹ Bauer, Der neue Kurs, p. 5—6.

² Bauer, Der neue Kurs, p. 8.

³ Там же, стр. 20.

понимание истории типичную социал-демократическую подделку под исторический материализм: нигде и никогда Маркс или Энгельс не давали такой формулировки материалистического понимания истории; «каждую страну» присочинил Бауэр; Маркс и Энгельс говорили о причинной связи базиса и надстройки *общества* в данную историческую эпоху, при данной общественной формации, а не каждой или какой-нибудь страны. Маркс открыл категорию *общественно-экономической формации* и тем возвел социологию в науку; критерием зрелости революции основоположники марксизма считали зрелость производительных сил данной исторической формации, а не данной «каждой (или какой-нибудь) страны».

Подставив вместо понятия общественно-экономической формации абстрактно-географическое понятие «каждой страны», Бауэр открыл ворота настежь для меньшевистской метафизики, которая вопрос о зрелости той или иной страны (напр. России) к пролетарской революции рассматривает *изолированно* от вопроса о зрелости *мирового* капитализма, от вопроса о зрелости современного капиталистического общества. «Современное общество — это капиталистическое общество, существующее во всех цивилизованных странах, с большей или меньшей примесью элементов, унаследованных от средних веков, более или менее видоизмененное особенностями исторического развития каждой страны»¹. В русском капитализме в 1917 г. этих феодальных, средневековых элементов было сколько угодно — этим определялось *своеобразие* нашей революции, значительная примесь буржуазно-демократических задач к ее пролетарско-социалистическому содержанию, но не уничтожался самый пролетарско-социалистический характер всей Октябрьской революции в целом. При *безусловной* зрелости мирового капитализма, *недозревший* русский капитализм, разбитый вдребезги в империалистической войне, открывал возможность «легче начать» социалистическую революцию в России, чем на Западе.

Не поняв диалектики трудности и легкости начала и продолжения социалистической революции в странах «незрелого» и «перезрелого» капитализма, не поняв диалектического «несоответствия» между «началом» и «продолжением», между зрелостью капитализма в современном обществе, в мировом хозяйстве и в каждой стране, Бауэр естественно пришел к «победоносному» выводу, что нельзя диктатурой навязать какой-либо стране общественный строй, к которому не созрели ее производительные силы. Это, конечно, невозможно, но возможно *ускорить* процесс становления материальных условий социализма, можно ускорить *дозревание* производительных сил, можно, опираясь на диктатуру пролетариата, *ускорить* темпы технической и культурной революции.

Бауэр говорит, что если иностранный капитализм не решится вложить большие капиталы в России, советский режим погибнет в ужасной хозяйственной катастрофе². Большевики надеются привлечь иностранные капиталы и восстановить капитализм при диктатуре коммунистической партии. Неудачи концессионной политики показывают, что это — утопия. И тут следует новый «философический» вывод: это подтверждает снова марксово учение, что за переворотом в экономическом базисе должен следовать переворот всей правовой и политической надстройки. Советской власти только тогда удастся привлечение иностранных капиталов и включение России

¹ Магх, Критика Готской программы, IV.

² Bauer, Der neue Kurs, S. 25.

в мировое хозяйство, когда она сама постепенно ликвидирует партийную диктатуру и постепенно переведет Россию в юридические формы демократического правового государства. Если она этого не сделает, иностранный капитал не пойдет в Россию и русское народное хозяйство будет приходить в безнадежный упадок, пока советский режим не погибнет в неслыханной хозяйственной катастрофе¹. Известно, в какой степени это бауэр-каутскианское предсказание «оправдалось».

Но Бауэр не ограничился беглыми философскими замечаниями о новой экономической политике. Он дал целую меньшевистскую философию Октябрьской революции в специальной статье «Историческое значение диктатуры»².

Все великие буржуазные революции выходили за свою непосредственную цель: в Великой английской революции XVII в.—к диктатуре «железных боков» Кромвелля, мечтавших устроить «царство Христа на земле», «общину святых»; в Великой французской революции—к диктатуре санкюлотов, хотевших устроить «равенство, братство и свободу». Но объективные последствия этих плебейских диктатур расходились с их субъективными намерениями. Плебейские диктатуры очищали железной метлой все остатки феодального общества и абсолютистского государства и создавали буржуазный правопорядок, предпосылки для развития современного капитализма. Бауэр ссылается на Энгельса: «Чтобы упрочить хотя бы те плоды победы, которые тогда созрели, было необходимо, чтобы революция (1649 г.) значительно была выведена за свою цель—точно так же, как 1793 г. во Франции и 1848 г. в Германии. Кажется, что это в действительности один из законов развития буржуазного общества»³.

Бауэр утверждает, что этот закон развития буржуазного общества господствует и в Великой русской революции. И она вышла за свою непосредственную цель (свержение феодализма и абсолютизма) к плебейской диктатуре пролетарской партии, поставившей себе целью построение социалистического общества. Но субъективные намерения диктаторов, по окончании гражданской войны, разошлись с объективными классовыми интересами крестьянства. Крестьянство заставило диктатуру восстановить свободу торговли, а неизбежным последствием свободы торговли стала реставрация торгового и промышленного капитала и восстановление капитализма. Таким образом, русская революция, выведенная за свою цель, была вновь сведена к своей цели. В этом смысл «нового курса»⁴. Коммунистическая идеология русской революции была той энтузиастической, иллюзионистской, утопической идеологией, в которую буржуазные революции всегда впадали в свою плебейски-диктаторскую фазу (царство Израиль в английской, идеология Робеспьера в французской, коммунизм в русской революции)⁵.

Воображением русской диктатуры был коммунизм, ее реальностью—подготовление и укрепление крестьянского базиса, на котором развился русский капитализм. Комментируя известную речь Ленина на съезде Политпросветов, Бауэр приписывает Ленину признание, что Россия должна

¹ Bauer, Der neue Kurs, стр. 27.

² Там же, IV, сс. 28—36.

³ Там же, 28—36. Engels, Ueber den historischen Materialismus, Neue Zeit, 1892/93, I B., S. 44.

⁴ Там же, pp. 29—31.

⁵ Там же, pp. 31—32.

пройти через капитализм, чтобы создать действительные предпосылки социалистической революции. Таким образом, диктатура признала себя фазой буржуазной революции. Коммунистическая идеология разлетелась. Фразы и воображение рассыпались. Реальность русской революции обнажилась в напе¹.

Бауэр не заметил, что Ленин ставил вопрос: Кто кого? Чья возьмет? Кто установит меру? Кто поведет за собой крестьянство? Ленин исходил из историческо-оптимистической убежденности, что диктатура пролетариата может держать капитализм в узде, развить его *в меру*, направить в русло «государственного капитализма» и превратить Россию непозволкую в Россию социалистическую. Болтовню Бауэра Ленин высмеял тогда же на XI съезде. «Он (Отто Бауэр. С. Н.) теперь пишет: вот они отступают к капитализму, мы всегда говорили: революция «буржуазная»... такая проповедь, которую изрекает и Отто Бауэр и руководители II и 2½ Интернационала, и меньшевики, и эсеры, составляет их собственную натуру: «Революция зашла далеко. Мы всегда говорили, что ты теперь говоришь. Позволь нам еще раз это повторить». «Вы теперь отступаете—я всегда был за отступление». А мы на это отвечаем: «Позвольте вас поставить за это к стенке»².

Превратив Ленина в своего ученика, перейдя всякую меру в извращении его взглядов, О. Бауэр, наконец, подбирается к выводам. Реальная практика «нового курса» есть восстановление капитализма. Большевизм надеется провести восстановление капитализма при «диктатуре пролетариата» (презрительные кавычки принадлежат О. Бауэру. С. Н.), но это утопия. В 1917—1920 г.г. партийная диктатура была исторической необходимостью для проведения аграрной революции и выигрыша гражданской войны. Теперь же, после того, как диктатура выполнила свою великую историческую функцию, она стала оковами для развития производительных сил России. Восстановление капитализма при диктатуре коммунистической партии невозможно. Новый курс в экономике требует нового курса в политике³. Возможны два пути ликвидации диктатуры: 1. Сама коммунистическая партия постепенно заменит диктатуру нормальным праговым порядком; в этом случае окончательным результатом революции будет буржуазная демократия, но с сохранением национализации большей части русской индустрии и существенных элементов советской конституции. 2. Коммунистическая партия будет цепляться за свою диктатуру и приведет страну к хозяйственной катастрофе и контрреволюции. О. Бауэр советует русской революции разрешить внутреннее противоречие нового курса, противоречие между реальностью и иллюзией, между экономической необходимостью и политической формой господства раньше, чем в ужасном взрыве будут уничтожены все завоевания революции.

Европейскому пролетариату О. Бауэр советует за коммунистической идеологией разглядеть прикрытое ею экономическое и социальное содержание буржуазной революции и не переносить методов Октябрьской революции на Запад, «ибо методы плебейско-диктаторской фазы буржуазной революции не могут быть методами пролетарской, социалистической революции»⁴.

¹ Там же, с. 33.

² Ленин, т. XVIII, ч. 1, с. 38, изд. 1923 г.

³ О. Bauer, Der neue Kurs, с. 34.

⁴ Там же, с. 34—36.

К пятилетней годовщине Октябрьской революции О. Бауэр в передовой газете «Арбейтер Цейтунг» снова повторил и заострил концепцию, которая родилась у него за месяц до Октябрьской революции и сложилась окончательно в последний год военного коммунизма и в первый год нэпа.

Октябрьская революция началась как восстание рабочих и крестьян против империализма и милитаризма и закончилась восстановлением постоянной империалистской армии (речь идет о Красной армии).

Крестьянин вышел настоящим и единственным победителем из пройденных пяти лет. Крестьянин использовал большевистскую революцию. Но большевики считали великий бунт крестьян за начало пролетарской революции, русскую крестьянскую революцию за гегемонию мировой пролетарской революции.

Победа реальности крестьянской революции над этой иллюзией—таков итог истории минувшего пятилетия. За один год «нового курса» большевизм был вынужден ликвидировать коммунизм и восстановить капитализм. Но утопическая диктатура компартии осталась. Русская революция закончилась абсолютизмом, развенчивающим всякие иллюзии, как английская революция 1649 г.—абсолютизмом Кромвелля, как французская революция—абсолютизмом Бонапарта¹.

На марсельском конгрессе 1925 г. О. Бауэр сосредоточил огонь своей критики на международно-политической роли Октябрьской революции, особенно на восточной политике Советского Союза и Коминтерна.

К десятилетнему юбилею Октября О. Бауэр осталось только повторить все пройденное. Он сделал это, вероятно, в исторической части своей юбилейной речи (в части, почему-то опущенной в отчете «Арбейтер Цейтунг»—то ли потому, что там не было ничего нового по сравнению с марсельскими и предшествующими работами Отто Бауэра об Октябре, то ли потому, что эта особенно критическая часть нарушила бы условный стиль австро-марксистского юбилейного сап'а?). Из части, переданной в «А. Ц.», мы узнаем, что успех Октябрьской революции Бауэр объяснял гигантской революционной ролью русского мужика и необъятными размерами русской территории, которые сделали революцию неприступной. Интервенционные армии, как в свое время армии Наполеона, потонули, растекаясь в русском океане людей и пространства. Октябрьская революция открыла новую эпоху всемирной истории. Десятилетнее существование Советской республики—огромное завоевание мирового пролетариата, которое он должен всемерно защищать против нападений империализма, несмотря на глубокую антипатию демократического социализма к террористическим методам советской диктатуры. Социал-демократия должна желать не падения Советской Республики, а внутреннего органического развития русской революции, которая должна сама преодолеть терроризм и диктатуру, эти шлаки прошлого, наследие отсталости и некультурности. Несмотря на все ошибки и блуждания минувшего десятилетия, Октябрьская революция остается *маяком нового мира*, предзнаменованием социализма².

¹ 5 Jahre Sowjetrussland, «А. З.», 7/XI 1922. Авторство Бауэра нетрудно установить: статья представляет собой концепт выводов «Нового курса». С. Н.

² О. Вауер, Zehn Jahre Sowjetrussland, «А. З.», № 305, 7/XI 1927.

II. ПОЛИТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ РОДСТВО КАУТСКИАНСКОЙ И БАУЭРСКОЙ КОНЦЕПЦИЙ

Имеет ли О. Бауэр законченную концепцию Октябрьской революции? Да. Имеет ли он *свою* концепцию? Нет. Бауэр своими словами пересказывает каутскианскую концепцию Октябрьской революции, искусно пряча острые углы контрреволюционной блогвардейской концепции Каутского в тумане «левой» фразы.

1. Октябрьская революция—последняя из великих буржуазных революций Запада и первая из великих национально-буржуазных революций Востока. Большевизм возглавляет не пролетарский социализм Запада, а африканско-азиатский национализм Востока. Если отбросить «великие» эпитеты, Каутский целиком подпишется под этим тезисом Бауэра, ибо этот тезис, если не в большей, то не в меньшей степени принадлежит самому Каутскому.

2. Как все великие буржуазные революции, как Великая английская, как Великая французская революции, Великая русская революция вышла за свою историческую цель. Октябрьская революция началась как антифеодалная, вполне созревшая, аграрно-крестьянская революция и превратилась в антикапиталистическую, незрелую, утопическую, пролетарско-социалистическую революцию. Каутский, разумеется, вполне может быть доволен и этим тезисом. На буржуазно-крестьянском характере Октябрьской революции Каутский настаивает во всех своих антисоветских пасквилях. А идея о незрелости и утопичности социалистической революции в России проходит красной нитью через все каутскианские исследования «русского вопроса». В этой идее вообще альфа и омега любого социал-демократического непонимания Октябрьской революции.

3. Движущей силой Октябрьской революции были рабочие и крестьяне, вынесшие к власти плебейскую «диктатуру пролетариата» (в презрительных кавычках), т. е. диктатуру компартии над пролетариатом и крестьянством. Если в первые годы революции, вплоть до окончания гражданской войны, эта диктатура была исполнительным органом взбаламученных революцией и освобожденных от феодализма и абсолютизма варварских, бескультурных, плебейских масс, то впоследствии диктатура превратилась в милитаристское, абсолютистское господство над трудящимися массами. И этот тезис принадлежит от начала до конца Каутскому. Кривая каутскианских определений нашей диктатуры потухла на глубокомысленном открытии, что в СССР осуществляется диктатура коммунистической интеллигенции над пролетариатом и крестьянством¹.

4. Плебейская диктатура большевизма была печальной исторической необходимостью и неизбежным продуктом русского бескультурья. Эта диктатура в годы военного коммунизма строила в России деспотический военный социализм, систему всестороннего государственно-политического рабства. Незрелостью русского пролетариата к индустриальной демократии и крестьянства к политической демократии объясняется и возникновение этой диктатуры и ее развитие в систему деспотического социализма. Но и этот тезис принадлежит Каутскому, который в своих антисоветских пасквилях эпохи военного коммунизма и в т. н. «Пролетарской революции и ее программе» доказывал, что Россия, русская революция проделала

¹ Kautsky, Materialistische Geschichtsauffassung, II B., Wege zu Sozialismus.

развитие от демократии к государственному рабству и деспотии, к татарскому, туркестанскому, азиатскому социализму. В одном месте своей «Пролетарской революции» Каутский даже заявляет, что Ленин в своем деспотическом социализме вдохновился не только Марксом, но и Магометом. Единственный смысл этой бессмыслицы в том, что она должна символизировать азиатский, восточный характер нашего социализма.

5. Система деспотического социализма продержалась до 1920 г., до окончания гражданской войны, в которой крестьянство боролось под плебейской диктатурой большевизма, чтобы отстоять завоевания аграрной, антифеодальной революции. Разбивши белые армии феодализма, крестьянская революция страхнула с себя иго деспотического социализма и заставила большевистскую диктатуру восстановить полный капитализм во всех отраслях народного хозяйства. Реальность крестьянской революции победила утопии пролетарской, социалистической революции в экономике, но утопическая диктатура большевизма осталась и превратилась в оковы для «нового курса», для развития производительных сил, для ново-капиталистического развития России. Это все—каутскианское добро.

6. Создалось противоречие, кричащее несоответствие между экономическим базисом реставрированного капитализма и политической надстройкой пережившей себя утопическо-социалистической диктатуры.

Возможны два пути разрешения этого противоречия, т. е. ликвидации большевистской диктатуры. 1. Советская диктатура, приспособляясь к своему капиталистическому базису, мирно-эволюционно переродится в правовое государство, наполнив советскую конституцию буржуазно-демократическим содержанием. 2. Компартия будет цепляться за свою диктатуру внутренних сил для индустриализации страны у диктатуры не хватит, иностранных капиталов она не привлечет, страна придет к экономическому краху, к хозяйственному банкротству, к ужасающей катастрофе, в которой погибнет советский режим.

В том и другом случае Россия, хоть и кружным путем, придет к буржуазной демократии, а именно к буржуазно-демократической крестьянской республике. И Каутский, как и Бауэр, учитывает себе эти исторические возможности одинаково желанной для них ликвидации нашей диктатуры; и Каутский, как и Бауэр, или, вернее, еще более, чем Бауэр, уверен, что оба пути приведут, в конечном счете, к одному и тому же результату—к буржуазно-демократической, крестьянской республике, а через нее, в отдаленной перспективе, и к демократическому социализму, после того, как на Западе осуществится чудо мирного обновления капитализма. До сих пор у Каутского и Бауэра трогательное совпадение в (не) понимании социального содержания движущих сил и перспектив Октябрьской революции, но тут же начинаются нюансы.

7. Каутский считает, что никакого несоответствия между базисом и надстройкой в Советской республике нет. СССР представляет собой контрреволюционное образование снизу доверху: базис государственного, красно-империалистического капитализма возглавляется контрреволюционной надстройкой советского бонапартизма. Октябрьская революция породила из себя контрреволюцию, приведенную в исполнение самими большевиками. В СССР контрреволюционный переворот невозможен по той простой причине, что он уже совершен самими большевиками. Восстание против Советской власти было бы демократической революцией против большевистской

контрреволюции. Поэтому все симпатии Каутского склоняются в пользу второго пути ликвидации советского режима.

Бауэр же считает, что, вопреки своему капиталистическому базису, диктатура большевизма имеет пролетарский, революционный, *социалистический*, а потому и *утопический* характер. Катастрофическая ликвидация диктатуры большевизма, *возможно*, временно облечется в форму цезаризма, т. е. бонапартизма, опирающегося на крестьянство. На смену диктатуре большевизма придет контрреволюционная цезаристская диктатура, как переход к подлинной буржуазно-демократической республике. Поэтому симпатии Бауэра скорее склоняются к мирно-эволюционной, демократической ликвидации диктатуры (формула Соцестника).

8. Впрочем, спохватывается Бауэр к пятилетию Октября, русская революция, начавшись как восстание против империализма и милитаризма, закончилась восстановлением милитаризма, т. е. красного империализма. Начавшись как великий крестьянский бунт против феодализма и империалистической войны, Октябрьская революция через утопию деспотического социализма пришла к реальности полной реставрации капитализма. Как все утопические плебейские диктатуры всех великих буржуазных революций, Октябрьская революция закончилась абсолютизмом (как Великая французская революция—абсолютизмом Бонапарта). Но если большевистская диктатура есть милитаристский, империалистический абсолютизм, находящийся в одном ряду с бонапартизмом, тогда необходимо признать, что противоречие между базисом и надстройкой разрешено, несоответствия нет, своеобразный советский бонапартизм уже существует (в 1922 г.)—и, стало быть, между Каутским и Бауэром не осталось и тени разногласия в непонимании Октябрьской революции. Каутскианство раскрылось как истина бауэрства.

9. Как бы там ни было, первым ли, вторым ли путем—ликвидация диктатуры большевизма неизбежна. Диктатура и ее просвещенный абсолютизм—законный продукт русской бескультурности. Диктатура возникла из бескультурности рабочих и крестьян России и на этой бескультурности держится. Когда пролетарско-крестьянские массы Советской республики создают в культурно-политическом отношении и крестьянство созреет для политического господства, час диктатуры пробьет. Работая над подъемом культурного уровня крестьянских масс, просвещенный абсолютизм большевизма приближает час падения большевистской диктатуры. Но эта плебейская диктатура и ее деспотический социализм—такая же историческая необходимость в России, как пролетарская демократия и демократический социализм на Западе. Русский большевизм такая же законная разновидность социализма, как английский лейбуризм или немецкий марксизм. Большевизм—национальный, русский тип социализма, покоящийся в русском национальном характере. Но именно поэтому нельзя переносить идеологию и методы большевизма, т. е. русского социализма, на Запад. «Было бы утопической попыткой одну разновидность социализма, которая является продуктом особой национальной истории, особого национального своеобразия, навязать рабочим движениям с совсем другой историей и совсем другим своеобразием»¹.

¹ O. Bauer, Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie, Vorwort zur 2-ten Auflage 1924, с. XXVII—XXVIII.

Каутский, конечно, не пошел бы на такое либеральное толкование большевизма, как исторической необходимости и вполне законной национально-русской разновидности социализма. Но с основным зерном этой «истины» он не стал бы спорить, а именно, что большевизм есть русско-азиатский социализм. Законной, национально-русской разновидностью европейского социализма он, да и Бауэр, скорее считают меньшевизм. Но так или иначе, Бауэр здесь, в академической работе по теории нации, легализирует большевизм, как русский социализм, как продукт русского национального характера.

10. На Марсельском конгрессе академическая формулировка наполняется с.-д. ядом, разбавленным водою левой австро-марксистской фразеологии.

Дипломатически обходится вопрос о реставрации капитализма, о напе, вообще о внутренних экономических тенденциях развития Советского Союза. На первый план выдвигается международно-политическая диспозиция Советского Союза. Внешняя политика есть продолжение внутренней политики. Убирается однозначная аналогия большевистского абсолютизма с бюкпартизмом, но... подчеркивается, что большевизм есть деспотический социализм профессиональных революционеров, якобы превращающих пролетариат в орудие для осуществления своих целей. Убирается аналогия Октябрьской революции с великими буржуазными революциями Запада, но... выдвигается ее родство с великими буржуазными (по О. Бауэру!) революциями Востока: «Большевизм возглавляет азиатско-африканский национализм». Убирается тезис о реставрации капитализма в СССР, но... со всей резкостью заостряется идея о красном империализме и милитаризме: «Большевизм—по существу своей военной разновидности социализма», которая ждет внутреннего освобождения только от гражданской войны и внешнего—от войны революционных наций с капиталистическими нациями¹. Убирается и почтительно «осуждается» каутскианский откровенно контрреволюционный призыв к интервенции в СССР, выбрасывается лицемерный лозунг: «Руки прочь от Советской России», но... подчеркивается, что не пацифистский (!) империализм Запада, а красный империализм Советов является настоящей угрозой мира. Убирается каутскианский открыто-белогвардейский призыв к восстанию против советской власти, но... пускается в оборот «невинное» соображение, что «опасности войны существенно уменьшатся, если в Советском Союзе решение вопроса о войне и мире будет находиться не в руках диктаторской, насильственной власти, а в руках самих народов Советского Союза»², если социалистические партии добьются демократизации советского режима. И слепому должно быть видно, что это—скрытый, «дипломатический» призыв к восстанию против советской власти, призыв к меньшевистским «народам» СССР последовать примеру грузинских меньшевиков и повторить меньшевистский опыт 1924 г. в Грузии.

Совпадение политических результатов, к которым пришли Каутский и Бауэр в своих изысканиях о нашей революции, вполне естественно. Нет ничего удивительного, что два представителя т. н. «марксистского центра»,

¹ O. Bauer, Die Kriegsgefahren in Osten, 2-ter Kongress der S. A. J. in Marseille, p. 332.

² Там же, с. 363—4.

критикуя Октябрьскую революцию с точки зрения буржуазно-демократического социализма, пришли к одинаковой оценке социального содержания, движущих сил и перспектив нашей революции. Но это тождество политического содержания двуединой бауэр-каутскианской концепции Октября не исключает, а наоборот, даже предполагает различие по форме. Каутский предаёт Октябрьскую революцию анафеме, злобствует, неистовствует, обливает всю историю Октября бешеной слюной, как историческую нелепость, бессмыслицу и преступление, а Бауэр спокойно, с чувством собственного достоинства, дипломатически-учтиво и великодушно готов признать величие Октябрьской революции и поставить ее в одном историческом ряду с другими великими... буржуазными революциями и даже признать нашу диктатуру печальной, но все же исторической необходимостью. Одним словом, Бауэр и Каутский говорят одно и то же по содержанию, но различно по форме. Откровенно контрреволюционная критика Каутского и «революционная» «левая» критика Бауэра осуществляют необходимое буржуазии разделение труда в «марксистской» дискредитации Октябрьской революции.

Эти различные по форме, но тождественные по содержанию концепции Бауэра и Каутского имеют общую, «глубокую» теоретическую и методологическую основу. Это, во-первых,—социал-демократическая теория зрелости революции в одной стране (в каждой стране особо, взятой изолированно от мирового хозяйства и мировой политики, от всемирного рабочего движения). У Бауэра соответствующая подчистка материалистического понимания истории гласит: «Производительные силы и производственные отношения каждой страны определяют ее общественный строй». Отсюда вполне логически вытекают: 1) абстрактная, штампованная, шаблонная социал-демократическая постановка вопроса: созрели ли производительные силы данной страны для социализма? 2) механическое понимание соответствия между объективными и субъективными, материально-производственными и политическими показателями зрелости пролетарской революции; 3) игнорирование прямого указания Маркса на зрелость социальной революции и в том случае, когда ее материальные предпосылки находятся в процессе становления. Во-вторых, социал-демократическая теория невозможности строительства социализма ни в одной стране [у Каутского: «не только Восток, даже Запад вряд ли имеет предпосылки для немедленной организации социалистического производства»¹; у Реннера: «Одна страна или даже комплекс стран не могут для себя самих осуществить полностью социализм! Т.-е. социализм, как замкнутую и законченную систему, противоположную капитализму!»² (Курсив наш. Если опустить подчеркнутые слова, остается известный социал-демократический тезис, разделяемый всей социал-демократией от Реннера до... Троцкого. С. Н.).

В-третьих, признание, что марксова теория социальной революции якобы абстрагирована из великих буржуазных революций и поэтому неприменима к пролетарским революциям. У Каутского это изумительное откровение витает как методологическая предпосылка всего процесса производства... всех антисоветских пасквилей и нашло свое теоретическое адекватное выражение в «Материалистическом понимании истории», как

¹ Kautsky, Materialistische Geschichtsauffassung, II B., p. 531.

² Renner, Die weltwirtschaftlichen Grundlagen der sozialistischen Politik nach dem Kriege, Kampf, 1928, № 8/9, p. 390.

самом высшем продукте каутскианского ревизионизма. У Бауэра эта теория неприменимости марксовской теории социальной революции к пролетарским революциям сформулирована довольно четко и недвусмысленно еще в 1920 году: «Концепция пролетарской диктатуры, абстрагированная Марксом из французской революции 1793 г..., смогла найти свое осуществление в русской революции 1917 г., но она... неприменима в наши дни к пролетарским движениям Средней и Западной Европы»¹. «Ибо методы плебейско-диктаторской фазы развития буржуазной революции не могут быть методами пролетарской, социалистической революции»². Последнюю мысль Каутский не устал твердить в каждом своем антисоветском пасквиле и внес как истину последней инстанции, как важное теоретическое обобщение в свою так называемую «Пролетарскую революцию и ее программу»³ (в 1922 г., т. е. на год позже Бауэра).

В четвертых, применение аналогичного метода в объяснении истории революций, проведение поверхностных исторических аналогий между Октябрьской и великими буржуазными революциями—английской 1649 г. и французской 1793 г., без учета конкретного своеобразия каждой из этих революций, при забвении коренного различия, состоящего в том, что великая Октябрьская революция произошла в эпоху империализма, т. е. загнивающего, перезрелого капитализма, а великие буржуазные революции—в переходную эпоху от феодализма к капитализму, в переходный период от торгового к промышленному капитализму. Отсюда у Бауэра и Каутского поверхностное, абстрактное, пустейшее отождествление нашей пролетарской диктатуры с плебейской, мелкобуржуазной диктатурой 1793 г., абсолютизма Бонапарта с «абсолютизмом» большевизма и т. д. и т. п. Бауэр пользуется этим приемом не с меньшим или, вернее, не с большим успехом, чем Каутский. Бауэр, подобно Каутскому, совершенно не в состоянии понять своеобразие Октябрьской революции, понять общее и особенное в революциях XVII, XVIII, XIX и XX вв., в революциях Запада и революциях Востока. Поэтому, определяя историческое место и значение Октябрьской революции, он *завдвигает* русскую революцию на последнее место в ряду великих буржуазных революций Запада и *выдвигает* ее на первое место в ряду великих буржуазных, национальных революций Востока.

Методологическое и политическое родство бауэризма и каутскианства настолько тесное, что Бауэр должен был, пускай с некоторыми оговорочками, признать его в своей статье о 2-м томе каутскианского «Материалистического понимания истории»⁴.

Бауэр чрезвычайно почитательно излагает содержание II тома «грандиозного труда, в котором К. Каутский объединил результаты исследований многих десятилетий». Бауэр солидаризируется с каутскианской теорией, происхождения классов и государства путем завоевания мирных, оседло-земледельческих народов воинственными номадами-скотоводами. (Эту «теорию насилия», высмеянную Энгельсом еще в «Анти-Дюринге», Каутский «завоевал» у буржуазных социологов Гумилловича и Оппенгеймера и перелицевал на «марксистский» манер: само завоевание-де обусло-

¹ Bauer, Bolschewismus oder Sozialdemokratie, с. 37.

² Его же, Der neue Kurs, с. 36 («А. З.» 1921, № 307).

³ Kautsky, Die Proletarische Revolution und ihr Programm.

⁴ Staatstheorien. Arbeiter-Zeitung, 1928, 8/IV, № 99. Авторство Бауэра на эту передовицу не вызывает сомнений и у О. Иенсена—см. его статью «Karl Kautsky's Materialistische Geschichtsauffassung» Jungsozialistische Blätter, 1928, № 6.

вляется, в конечном счете, экономикой). После беглых замечаний на эту тему Бауэр переходит к сути II тома.

Основное ядро книги Каутского Бауэр видит в изложении того радикально-нового, что принес с собой в мир капитализм. Все старые формы эксплуатации (рабство, феодализм) покоились непосредственно на насилии и правовом принуждении, а капитализм на хозяйственной функции капитала. Таким образом стала возможна современная демократия. Крепостные стояли вне демократии (древности и средневековья), а внутри капитализма трудящиеся и эксплуатируемые смогли завоевать себе гражданское и политическое равноправие. Демократия становится средством для отмены эксплуатации. В борьбе за демократию и на почве демократии развивается классовая борьба пролетариата. Разумеется, что капиталистическая эксплуатация не может быть отменена таким же образом, как рабство и крепостничество,—одним декретом. Власть капитала покоится не на правовом принуждении, а на экономической функции. Она может быть отменена лишь в той мере, в какой демократии удастся создать хозяйственные учреждения, перенимающие функции капитала, и заместить таким образом капиталиста, стало быть, не применением военного насилия, а построением экономических учреждений¹.

Бауэр отлично видит антибольшевистское заострение этой концепции Каутского. Он говорит: «Никто резче, чем Каутский в этом труде, не подчеркнул роли насилия в происхождении классового государства (интересно узнать, существует ли неклассовое государство? С. Н.) и классового общества. Но настоящее ядро концепции Каутского образует доказательство, что с развитием капитализма *передвинулось отношение между хозяйством и насилием*. Капитализм по существу своей есть та форма эксплуатации, которая покоится уже не на непосредственном насилии, но на экономических функциях и поэтому может быть преодолен не голым насилием, а построением экономических учреждений. На этом понимании покоится борьба Каутского с большевистским суевием в творческое всемогущество насилия и его высокая оценка демократии, как средства для развертывания экономических, политических и моральных предпосылок преодоления капиталистической эксплуатации».

Бауэр целиком солидаризируется с этой концепцией и с ее заострением против большевизма и «большевистствующих» ультра-левых социал-демократов (типа М. Адлера. С. Н.). «Каутский тысячу раз прав, когда он с большой резкостью обрушивается на тех социал-демократов, которые, под влиянием большевистских идей, преподносят за новые открытия ту старую истину, из которой исходит современный социализм и которой он начал, что демократия сама по себе еще не есть социализм, политическое равноправие само по себе еще не есть экономическое освобождение,—и злоупотребляют этой истиной для того, чтобы преуменьшить значение демократии, составляющей результат целого столетия пролетарских боев, полных жертв, чтобы пройти мимо того всемирно-исторического нового, что она собой представляет, и умалить ее значение для развития предпосылок социализма. Каутский тысячу раз прав, доказывая, что голый захват власти сам по себе никоим путем не образует предпосылку для преодоления эксплуатации».

¹ Ср. Kautsky, Materialistische Geschichtsauffassung, II B., с. 416—437, особенно с. 436.

Таким образом Бауэр целиком принимает *всю* концепцию Каутского, его понимание истории, его теорию происхождения классов, государства и современной демократии и венец всего каутскианского творения—каутскианскую теорию пролетарской «революции», теорию «преодоления» капитализма не применением военного насилия, а построением хозяйственных учреждений. Одним словом, этот христианский бауэр-каутскианский социализм укладывается в баптистский девиз: не силой и не воинством, а духом... то-бишь, экономикой. Единственный смысл этого абстрактного противопоставления экономики политике заключается в том, чтобы подменить социальную революцию (с ее всеобщими забастовками, вооруженными восстаниями, гражданской войной и другими плебейскими методами настоящих, великих революций) социальной реформой, политической и хозяйственной демократией и прочими откровениями, выдумками и панацеями буржуазно-демократического социализма, которые должны свершить чудо мирного вранения капитализма в социализм, «преодолеть», но не *свергнуть* капитализм.

Но Бауэр не был бы самим собою, если бы он подписался под каутскианским пониманием истории (и социальной революции) без оговорок. «Но как бы ни были важны эти положения... не следует в пылу борьбы с большевиками и полубольшевистскими ошибками впадать в противоположную иллюзию. Хотя голое завоевание государственной власти рабочим классом не может заменить экономические предпосылки социалистического строительства, «это завоевание само тоже принадлежит к его предпосылкам». Одним словом, завоевание власти тоже предпосылка социализма—это оговорочка № 1; оговорочка № 2—нельзя представлять себе путь демократии к социализму слишком идиллически; оговорочка № 3—можно найти некоторые, мимоходом брошенные замечания Каутского, напр., о русской революции,—партийно-односторонними, о происхождении искусства—несколько старомодными... Однако, вся *новомодная* ультра-ревизионистская концепция Каутского в целом весьма импонирует Бауэру, и он заканчивает: «Но не по таким деталям будут судить монументальное творение Каутского. Благодаря обилию научного проработанного материала, благодаря непревзойденной ясности изложения, благодаря самостоятельности мышления Каутского, действующей без отказа даже по отношению к Марксу и Энгельсу, оно (творение Каутского. С. Н.) одновременно и блестящее введение к исторической концепции научного социализма и существенное продолжение и обогащение этой концепции». Окончательный приговор Бауэра: труд Каутского можно спокойно поставить наряду с *классическими* произведениями научного социализма.

Учтивей, признательней и ясней нельзя сказать. Бауэр, конечно с оговорочками, подписывается под каутскианским пониманием истории, под каутскианской теорией революции, под каутскианской теорией демократического социализма—одним словом, под всем демократическим кретином Каутского.

Бауэр весьма неплохо изложил суть политической концепции своего учителя: и понимающему читателю совершенно ясно, что Бауэр приемлет эту концепцию (разумеется с 2—3 ничего не значащими оговорочками). Но в свойственном ему стиле тонкой центристской дипломатии, Бауэр не досказал до конца *всей сути* каутскианского Lebenswerk'a. Так, напр., Бауэр совершенно открыто хвалит Каутского за ревизию «устаревших» взглядов Энгельса на происхождение государства (дело, мол, академическое), но

умалчивает о ядрышке всего ядра книги Каутского, о родной самому Бауэру ультра-ревизионистской каутскианской теории неприменимости марксовой теории социальной революции к пролетарским революциям [тут уж дело не академическое; сказать социал-демократическим *рабочим*, что Каутский ревизует «устаревшую» (для ренегатов) марксову теорию социальной революции и похвалить за это Каутского—небезопасно, особенно через какие-нибудь полгода после Венского восстания в июле 1927 г.].

Помалкивает Бауэр и о других замечательных выводах, которые Каутский делает из своей демократической концепции, напр. о каутскианской теории постепенной «экспроприации экспроприаторов»... с приличным выкупом. А эта теория с железной логической необходимостью вытекает из разделяемой Бауэром каутскианской апологии «Капитала в демократическом государстве»¹. Каутский учит, что рабство и крепостничество, покоящиеся на непосредственном насилии, можно отменить без всякого возмещения (и не нарушив процесса производства). Так и поступали самые буржуазные элементы в буржуазных революциях, без малейших угрызений совести. Наоборот, промышленный капитал нельзя просто экспроприировать без экономического вреда для общества и самих рабочих, без нарушения процесса производства. *Сразу* можно социализировать только монополистические предприятия, *разумеется, с приличным вознаграждением*. Конфискация была бы несправедливым и экономически неуместным актом. Несоциализированные капиталисты закрыли бы свои предприятия и вызвали бы громадный экономический кризис и гибель социалистического режима.

Поэтому Каутский убежден, что самый революционный социалистический режим поступит с капиталом иначе, чем буржуазные революции с докапиталистической собственностью эксплуататоров. Когда предприятия будут социализированы, их собственников необходимо будет возместить. «Капиталистическая эксплуатация... покоится не на *воинственном перевесе* класса эксплуататоров, а на *экономической необходимости* такой собственности, функционирование которой может стать излишним благодаря более совершенным экономическим учреждениям, но которая не может быть устранена применением голого военного насилия, без тяжелого экономического вреда для страны. Капиталистическая собственность должна восстановиться, пока нет условий для таких превосходящих капитал экономических учреждений, даже если временно насилием удалось бы разбить ее, что впрочем могло бы произойти только в варварских странах, трудящееся население которых еще не понало необходимости индустрии»². (Напр. в Советской России?! С. Н.).

Принимая каутскианскую апологию капитала и его демократии, Бауэр *обязан* принять, и он действительно принимает, каутскианскую теорию «революции» и постепенной экспроприации экспроприаторов с приличным выкупом.

Бауэр должен принять, и он действительно принимает, каутскианскую концепцию Октябрьской революции. Он принимает ее *содержание*, смягчая *форму*, подкрашивая наиболее неприличные места Каутского розовой водичей австро-марксистской элоквенции.

¹ Kautsky, Mat. Gesch. II B., 7 Abschnitt, 10 Kap. «Das Kapital im demokratischen Staat».

² Там же, с. 435—36.

Отто Бауэр в совершенстве владеет всеми секретами австро-марксистской «революционной» мимикрии. Будучи профессиональным центристом, он видит свою *profession de foi* в стоянии между реформизмом и большевизмом. Австромарксизм в лице О. Бауэра отрицает крайности только большевизма и только реформизма и мнит себя высшим синтезом того и другого, синтезом трезвого реализма и революционного энтузиазма. «Марксистский центр стоит всегда посередине между реформизмом и большевизмом. На этом основании буржуа выставляют нас как большевиков, а большевики — как агентов буржуазии. В революционный период марксистский центр должен был защитить рабочие массы прежде всего от опасности слева, от великого искушения большевизма. Теперь, в период стабилизации капитализма, марксистский центр должен, наоборот, бороться против того, чтобы социалистические партии под впечатлением этой стабилизации не погрузились целиком в узкий, близорукий *только-реформизм* (Nichts-als-Reformismus), не превратились в чисто-реформистские партии (Reformparteien), которых не зажигает уже воля к социализму, и не потеряли бы таким образом свою душу»¹.

Забывая о своей душе и... репутации «левого» социалиста и демократа, Отто Бауэр, конечно, исполнен самого «революционного» энтузиазма по отношению к Октябрьской революции, но... он трезво-реалистически видит Октябрь, как он есть (в сознании австромарксизма и его Нестора в лице К. Каутского).

III. УГЛУБЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ О. БАУЭРА В ЮБИЛЕЙНЫХ РАЗМЫШЛЕНИЯХ ЕГО ШКОЛЫ (У М. АДЛЕРА, З. КУНФИ И К²)

К десятилетнему юбилею Октября О. Бауэр и его школа отдали должное и революционному энтузиазму и трезвому реализму при оценке нашей революции. Мы выше ознакомились с юбилейной фальшью О. Бауэра. Учитель изъяснялся в стиле рафинированного австро-марксистского лицемерия. Менее осторожные ученики и соратники Бауэра поставили все точки над «и». Так, например, небезызвестный австро-марксист Элленбоген в своей юбилейной речи на ту же тему заявил, что в России строится капитализм под руководством социалистической власти, чтобы таким образом ускорить создание предпосылок для социализма².

В передовой статье «Kampf'a», в юбилейном номере, посвященном 10-летию Октябрьской революции, ученик Бауэра — О. Поллак — писал, что Октябрьская революция началась как пролетарско-социалистическая и стабилизировалась как аграрно-крестьянская революция; она оказалась иллюзией как начало мировой, социальной революции и великим историческим фактом как *аграрная* революция, которая, начавшись в России, преобразовала всю восточную Европу и перепахивает всю Азию, весь Восток. «Нет сомнения, что Советский Союз не есть социалистическое общество... «по своему хозяйственному и политическому построению» (Курсив наш. С. Н.). «Историческое пробуждение русского мужика, вероятно, будет концом большевистской диктатуры»³.

¹ O. Bauer. Nach dem Parteitag, «Kampf», 1927, № 12, S. 549.

² «A. Z.», 7/XI 1927, № 305.

³ O. Pollak, Zum Gedenktage der russischen Revolution, Der Kampf, 1927, № 11, сс. 489—491.

В передовой «Арbeiter Цейтунг», под заглавием «10 лет советской России», венгерский австро-марксист, ультра-«левый» с.-д. З. Кунфи, писал, что было бы ошибочно видеть в Октябрьской революции только аграрную революцию. Ленину принадлежит-де, пожалуй, немарксистская постановка вопроса: какова задача пролетарской власти в такой мелкобуржуазной стране, как Россия? Пролетарская хозяйство в мелкобуржуазной стране? ставит риторический вопрос З. Кунфи и отвечает: нельзя перепрыгнуть целые фазы развития, нельзя миновать, но можно сократить и видоизменить путь от феодализма *через капитализм* к социализму. Так и выходит в Советском Союзе: мелкобуржуазное крестьянство, получившее землю из рук пролетариата; планомерно организованная крупная промышленность, укрепляемая пролетарски-ориентированным государством, но играющая относительно слабую социальную роль в жизни страны; *социалистический, государственно-идеологический аппарат*, т. е. нигде и никогда до сих пор невиданное в истории смешение капиталистических *хозяйственных элементов* и пролетарско-социалистических элементов *просвещения и власти*¹ (Курсив наш. С. Н.).

В юбилейном номере «ультра-левого» с.-д. журнальчика «Der Klassenkampf» тот же Кунфи выражался еще яснее: «Став, благодаря энпу и его последствиям, *своими собственными контрреволюционерами* в экономических и социальных вопросах, большевики избежали политической контрреволюции». Государство, руководимое пролетарской партией, удержало в своих руках командные экономические высоты и создает новую культуру, право, науку и школу. После неудачного продвижения революции на Запад, оно развивает колониальные революции против империализма на Востоке. «Нельзя сказать, что Советское государство не исползовало передышку, выигранную благодаря энпу, т. е. благодаря проведенной своей властью и потому ограниченной контрреволюции. Растет совершенно своеобразное, насквозь революционное государственное образование, отличительные черты коего: развязанное крестьянство и государственный капитализм, подчиненные пролетарской государственной власти. Эта картина такого своеобразия и величия, какой история еще не видела»².

В передовой специального номера «левой» с.-д. газеты «Leipziger Volkszeitung» к 10-летию Октябрьской революции Г. Заупе просвещает своих читателей, что «благодаря энпу и неонэнпу усилилась центральная фигура русского хозяйства — середняк, кулак. Рядом с кулачеством выросла в городах непэповская буржуазия. Экономическая сила необуржуазии и кулачества растет из года в год и должна необходимым образом получить свое выражение в изменении политической надстройки. Большевистская диктатура получает совершенно новую социологическую структуру. Если вначале она опиралась на рабочий класс, то теперь она, подобно абсолютной монархии, царит над классами. Режим сталинизма (! С. Н.) есть надклассовая диктатура государственного аппарата, растущая к бонапартизму. Экономическим базисом этого режима является новая форма государственного капитализма, выросшая в пятилетие энпа»³.

Наконец М. Адлер, философ, социолог и вождь «левой» социал-демократии, в своего рода исповеди к десятилетию Октябрьской революции

¹ «A. Z.», 6/XI 1927, № 304.

² S. Künfi, Die geschichtliche Stellung der russischen Revolution, «Klassenkampf», 1927, № 3 (Russland-Nummer).

³ Hugo Saupé, «Rückblick und Ausblick», L. V., 7/XI 1927, № 260.

вскрыл политико-психологическую тайну социал-демократической критики. Октябрьская революция вызвала восхищение революционных масс и всех идеалистически (! С. Н.) настроенных людей. Голоса критики молчали, хотя у трезвых наблюдателей возникло сомнение, возможно ли вообще построение социализма в экономически-отсталой, преимущественно аграрной России. Раскольническая деятельность Коминтерна вызвала охлаждение у с.-демократических рабочих масс, некоторый холодок и недоверие к СССР. Коминтерн хочет навязать западно-европейскому рабочему движению, как единственный путь к социализму, специфически-русские методы ленинизма: захват власти в государстве строго организованной и целесознательной пролетарской партией, обнимающей не весь пролетариат, а лишь его авангард; установление диктатуры пролетариата в форме Советской власти рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Стало быть, не путь постепенных демократических успехов, а путь перепрыгивания через демократию был объявлен как настоящий путь к социализму.

Социал-демократическая революционная критика, говорит М. Адлер, противопоставила большевизму 4 довода, целиком якобы оправдавшиеся за последнее десятилетие: 1) что выставляемый ленинизм, как единственный путь к социализму, есть лишь особая тактика революционной классовой борьбы, возникшая из совершенно своеобразных отношений в России, а именно: из существующего только в России союза крестьян и рабочих, благодаря чему пролетариат получил помощь для захвата революционной власти; 2) что вопреки этому и в России этот путь не вел к построению социалистического общества, так что даже экономическое положение Советского союза принудило ликвидировать первоначальный коммунизм, который затем стали обозначать как лишь военный коммунизм, как простое регулирование от нужды; 3) что диктатура и демократия, как раз в марксовом смысле, не суть противоположности, но что диктатура пролетариата возможна лишь на таком уровне развития, когда пролетариат объединяет под своим руководством все трудящиеся слои и таким образом большинство населения в государстве; 4) что как раз Маркс и Энгельс всегда учили, что хоть цель пролетарской классовой борьбы должна быть одинаковой для пролетариев всех стран, а именно, свержение капиталистического общества, но путь к этой цели ни в коем случае не есть и не может быть одинаковым, а должен сложиться из особых исторических и социальных условий каждой страны¹.

Так как коммунисты все еще пытаются уговорить рабочих, что в России построено социалистическое общество, чтобы таким образом морочить голову своей пропагандой и поддержать свою брань против социал-демократии, пришлось, конечно, доказать, как состояние теперешней России далеко от социалистического идеала. Некоторые партийные газеты—признается Макс Адлер—писали почти исключительно о недостатках и нужде в Советской России, об ужасах Октябрьской революции; приходилось обращаться к буржуазным источникам, чтобы узнать кое-что о грандиозной строительной работе в Союзе. Переход к нэпу встретили с насмешливым удовлетворением, как банкротство большевизма. Рабочим не дали понять, что пролетарская революция России, несмотря на внутренние уступки и реформы, должна вызывать гордое чувство солидарности. Для борьбы с внутренним большевизмом, что необходимо, обесценили русский боль-

шевизм в глазах соц.-демократической рабочей массы и засыпали, таким образом, источник революционного подъема и просвещения.

Как должно быть иначе и лучше—М. Адлер считает важнейшей темой к 10-летию Октябрьской революции.

Коммунистическая партия должна, наконец, иметь мужество признать то, что есть, а именно: «что никакого смысла в III Интернационале нет, раз сами русские большевики признали иллюзией возможность немедленной мировой революции и раз Советский Союз вступил в эпоху государственного капиталистического строительства».

«С другой стороны, и с.-д. должна строго различать русский и иностранный большевизм, распространять в массах историческое понимание, как большевизм возник в России, какое он имел значение для продвижения русской революции, как он даже был необходим для нее, т. к. он именно разбил до праха старое русское общество. Тем легче будет доказана историческая неправильность и вредность европейского коммунизма, и борьба с последним не будет тождественна отчуждению от русской революции. Хотя русский большевизм неправ, называя господство своей небольшой партии диктатурой пролетариата, это не будет мешать социал-демократии признать то великое дело, которое совершилось и еще совершается под этим именем»¹.

Так, к 10-летию Октября левая, «революционная» социал-демократическая критика нашей революции нашла свое выражение в потоках бауэрсовского «революционного энтузиазма», взболтанного в одном синтезе с трезвейшим реализмом каутскианского происхождения. С обязательными в австро-марксистском ритуале оговорками и оговорочками здесь получили утверждение все тезисы Каутского и Бауэра.

Якобы неприемлемые для Бауэра и К-о тезисы Каутского преподнесены в порядочной дозе эклектической похлебки из внешне-противоречивых, но внутренне-тождественных положений. По Бауэру Октябрьская революция, совершенная крестьянством, остается предзнаменованием и маяком социализма. По Элленбогену—это маяк строящегося капитализма под руководством социалистической власти. По О. Поллаку—Советский Союз не есть социалистическое общество ни по своему хозяйственному, ни по своему политическому построению, т. е. некий капитализм, возможно даже и не строящийся, во всяком случае, не под руководством социалистической власти. По З. Кунфи это—смещение капитализма в экономике и социализма в политике и культуре, смещение государственного капитализма и пролетарской социалистической власти. По Заупе это—совсем надклассовая диктатура государственного аппарата, растущая к бонапартизму и опирающаяся на кулака и нэпмана, и базис государственного капитализма. З. Кунфи повторил почти буквально софизм Каутского о превращении большевиков в своих собственных контрреволюционеров, правда, с оговорочкой: став, благодаря нэпу, своими собственными контрреволюционерами в экономических и социальных вопросах, большевики избежали политической контрреволюции.

А Макс Адлер лепит из всей этой каши «ультра-левую» смесь «революционной» социал-демократической критики Октябрьской революции, орудя тончайшими методами бауэризации ленинизма и адлеризации

¹ Там же. Эти взгляды сложились у М. Адлера еще в 1924 г.—см. его речь памяти Ленина, Helden der sozialen Revolution. Lenin, pp. 9—30.

¹ M. Adler, «Die 3 Internationale und wir», Klassenkampf, 1927, № 3.

бауэризма. Он идет на словах значительно дальше Бауэра: «Социал-демократические рабочие не должны забывать, что и они, как революционные социал-демократы, суть и должны быть коммунистами, что коммунистическое общество также наша цель, что диктатура пролетариата, осуществляемая всем классом, и есть то, что Маркс уже в «Коммунистическом манифесте» изобразил как необходимый путь к завоеванию государственной власти»¹. Но... это должна быть диктатура, тождественная демократии, рожденная «на пути постепенных демократических успехов»². Напрасно, совсем даже напрасно г. Бауэр сердится на М. Адлера, называя последнего, хотя и анонимно, полубольшевиком (в своей почтительной статье о Lebenswerk'e Каутского). М. Адлер за демократическую диктатуру безусловную, О. Бауэр за условную диктатуру демократии, на случай фашистского выступления против демократической республики³, но и слепому должно быть видно, что эти две диктатуры ничем не отличаются друг от друга и от каутскианской демократии. М. Адлер такой же добрый каутскианец, как О. Бауэр. Во всяком случае различие между ними чисто количественное: у педанта Макса Адлера несколько больше «революционного энтузиазма», чем у О. Бауэра, а у политика Бауэра больше трезвого реализма, чем у Адлера. Вся разница только в силе удара в двух разных половинках знаменитого австро-марксистского синтеза.

Макс Адлер за коммунизм и диктатуру пролетариата, он даже готов назваться коммунистом, он против формальной демократии, он за социальную демократию, он за социальную революцию итд итп.

Как будто дело в названии, а не в сущности, которая у М. Адлера ничем, решительно ничем не отличается от каутскианства и бауэризма как в общих вопросах, так и специально в «русском вопросе». М. Адлер повторяет за Бауэром идею насчет национально-русского характера большевизма и противопоставление русского и европейского большевизма. Поэтому верхом рафинированного лицемерия звучит, например, заключительный аккорд его исповеди к десятилетию Октября, где он говорит, что «с этим лучшим (!? С. Н.) пониманием (!?? С. Н.) русского большевизма должно быть связано революционизирование собственного мышления и чувства в духе марксистской теории классовой борьбы. Наполнение масс конечной целью коммунизма и возобновление привычки к марксистскому языку коммунизма, что и могло бы создать психологическую возможность для воссоединения всего пролетариата»⁴. (М. Адлер хочет сказать—воссоединения II и III Интернационала путем самороспуска и саморастворения Коминтерна в Социнтерне).

Левые фразы насчет сочувствия русской революции и прочая «революционная» словесность насчет конечной цели коммунизма нужны М. Адлеру; чтобы выдать лжемарксистский язык «левой» соц.-демократии за язык марксизма и таким образом удержать в рядах социал-демократии рабочие массы и молодежь. М. Адлер умеет делать это не хуже и проболтался об этом раньше, чем Отто Бауэр. Это даже его узкая специальность, как профессора-культурника, как властителя дум «лево» настроенной социал-демократической молодежи («младосоциалистов»). Он проповедует этой

¹ Там же, с. 72.

² Там же, с. 71.

³ См. Das Linzer Programm, IV.

⁴ Max Adler, Die 3-te Internationale und wir, Klassenkampf, 1927, № 3, с. 73.

молодежи классовую борьбу и коммунизм, но... это классовая борьба «не в смысле диких восстаний или беспорядочных освободительных актов отчаявшихся или страстно-возбужденных народных масс, а целесознательная экономическая, политическая и идеологическая борьба против существующего капиталистического способа производства, которая может кончиться не иначе, как его преодолением и заменой социалистическим хозяйственным строем»¹. Макс Адлер проповедует бесстрастную «классовую борьбу», внося порядокную, без участия возбужденных народных масс, без восстаний, и воображает, что такая вполне демократическая и социал-демократическая, насквозь каутскианская, «классовая борьба» приведет к коммунизму. В своей работе «Социология революции» он пишет: «...социальные революции уже более не являются теперь просто—результатом страстности отдельных исторических периодов, а мерой сознательного осуществления исторического процесса, который стал уже экономически возможен. Но хотя революции т. о. включаются в цепь непрерывного общественного развития, как его неразрывные звенья, они несмотря на это не теряют характер разрыва с существующим, который может осуществиться лишь путем насилия, даже если в будущем он должен происходить только через демократическое майоризирование». Краткий смысл этой длинной тирады, построенной на оговорочках к оговорочкам, сводится к характерному для святого Макса фокусу облечения с.-демократического содержания в «коммунистическую» словесность. Разрыв непрерывности... насильственная социальная революция, но... в форме демократического майоризирования...² И про эту парламентскую комбинацию святой Макс декламирует: «Социальная революция может быть в будущем только радикальной, т. е. коммунистической революцией». Тут все в порядке: и «коммунистический» капитал приобретен, и демократическая невинность соблюдена.

М. Адлеру, как и всем прочим бауэринцам и каутскианцам, никогда не понять диалектики пролетарской революции, диалектики стихийности и сознательности в революционном процессе, ему никогда не понять, что настоящие великие революции были и всегда будут продуктом сознания, воли, фантазии и страсти «возбужденных» народных масс. «История вообще, история революции в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, хитрее, чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Революцию осуществляют в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей: сознание, воля, страсть и фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов»³. Неудивительно, что Октябрьская революция оказалась гораздо «хитрее», чем воображают самые худшие социал-демократические партии и их пережившие себя Несторы, вроде Каутского, их прожженные дипломаты, вроде Бауэра, и их профессора философии, вроде М. Адлера...

Как истый метафизик, Адлер не может подняться в оценке Октябрьской революции, ее путей и результатов выше абстрактного отождествления диктатуры и демократии и столь же абстрактного противопоставления страсти и сознания, стихийности и сознательности в классовой борьбе

¹ M. Adler, Helden der sozialen Revolution, Lenin, p. 13—14.

² M. Adler, Die Soziologie der Revolution, Der Kampf, 1928, № 11, p. 573 (курсив М. Адлера. С. Н.).

³ Ленин, Детская болезнь левизны, гл. X.

и революции. Ему невдомек, что стихийность и сознательность образуют единство противоречий, которое ведет вперед классовую борьбу вообще и революцию в особенности. Ему невдомек, что диктатура и демократия образуют не абстрактное тождество, а конкретное единство. Пролетарская диктатура и есть пролетарская демократия, но она вместе с тем отрицание демократии для буржуазии, она убеждение по отношению к своему классу, *принуждение* по отношению к буржуазии, принуждение плюс убеждение по отношению к мелкой буржуазии, к крестьянству¹. Пролетарская диктатура есть уничтожение буржуазной, формальной демократии и создание пролетарской демократии. М. Адлер не видит этого разностороннего, живого, «хитрого» содержания диктатуры пролетариата: он занимает в этом вопросе такую же абстрактно-метафизическую позицию, как Каутский, с тем различием, что Каутский утверждает абстрактную *противоположность*, а М. Адлер абстрактное *тождество* диктатуры и демократии. Но ни тот, ни другой не понимают, что диктатура и демократия образуют конкретное единство противоположностей. Столь же абстрактно и метафизично их противопоставление диктатуры пролетариата и диктатуры компартии, диктатуры класса и диктатуры партии. Им невдомек, что эти диктатуры нельзя ни отождествлять ни противопоставлять, что они образуют конкретное единство: партия *руководит* диктатурой пролетариата.

Столь же абстрактно и метафизично у М. Адлера его противопоставление *тождества* конечной цели у пролетариев *всех* стран и *различия* путей к этой цели у пролетариев *разных* стран. Ему невдомек, что путь, движение определяется целью, что цель является результатом пути, что путь и цель неравнодушны друг к другу, что общая единая цель может быть достигнута лишь общим и единым путем (методом), на основе единой программы, стратегии и тактики, что не исключает, а наоборот, предполагает конкретнейшее разнообразие в реализации этого интернационального единства «в каждой отдельной стране, сообразно оригинальным чертам ее экономики, политики, культуры, ее национального состава, ее колоний, ее религиозных делений итд итп». Интернациональное единство пути к единой цели нельзя построить «на шаблонировании, на механическом выравнивании, отождествлении тактических правил борьбы. Пока существуют национальные и государственные различия между народами и странами (а эти различия будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе)—единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения *национальных различий* (это вздорная мечта для настоящего момента), а такого применения *основных* принципов коммунизма (Советская власть и диктатура пролетариата), которое бы *правильно видоизменяло* (х) эти принципы *в частности*, правильно приспособляло, применяло их к *национальным и национально-государственным различиям*. Исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить *национально-особенное*, национально-специфическое в *конкретных подходах* (х) каждой страны к разрешению *единой* (х) интернациональной задачи—к победе над оппортунизмом и левым доктринерством внутри рабочего движения, к свержению буржуазии, к утверждению советской республики и пролетарской диктатуры—вот в чем главная задача переживаемого всеми передовыми (и не только передовыми) странами

¹ Ср. Ленин, О диктатуре пролетариата, Ленин, Собр. соч., III, стр. 511—18.

исторического момента»¹ (х—отмечены курсивы автора. Остальные курсивы наши. С. Н.).

Эти строки написаны Лениным в 1920 г., М. Адлеру они должны быть известны, он мог прочесть их тогда же в немецком переводе. Как философ по специальности, он должен был бы понять, что они представляют изумительный образчик применения диалектики всеобщего, особенного (частного) и единичного в политике. Общность и единство цели и пути требует особенности их реализации, применительно к национально-государственным и др. различиям отдельных стран. Общность основных принципов единой интернациональной тактики требует правильного видоизменения этих принципов в частности. Общее и особенное образуют у Ленина, как и у всех великих диалектиков, начиная с Гегеля и Маркса, живое конкретное единство. Не поняв или не зная этих основ ленинской диалектики в политике, марксистобразный каутскианец и дуалист М. Адлер преподносит с величайшим самодовольством свое пустое, абстрактное противопоставление общности интернациональной цели и особенности национальных путей за учение Маркса и Энгельса и с пошлой самоуверенностью читает нотации Октябрьской революции и мировому большевизму, абстрактно же противопоставляя русской большевизму мировому коммунизму. М. Адлер, как и Бауэр, настолько великодушен, что готов признать большевизм де-юре, как национально-русскую разновидность социализма, чтобы тем легче и свободнее бороться с интернациональными последствиями Октябрьской революции, с интернациональным большевизмом—де-факто.

Он готов санкционировать революционный путь Октября *в прошлом*, как национально-русский, чтобы дискредитировать подражание этому пути на Западе *в будущем*, как якобы неприемлемое даже в основном для других стран и наций. Одним словом, вся «глубокомысленная» аргументация М. Адлера укладывается в формулу: «Что русскому здорово, то немцу смерть». Необразованным русским нужно террористическое господство меньшинства, а культурным немцам как воздух необходима адлеровская «диктатура пролетариата», тождественная чистой демократии... Каутского. «Ультра-левый» с.-д. М. Адлер и «левый» О. Бауэр обнаруживают не на много больше добросовестности в своем понимании Октябрьской революции, чем К. Каутский.

Не лучше обстоит дело с анализом другого австро-марксиста, тоже почти ультра-«левого» социал-демократа—З. Кунфи. Он, пожалуй, решительнее всех остальных «левых» с.-д. выступил против Каутского—открыто накануне марсельского конгресса и анонимно в своих статьях к 10-летию Октябрьской революции².

Он несогласен с утверждением Каутского, что в России контрреволюция больше невозможна и неопасна для пролетариата, т. к. в глазах Каутского большевизм вообще есть контрреволюция, и проблема для него стоит так, что одна контрреволюция сменится другой. Кунфи думает, что Советский Союз представляет собой контрреволюционный капиталистический базис по своей экономике и революционную, социалистическую надстройку по своей политике и культуре, тогда как страны старого и развитого капи-

¹ Ленин, «Детская болезнь левизны», гл. X (с. 178—179), XVII т., изд. 1923 года.

² S. K u n f i, Die Logik der Kontrevolution, Der Kampf, 1925, № 8/9. Его же, Die geschichtliche Stellung der russischen Revolution, «Der Klassenkampf», 1927, № 3 s. k. Zehn Jahre Sowjetrusland, «A.-Z», 6/XI 1927, № 304.

тализма—Англия, Соединенные Штаты и Рейнланд-Вестфалия являют обратный пример социалистического фундамента (полный зрелости предпосылок социалистического производства) и капиталистической надстройки (насквозь капиталистический строй с отсталым рабочим движением).

Кунфи думает, что социалистическая политико-идеологическая надстройка над капиталистическим базисом такая же историческая возможность, как капиталистическая надстройка над социалистическим базисом. Он думает, что СССР по своему «бытию» капиталистическое, а по «сознанию»— социалистическое государство. Он думает, что в основе каутскианской оценки Советского Союза как сплошного контрреволюционного образования снизу доверху лежит слишком механическое понимание исторического материализма и проблемы взаимодействия между экономическим базисом и политической надстройкой. Восстановление капиталистического базиса в СССР (для Кунфи это такая же абсолютная истина, как и для прочих с.-д. ценителей Октября, во главе с Каутским. С. Н.) отнюдь не исключает временного утверждения социалистической политико-идеологической надстройки. Обнаружением, без сомнения, капиталистических хозяйственных основ советского государства отнюдь не дан ответ на вопрос об эвентуальном социалистическом революционном характере советской идеологии и политики. Не только советская агитация и пропаганда, но особенно советская школа наполняет подрастающее поколение пусть упрощенной, поверхностной, но все же социалистической культурой и, таким образом, прививает большинству населения идеологию, которая противоречит его интересам и повторяет, с социалистической стороны, тот образец, который осуществляли в этом отношении капиталистические державы через церковь, школу и печать. Поэтому Кунфи решительно против каутскианской проповеди антисоветского восстания, будь то стихийного, будь то организованного. В противовес каутскианскому призыву к восстанию против Советской власти, Кунфи выдвигает лозунг: «Руки прочь от Советской России», ибо советская власть в России—революционная сила. Он выдвигает и другой лозунг: «Руки прочь от Европы!» ибо Советская власть и большевизм в Европе есть контрреволюционная сила¹.

Оспаривая концепцию Каутского, доказывая, что логика контрреволюции в случае свержения советской власти приведет к разгулу реакции во всем мире, Кунфи не догадывался, что логика контрреволюции и есть логика Каутского и что его *собственная* логика есть наполовину логика контрреволюции. Оспаривая механическое понимание Советского Союза, как сплошного контрреволюционного образования снизу доверху, Кунфи берет у Каутского добрую половину его контрреволюционной логики и выдает за шедевр диалектики свое утверждение, что в Советском Союзе на контрреволюционном базисе реставрированного капитализма утверждается социалистическая культурно-политическая надстройка. Он тщится подвести диалектическое основание под свою полуконтрреволюционную логику; он абстрактно противопоставляет базис надстройке, не понимая, что конкретное единство базиса и надстройки исключает равно как их абстрактное соответствие (Каутский), так и абстрактное их несоответствие (Кунфи). Действительного взаимодействия между базисом и надстройкой Кунфи не понимает. Как и Каутский, он не понимает, что базис и надстройка образуют единство соответствия и несоответствия, что надстройка есть

концентрированный базис (политика есть концентрированная экономика), что, напр., социалистический характер нашего государства и нашей культуры есть концентрированное выражение генеральной исторической тенденции развития советского, переходного общества к социализму.

Кунфи, как и все добрые адлерианцы, бауэрианцы и каутскианцы, не понимает, что советская экономика несет в себе реальную историческую возможность полного социалистического общества. Поэтому он вынужден прибегнуть к метафизическим конструкциям абстрактного, полного отрыва надстройки от базиса и договориться до сверхъестественного вздора о возможности всяких чудесных сочетаний: капиталистического базиса с социалистической надстройкой (в СССР) и социалистического базиса с капиталистической надстройкой (в Англии, Сев. Америке и Рейнланд-Вестфалии). Нетрудно понять, что в основе этого изумительного тезиса лежит полное непонимание различия между наличным бытием и становлением, между социалистическим базисом и зрелостью материальных условий капитализма до революции для построения социалистического базиса *после* революционного свержения капитализма. Тайна этого непонимания—в каутскианском понимании пролетарской революции как социальной реформы, которая на готовеньком социалистическом базисе водрузит чистенькую надстроечку социал-демократической республики. Разница между Каутским и Кунфи лишь та, что по Каутскому даже *предпосылок* социалистического базиса в настоящее нет ни на Западе, ни, тем более, на Востоке, а по Кунфи на Западе—уже готовый социалистический базис. Ну, а если социализм экономически уже готов, то очевидно, что можно ограничиться и хозяйственной демократией. Различие между Кунфи и Каутским оказывается мнимой величиной. «Ультра-левые» Кунфи и М. Адлер да центрист Бауэр, как и ультра-правый Каутский, одинаково не понимают, что зрелость материальных предпосылок может превратиться в социалистический базис только путем скачкообразного перехода количественных изменений в *качественное* изменение *всей* старой общественной формации, только путем революционного переворота капиталистического базиса и капиталистической надстройки снизу доверху, только путем революционного образования *новой* общественной формации.

Заблудившись между базисом и надстройкой СССР, состряпав ех темпоре ультра-метафизическую теорию возможности сочетания какого-нибудь экономического базиса с какой-нибудь надстройкой, Кунфи к 10-летию Октября настолько утвердился в этой невозможной теории всяких возможностей в отношениях и взаимодействии базиса и надстроек, что счел необходимым еще и еще раз повторить и «углубить» проблему. Так у него оказывается, что при «передаче земли крестьянам был соблюден *социалистический принцип*, что земля принадлежит организованному обществу, как *общественное средство производства*, и таким образом была пробита брешь в созданной на деле системе крестьянской частной собственности (!? С. Н.), и окончательное решение вопроса о том, станет ли главное средство производства Советской России—земля—частной собственностью или общественной собственностью, было передвинуто из *области экономики на рельсы политико-силового и социально-педагогического* (!? С. Н.) *развития*. Мыслимо, что монополизация всех политических и идеологических средств государственной власти и общества социалистическим по своему сознанию рабочим классом победит или по меньшей мере так значительно ослабит буржуазные инстинкты крестьянства, возникающие из частного

¹ S. K u n f i, Logik der Kontrrevolution, Der Kampf 1925, № 8/9, p. 304—307.

владения земель, что «антиколлективистический крестьянский череп», эта опора капиталистического общественного строя, будет пробит прессой, школой и всей духовной атмосферой общества, над (? С. Н.) которым господствует (!) пролетариат, что в душе русского крестьянина одновременно *экономика будет побеждена идеологией*. «Конечно, такой результат стоял бы в противоречии с узко понятым историческим материализмом и принудил бы к ревизии до сих пор господствовавших воззрений на взаимодействие экономического базиса и идеологической надстройки. Но факт существования большевистского господства, т. е. господства *численно-незначительного* рабочего класса над гигантским государством и над огромным крестьянским народом, ставит эту проблему уже сегодня». «*Находящийся в меньшинстве пролетариат, как господствующий класс*—это и есть великое новое, своеобразное в советском государстве. Ни один мыслящий человек не может пройти мимо факта, что то, что до сих пор удавалось только дворянству и буржуазии, господствовать, как меньшинству, в Советской России удалось также и пролетариату, одной из его социалистических партий»¹.

Чудесный смысл этой философско-политической бессмыслицы сводится к тому, что большевистская диктатура пролетарского меньшинства над крестьянским большинством в состоянии совершиться и совершает (в голове Кунфи!) невероятные чудеса: 1) во-первых, она существует; 2) она может якобы существующую на деле в СССР частную крестьянскую собственность на землю превратить в общественную собственность (хотя и декретированную, но якобы не существующую); 3) превращение крестьянина в коммуниста совершится одними *внеэкономическими*, чисто политико-идеологическими средствами; 4) в результате всех перечисленных чудес в крестьянской душе большевистская идеология победит мужицкую экономию. Притом все эти чудеса совершаются и должны совершаться на базе развязанного мелкобуржуазного крестьянского хозяйства и государственного капитализма, т. е. на базе реставрированного капитализма. Наконец, все эти чудеса освящаются новой теорией исторического материализма, состоящей из одних намеков на какое-то известное одному Кунфи особенное взаимодействие базиса и надстроек, при котором становятся возможными самые чудесные сочетания социально друг другу чуждых, прямо-противоположных базиса и надстройки.

Не удовлетворяясь механическим пониманием советского общества у Каутского (капиталистическому базису соответствует такая же контрреволюционная надстройка), Кунфи замечает каутскианское непонимание своим собственным, основанным на механическом *отрыве* надстройки от базиса, на якобы оригинальной теории взаимодействия, которая в действительности оказывается вульгарнейшей теорией факторов, вульгарнейшей теорией исторического идеализма (идеология может победить экономию!) и своеобразным механическим идеализмом.

Октябрьская революция показала, что она многое может; она может построить в СССР полное социалистическое общество, но она не может отменить законов исторического материализма и не нуждается в этом. Социалистическую реконструкцию промышленности и сельского хозяйства, города и деревни, она проводит без чудес в стиле Кунфи: она нэповскую Россию превращает в социалистическую страну комбинированными мето-

¹ K u n f i, Die geschichtliche Stellung der russischen Revolution, «Klassenkampf», 1927, № 3, p. 77—79.

дами технической и культурной революции во всем Союзе, поголовным кооперированием деревни, коллективизацией огромных массивов крестьянства, технико-экономической помощью индивидуальному крестьянскому хозяйству (пока оно существует), социалистической индустриализацией промышленности, успешным обобществлением процесса обращения, прогрессивным вытеснением частно-капиталистического сектора в промышленности и торговле, действительным превращением Советского Союза из аграрно-промышленной в *промышленно-аграрную*, в социалистически-индустриализированную страну, которая поставила себе цель (и доказала свое историческое право на такую постановку) догнать и перегнать капиталистические страны. Если к этому прибавить развертывание советской демократии, беспощадную борьбу с бюрократизмом, типичную для пролетарской революции и еще Марксом предусмотренную самокритику, охватившую все наши массовые организации во главе с партией, и, наконец, культурную революцию, которая действительно порождает и будет порождать в нашей стране «массовое коммунистическое сознание» и опять-таки по Марксу¹; если все это продумать и понять, тогда не будет никакой надобности в ревизии исторического материализма, в конструировании чудес (вроде победы коммунистической идеологии над крестьянской экономикой) одними внеэкономическими мерами, на базе госкапитализма, не будет потребности в вымучивании «новой» теории взаимодействия базиса и надстроек, которая свидетельствует о ликвидации всякого взаимодействия между социал-демократическими «ценителями» Октябрьской революции и историческим материализмом.

Если бы Кунфи, спасаясь от вульгарного социал-демократического, эконом-материалистического, эконом-фаталистического понимания истории, пришел к *историческому* материализму, к диалектико-материалистическому пониманию истории, а не к историческому идеализму, который прекрасно уживается с экономическим фатализмом, у него не было бы никакой нужды в гипотезе чудес. Но для этого ему нужно совершить маленькое чудо—посмотреть на Октябрьскую революцию и экономику СССР *как они есть*, и радикально выбросить вон с.-д. идейку о контрреволюционности нашего базиса, выбросить вон тезис о госкапитализме, как преобладающем элементе советской экономики, т. е. отказаться от ядра каутскианской, контрреволюционной концепции Октябрьской революции.

¹ Маркс—Энгельс, Немецкая идеология. Архив, кн. 1, стр. 226—227.

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА ¹

Иннакей Кельда (Дмитриев)

1. Если раньше вопросом о происхождении языка занимались большей частью языковеды, то в настоящее время им занялись социологи и, в первую очередь, марксисты.

Старая лингвистика провела в этой области громадную работу, выдвинула десятки самых разнообразных теорий, а затем бессильно отступила. Она призывала к себе на помощь и психологию, и логику, и другие науки, но, несмотря на все это, вопрос до сих пор остается нерешенным.

Чем объясняется неудача этих попыток? И возможно ли, на самом деле, решение этого вопроса? А если возможно, то каковы пути этого решения? Чтобы ответить на все эти вопросы, необходимо вкратце остановиться на характеристике прежней постановки вопроса и указать основные ее недостатки.

2. Вследствие того, что старая индо-европейская лингвистика имела дело с языками наиболее культурных народов мира, вопрос о происхождении языка материально ограничивался кругом звуковой человеческой речи. С другой стороны, господство сравнительного метода исследования языков направляло вопрос о происхождении языка в плоскость отыскания общих для всех родственных языков первичных корней. Эти первичные корни, казалось, дадут представление о первичных элементах языка. Это, в свою очередь, ставило исследователей перед необходимостью объяснить, почему данные первичные корни имеют данное значение, а не какое-либо иное. Тут на помощь призывалась формальная, идеалистическая психология, которая устанавливала факт наличия параллельных друг другу процессов — *мышления*, с его понятиями, представлениями и образами, и *звуковой речи*, с ее словами и звуками. Однако установить связь между каждым звеном этих двух параллельных процессов, или связь «мысли с языком», ни психологам, ни лингвистам-формалистам не удалось.

До каких фантастических построений доходили исследователи, можно заключить из того, что ими выдвигались самые разнообразные теории происхождения языка: божественная, естественная, договорная, подражательная и т. д., и т. д., вплоть до формально-трудового его объяснения. И вся эта груда догадок, выдумок и фантастики повисла в воздухе, висела и висит по сие время, заграждая тем самым свободный доступ к правильному решению вопроса.

¹ В основу настоящей работы положен доклад, прочитанный в заседании п/секции материалистической лингвистики Комм. академии 10 ноября 1928 г.

3. Нужно отметить, что даже марксисты-социологи и философы не удержались от соблазна «выезжать» от поры до времени на указанных теориях, а некоторые из них и даже всерьез принимали эти теории, как, например, теорию Нуаре-Гейгера, чуть ли не за марксистские. При этом совершенно упускалось из виду наличие неустраняемых трудностей в разрешении вопроса о происхождении языка во всяком направлении компаративной лингвистики ¹.

Основной недостаток последней — признание первичности звуковой речи; побочный — абстрактно-формальная постановка вопроса: блуждание в дебрях идеалистической психологии и отрыв от социологического анализа базы развития языка.

Теория Людвигу Нуаре, со своей формально-трудовой постановкой вопроса, кажется лишенной последнего недостатка, но это только одна видимость. В действительности она только внешне увязывает социологию с лингвистикой, не говоря уже о том, что она сохраняет основной недостаток индо-европеистики. Поправки Бюхера, Веселовского и др., увязывающих язык с первобытными пляской, песнями и т. д., освобождают теорию происхождения языка от формально-социологического подхода, но основной его недостаток — принцип первичности звуковой речи — остается в силе. Даже Богдановская рефлексология не устраняет этого основного недостатка, хотя фактически очень близко подходит к ее устранению. Я имею в виду его физиологический анализ связи «знака» и «значения».

4. Знакомясь с тем немногим, что дает наша марксистская популярная литература по вопросам языка, главным образом о происхождении речи, мы сразу же наталкиваемся на целый ряд самых разнообразных и противоречивых положений.

Обзор этих высказываний мы и начнем с попыток, которые об'ективно оказываются не чем иным, как преподнесением читателю под видом вполне марксистских воззрений ряда глубоко неправильных, и с точки зрения диалектического материализма и с точки зрения современной лингвистической науки, гипотез, в большинстве случаев взятых из вторых рук.

5. «Переиздаваемые Государственным издательством в серии «Культурно-историческая библиотека» работы лейпцигского проф. Вейле, — пишет редактор в «Предисловии ко второму русскому изданию», — представляют для сторонников материалистического толкования истории особый интерес теми подтверждениями этой теории, которые дают своим изложением Вейле и современные этнологи» ².

Что же, подтверждающее воззрения исторического материализма на проблему происхождения языка, мы находим у проф. Вейле? Указав, что «первым критерием человеческой природы издавна и всеми признается *речь*» ³, Вейле перечисляет, сколько различных звуков было найдено у отдельных видов животных и птиц, и приходит к выводу, что между человеком и животным «по существу... и вовсе не было бы различия, если бы человек не воспитал в себе способности, которая совершенно отсутствует

¹ Да и новейшее сравнительное языковедение в лице крупнейших своих представителей (Мейе, Тромбетти и др.) не дает ничего нового, заслуживающего внимания.

² К. Вейле, Культура бескультурных народов, пер. В. М. Познера, под ред. проф. В. Э. Адлера. Второе вновь просмотр. изд., ГИЗ, 1924, предисловие Ст. Кривцова, с. 3.

³ К. Вейле, Первобытное общество и его хозяйство, пер. с немецкого под ред. А. Н. Горлина, ГИЗ, 1923.

у животного: эта присущая исключительно человеку способность заключается в умении переходить от конкретных представлений и образов воспоминания к составлению понятий и оперированию ими»¹.

Приведенная нами цитата из Вейле заключает в себе ряд серьезных ошибок. Это, в первую очередь, смешение человеческих слов с животными криками, затем совершенное игнорирование общества, труда и, наконец, стремление к изначальному одухотворению человека. Между тем, человеческая речь — образование исключительно социальное, результат общественно-трудового процесса, ведь «в языке не звук, а фонема, обработанный человечеством членораздельный звук»².

Этот звук отработан и обработан человечеством постепенно, в длительном процессе глоттогонии, сопровождавшей и отражавшей процесс общественного развития. Поэтому между аффективными и животными звуками и общественно-обработанной фонемой человеческой речи разница не только количественная, но и качественная.

«Дело в том, — пишет академик Марр после разбора состава и образования так называемых звукоподражательных слов, — что каждое слово в звуковой человеческой речи есть в источнике акт осознанного, а не аффективного или произвольного действия»³.

«Самое явление, звукоподражательная природа многих слов, отнюдь нами не оспариваемая, — результат позднейшей эволюции в восприятии того или иного слова за звукоподражательное только потому, что говорящий привык сочетать данное слово с определенным предметом, имеющим, действительно, в природном своем проявлении звуковое оглашение, т. е. для выражения звуков, испускаемых лошастью ртом и ноздрями, у русских слово «ржать», у грузин «gv. gv. п-и»⁴.

6. Приведем другой аналогичный случай.

«История первобытной культуры» г. Шурца, выходящая третьим русским изданием, — читаем в «Предисловии редактора», — не принадлежит к тем книгам, которые можно выпускать без предисловия»⁵.

А потому редактор-марксист и, к тому же, этнолог указывает на недочеты Шурца в разрешении им вопроса о происхождении языка.

«Несколько запутана и даже спорна теория происхождения языка... Спорна теория постольку, поскольку она связывает происхождение речи с происхождением «языка жестов и знаков». Г. Шурц употребляет несколько необычную терминологию; условные знаки он называет «языком знаков», условные движения — «языком жестов»⁶.

А на другой странице тот же редактор замечает: «В этой мимике и жестах, тем не менее, условности никакой нет»⁷.

Не останавливаясь на этом странном противоречии у тов. Кушнера, укажем, что в принципе он не отрицает роли жестов и мимики, но заявляет только, что «жесты играют большую роль в примитивных языках, но

¹ К. Вейле, Культура бескультурных народов, с. 71.

² Н. Я. Марр, О происхождении языка, По этапам развития яфетической теории, изд. Ин-та эт. и нац. культ. нар. Вост. СССР, 1926, с. 319.

³ Там же, с. 319.

⁴ Там же, с. 318.

⁵ Г. Шурц, История первобытной культуры, изд. Ком. унив. им. Свердлова, Москва, 1923, вып. I, стр. V, предисловие П. И. Кушнера.

⁶ Там же, с. XI.

⁷ Там же, с. XII.

вовсе не потому, что они родоначальники речи», а потому, что «при скудном запасе слов и бедности выражения, мимика (движение лица) и жесты (телодвижения) *облегчают понимание* и употребляются охотно»¹.

Тов. Кушнер совершенно упустил из виду одну, может быть для него маловажную, вещь, именно, что язык жестов не прирожден ни животному, ни человеку, а потому нужно еще об'яснить, почему этот язык жестов понятнее, чем язык звуков; что он также не изначален и не дарован кем-то, а имеет где-то и какое-то начало. Как потом мы увидим, это начало отнюдь не совпадает с началом звуковой речи, а предшествует ему. Если для марксиста-этнолога возможность такой постановки вопроса — новость, то, казалось бы, самое выражение «язык жестов» никоим образом не должно быть таковым. Ведь такое выражение или, по крайней мере, такое толкование жестов и мимики мы находим у многих исследователей так называемой первобытной культуры, вернее, истории первобытного общества, лингвисты же «язык жестов» использовали в качестве особого пособия для образования человеческой речи.

7. Тов. Асмус² также не совсем четко выявил основную тенденцию Шпетовского «труда». «Акты фантазии данного суб'екта, — пишет Г. Шпет, — точно так же, как все другие творческие трудовые акты, об'ективируясь в продукте труда и творчестве, в языке, поэзии, искусстве, становятся культурно-социальными актами»³.

Не ясно ли отсюда, что суб'ект об'ективируется в языке, поэзии и т. д., и суб'ект производит и творческие, и трудовые акты, он как бы воплощается тогда в производимых им культурных явлениях.

«Без этого воплощения культурной реальности, — читаем мы дальше у Шпета, — суб'ект лишен своих качеств sui generis и принимается как простой об'ект природы, как задача естественно-научного изучения»⁴.

Что же представляет из себя «суб'ект» Г. Шпета? Он говорит, что акты фантазии должны быть «свойством суб'екта, т. е. суб'ект должен являться некоторым субстратом или «носителем» актов фантазии, как своих свойств»⁵.

Я думаю, что этого вполне достаточно для того, чтобы уяснить себе сущность Шпетовской философии.

Тов. Асмус также совершенно не усмотрел у Шпета реакционности в трактовке вопроса о происхождении языка. Вся постановка Г. Шпетом проблемы внутренней формы слова и суб'екта, как социальной данности, прямо указывает на первичность «суб'екта», т. е. изначальную «данность» суб'екта, а, значит, и языка.

Другой труд того же Г. Шпета «Введение в этическую психологию» представляет собой не что иное, как памфлет, направленный острием именно в сторону генетических теорий, исследующих происхождение своих об'ектов и не признающих их извечного существования⁶. Логическим следствием такого взгляда на методологию вопроса является «агностицизм»

¹ Г. Шурц, цит. раб., стр. XII. Курсив мой. И. Д. К.

² В. Асмус, Философия языка В. Гумбольдта в интерпретации проф. Г. Г. Шпета, Вестник Ком. академии № 23, 1927, с. 252.

³ Г. Шпет, Внутренняя форма слова изд. ГАХН, 1927, с. 179.

⁴ Там же с. 178.

⁵ Там же, с. 177.

⁶ Попыткой разоблачения мистицизма Г. Шпета и является моя рецензия («Вестн. Комм. ак., кн. 29/5).

Г. Шпета, который особенно четко формулируется им в следующем положении:

«Я не выражаю никакого своего отношения, ни положительного, ни отрицательного, к вопросу о генезисе языка,—ничего фактического о происхождении языка мне не известно»¹.

8. За марксистами, которые об'ективно оказались расхваливающими идеалистический товар, спешают и «стыдливые» не-марксисты.

Проф. В. Никольский в своей книге «Очерк первобытной культуры» делает следующее откровение по вопросу о языке:

«Отсутствие подбородка и ряда других особенностей на нижней челюсти гейдельбергского человека показывает, что он скорее издавал крики, подобно животному, чем говорил членораздельно. Эта несовершенная сигнализация—делает он затем другой научный вывод—указывает на слабость общественных связей»².

И в подтверждение этого положения автор рисует картину стайной жизни полулюдей, бродящих за вожаком в поисках пищи. Характеризуя суб'ективное состояние этих полулюдей, делающих уже значительно совершенное орудие, автор пишет:

«Как нижняя челюсть гейдельбергского человека является собирающей, т. е. соединяющей одновременно и человечески и обезьяньи черты, так и его мышление—собирающее, промежуточное между животным и человеческим»³.

Таковы научно обоснованные догадки проф. Никольского о речи и мышлении полулюдей. Получается впечатление, что, строя свои догадки, автор совершенно упустил из виду свои же заявления о недостаточной разработанности психологии для того, «чтобы она могла заниматься восстановлением первобытности», и о совершенной некомпетентности всякой «лингвистики, за неимением остатков первоязыка... не могущей решить вопроса о происхождении языка»⁴.

Благодаря этому упущению получились догадки, обоснованные не на данных материалистической лингвистики и психологии, а на данных, если можно так выразиться, кустарной лингвистики самого автора.

Противоречия между этими догадками и действительным положением вещей еще более четко обрисовываются в дальнейшем изложении автора. Так, после обзора археологических и антропологических данных об эпохе скелетов орудий (мезалитическая—по Городцову) Никольский пишет:

«Хотя их челюсть еще не имеет настоящего подбородка, но он уже намечается. Есть и другие черты неандертальской челюсти, указывающие, что неандертальцы обладали речью, промежуточной между гейдельбергским и «разумным человеком». «Погребения неандертальцев,—пишет он несколько дальше,—при получеловеческой их природе, вызвали немалое удивление. Тем не менее они доказаны совершенно надежно. Все это позволяет нам считать мышление неандертальцев уже человеческим»⁵.

Это первое противоречие автора. Он утверждает наличие «уже человеческого мышления», но в то же время говорит об отсутствии «разумной

¹ Шпет, цит. соч., с. 205.

² Никольский, Очерк первобытной культуры, IV изд., «Пролетарий», 1928 с. 137.

³ Там же, с. 138.

⁴ Там же, с. 66. Нельзя не вспомнить аналогичный же агностицизм Г. Шпета.

⁵ Никольский, цит. раб., с. 149.

человеческой», т. е. членораздельной речи. Эти два его положения взаимно противоречат и исключают друг друга, даже согласно мнению самого автора, цитировавшего на с. 131 Лацаруса¹, не говоря уже о том, что они в корне противоречат положению Энгельса:

«Сначала труд, а затем и рядом с ним членораздельная речь явились самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны мог постепенно превратиться в человеческий мозг» («Роль труда в процессе очеловечения обезьяны», Архив, том II, с. 93, курсив мой.—И. Д. К.).

Это противоречие ничуть не сглаживается тем, что автор дальше пишет: «Но отсутствие настоящей членораздельной речи вело к отсутствию понятий, значит неандертальцам не была свойственна способность мыслить понятиями, т. е. разум»².

Не сглаживается потому, что нечленораздельной человеческой звуковой речи у человечества никогда не было. Членораздельность вовсе не сводится только к разложению звуковых комплексов на современные звуки, а к установлению связи между известным комплексом звуков, безразлично—будь это слово или часть слова, и определенным значением. Звуковая речь не могла быть нечленораздельной и при отсутствии понятий, хотя бы еще примитивных.

Мышление же образами и представлениями, приписываемое бесосновательно автором неандертальцам, имеющим уже, в сущности, мышление примитивными понятиями, не было бы возможно без предшествовавшей образной речи (жесты и мимика). Значит, развитие подбородка скорее всего связывается с развитием не звуковой речи, а речи мимикой. Недаром «отец яфетидологии»³ предупреждал ученых о неправильности определения мышления первобытного человечества, исходя из состояния челюстей:

«Из анатомического состояния палеолитических челюстей ученые заключают, что хозяева их должны были стоять в самом начале работы языка. Однако поторопились специалисты, наделяя человека первых эпох техникой изобразительного искусства и артистическим воспроизведением образов в линиях»⁴.

Второе противоречие автора также относится к области идеологии. Он, как мы уже видели из разбора первого противоречия, считает неандертальцев не имеющими настоящей членораздельной речи. Следовательно, совершенно невозможно допустить у них наличие каких-либо понятий, имеющих некоторую степень отвлеченности. Между тем В. Никольский устанавливает полную доказуемость допущения примитивной формы «табу» и запретов, что видно из следующего положения: «Великий запрет пал на труп, охраняя покой усопшего, на его орудия и еду»⁵.

Наконец, третье из серьезных противоречий автора—это отсутствие увязки между «базисом» первобытного общества и «надстройками», в особенности речью и мышлением. Оказывается, что для «научных данных» автора не является противоречием отсутствие членораздельной (читай: значительно развитой) речи в эпоху изобретения огня при значительно

¹ «Речь создала разум; до появления языка (т. е. членораздельной звуковой речи) человек не имел разума».

² Никольский, с. 149.

³ Никольский, с. 65. Да простит мне акад. Марр, отрицающий кровное родство языков.

⁴ «По этапам развития яфетической теории», с. 321.

⁵ Никольский, с. 150.

совершенной технике производства орудий и оружия. Для того, чтобы понять огромность этого противоречия, мы кратко перечислим данные археологии и сопоставим их с характеризованным автором состоянием языка и мышления.

«Огонь, усложненная сколотая техника, два (а не один) определенных типа орудия — острокопечник и скребок — всё это явные и неопровержимые показатели, — пишет Никольский, — хозяйственного роста»¹.

«Очень достоверным является, — продолжает он дальше, — допущение, что люди эпохи сколотых орудий уже изготавливали себе одежду. Огонь и одежда и позволили им удержаться в Европе в течение холодного оледенения»².

Добавьте к этому «охоту на крупных животных»³ и даже «употребление черной и красной краски»³, чтобы представить себе высоту техники, уровень производства и организованность общественного труда в описываемую автором эпоху. Какими неправдоподобными кажутся догадки его об отсутствии развитого человеческого языка и мышления в это время.

9. На чем основаны ошибки автора?

Основных причин две: слепое следование по путям старой лингвистики (хотя и отвергаемой на словах автором) и отсутствие марксистского подхода к вопросу о происхождении языка. Для подтверждения этих предположений достаточно сослаться на следующие места из разбираемой книги:

«У нас академик Марр, отец яфетидологии, восстанавливает не только яфетический праязык, но в последних своих работах пытается характеризовать начальную стадию в развитии языка. Рисуемая им картина развития языков грандиозна, но, к сожалению, его исследование еще не закончено, почему нахожу преждевременным о нем высказываться»⁴.

Этой своей ссылкой на яфетидологию проф. Никольский разоблачил поверхностность своего знания последней, а характеристикой индо-европейского сравнительного языковедения показал свое полное непонимание лингвистических проблем и методов. Достаточно указать только на то, что индо-европеизм, вопреки уверениям автора (стр. 64), не открыл не только пранарода и его пракультуры, но и праязыка, что все сравнительно-палеонтологические концепции старой лингвистики провалились самым плачевным образом и совершенно дискредитировали самую мысль о палеонтологии речи⁵. С техникой работы у лингвистов-формалистов, как и у яфетидологов, проф. Никольский нарядком мало знаком.

Слепое следование за общими местами компаративистики обнаруживается и в догадке о процессе происхождения языка:

«Однако труд тесателей кремней, вероятно, был резко отличен от всех нам известных форм его, — пишет Никольский, подводя итоги эпохе тесаных орудий. — Вполне возможно предположение Бюхера, что труд был скорее игрой, чем трудом в нашем смысле. «Трудиться» для человека было столь «трудно», требовало от него таких усилий, что, возможно, это могло происходить лишь стадно, хором, когда инстинкт раздражитель-

¹ Никольский, с. 146.

² Там же, с. 147.

³ Там же, 148.

⁴ Там же, с. 65.

⁵ Дискредитировали настолько, что даже одно только звуковое сходство с ним яфетической палеонтологии речи вызывает у всех явно недоверчивое отношение к последней.

ности, столь развитой уже у человекоподобных обезьян, мог вовлекать в массовую работу всю группу тогдашних людей. Вполне возможно, что усилия людей в этой хоровой работе облегчались ритмичностью их трудовых движений. Трудовые усилия вызывали трудовые крики. Ритм движений, дававших звуки (например, обтесывание камней), мог вызвать и ритм в этих криках, обращавшихся в завывание — песнь работающего хора»¹.

Эта цитата в достаточной мере ясно показывает полное признание автором теории Нуаре, а вместе с этим и признание правильного принципа первичности звуковой речи со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но, кроме того, она устанавливает полное противоречие между воззрениями автора и марксистскими воззрениями на труд, как сознательную, а не инстинктивную человеческую реакцию.

10. Безуспешно заигрывающая в последние годы и с марксизмом и с яфетидологией московская лингвистка, Р. О. Шор, также способствует ополчению социологического анализа языковых явлений, в частности в вопросе о происхождении языка.

Позволим себе выявить в нескольких строках методологическую установку автора. Р. Шор пишет:

«Задача предлагаемого очерка — изложить в доступной для русского (читай: малоопытного. — И. Д. К.) читателя форме новейшие достижения западноевропейской научной мысли в области социологии языка»².

Среди западноевропейцев, давших, по мнению автора, «новейшие достижения», мы находим и Бодуэна-де-Куртенэ и Шахматова, и даже проф. Ушакова. Спрашивается, куда делся акад. Марр? Неужели он не занимается социологией языка?

Да, социология языка в смысле «западноевропейском» он, действительно, не занимается, так как эта социология социологична только на словах, а не на деле. Достаточно просмотреть итоги этой «социологии», даваемые в книге Р. Шор, чтобы убедиться в последнем.

«Действительно, — пишет она, — если анализ той части словаря, которая является общей для всех индо-европейских языков, показывает нам, что наши предки отмечали смену жаркого лета снежной зимой и влажной весной; что из диких животных им были известны волк, медведь и т. д., — то мы можем отчасти представить себе характер их древней прародины»³.

Другими словами, под соусом «новейших данных» автор неискушенным читателям преподносит старую, фантастическую и всеми отвергнутую сказку о прародине индо-европейцев и мифическом праязыке.

В вопросе о происхождении языка Р. Шор старается привить советскому читателю мысль об известном значении теории общественного договора.

«Поэтому-то, — пишет она, — при всей невозможности понимания языка как общественного договора исследователи опять и опять приходят к этой мысли»⁴.

Это, как видите, нечто более совершенное, чем «галочий парламент» махиста Богданова, в свое время совершенно разгромленный убедительной критикой акад. Марра. Впрочем, Шор в своей книге открыто не выявляет своего взгляда на происхождение языка, что нельзя истолковать иначе,

¹ Никольский, цит. раб., 135. Курсив мой И. Д. К.

² Р. Шор, Язык и общество, изд. 2-е, «Раб. просв.», М. 1926 г., с. 3.

³ Там же, с. 143—144.

⁴ Там же, с. 141.

как скромное признание в отсутствии у нее, как и у остальных современных представителей буржуазной лингвистики, определенного и твердо установленного взгляда на эту проблему. Если верить автору, положение с вопросом о происхождении языка в современной западноевропейской лингвистике обстоит не совсем блестяще. Впрочем, тот факт, что книга получила хороший отзыв у буржуазных лингвистов, не дает нам права в этом сомневаться. Если же к стати вспомнить мнение «величайшего и великого» (слова Шор) А. Мейе¹ о невозможности для сравнительной лингвистики разрешить вопрос о происхождении языка, то для нас будет вполне ясно, что ни одно направление идеалистической лингвистики, даже прикрывающееся марксистскими фразами, не в состоянии не только решить, но и указать правильного пути к разрешению этого, кардинального для языковедения вопроса².

11. Как было сказано выше, в марксистской литературе мы находим почти полное преобладание теории трудовых криков или междометий, взятых от Нуаре. Только Максимов³, обобщенный Потемней, оказался единственным исключением. Впрочем, нужно отметить, что проф. Разумовский⁴, Вольфсон⁵, Сарабьянов⁶ и др. вопрос о происхождении языка совершенно не затрагивают, остальные же часто ограничиваются голым цитированием положений Энгельса. А Тальгеймер⁷ пошел по пути Бюхнера, Молешотта и др. наивных материалистов.

В каком же виде преподносятся взгляды Нуаре марксистами?

«Точно так же,—пишет в своем учебнике Н. И. Бухарин,—как музыка и пение развивались из труда, так и речь развивалась из тех трудовых криков, которые вырывались при работе. Наука о языке показывает, что первоначальной основой слов были так называемые «действенные корни», что первыми словами были слова, прежде всего означавшие *действие* (т. е. по-нашему «глаголь»), и что лишь в течение дальнейшего развития получили обозначения вещей (т. е. «имена существительные»), да и то постольку, поскольку эти вещи выделялись в человеческой *трудоушной практике*»⁸.

Отсюда видно, что для автора 1) звуковая человеческая речь зародилась в «трудоушных криках», 2) вначале были «действенные корни»—глаголы, 3) потом появились обозначения вещей—имена; другими словами, мы здесь находим целиком теорию Нуаре—Гейгера.

12. Взгляды Нуаре принимает и тов. Трахтенберг, усвоивший их в обработке А. Богданова.

¹ А. Мейе в своём «Введении в сравнительную грамматику индо-европейских языков» пишет: «Ни один лингвист в настоящее время не может думать, чтобы сравнительная грамматика индо-европейских языков бросала хотя бы малейший свет на первые ступени языка» (с. 45).

² Как курьез можно привести утверждение вышеупомянутого проф. Ушакова о неразрешимости вопроса происхождения языка («Краткое введение в науку о языке», 1923, с. 112—113).

³ Д. М. Максимов, Введение в изучение марксизма, вып. II, Идеологии, Гиз, Ленинград, 1924 г.

⁴ Разумовский, Курс исторического материализма, 1928.

⁵ Вольфсон С. Я., Дialectический материализм, изд. 6-е, ч. I—3, Гиз Белоруссии, 1926 г.

⁶ Сарабьянов, Исторический материализм, изд. 6-е, МР, 1924.

⁷ Тальгеймер, Введение в диалектический материализм, 1928. Перевод Аксельрода, изд. Университета Сун-Ят-Сена.

⁸ Н. Бухарин, Теория исторического материализма, 4-е изд. Гиз, 1925 с. 226.

«У работающего человека,—пишет О. Трахтенберг,—нередко вырываются произвольные восклицания, характерные для различных областей труда. Таково «хха» дровосека, «уух» тянущего тяжесть, «ффы» раздувающего огонь, «гоп» прыгающего и т. п. Вот эти-то трудовые междометия в связи с первичными ритмическими напевами, сопровождавшими общую работу, и стали первыми зачатками человеческих слов. Они быстро приобрели значение в организации коллективного труда»¹.

«Первыми словами человека,—пишет он дальше,—были трудовые восклицания, из них образовались и действенные глаголы «рубить», «тереть», «копать» и т. д. Сами орудия по началу не имели других названий, кроме обозначения действий, ими совершаемых. У бушменов и по сей час топор называется «нечто рубить», заступ—«нечто рыть»...»².

Здесь будет не лишним снова повторить указание академика Марра, сделанное в свое время Богданову, что глаголы—явление позднейшее, как и звукоподражательные слова, и что язык образовался до умения зажигать огонь, рубить и т. д.³, не говоря уже о том, что понятие «рубить» появилось после понятия «что-либо определенное рубить». Это же, в свою очередь, значит, что орудие не могло означать «нечто рубить», а только «рубить определенный предмет», что устанавливает наличность номинативной функции слов до глагольной (вербальной). Кроме того, нужно обратить внимание на то, что ссылка на коллективный труд у Трахтенберга не оправдывается приведенными им примерами. Ведь «распоряжение о разведении огня» ни в какой мере не является коллективным трудом.

В отношении жестов у Трахтенберга читаем:

«Впрочем, вспомогательные жесты еще долго были необходимы для пояснения и дополнения бедной первобытной речи, как нужны они и сейчас бушменам, без жестикуляции (например, в темноте) не понимающим друг друга»⁴.

Здесь мы находим ту же ошибку, что и у Кушнера,—ту же эксплуатацию «нищеты первобытной речи».

13. Тов. Презент, написавший специальную работу о происхождении языка и мышления, также не может порвать с теорией Нуаре. Он пишет: «В самом деле, что же такое речь? Прежде всего—это какая-то совокупность слов»⁵.

Тем самым он встал на точку зрения принципа первичности звуковой речи и пресек себе путь к правильному разрешению задачи.

«Слово является единицей речи,—пишет он дальше, еще более углубляя свою ошибку.—Следовательно, определение слова подведет нас и к определению речи»⁶.

Ясно, что при такой постановке вопроса т. Презент не разрешит вопроса, почему данное слово имеет данное значение.

«Каким образом устанавливается,—пишет Презент, затрагивая вопрос о связи слова и значения,—такая сигнализация?»

¹ Трахтенберг, Беседы с учителем по диалектическому материализму, изд. 3-е, «Раб. пров.», 1928 с. 107.

² Там же, с. 112.

³ Н. Я. Марр, К вопросу о первобытном мышлении в связи с языком в освещении А. А. Богданова, «Вест. Ком. академии». № 16, с. 139.

⁴ Трахтенберг, с. 107.

⁵ Презент, Происхождение речи и мышления, «Прибой», 1928, с. 18.

⁶ Там же, с. 27.

Школа Павлова, — отвечает он, — дает на это совершенно ясный ответ»¹.

Дальше идет изложение образования рефлексов и исследование условий возникновения сигнализаций. При этом рассказы Эспинаса о социальной жизни животных принимаются им почти за истину, и серьезно рассматривается вопрос об обезьяньем языке (Гарнер). В результате этих методологических ошибок мы имеем утверждение, что

«Чем более спаянную группу представляет из себя то или иное объединение животных, чем более у них *совместного и одновременного* столкновения с окружающей средой, фиксирующей на себе их общее внимание и вызывающей одинаковые для всех, всегда определенные реакции, тем больше шансов на превращение этих рефлексов в общезначимые сигналы этой же среды, т. е. в слова»².

Отсюда совершенно ясно, что на вопрос: «Правилен ли самый ход рассуждения Нуаре?», Презент отвечает: «Безусловно правилен», т. е. «люди, совместно работая, издавали одновременно разного рода крики, которые превратились в слова, т. е. в обозначения соответствующего действия».

Почему «действия», а не «объекта действия», как было установлено в первой цитате, — неясно, т. е. непонятно, почему «фиксирование общего внимания и вызывание одновременной для всех реакции» в первом случае относилось к «среде», а здесь к действиям, направленным на среду, т. е. к самим реакциям?

Здесь мы видим повторение общей для всех марксистов-популяризаторов ошибки, сводящейся к тому, что они, незаметно для себя, подставляют на место «среды» «действия», что нужно для согласования с принципом активности познания, и тем самым противоречат себе, так как «свои действия» в цепи разбираемого условного рефлекса не могли быть раздражителями до тех пор, пока последние не становились на место подвергаемого действию объекта. Сознательная обработка своих действий требует отвлечения внимания от объекта и, что важнее всего, требует установившегося уже навыка создавать из необработанного материала, например, искусственные орудия. Между тем появление первичной человеческой (незвуковой) речи датируется моментом употребления естественных орудий (дубина, золиг и т. д.). Отсюда ясно, что по существу т. Презент совершенно аналогично с другими обрисовывает процесс возникновения человеческой речи.

Полагая, что продолжение привлечения других работ марксистов-популяризаторов Нуаре было бы излишним повторением прежде сказанного, перехожу к выявлению взглядов стоящего несколько в стороне т. Максимова.

14. Мы уже предупреждали, что т. Максимов пошел по пути идеалистов-лингвистов, представителем которых в России был Потебня.

«В спокойном состоянии, — пишет Максимов, — и когда раздражитель доставляет ребенку удовольствие, он издает отрывистые звуки. Это наше междометие. Вот эти-то отрывистые звуки и явились семенем, из которого развился язык»³.

¹ Презент, Происхождение речи и мышления, с. 38.

² Там же, стр. 40.

³ Максимов, с. 29.

Постановка вопроса неправильна уже по одному тому, что начало языка не в аффектах, а в труде, производстве.

Затем автор объясняет схему условного рефлекса и заключает: «Вот такая-то связь между звуками и раздражителями и установилась у первобытных людей. И издаваемые ими звуки стали заместителями этих раздражителей или предметов, их значками»¹.

Таким образом, считая первые слова именами предметов, Максимов хотя и не противоречит самому себе, подобно Презенту, но это вовсе не значит, что он ясно представляет себе процесс происхождения языка, как и взгляды Потебни, которого даже цитирует:

«Эту идею происхождения языка из междометий развивает Потебня и излагает ее в книге «Мысль и язык», правда, зэповским языком, в терминах идеалистической науки — психологии»².

Читая и цитируя Потебню, Максимов не заметил смысла целого предложения, вскрывающего всю методологическую установку Потебни:

«Человеческий произвол застаёт звук уже готовым: слова должны были образоваться из междометий, потому что только в них человек мог найти членораздельный звук»³.

Здесь Потебня говорит о том, что для овеществления уже готовой мысли необходимы членораздельные звуки, а так как их выдумать нельзя, то остается единственная возможность обратиться к сомнительной помощи междометий. Приведенные же нами выше положения популяризаторов, напротив, устанавливают, что мысли, как таковой, вначале не было, она развивалась *из и через* язык и труд.

15. Между тем тов. Максимов имел под руками очень надежный материал для проверки принципиальных положений своих воззрений на язык и мышление. Я имею в виду соответствующие работы Ф. Энгельса и К. Маркса. Впрочем не один Максимов, но и все рассмотренные нами работы марксистов-популяризаторов не в достаточной мере полно использовали гносеологические положения основоположников диалектического материализма.

Вследствие этого они оказались примерно в таком же положении, как и Презент, который, соорудив из кусочков взглядов Нуаре, Павлова и Богданова «выдержанную» «марксистскую» теорию происхождения языка, поспешил в предисловии к своей книге выразить свои чувства по поводу выяснившегося для него совпадения во взглядах с Фридрихом Энгельсом.

«Каждый поймет, — пишет он, — мое глубокое удовлетворение и радость, когда я в высказываниях Маркса и Энгельса в «Архиве» лишний раз нашел подтверждение той точки зрения, к которой самостоятельно пришел»⁴.

Посмотрим, действительно ли Энгельс правильно понят Презентом?

16. Прежде всего нужно указать, что непосредственной целью работы Энгельса по изучению современной ему лингвистики было отыскание в ней данных о трудовом характере происхождения языка. Основная его задача — опровержение идеалистической теории происхождения языка. Это мы видим из общей установки статьи «Роль труда в процессе очеловеченья обезьяны» и, особенно, из следующего отрывка этой работы, где говорится:

¹ Максимов, с. 30.

² Там же, с. 30.

³ Там же, с. 30.

⁴ Презент, с. 10.

«Даже материалистически мыслящие естествоиспытатели из школы Дарвина не могут себе составить ясного представления о происхождении человека, так как в силу влияния этого идеалистического мирозерцания они не видят роли, которую играл при этом труд»¹.

С этой же целью Энгельс подчеркивал: «Что это (приводимое им) объяснение о развитии языка из процесса труда и вместе с ним является единственно верным, доказывает сравнение с животными»². Таким образом мы можем считать установленным, что вопрос о происхождении языка Энгельсом ставится только в плоскости доказательства «развития языка из процесса труда и вместе с ним», но не больше.

Впрочем, у Энгельса можно найти косвенные указания на необходимость предварения звуковой речи какой-то иной, как мы теперь знаем, — линейной или кинетической.

«Но рука не была чем-то самодовлеющим, — пишет Энгельс после рассмотрения процесса изменения последней. — Она была только одним из членов целого, необычайно сложного организма и то, что шло на пользу руке, шло также на пользу всему телу, которому она служила, и шло на пользу в двояком отношении»³.

Значит, развитие звукового языка было также результатом этой «пользы», получившейся от развития руки и двигательных механизмов, что особенно четко выясняется из нижеследующего:

«Прежде всего, — пишет Энгельс, расшифровывая выражение «польза в двояком отношении», — в силу того закона, который Дарвин назвал законом соотношения роста». «Значительно важнее, — пишет Энгельс о «пользе» в другом отношении, — прямое, поддающееся учету воздействие развития руки на остальной организм»⁴.

Вот, развивая мысль об этом втором отношении, Энгельс и говорит об органе говорения членораздельными звуками. Таким образом сам Энгельс устанавливает зависимость преобразования органов речи от изменения руки в процессе труда. А это не что иное, как констатирование факта зависимости развития мозгового механизма речи от развития последнего в процессе усовершенствования движения руки в труде. Я здесь не нахожу доказательства в пользу первичности звуковой речи, и, тем более, звуковой речи, вышедшей в виде аффективных криков из трудовых процессов. Энгельс нигде не говорит о том, что именно трудовые крики легли в основу человеческого языка, а в разбираемой статье говорит только о том, что «органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим»⁵. «Трудовые крики и восклицания», «действенные корни» и глаголы — это продукт позднейшего наращивания и продукт, взятый от старой лингвистики. Энгельс не говорит даже о развитии языка из животных криков, наоборот, он предлагает членораздельные звуки «сравнить с животными», т. е. противопоставить первые последние.

Но мне скажут, что Энгельс, в конечном счете, говорит о звуках, а не о жестах. Значит, принцип первичности звуковой речи все же остается в силе. На это можно возразить, что, во-первых, тогдашняя лингвистика

¹ «Архив», кн. 2, Гиз, 1925, с. 98—99.

² Там же, с. 92—93.

³ Там же, с. 90—91.

⁴ Там же, с. 90—91.

⁵ Там же, с. 92—93.

не ставила вопроса о языке жестов и не могла его ставить, так как сравнительный лингвистический материал не шел дальше праязыковых корней. Считать же возможным, хотя бы и для Энгельса, предвидение результатов работ в области изучения яфетических языков, прежде всего кавказских, что имело место лишь в начале XX века, очень трудно. Во-вторых, постольку, поскольку состояние тогдашней лингвистики ограничивало проблему только определением происхождения звукового языка, Энгельс и ставил своей целью показать происхождение его из процессов труда. Заключать что-либо иное было бы неосновательно, потому что это было бы равносильно тому, что если у Энгельса не говорится и о коллективном труде, то значит возникновение языка он считает совершившимся вне процесса коллективного труда, а только, положим, из влечения «поболтать» друг с другом, как это мы находим у одного советского этнолога¹.

Это было бы так же неверно, как например, исходя из следующей мысли Маркса—Энгельса: «На «духе» заранее тяготеет проклятие «отягощения» его материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, в виде звуков, коротко говоря, в виде языка»², высказанной ими в «Немецкой идеологии», признать, что основоположники марксизма на самом деле придерживались ходячего мнения о том, что «дух» об'ективируется в звуках и только звуки могут дать нам представление о нем. Между тем в другом месте мы читаем: «Сознание (Bewusstsein) никогда не может быть чем-то иным, как только сознанным бытием (bewusstes sein), что бытие людей—реальный процесс их жизни»³.

Повторение ходячего мнения в вышеприведенной цитате нельзя истолковать иначе, как дань тогдашнему мышлению и в то же время злую иронию над этим мышлением. В действительности же основоположники марксизма имели ясное представление о языке и сознании, вытекающих из материальной практики людей.

«Производство идей, — читаем мы у Маркса там же, — представлений, сознания прежде всего непосредственно вплетается в материальную деятельность и в материальное сношение людей—в язык реальной жизни. Представление, мышление, духовное сношение людей являются здесь прямым порождением их материальной практики»⁴.

Если бы представления, идеи и т. п. не были «прямым порождением материальной практики» людей, то они не удовлетворяли бы основному требованию марксистской гносеологии, — принципу активности познания. Не нужно забывать, что Энгельс прекрасно учитывал это требование, когда писал именно о членораздельной речи и о постепенной ее выработке. Люди обрабатывали себе членораздельное говорение, как обрабатывали и свои орудия.

Вот как нужно понимать выражение «потребность создала себе орган». Поэтому он и противопоставил необработанные, аффективные животные крики, значит аффективные и трудовые крики, обработанным до членораздельности звукам — фонемам. Поэтому-то он поставил развитие членораздельной речи в связь с развитием руки, совершенствование мозгового механизма в процессе работы руки — с развитием механизма члено-

¹ Кушнер, Очерк развития общественных форм, изд. Унив. Свердлова, V изд., 1928, ср. с. 61—63.

² «Архив», т. 1. «Фейербах», с. 220.

³ Там же, с. 216.

⁴ Там же, с. 215.

раздельной речи. Аффективность трудовых криков не удовлетворяет ни принципу активности познания, о чем мы поговорим еще в дальнейшем, ни принципу связи развития органов речи с развитием руки.

17. Перейдем теперь к рассмотрению процесса образования у индивидуума связи «знака» и «значения», но сначала сделаем оговорку. Язык — факт социальный. Язык относится к общественным надстройкам и, как и все эти надстройки, овеществляется, проявляется, живет и конкретизируется через индивидуумы. На индивидуальное, внеиндивидуальное языка нет, но нет языка и индивидуального, так как факт проявления языка через индивидуум (говорение) нельзя истолковать так, как будто бы он является самостоятельным творчеством независимого индивидуума¹. Связь «знака» и «значения» в данном разрезе представляется как физиологический процесс в организме человека.

18. Как же марксисты-популяризаторы разрешают вопрос о связи «знака» и «значения», об общезначимости, общепонятности этой связи?

У Бухарина мы находим только цитату из Нуаре: «Язык и жизнь разума вытекли из совместной деятельности, направленной к достижению общей цели, из первобытного труда наших предков»².

Бухарина — Нуаре углубляют Презент и Максимов. У Презента мы читаем: «Совместная деятельность людей *обязательно* должна была создавать общепонятные обозначения... Совместные крики, совпадая по времени с совместной работой, *обязательно* должны были превратиться в двустороннее обозначение самой работы, т.-е. в слова»³.

Максимов, после объяснения схемы образования условного рефлекса, пишет: «Вот такая-то связь между звуками и раздражителями и установилась у первобытных людей. И издаваемые ими звуки стали заместителями этих раздражителей или предметов, их значками. Но так как эти люди жили ордами, вместе боролись за существование, то эти значки-звуки были понятны всей орде»⁴.

Трахтенберг считает достаточным заявить, что «звуки «ффы», «уух» и т. д. знакомы каждому из его рабочей практики»⁵.

Все это в рассматриваемой нами плоскости не идет дальше того, что было уже достигнуто в свое время Богдановым, поэтому рассмотрение взглядов последнего и охватит взгляды всех тех марксистов, которые теорию Нуаре считают выдержанной материалистической теорией.

19. Богданов очень остроумно разрешает вопрос о связи «знака» и «значения» слова. Он утверждает, что «звук первоначально является составной частью реакции всего организма (хотя он говорит только о трудовых рефлексах, но из его концепции можно сделать такое заключение), образующейся в процессе трудовой деятельности, а отсюда, естественно, что и мозговая «иннервация», идущая на звуковую реакцию, сама по себе (благодаря иррадиации) связана с двигательной-трудовой иннервацией как часть целого.

Так как головная, вернее, центральная часть рефлекса, по мнению Богданова, и составляет сущность представления (образа) человека, т. е.

¹ «Социальное» живет не между людьми, а в *головах* этих людей (Бухарин, 233).

² Его же, 226.

³ Презент, с. 40.

⁴ Максимов, с. 30.

⁵ Трахтенберг, с. 107.

в центральную часть рефлекса входит и звуковая иннервация, то ясно, что связь между звуком и значением не требует никакого особого разъяснения (так просто разрешается вопрос, десятилетиями неразрешенный и казавшийся уже совсем неразрешимым). Богданов, говоря о такой увязке «образа» и «символа», приводит неоспоримое доказательство необходимости сокращения именно звукообразующих мышц: «Как раз таковы — и утверждает —, отсутствующие движения» мелких и близко к мозгу расположенных мышц, образующих голосовой аппарат»¹. Так физиологически увязаны звукообразующие органы с сознающим мозговым центром, иррадирующим нервные возбуждения при трудовом акте. Сокращение иррадированных мышц образует звук.

«Причем главная часть реакции, самое трудовое действие (следовавшее при полных видах рефлекса после центральной части последнего. — И. Д. К.) остается в аппарате сознания, на уровне «стремления» и «двигательного» образа. Это и будет «содержанием трудового междометия как первично речевого элемента — символа»².

Исходя из этого факта, Богданов устанавливает «принцип» самообозначения «рефлексов действительными междометиями»³ (принцип Нуаре).

20. Оставив пока на время критический разбор самого принципа, рассмотрим приводимые Богдановым факты, являющиеся основанием для установления указанного принципа, прежде всего — «об уровнях», «аппарате» сознания и самом «сознании».

Богданов придерживается взглядов Сеченова, материализовавшего «нервный толчок» Герберта Спенсера⁴, что видно из выражения: «мысль есть рефлекс, прерванный на двух третях». Дело в том, что полный рефлекс состоит из трех частей:

«Ее полная форма заключает три части, — пишет Богданов: — центро-стремительную — возбуждение периферических органов нервной системы («органов чувств»), передача его до центра; центральную — возбуждение этих центров, и центробежную — «иннервация», передача нервной энергии собственно двигательному механизму (мускульным волокнам, иногда железистым клеткам)»⁵.

В неполной двигательной реакции нет последней, третьей части, «воплощающей биологический смысл реакции — действия, которое преодолевает внешние сопротивления»⁶. Так как «в своем целом (двигательная реакция) представляет значительную затрату сил организма, особенно (в третьей части)»⁷, то ясно, что в случае малой интенсивности возбуждения она должна протекать слабо. «Иннервация... может тогда оказаться недостаточно сильной, чтобы привести в движение все надлежащие мускулы; некоторые сократятся, но слабо, до других ослабленный нервный ток даже не дойдет»⁸. Это и есть неполная двигательная реакция, характеризующаяся тем, что «она не вышла в ощутительной мере за пределы центрального нервного аппарата, задержалась в рамках «стремления», а то

¹ Богданов, с. 72.

² Там же, с. 74.

³ Там же, с. 74.

⁴ Герберт Спенсер, Основания психологии, изд. Сытина, 1897, с. 95—97.

⁵ Богданов, с. 68.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

даже только двигательного представления», так сказать, «образа» этой реакции¹.

Другими словами, в силу незначительной степени иннервации, нервное возбуждение, по Богданову, не проходит к эффекторам, оно как бы застревает, затормаживается на путях к ним, занимая все соответствующие области нервных сплетений. Это явление «задержки» и называет Богданов нахождением на уровне «стремления». С другой стороны, факт занятия нервных сетей возбуждением, «иннервацией» и дает картину «двигательного образа», т. е. представления о совершении того или иного действия, т. е. факт занятия проводящих путей в головном мозгу и служит представлением третьей части рефлекса. Таким образом иннервация центра и центростремительных путей и есть, по Богданову, представление, образ, а впоследствии и понятие; а мозговой аппарат в целом — вместилище сознания. Сознание же — не что иное, как иннервационное состояние аппарата сознания.

«Сложная двигательная реакция», — пишет Богданов, говоря о полном виде рефлекса того типа, какой характеризует производственные акты, — всегда заключает в своей цепи момент «сознания», это ее центральное звено — процесс, протекающий в высших нервных центрах².

Но это ведь не что иное, как преподнесение новой души в виде аппарата мозга. От взглядов Спенсера, считающего суб'ективное за какой-то толчок физиологического, происходящий в момент нервного возбуждения мозгового аппарата, взгляд Богданова отличается только тем, что последний отказывается от метафизического толчка, и суб'ективное воплощает в материальном. Значит, ценой гипостазирования мозгового процесса (то же мы находим и в теории торможения) и материализацией души (вспомним «психическую энергию» Корнилова) Богданов разрешает вопрос о связи «знака» и «значения». Ведь от того, что душа будет материализована, замурована в мозгу, она несколько не становится материальной, и система, это явление узаконяющая, совершенно не становится материалистической. Поэтому возражение Богданова Бухарину (см. его примечание, «Вестник Ком. академии» № 10, с. 70) несколько не опровергает правильных заключений последнего. Впрочем, потом мы увидим, что и такая цена отступления от материализма оказалась бесполезной, а разрешение затронутого вопроса — только одной иллюзией.

Я думаю, что здесь уместно указать на совершенную недопустимость с точки зрения диалектического материализма такого одухотворения мозга. Энгельс установил полную зависимость (в первую очередь) развития мозга от развития руки как орудия реагирования, т. е. как органа третьей части рефлекса. И только усовершенствованный таким образом через руку мозг совершенствует органы восприятия, что в свою очередь служит толчком к новому совершенствованию руки и т. д. Значит, в жизни человека все три части рефлекса равноценны, и, если обязательно нужно дать одному из них предпочтение перед другими, то это никоим образом нельзя отнести на долю мозгового аппарата, а только на долю руки и других органов реагирования (т. е. третьей части рефлекса), находящихся в непосредственном соприкосновении со средой. Я всецело присоединяюсь к Боровскому³, указавшему на возможность применения понятия созна-

¹ Богданов, с. 69.

² Там же, с. 68.

³ В. М. Боровский, Головной мозг и поведение (доклад в обществе биологов-марксистов 14 октября 1927 г.) «Вестник Ком. академии», книга 23, с. 227.

тельности именно к эффекторной части человеческого организма, а не к центральной.

21. Если бы даже теоретически положение Богданова о двух видах рефлекса было правильно и им научно обосновано, факт противоречия выводов, на них основанных, основным положениям исторического материализма сигнализировал бы их сомнительность. В действительности же они совершенно неверны. Дело в том, что неполного рефлекса, как такового, никогда не бывает. Хотя Богданов и устанавливает два вида рефлекса (полный и неполный), все же факты, им самим приведенные, говорят против него. Ни один факт не кончается во второй части рефлекса, а все они тем или иным образом завершаются в третьей части. Так на примере, приводимом на странице 68, он устанавливает, что неполный вид рефлекса возможен при повторном случае, положим, видения какого-либо хищника, но уже со значительно далекого расстояния. В этом случае, по его мнению, раздражение слабое.

«Центростремительная часть рефлекса — зрительное возбуждение выступает в меньшей и ослабленной степени; меньше, естественно, и центральное возбуждение. Иннервация, которая из него возникает, может тогда оказаться недостаточно сильной, чтобы привести в действие надлежащие мускулы». Она «не вышла в ощутительной мере за пределы центрального нервного аппарата, задержалась в рамках „стремления“, а то даже только „двигательного представления“, так сказать, „образа“ этой реакции¹.

Но все же какая-то доля иннервации вырвалась из центрального аппарата и оказалась вполне достаточной, как говорит даже сам автор, для образования звука. Значит, мы имеем полный вид ослабленного рефлекса, но никоим образом не $\frac{2}{3}$ его. Этот пример несколько не говорит о неполноте рефлекса, а только об его слабости, впрочем, соответственно интенсивности самого раздражения. Ведь в случаях полного рефлекса суб'ект, воспринимающий внешние раздражения, сталкивается не только с раздражителями от формы хищника, но и от других его признаков. Значит, и количественно, и качественно раздражения неодинаковы. Потому неодинаковы и третьи их части. Таким образом положение автора оказывается ложным, а отсюда и основа всех построений Богданова — допущение неполных рефлексов — неверна. Рушится и все его построение, трактующее о процессе связи «знака» и «значения», а с ним и о происхождении языка. К этому же выводу мы приходим после детального рассмотрения его фактических положений. Так, Богданов говорит о величайшей связности нервного аппарата как основе установления указанной нами связи «значения» и «знака», а в дальнейшем он величайшую связность мозгового аппарата в общем и целом подменяет величайшей связностью строго установленных ассоциативных путей, что само по себе диаметрально противоположно первому. Ведь выработка последнего требует колоссальной трудовой практики, тысячелетней привычки координации трудовых движений².

«В силу величайшей связности нервного аппарата, — пишет он, — путем иррадиации нервного возбуждения с одних центров на другие

¹ Богданов, с. 68—69.

² Вспомним слова Энгельса о «многих тысячелетиях», прошедших «до того, как первый бульжик при помощи человеческих рук мог превратиться в нож». «Архив» том II, с. 91.

в реакцию постоянно вовлекаются, в разной мере, и другие мышцы; учащаются «сопутствующие» движения, непосредственно излишние.

«Специальное (заметьте—это момент предусмотренного нами поворота.— И. Д. К.) для занимающей нас задачи значение получили те из них, которые связаны со звуком — совместное сокращение мышц, дыхательных, горловых, глоточных, ротовых. Эта часть реакции, благодаря свойствам звуков, доступна членам коллектива и тогда, когда трудовой акт выполняется вне поля зрения. Она, следовательно, может играть роль „сообщения“ об этом акте и вообще его „обозначения“. Именно такова и оказалась в результате исторического приспособления роль этих „трудовых криков“ или „трудовых междометий“... они стали первичными корнями речи, и из них развилось, в ряду тысячелетий, все ее богатство»¹.

Такова теоретически устанавливаемая автором картина образования первичных корней языка. К сожалению, мы в ней не находим надлежащего и четкого указания на механизм первичной и первоначальной ассоциации у работающего коллектива — с определенным звуком определенного акта. А ведь это и есть начало языка и начало связи знака и значения. Отсутствие этого момента в теории Богданова говорит о ее неполноценности.

22. Итак, следуя за мыслью Богданова, в процессе трудовой деятельности звук должен связываться с представлением трудового процесса. Попробуем обрисовать себе конкретно этот процесс, пользуясь богдановской схемой. Во время трудовой деятельности человек получает раздражение от внешних предметов, от напряжения своих мышц, от действия органов реагирования; иннервация возбуждения доходит до мозга (1), и, так как она очень сильна и разнообразна, то дает и сильную иррадиацию (2). Сама основная иннервация дает сильную реакцию органов действия (3), а иррадиация вызывает «сопровождающее движение», дающее в данном случае трудовой крик.

Таков упрощенно восстановленный нами анализ трудового процесса. Здесь мы несомненно имеем тесную связь между звуком и трудовым действием, так же, как и связь между их центральными (мозговыми) иннервациями—все это правдоподобно и верно, и нельзя не согласиться с автором. Но спрашивается, где здесь «двигательное представление», «двигательный образ», т. е. где тут искомое «значение» их, с коим должен ассоциироваться «знак» — звук? Да его-то здесь нет. Вместо него мы в самом трудовом акте находим реальную третью часть, последняя замещает этот «образ» самым фактом своего существования и процессом своей реализации, ибо ведь только вне его наличия (т. е. в неполном рефлексе) создается условие образования «двигательного представления», «образа».

Значит, или нужно признать, что «значением» в данном случае будет сама реальная третья часть, что верно с нашей точки зрения и неверно с точки зрения Богданова, неверно уже по тому одному, что допущение правильности этого требует одновременного допущения полного отсутствия

¹ Богданов, с. 71—72. В примечании к с. 72 читаем: «И несмотря на огромный путь развития, на колоссальное усложнение, бесчисленные вариации, встречаются еще случаи, когда в корнях слов можно установить первичные трудовые междометия, так немецкий глагол «hauen» — рубить — прямо напоминает о грудном звуке «hа», вырывающемся при ударе дровосека; русское «ухнуть» (в песне «Дубинушка») от аналогического «уух»... бурлаков... («Наука об общественном сознании», изд. 3-е, 1923, с. 59). Можно было бы привести еще примеры; один из них встретится нам далее.

связи между «значением» и «знаком», так как знак-то — физиологический и физический, как мы указали здесь, поглощен значением, т. е. интенсивной реакцией органов движения¹. Или нужно признать, что одновременно с материальным значением, равно третьей частью рефлекса, образуется имматериальное значение, не требующее перехода физической энергии в метафизическую. Но это будет противоречить не только самому примитивному материализму, отрицающему имматериализм, но и самому Богданову, считающему двигательный образ материальной мозговой иннервацией, задержавшейся в центральной части рефлекса. Получается круг, тупик. Примирение такого противоречия возможно было бы только при допущении возможности задержки части иннервации для образования двигательного представления, в то время как другая, большая часть идет на реализацию третьей части рефлекса, но это противоречит основным законам невродинамики. Значит, признание правильности концепции образования двигательного представления при неполном рефлексе ставит нас в безвыходное положение при последующем анализе процесса связи «знака» и «значения» в самом процессе трудовой деятельности. Признание правильности указанной концепции ведет нас прямо к идеализму. И единственный материалистический вывод таков: в процессе трудовой деятельности в мозговом механизме ее нет места для связи звука, как знака, со значением. Звук первоначально и первично не увязывается с представлением, так как представления-то материального, как мы выяснили, здесь нет, допустимо только нематериальное представление. Значит, первичен не звуковой знак, а какой-то иной. К выделению этого неизвестного мы и перейдем. Впрочем, нам могут сделать справедливое возражение, могут сказать, что такой печальный выход получен нами не из рассмотрения положений самого Богданова, а из дальнейшего анализа его мыслей. Поэтому обратимся к мыслям самого автора, высказанным им при описании картины образования звукового символа. Напомним, что Богданов писал о том, что при полном рефлексе, посредством иррадиации, образуются «сопровождающие» реакции, вызывающие образование между прочим и звуков. Так как, по его мнению, и при «неполном виде... трудового рефлекса, если при этом реально выполняется часть входящих в его состав мускульных сокращений», образуются, благодаря совершающейся иррадиации по проторенным уже раньше путям, «сопровождающие движения», или перефразируя это другими словами самого же Богданова, — «скорее всего это будут те (мускульные сокращения), которые требуют наименьшей затраты иннервации. Как раз таковы „сопутствующие движения“ мелких и близко расположенных к мозгу мышц, образующих голосовой аппарат»².

Другими словами, при неполном рефлексе иррадиация идет уже по проторенному в процессе образования полного рефлекса пути и вызывает те же «сопутствующие движения» и тот же «образ», т. е. подтверждается правильность нашего вышеприведенного аналогического восстановления. Это, в свою очередь, означает полную приложимость всех наших предыдущих выводов и к собственным словам Богданова.

¹ На практике так и есть. Даже современный дровосек, несмотря на колоссальный человеческий опыт и значительное совершенствование рецепторов, не замечает своих вздохов в процессе сосредоточенной работы, как не замечает вздохов и других.

² Богданов, с. 72.

23. Но и это еще не все. При внимательном рассмотрении положений автора приходим к заключению, что в них нет точного указания на то, у кого образуется упоминаемый им неполный рефлекс: у работающего или у зрителя. Так как предположение о какой-то полной работе, дающей неполные реакции, бессмысленно, то остается только единственное допущение, что автор имел в виду постороннего зрителя, что, впрочем, подтверждается и дальнейшим его изложением. Но и зритель не бывает одинаков. Возможен ряд случаев: 1) возможно, что зритель—новый, совершенно не участвовавший в данном трудовом процессе. Для него ни трудовые крики, ни сам процесс труда — незнакомы, поэтому он не получит никакого трудового рефлекса, ни полного, ни неполного. 2) Может быть и зритель, участвовавший когда-то в трудовом процессе, а теперь только слышащий трудовые крики. Так как у него нет еще связи между звуками и трудовым актом, согласно нашим предыдущим выводам, то ясно, что у него также не будет ни полного, ни неполного вида трудового рефлекса. 3) Наконец, может оказаться зритель, участвовавший в трудовом процессе, но не участвующий в нем в данный момент и находящийся на значительном расстоянии от места работы. В этом случае мы будем иметь нечто подобное неполной реакции. Предположим, что видимое представляет собою погоню группы людей за каким-нибудь зверем. Такая картина и слышимые крики, не дифференцируясь, компактно вызовут у зрителя мозговую иннервацию, которая направится по всем свободным в данное время нервным путям и приведет в реальное, явное действие только мелкие мышцы, так как интенсивность дошедшей до крупных мышц иннервации оказалась настолько незначительной, что, положим, не перешла грани возбудимости этих мышц. В этом случае могут последовать крики, мимические движения, может быть даже движение руки, но это вовсе не значит, как думает Богданов, что совершился неполный рефлекс. Это — ослабленный, но все же полный рефлекс. «Сопроводительное движение» зрителя здесь является не сигналом, а третьей частью рефлекса. Отсюда ясно, что в разбираемом Богдановым случае не только нет места для неполного рефлекса, но что мы в нем не находим и намека на возможность образования звуковой сигнализации как самостоятельной и дифференцированной от других движений. Крики такого зрителя ничего не говорят никому из окружающих о том, что он видит, а только привлекают к нему их внимание. Здесь нет ни сообщения, ни речи, а простая, неопределенная, пустая сигнализация. Другими словами, в первобытном коллективном труде согласно разобранным случаям нет места для образования звуковых сигналов, дифференцированных от других видов сигнализации и имеющих какое бы то ни было самостоятельное значение.

Как и в животном мире, здесь звук является только способом и средством отвлечения внимания, выведения внимания со товарищей из определенного состояния для переноса его на другие объекты. Крик не указывает ни об'екта, ни качества раздражения, его вызвавшего. Определение этого качества происходит уже потом и совершается каждым индивидуумом самостоятельно. Крик «вожака» стаи — не символ для определенной опасности или определенного значения, а средство приведения всей стаи в положение настороженности. Стая птиц не потому улетает на другое место, что понимает сигнал вожака, а потому что подражательно следует за первым поднявшимся и первым улетевшим, будет ли им сам вожак или кто-либо другой — безразлично. «Галочий парламент» не потому раз-

летается, что уже вынесено какое-либо постановление, что-то «обсуждено», а потому, что за случайно поднявшейся галкой быстро поднимаются одна галка за другой. Человеческая первобытная орда не потому или бежит прочь, или идет навстречу врагу, что «обсудили» свои акты (без языка и мышления), а потому, что суб'ект, раньше всех заметивший врагов, или кто-либо другой или побегал прочь, или, схватив оружие, ринулся на врага. Впрочем, нужно сделать оговорку, что подобные случаи организованного нападения одной орды на другую, едва ли были возможны в тот момент, о котором идет речь у Богданова. Нужно иметь в виду, что Богданов, как и некоторые другие авторы, при объяснении процесса происхождения языка совершенно упустил из виду наличие в социальной жизни первобытного человечества особых предпосылок для образования не звуковой, а линейной речи, это не что иное, как «механизм» подражательного действия. Интерпретация Эспинаса как раз и страдает отсутствием учета этого фактора, а вместе с тем из-за необходимости дать какое-либо объяснение соответствующим реакциям стада или стаи и антропоморфизацией звуковых животных сигналов. Общее однообразие реакции (например, бегство от неожиданно появившегося хищника) в стаде не объясняется у Эспинаса подражательной реакцией [стадо бежит за первым побегавшим, часто без надлежащей ориентировки в направлении движения, иногда прямо навстречу опасности (овцы)], а истолковывается им как общее согласованное реагирование. Причем согласование предполагается происходящим при посредстве звуковой сигнализации вожака, без учета того факта, что вожаками в подобных случаях обычно оказываются всякие индивидуумы из стада, оказавшиеся в положении непосредственного соприкосновения с опасностью. Антропоморфизированные же звуковые сигналы подобного «вожака» играют роль исключительно средства перенесения внимания стада на явления, более важные в данный момент. Другими словами, звуковые сигналы вожака (вернее, впервые увидевшего опасность и потому произведшего звуковую реакцию, а вовсе не вследствие обдуманного желания предупредить со товарищей) отрывают внимание стада от прежнего об'екта (корм и т. п.) и тем самым дают возможность обратить внимание на бегство какого-нибудь члена или на самую опасность, и создается условие для координированного реагирования стада. Звуковая сигнализация здесь совершенно бессознательна, но в силу особых условий стадной жизни социально полезна; она не координирует реакции стада, но создает условия для возможностей подражательной координации и реагирования. Впрочем, и сам Богданов знал о наличии такого способа социальной координации действий, но увлеченный своим нервным первым принципом (звуковая координация действий), не обратил на него должного внимания.

«Стадная группа, — пишет он, например, — может сообща бороться с большим зверем, и каждый из нее — сообразовать свои действия с действиями других просто потому, что все они видят этого зверя, и каждый видит другого!.. и т. д. Это — основной способ координации — но способ низший, стихийный, сам по себе достаточный только для простейших случаев», и далее сам пишет, что «для более сложных вырабатывались приспособления высшего порядка — сначала речь, затем происшедшее из нее мышление...»¹,

¹ Богданов, с. 71.

Но, все равно, эти последние он сводит к первому. Я имею в виду изложение Богдановым процесса образования «обсуждения» в «орде» и т. п., происходящего благодаря именно «рефлекторному подражанию, механизму, характеризующему все социальные существа» («Познание с исторической точки зрения», с. 109—113)¹.

В связи со всем этим поневоле приходится вспомнить слова академика Марра относительно некоторых положений Богданова.

«Пока речь в области абстрактных рассуждений, как-будто бы все в порядке... но когда дело доходит до представления этих самых первичных корней, рассуждение оказывается одной метафизикой»².

Но академик Марр при этом имел в виду метафизику трудовых междометий и звукоподражательных слов, мы же должны иметь в виду такую метафизику и суждения о связи «знака» и «значения», как и о самом психологическом процессе происхождения языка.

25. Отсюда видно, что неверен не только принцип «самообозначения» рефлексов действительными междометиями, но что не вполне правилен и второй его принцип—принцип голосовой координации действия,—так как он неприемлем, как мы показали, ни в животном мире, ни в зарождающемся человеческом обществе (речь идет о разборе «галочьего парламента» и т. д.).

Но мы можем говорить о «самообозначении» рефлексов, однако, никоим образом не действительными междометиями, а только самими рефлексами, другими словами, жестом и мимикой. При разборе процесса образования связи между «значением» и «знаком» мы указали, что для образования «двигательного образа» или «представления»—в смысле богдановском—там нет места; другими словами, вопрос о «внутренней форме слова» Богдановым там не решен, а только поставлен на физиологическую основу³.

Иллюзия решения получилась вследствие неполного высказывания автором своих взглядов, т. е. вследствие допущения им самим образования «представления» и «образа» в полном рефлексе только по аналогии с образованием таковых при неполном виде трудового рефлекса, который в свою очередь при внимательном рассмотрении оказался нереальным и установленным под влиянием ложного, нематериалистического толкования психических явлений. Решения вопроса о действительном, научном установлении связи между значением и знаком возможно лишь в случае признания реальной, третьей части рефлекса «значением», так как допущение возможности какого-то отображения нервного процесса центральной нервной системы в каком-то суб'ективном, т. е. суб'ективирование самого мозгового процесса будет чистой воды спенсеризмом и эклектизмом, но никоим образом не монистическим, марксистским положением. Таким образом, только третья часть рефлекса должна являться единственно возможным «значением», «двигательным образом», «представлением» и т. д. для самого реагирующего суб'екта. Но в то же время она будет являться и единственным, увязанным со «значением» знаком для собеседника.

Но это, как видите, нас ведет ни больше, ни меньше как к признанию символом не звуков, а жестов и движений, т. е. к признанию языка жестов, так называемой линейной или кинетической речи. Иными словами, к основ-

¹ Там же, с. 73.

² Марр. «Вестн. Ком. акад.» № 16, 133.

³ Что важно не потому, что вопрос о связи значения и знака физиологический, а потому, что конкретный материальный механизм этой связи «живет», как выражается по другому поводу Бухарин, в человеке.

ным положениям нового яфетического, равно материалистического учения о языке. Значит, психофизический анализ происхождения человеческой речи всецело поддерживает социально-лингвистический анализ акад. Марра, пишущего: «Звуковому языку, однако, предшествовал длительностью многих тысячелетий линейный, или изобразительный язык жестов и мимики»¹.

26. Допущением линейной речи разрешается между тем не только вопрос о природе связи значения и знаков, но и вопрос о переходе всеобщей первичной и недифференцированной связи частей мозгового механизма к «величайшей связности» определенных его частей, об установлении ассоциативных путей, не говоря уже о совершенствовании самого мозгового аппарата. Речь идет об усовершенствовании мозгового аппарата, об усложнении координационных путей в процессе трудовой деятельности и, плюс к этому, о новом усовершенствовании заложенных в трудовом процессе координационных путей уже в последующем процессе развития кинетической речи. Не то ли же самое говорит и Энгельс:

«Прежде всего труд, а затем и рядом с ним членораздельная речь (читай: зарождающаяся в данном нами случае человеческая речь И. Д. К.) и явились главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны мог постепенно превратиться в человеческий мозг»².

Эта цитата устанавливает, что труд человека развивал мозговой аппарат, совершенствовал координирование действий руки и других органов реагирования, что достигнутое этим совершенствование координации мозгового аппарата послужило основой для образования языковых (линейных) координаций, что в процессе языковых координаций (конечно, линейной речи) мозговой аппарат еще более усовершенствовался и—все это послужило основой для возникновения и совершенствования мышления. К этому мы можем добавить, что начавшееся с мышлением сознательное реагирование в свою очередь послужило основой для возникновения, вернее, создания звуковой речи. Ни о чем другом, как именно об этом пишет Марр, отвергая теорию междометий.

«В языке—не звук, а фонема, отработанный человечеством членораздельный звук, сопровождаемый работой мозгового аппарата, раньше влиявшего в тех же целях на руку, звук, направляемый мышлением, как раньше направлялось им движение руки, жесты и мимика линейной речи»³.

И, увязывая этот процесс с трудовыми, он же пишет, что и «кинетическая речь предполагает некий трудовой процесс как предпосылку его развития»⁴.

Тем самым эти яфетидологические положения смыкаются с марксистскими, и неразрешимый вопрос о связи значения и знака, а значит и неразрешимый вопрос о происхождении языка разрешается не только теоретически, но и фактически.

27. Установление общезначимости и общепонятности связи данного значения и данного знака при социологическом подходе оказывается делом не столь трудным. И это не столько вследствие лучшей изученности, сколько в силу того, что исследователь может ограничиваться общими

¹ Марр, К происхождению языков, «Красная газета», вечерний выпуск, № 247, 935, 11/X 1925 или П. Э. Р. Я. Т., с. 278.

² «Архив», книга 2, с. 93.

³ Марр, О происхождении языка П. Э. Р. Я. Т., с. 319.

⁴ Марр, Яфетическая теория (программа общего курса учения о языке) АзГиз, Баку, 1928 г., с. 89.

положениями, что мы находим почти у всех рассматриваемых авторов-популяризаторов. Даже прекрасные мысли Бухарина об общественной психологии недостаточны для конкретизации механизма обобществления понятия или, вернее, механизма «отражения» в человеке обобществленного понятия. Он пишет:

«Взаимодействие людей создает особую психологию у отдельного человека, „социальное“ живет не между людьми, а в головах этих людей. Но то, что живет в этих головах, есть продукт взаимных влияний, перекрещивающихся взаимодействий (233)».

Эти положения устанавливают факт перекрещивания и взаимодействия, но несколько не раскрывают конкретного содержания этих понятий. В отношении конкретизации этих механизмов последнее слово как-будто бы остается все же за Богдановым, устанавливающим два основ обобществления слова. Первый вид «координация... трудовых рефлексов... «общим полем зрения». Второй вид приспособление высшего порядка... речь... мышление»¹.

При этом в основу обобществления связи знака и значения Богданов кладет принцип рефлекторного подражания, сводящегося к тому, что каждое восклицание порождает во всех его слышавших тенденцию воспроизвести это же действие и выраженное им действие².

Мы согласны с ним, что подобный механизм действовал первично и первоначально, но должны добавить, что вполне образовавшийся язык (конечно, кинетический) уже не нуждался в этом факторе при обобществлении вновь образовавшихся слов, понимая под последним и жесты, и звуки, ибо и первоначального богатства языковых средств было уже достаточно для образования нового вида механизма обобществления — мыслительной деятельности, мышления.

28. Вопрос о языке жестов не нов, и работы акад. Марра только изменяют постановку его, хотя, правда, изменяют коренным образом. Как мы уже не раз цитировали, марксисты-популяризаторы в этом вопросе оказались в плену у старых лингвистов. Старая история первобытного человечества вопрос о языке жестов ставила и путанно и странно. Говоря о происхождении языка, все ученые имели в виду только звуковую речь, но при этом неминуемо сталкивались и с вопросом о жестах, мимике и о других выразительных, сопутствующих, вспомогательных и т. п. движениях. Все они прекрасно сознавали, что последние чрезвычайно специфичны у человека, но в то же время и не думали ставить вопроса об их происхождении. Объясняется это тем, что язык жестов признавался результатом развития первоначальных эмоциональных движений. Последние же казались возможными уже по одному тому, что имелись соответствующие органы, мускулы и т. д., с одной стороны, и эмоциональные ощущения и переживания — с другой. Словом, предполагалось, что все это естественно, отприродно и «никакой условности в них нет» (Кушнер).

Такая постановка вопроса несомненно неправильна, и только полным отсутствием критического отношения можно обяснить и факт наличия сходных воззрений и у разбираемых авторов. Этнолог Кушнер и социолог

¹ Богданов, Цитированная статья, с. 71.

² Я думаю, излишне говорить о том, что возможность рефлекторного подражания определяется одинаковым или однообразным состоянием индивидуумов, оказавшихся в одинаковых социальных условиях.

Трахтенберг в один голос вопиют о «бедности» первобытной звуковой речи и о необходимости обогащать ее «вспомогательными» и т. п. жестами, мимикой и т. д. Вопрос о происхождении такого средства, обогащающего бедный язык, они обходят, так как это вполне согласно с традиционными взглядами, установившимися на этот предмет у буржуазной науки. Для многих разбираемых мной авторов вопрос о языке жестов даже и не существует. Только Презент, быть может помимо его желания, столкнулся с этим вопросом и тотчас же поспешил отмахнуться от него. Я уже не говорю о старых этнографов, этнологов, географов, путешественников и т. д., пораженных фактом наличия совершенного ручного (линейного) языка у многих, даже современных «дикарей», но не задумывавшихся над вопросом о его происхождении. Достаточно сослаться на Тейлора, заявляющего, что «повидимому, в общезнании низших рас жесты играют гораздо более важную роль, нежели какую привыкли мы видеть, приближающуюся даже к той, какую членораздельные звуки являют у нас»¹, и несмотря на это считающего языком только звуковую речь, чтобы проверить указанные предположения.

Вся плеяда ученых древнего, среднего и нового мира, за редким исключением, придерживалась аналогичного мнения. Язык жестов, линейный язык, у всех у них утопал в эмоциях, аффектах и так называемых естественных движениях. Только некоторые из ученых пристальнее всматривались в содержание жестов и телодвижений и, отделяя эффективные реакции от речевых, стремились разгадать их сущность, происхождение и увязку со звуковым языком.

29. Под счастливое исключение попадает в первую очередь Жан-Жак Руссо, правильно, как это ни странно, поставивший вопрос о происхождении звуковой речи. Впрочем, для нас странен не Руссо, ставящий момент происхождения звуковой речи не на первое место, считая первоначальным язык жестов, а вся плеяда лингвистов, филологов, этнографов и т. д., начинающая исследовать происхождение языка со второй стадии и тщетно бьющаяся над разрешением этой проблемы, которая указанным выше образом ограничена в понимании вопроса о связи значения и звукового знака. Наиболее «оригинальны», конечно, те из них, которые говорят о *творчестве* языка (звукового), и притом считают эту звуковую речь единственным человеческим языком.

Нам не интересует сейчас разбор работ Руссо, но мы не можем не обратить внимания на правильно установленную им последовательность развития человеческого языка: сначала язык жестов, потом «придумывание» придумали—on s'avis) звукового языка. Также не можем не отметить совершенно правильного указания Руссо на необходимость затраты «большого труда таким людям, коих грубые органы не имели еще никакого упреждения»², на усвоение нового языка. Конечно, для преодоления этой трудности нужно было «не общее согласие», как думает Руссо, а сознательная обработка своего произносительного аппарата, что в свою очередь невозможно было бы без приобретения навыка к такой обработке предшествовавшей практикой над другими объектами.

¹ Эдуард Тейлор, Первобытная культура, с. 152.

² Передаю по переводу А. Л. Погодина, в его работе «Язык как творчество» в «Вопросах теории и психологии творчества», т. IV, Харьков 1913.

Кроме Жан Жак Руссо можно было привести ряд сходных мнений других исследователей, серьезно обсуждавших вопрос о языке жестов, как: Мопертюи¹, Тидеманн², Уиджвуд³, Гейгер⁴, Морган Каванаг⁵, Уитней⁶, Пайль⁷, В. Анри⁸, Вунд⁹ и др.

30. Отсюда видно, что мысль о языке жестов имеет многолетнюю историю, но последний нигде не получал своей должной оценки. Нужно было акад. Марру откопать древнейшие наслоения в языках мира, отказаться от предвзятости старого языкознания, чтобы дать правильное освещение и должное место языку жестов. Все перечисленные, как счастливое исключение, авторы находились под могучим влиянием старого языкознания и, как мы видели, стремились к тому, чтобы умалить значение жестов и тем самым примирить факты с принципом первичности звуковой речи. В сущности все перечисленные исследователи, исключая, пожалуй, Руссо, к языку жестов апеллировали постольку, поскольку хотели найти в нем свою «соломинку» — помощь в разрешении вопроса о происхождении языка. Они видели, что вопрос о связи звукового сигнала с определенным понятием или значением требует для своего разрешения, в виду чрезвычайной условности этой связи, допущения, что она (эта связь) установлена в силу каких-то внешних условий. Ни теория договора и соглашения, ни теория божественного открытия их не могла удовлетворять. Они ясно видели, что звуковая речь создана и создана человеком сознательно, но не находили более или менее удовлетворительного разрешения. Оставалось допущение наличия какого-то дозвукового языка, подготовившего условия возможности создания языка (звукового). Таковым мог быть язык жестов. Но он требует также решения вопроса о своем происхождении. Такого назойливого вопроса они избегают посредством особого маневра: 1) язык жестов признают полужазыком или даже вовсе не языком, 2) считают, что язык жестов может произойти естественно. Даже авторы, составившие, по нашему мнению, счастливое исключение, таким образом дискредитируют самую идею о жестах и мимике как языке. Беспристрастное и непредвзятое изучение кавказских и остаточных средиземноморских языков — представителей древнейших эпох глоттогонии — дало академику Марру возможность совершить полный переворот в воззрениях на язык жестов. Он один, несмотря на явно злобное отношение к нему (конечно, не из-за этого только) всего аппарата буржуазного языкознания, признал за ним (языком жестов) значение языка. б е з о в с я к и х о г о в о р о к.

Наиболее четко обрисовывается процесс происхождения первого человеческого языка в его «Яфетической теории». После детального палеонтологического анализа терминов «руки» во многих языках, в целях доказательства тезиса, гласящего «не по природе, конечно, стал называться „ру-

кой“ созидавший материальный мир, а по раньше нареченному производству „руки“ стала называться природа»¹, Марр заключает:

«Историческая культура имеет предпосылками трудовую жизнь и накопление плодов трудовой жизни. Понятное дело, что в момент возникновения звуковой речи и в предшествующие ей эпохи ни о какой первобытности не могло быть и речи».

И дальше анализирует процесс образования кинетической² речи. Затем освещает процесс очеловечения человека и блестяще конкретизирует момент и процесс образования (в трудовой деятельности человека) представления о категориях причинности. И, после характеристики процесса образования особой человеческой психологии³, заканчивает констатированием того, что «даже кинетическая речь предполагает некий трудовой процесс как предпосылку его развития»⁴. Так выдержанно материалистически разрешается академиком Марром вопрос о происхождении и развитии кинетической речи.

31. Я не буду продолжать следовать за разворачиванием процесса развития кинетической речи, укажу только на то, что академиком Марром блестяще конкретизируется процесс образования человеческого сознания, являющегося не чем иным, как познанием самого себя, как «чего-то» отличного от других, — себя, вначале неопределенного и нечеткого. Мысль Н. Я. Марра почти полностью совпадает с положением Маркса в «Немецкой идеологии»: «Сознание (Bewusstsein) никогда не может быть чем-то иным, как только сознанным бытием (bewusstes sein), а бытие людей — реальный процесс их жизни»⁵.

Нельзя не отметить громадной разницы между идеологиями современного общества и первобытного человечества. Современные идеологии уже оторваны от экономики, как бы самостоятельны, в то время как идеология первобытного общества еще разлита в самом производственном процессе, она утопает в нем, и только намечаются следы будущей дифференцировки. Так, язык жестов совершенно увязан с трудовыми актами и почти с ними тождественен. Ритм внедрен в само производство, да и сами музыка и пляска представляют из себя отвлеченное от объекта (сырья) производство. Идеология первобытного человечества в своей большей части материальна, как и само производство. Психическая жизнь только еще намечается.

Но нам могут указать, что выведение звуковой речи из колдования, магических действий и т. п. находится в прямом противоречии с положениями исторического материализма об образовании звуковой речи в среде коллективного производственного процесса.

Не ошибается ли Марр, «не мудрствует ли лукаво» он над своими языковыми фактами, якобы указывающими ему среду образования звуковой речи? К рассмотрению этого кажущегося противоречия мы и перейдем сейчас.

32. Прежде всего остановимся на определении и характеристике первобытного труда. Популяризаторы-марксисты вместе с Нуаре предпо-

¹ *Mr. Maupertui*, Dissertation sur les langues (Oeuvres III, 437—486).

² *Tiedemann*, Versuch einer Erklärung des Ursprungs der Sprache, Riga, 1772.

³ *H. Wedgwood*, On the origin of language, 1866.

⁴ *L. Geiger*, Der Ursprung der Sprache, 1869.

⁵ *Morgan Kavanagh*, Origin of language and myths, 1871.

⁶ *W. D. Whitney*, La vie du langage, 3. édition, 1880.

⁷ *H. Paul*, Prinzipien der Sprachgeschichte, 5 Auflage, 1920.

⁸ *V. Henry*, Antinomies linguistiques, Bibliothèque de la faculté des lettres de Paris, II, 1896.

⁹ *W. Wundt*, Völkerpsychologie, II Band, Die Sprache, Leipzig, 1912.

¹ *Марр*, «Яфетическая теория», с. 85.

² Там же, с. 88.

³ Там же, с. 88—89.

⁴ Там же, с. 89.

⁵ «Архив», том I, с. 216.

лагают, что таковым является процесс или копания (руками) пещеры для жилья или какое-то другое коллективное производственное действие. Этнолог Никольский дал даже картину стихийной коллективной обработки каменных орудий. Другими словами, по воззрениям указанных авторов, трудовой процесс первобытных людей по своему виду ничем не отличается от современных трудовых процессов. Современное производство характеризуется чистым и голым производственным содержанием процесса труда, отсутствием в нем идеологических моментов в виде ли трудовых криков или магических¹ моментов — это простое освобождение от посторонних примесей, чистое производство. Язык в этом производстве является чем-то внешним, посторонним, а не непосредственно увязанным. Таковым же представляется и производство первобытного человечества. И только лишь введение элементов пения и ритма лишает его некоторой чистоты².

Между тем первобытный трудовой процесс совершенно не был чистым, исключительно производственным актом. Он был одновременно и трудовым процессом, и актом познания, и способом раздражительной координации действий, и включал в себе момент образования идеологии (мышления, мировоззрения). Поэтому ничего странного нет в том, что акад. Марр колдования и магические действия, т. е. процесс «выявления своего отношения к неведомой силе» считает актами «не забавы или непроизвольного экстаза, а действиями, совершающимися в интересах производства»³.

Другими словами, магическое действие было одновременно и актом производственного процесса (так же, как и сам трудовой производственный процесс носил и магическое содержание) и началом уже непроизводственных актов, раздражительных производству, и впоследствии от него, оторванных. Оно одновременно было и процессом образования новых навыков, совершенствования старых (об учебно-воспитательной роли их уже не говорю) и тем самым делало возможным образование сознательных трудовых производственных актов.

«Происхождение (звуковой речи), пишет Марр приходится искать в магических действиях, необходимых для успеха производства и сопровождавших тот или иной коллективный трудовой процесс»⁴.

¹ Нужно сделать оговорку в отношении употребления терминов «магический», «колдование» «окреп», «класс» и т. д. Я здесь так же, как и академик Марр, придаю им несколько иное значение, чем ныне им присвоено.

² В изображении первобытного труда, данным проф. Никольским (с. 71), совершенно нет «магического» момента; связующим звеном одновременности процесса является только «инстинктивная раздражительность». Отличие обрисованного Никольским производства от современного сводится только к инстинктивности и к осложнению ритмом и хоровым пением. Между тем как первобытное коллективное производство, координируемое кинетической речью, носило открыто сознательный характер. Инстинктивность здесь может быть сведена только к ритму как особому виду координации актов. Магический же момент сводился к осознанию своих реакций, как принадлежащих ему самому как личности, и перенесению этого же по аналогии и на других людей и даже на внешние предметы и явления.

Попытка анализа слов «трудно» и «трудиться» у проф. Никольского, конечно, ничего кроме улыбки у всякого лингвиста вызвать не может, ибо эти не только слова, но и понятия имеют совсем недавнее происхождение. Странным нужно признать и увязку «игры» с трудностью.

³ «Яфетическая теория», с. 89.

⁴ Там же, с. 100.

33. Да и в этом своем воззрении Марр не одинок, но, несмотря на это, он так же, как и во взглядах на происхождение ручного языка, является революционером, коренным образом перерабатывающим старые воззрения, подводящим под них новую материалистическую базу. Об эмоционально-аффективной физиологической основе происхождения звуковой речи говорили все исследователи, начиная с греко-римского мира и кончая современностью. Но этой основе придавалось совершенно другое значение. Эту физиологическую основу ставили на место социально-психологической, и тем самым вводили вопрос происхождения языка на ложный путь, приводящий к тупику. Только некоторые из «новых исследователей» (Гумбольдт, Гернес, Каванаг, Есперсен и др.) эту эмоционально-аффективную основу усложняли социальным моментом, выраженным в пении; и лишь Бюхер пошел дальше всех, установив связь между трудом, ритмом, пляской, песнями и языком. Но никто из них даже и не ставил вопроса о вторичности звуковой речи, и никто не думал оставить бесполезную при такой постановке работу по разрешению вопроса о происхождении (звукового) языка, подобно тому как еще и в современности человеческая мысль тщетно пытается разрешить вопрос о *perpetuum mobile*.

Между тем даже и в тогдашних работах по психологии и психопатологии глухонемых имелся значительный материал, намечающий совершенно правильные пути образования звуковой речи. Нужна была колоссальная работа над исследованием древнейших наслоений языка мира, чтобы двинуть вопрос с мертвой точки. К великому сожалению, это огромное историческое достижение всем сонмом старой лингвистики упорно бойкотируется и дискредитируется.

34. Классическим примером образования звуковой речи у глухонемых является Лаура Бриджман. Несмотря на чрезвычайно тенденциозное освещение этого случая, Погодин не может не признать, что «понимание целесообразности звуков было подготовлено у Лауры привычкой сообщаться с людьми с помощью других звуков, а, может быть, и чтением о говорящих людях»¹. В другом месте этой же работы Погодин указывает на фактический материал, могущий указать на эмоционально-магические крики, легшие в основу первых человеческих слов². Даже идеалист N. Güntert не мог пройти мимо указания на то, что «In primitiven Zeiten scheute man in ehrfurchtsvollem Grauen die gewaltige Macht des Worts, mit dem man Geister beschwören und die übelsten Verführungen vornehmen konnte»³.

Впрочем, этонисколько не помешало ему пройти мимо вопроса о происхождении языка.

Станным кажется после этого не утверждение Н. Я. Марра о том, что «начальная звуковая речь — культовая, собственно магическая, ею пользуется ограниченное число лиц»⁴, а упорное бойкотирование этого доведения до логического конца прежних высказываний. Станным кажется необходимость упорного отстаивания возможности в первобытную эпоху двух языков «обиходного» — ручного — и «культового» — звукового, — когда даже в современности «мы встречаемся с фактом существования двух литератур... церковной и мирской, даже двух письменностей, двух алфавитов»⁵.

¹ Погодин, цит. раб., с. 110.

² Там же, с. 132—134.

³ D. Hermann Güntert. Grundfragen der Sprachwissenschaft, Leipzig, 1925, с. 2.

⁴ Марр, «Яфетическая теория», с. 63.

⁵ Там же, с. 100.

Должно бы в действительности казаться странным отрицание положений Н. Я. Марра, основанных на палеонтологическом анализе остатков древнейших наслоений в языках мира, например, положения, указывающего на то, что «раз возникновение членораздельных звуков отнюдь не вызывалось потребностью общения, раз для этого имелся обиходный язык, линейный и ручной... то происхождение приходится искать в иных условиях трудовой жизни, именно, как происхождение трех искусств, одного линейного — пляски, двух звуковых — пения и музыки, т. е. игры на инструменте. Происхождение это приходится искать в магических действиях, необходимых для успеха производства и сопровождавших тот или иной коллективный трудовой процесс»¹.

При этом первичные звуковые комплексы — основа звукового языка — были не чем иным, как наращением, дальнейшей ступенью «развития чародейственных рук, усиливающих значимость всего действия звуков, производившихся устами, несомненно, не вполне еще приспособленными к точному, членораздельному их произношению. Вначале более горлом и зубами, чем наличным теперь распределением этой функции по всем частям гортани и полости рта»².

Так образовались зачатки будущего звукового языка. Первоначально эти первичные звуковые комплексы (элементы) были использованы бессознательно, а потом сознательно «жрецами» и «шаманами», т. е. представителями работников первобытной магии — в целях воздействия на коллектив.

«Звуковая речь — по началу культовая речь», — пишет Марр³. В другом месте акад. Марр конкретизирует этот процесс использования первых элементов речи, первичных звуковых комплексов:

«Каждый из четырех элементов в магическом восприятии, — пишет он, — сигнализировал одинаково с другими тремя главную таинственную силу магии, покровителя и тотема определенной социальной группы, впоследствии тотема племени, бога»⁴.

В доказательство правильности такого изображения процесса происхождения звукового языка Марр приводит конкретные лингвистические данные, являющиеся пережитками первичных языковых процессов. Я имею в виду его указание на «бессловесное пение, пережиточно сохранившееся на Кавказе у грузинских племен, как у гурийцев, до сего дня»⁵.

34. Значит, зарождающаяся звуковая речь своими первичными звуковыми комплексами (элементами) положила начало, основу не только будущему богатству звуковых знаков, но, одновременно, фактам осмысливания этих звуковых символов, способствовала образованию отвлеченных представлений и понятий. Дело в том, что в кинетической речи со знаком связывается конкретный образ. Для образования отвлеченных понятий здесь нет ни условий, ни места ни в смысле психологическом (несовершенство координаций человеческих рефлексов), ни в смысле социальном (отсутствие социальной и материальной базы для практической необходимости оперирования отвлеченными представлениями). Смыслом кинетического

¹ Марр, Яфетическая теория, с. 100.

² Там же, с. 101.

³ Там же, с. 112 (107).

⁴ Там же, с. 106.

⁵ Там же, с. 101, П. Э. Р. Я. Т. 326. Бессловесное пение сохранилось и у воляков (удмуртов) также до сего дня.

знака был образ конкретный и наличный, осмысливание его сводилось к возбуждению соответствующего конкретного образа — «значения». Звуковые же символы не имели ни конкретного образа в окружающей материальной среде, ни конкретного представления в тогдашней идеологии. Осмысливание звуковых символов было актом конкретизации реально несуществующего, актом представления отвлеченного. Это был скачок в отвлеченность, осмысливание несуществующего, неконкретного, нереального. Это было моментом поворота в мышлении и идеологии тогдашнего человечества, вызванного несомненно соответствующим переворотом в общественном производстве, давшем, видимо, благодаря интенсификации производственного процесса, возможность образования в общественной структуре особых классовых наслоений (шаманство, жречество), взявших на себя конкретизирование идеологического процесса образующегося «классового» общества, подобно тому как современная интеллигенция, современные литературные деятели конкретизируют соответствующую идеологию. Усвоение этих отвлеченных понятий, а значит и обучение этому звуковому языку всего коллектива, в таком случае не было возможно на прежней производственно-идеологической базе. Для этого нужно было всему коллективу получить новую производственную базу, новую технику. Новые производственные процессы, усвоенные и осознанные вначале при актах магически-производственных высшей прослойкой общества и давшие ей высшую идеологию, связанную с образованием звукового языка, должны были проникнуть в низшие прослойки и изменить всю экономическую базу, чтобы на основе последней весь коллектив сумел воспринять новую идеологию, а значит и звуковую речь. Тот факт, что значимой частью звукового символа было не реальное, не конкретное, а отвлеченное, как-будто бы дает указание на путь возможного определения формы, революционизировавшего идеологию трудового процесса.

Этот процесс, чтобы удовлетворять указанным требованиям, должен представлять из себя такой производственный процесс, где совершается конкретизация неконкретного, осуществляется реально несуществующее. При этом этот процесс должен происходить при активном участии человека, а не быть результатом постороннего природного процесса, при пассивном состоянии самого человека. Другими словами, это должно было быть первое сознательное производственное творчество человека, сознательное в том смысле, что он заранее представлял и процесс труда и его результаты. Это как-будто бы приводит нас к созданию искусственных орудий.

Я не знаю, было ли в действительности, что вначале только «класс» работников магии научился сознательно делать искусственные орудия, а потом руководил процессом их создания коллективом, как производственно-магическим актом, придающим неоформленному куску камня новый вид. Не знаю, было ли в действительности, что только впоследствии сознательное создание орудия стало достоянием всего коллектива, но я уверен в том, что технической базой новой идеологии было создание первых искусственных орудий. Поэтому я всецело принимаю слова академика Марра, говорящего:

«Звуковая речь не могла, следовательно, начаться раньше распространения навыка искусственной обработки хотя бы камня. Да и после изобретения соответственных орудий производства не сразу, а лишь в процессе развития древнейшей палеолитической индустрии, по достижению ею совершенных форм, в ашельскую и ближайшие к ней эпохи, имеем мы ос-

нования поместить зачатки звуковой речи, т. е. зачатки ее и первые этапы развития совпадают со временами за сотню тысяч лет»¹.

Совместно с таким процессом «демократизации» новых навыков и новой техники шел и процесс внедрения звукового языка в гущу коллектива.

Это была целая революция не только, как мы уже говорили, в мышлении и идеологии, не только в способах производства, но и в языке.

Консервативные элементы, обладающие прежней кинетической речью, были громадной помехой распространения звуковой речи².

Таков путь образования и распространения звукового языка.

35. В заключение мне хотелось бы высказаться по вопросу об увязке происхождения языка с положениями, вытекающими из принципа активности познания. Классической формулировкой этого принципа можно считать первый тезис Маркса о Фейербахе. Актом активного познания нужно считать «конкретную человеческую деятельность», а не пассивное «созерцание», пусть даже и активного действия. Логическим следствием из этого можно признать положение, устанавливающее познаваемость только непосредственно увязанных с данным актом и значащих его элементов. Это мы и находим у Маркса, говорящего о «прямом порождении» представления и т. д. «*материальной практикой*» людей, о непосредственном влечении в материальную деятельность всякого представления» («Архив» I том, с. 215).

Созерцание, как факт познания, Марксом категорически отвергается (тезисы I и V), что не может не быть истолковано и в том смысле, что всякое созерцательное представление, в том числе и «образы»: «среды», «своих действий», «трудовых криков», «междометий» и т. д. и т. п., якобы составляющиеся в сознании человека через пассивное восприятие, лишены реальности и являются досужим вымыслом. Но, ведь, к такому же выводу мы пришли и после социологического и физического анализа процесса связи «знака» и «значения» и вместе с тем указали на совершенную правильность установки яфетидологии, считающей первичным язык жестов — кинетический, ручной. Значит, активность познания неразрывно увязывается с первичностью кинетической речи. Странное, на первый взгляд, положение, что марксисты в вопросе о происхождении языка оказались в плену идеалистов, объясняется тем, что они вопреки своей общей методологической установке, при решении этого вопроса встали на путь не *исследования*, а популяризации уже *исследованного* (конечно, другим методом). И главным виновником нужно признать «трудовые, действительные корни» по существу, старые пра-языковые, индо-европейские, в виду их абстрактно-формального сходства с чем-то активным, соблазнившие кое-кого к признанию их (корней) удовлетворяющими принципу активного познания. Логическим следствием этого соблазна была подмена т. Трахтенбергом самого принципа *активного познания*, принципом *активного начала познания*, совершенно упущившего из виду, что Маркс и Энгельс говорили *о познании в действии, а не о познании действия*.

¹ Марр. П. Э. Р. Я. Т., с. 328.

² Марр. Яфетическая теория, с. 109.

БЕМ-БАВЕРК И МАРКС

Оскар Энглендер

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ ЭНГЛЕНДЕРА

Печатаемый ниже перевод статьи Энглендера «Бем-Баверк и Маркс, (помещенной в журнале «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», 1928, В. 60) представляет значительный интерес для читателей-марксистов» Автор ее, один из видных современных буржуазных экономистов, близко примыкающий к австрийской школе, вынужден признать полную ошибочность пресловутых утверждений о «противоречии» между I и III томами «Капитала» Маркса. Бем-Баверк один из первых и с наибольшим внешним успехом пустил в оборот версию о «противоречии между обоими томами «Капитала». Написанная им вскоре после выхода в свет III тома «Капитала» известная критическая работа «Zum Abschluss des Marxschen Systems» (1896 г.) имела шумный успех среди буржуазных ученых и широкой читающей публики. Блеск изложения придавал аргументам Бем-Баверка внешнюю видимость большой убедительности. Буржуазные ученые признали доводы, выдвинутые Бем-Баверком против Маркса, совершенно «неотразимыми» и объявили, что это новое опровержение марксовой теории является окончательным и последним.

Можно сказать без преувеличения, что почти все направленные против Маркса критические статьи и книги, появившиеся после 1896 года, не обходились без повторения на разные лады доводов Бем-Баверка. Неумеренные поклонники последнего объявили, что Энгельс выпуском в свет III тома «Капитала» нанес смертельный удар марксовой теории, что последняя потерпела окончательное «банкротство», что Маркс сам совершил в III томе «Капитала» теоретическое «самоубийство» и т. п.

Первый и решительный контр-удар Бем-Баверку нанес Гильфердинг своей известной работой «Бем-Баверк как критик Маркса», появившейся в 1904 году. Книга эта побудила некоторых буржуазных ученых признать, что атака Бем-Баверка против Маркса, при всем ее кажущемся блеске и шумных внешних успехах, была неудачна. Укажем, напр., на Гейманна, который писал: «Гильфердинг бесспорно доказал, что столь тщательная и остроумная критика, направленная Бем-Баверком против теории стоимости Маркса, большею частью попадает мимо цели» (Heimann, Methodologisches zu den Problemen des Wertes, Archiv f. Sozialwiss. u. Sozialpol., 1913, В. 37, S. 775). Такой авторитетный буржуазный экономист, как Шумпетер, также признал, что ни о каком противоречии между I и III томами «Капитала» не может быть речи (см. Grundriss der

Sozialökonomik, В. I, 1914, S. 82). Однако, голоса этих ученых все же были единичными. Широкая масса ученой и неученой буржуазной публики была попрежнему уверена, что Бем-Баверк окончательно опроверг Маркса.

Как известно, со времени мировой войны и особенно в послевоенное время в буржуазной экономической литературе усилилось критическое отношение к австрийской школе. В германской и американской литературе появилось немало книг и журнальных статей, посвященных резкой и подчас уничтожающей критике теории предельной полезности. Однако, эта критика вращалась вокруг положительных построений австрийских экономистов. Что же касается критических доводов, выдвинутых Бем-Баверком против Маркса, то они попрежнему разделялись большинством буржуазных экономистов. Более того. Встречались даже (в Америке и Англии) такие наивные экономисты, которые уверяли, что теперь можно отказаться от австрийской теории именно потому, что последняя уже выполнила свою важнейшую теоретическую миссию «окончательного» опровержения марксизма. Тем более интересна печатаемая ниже статья Энглендера, который, близко примыкая к австрийской теории, вынужден признать, что все утверждения Бем-Баверка о мнимом противоречии между обоими томами «Капитала» от начала до конца ложны.

Разумеется, русский читатель не должен ждать от Энглендера признания правильности теории Маркса. Энглендер констатирует неудачу критики Бем-Баверка лишь для того, чтобы притти к выводу, что теория Маркса должна быть подвергнута критике не со стороны ее мнимых внутренних противоречий, а со стороны ее основных исходных посылок. В своей трактовке учения Маркса Энглендер подчас делает элементарные ошибки, а в своей критике Бем-Баверка прибавляет мало нового к упомянутой работе Гильфердинга. Но это для русского читателя не имеет значения. Интерес статьи Энглендера заключается в том, что автор ее вынужден безоговорочно признать внутреннюю логическую стройность и цельность всей экономической системы Маркса. Можно сказать, что с появлением статьи Энглендера тридцатилетний спор между сторонниками и противниками Маркса о мнимом противоречии между обоими томами «Капитала» закончен.

Статью Энглендера перевели с немецкого Е. А. Каганович и А. Л. Реуэль.

И. Рубин.

СТАТЬЯ ОСКАРА ЭНГЛЕНДЕРА: БЕМ-БАВЕРК И МАРКС

Во втором томе собрания небольших статей Бем-Баверка¹ вновь напечатано его произведение: *Zum Abschluss des Marxschen Systems*, которое в свое время вышло в свет в сборнике, посвященном Карлу Кнису, а также отдельным изданием. Поводом для этой работы послужило появление третьего тома «Капитала» Карла Маркса, в особенности содержащееся в этом томе учение о равной норме прибыли. Сам Бем-Баверк изображает сущность дела таким образом: «Маркс в своем первом томе учил, что стоимость товаров всецело основана на воплощенном в них труде и что согласно закону стоимости товары должны обмениваться пропорционально

воплощенному в них труду. Далее Маркс учил, что приходящаяся на долю капиталистов прибыль или прибавочная стоимость является плодом эксплуатации рабочих,—величина же прибавочной стоимости зависит от величины переменного капитала, т. е. части капитала, затраченной на выплату заработной платы, а отнюдь не от величины всего капитала, затраченного капиталистами, так как так называемый «постоянный» капитал, затраченный на покупку средств производства, никакой «прибавочной стоимости создать» не может. Однако фактически прибыль на капитал находится в пропорциональном соотношении ко всему вложенному капиталу... Самому Марксу указанное противоречие не осталось неизвестным. Но тем не менее он продолжает рассматривать это противоречие как кажущееся, разрешение которого должно быть дано в позднейших томах его труда». Разрешить это противоречие должен был III том «Капитала», после того как в течение 30 лет, отделявших появление I тома «Капитала» от выхода в свет III тома, другими лицами делались различного рода попытки разрешить это противоречие. И вот Бем-Баверк ставит вопрос, является ли это разрешение удовлетворительным, осталась ли после своего завершения система Маркса верна сама себе и фактам.

Прежде всего попытаемся выявить наше отношение к этому вопросу. При этом мы должны различать закон прибавочной стоимости Маркса от закона стоимости Маркса—Рикардо. Закон прибавочной стоимости мы можем выразить таким образом, что за продукты труда капиталист получает их стоимость, а за самый труд уплачивает только стоимость труда, так что прибавочная стоимость, созданная трудом сверх его собственной стоимости, достается капиталисту. Однако, как гласит закон стоимости, все товары обмениваются по своей стоимости, т. е. по количеству содержащегося в них труда. Мы намерены исследовать, опровергается ли закон стоимости и прибавочной стоимости фактом уравнивания нормы прибыли, уравнивания процента на производительный капитал, тем фактом, что при различном составе капитала, т. е. различном отношении между переменным капиталом—человеческим трудом—и постоянным капиталом—другими средствами производства,—величина процента зависит только от величины капитала и от продолжительности его применения,—но отнюдь не от состава капитала.

Для этой цели предположим, что человеческий труд является единственным средством производства, имеющимся в ограниченном количестве, что все остальные средства производства, следовательно, дары природы, являются свободными, что труд во всех видах своего применения может быть взаимно замещен, что, следовательно, мы имеем перед собой только один вид труда. Предположим далее, что производство происходит без помощи произведенных средств производства, т. е. без окольного пути, и, наконец, без всякого участия денежного капитала. В этом случае все блага фактически обменивались бы пропорционально труду, затраченному на каждое из них, или, выражаясь языком денежного хозяйства, денежные цены всех товаров были бы пропорциональны количествам труда, затраченного на каждый из них. Закон стоимости Рикардо—Маркса действует без ограничения, суб'ективная потребительная стоимость товаров не оказывает на цену—естественную или устойчивую—никакого влияния. Она определяет только относительные количества подлежащих производству различных товаров.

Теперь изменим наши предположения в том направлении, что хотя применение труда происходит без окольного пути, но при участии капита-

¹ Gesammelte Schriften. Zweiter Band. Herausgegeben von Franz X. Weiss. Wien-Leipzig, Hölder-Pichler-Tempsky, A.—G. 1926.

стов, которые на денежный капитал покупают труд и продают продукты труда, в результате чего они извлекают прибыль—процент на капитал. Мы не намерены исследовать, как происходит отделение рабочих от рынка товаров. Достаточно указать на присущие капиталистическому предпринятию преимущества в разделении труда и его соединении. Точно так же мы не намерены исследовать, каким образом образуется в данном случае процент на капитал и какова будет его высота. Нам теперь интересуют,—теряет ли свое значение закон стоимости Рикардо—Маркса ввиду появления процента на капитал. На этот вопрос следует ответить отрицательно. Несмотря на появление процента на капитал цены всех товаров попрежнему находятся в таком же соотношении, как воплощенные в отдельных товарах количества труда. Факт существования процента на капитал, т. е. то обстоятельство, что часть произведенных благ, часть общественного продукта достается капиталистам и только остаток попадает рабочим в виде заработной платы, в этом отношении ничего не меняет. Если предположим, далее, что речь идет не о непосредственном производстве благ первого порядка, а об окольном производстве, т. е. при помощи произведенных средств производства, то и тогда закон стоимости Рикардо—Маркса сохраняет всю свою силу, если производством всех видов товара является производством одинакового порядка, если для них всех остается одинаковым отношение между продуктом, затраченным на производство средств производства, и трудом, приложенным на переработку средств производства в потребительные блага. Дело меняется лишь в том случае, если мы примем, что производством различного рода благ является производством различного порядка, что, следовательно, говоря словами Бем-Баверка, равное количество труда, затраченное на каждый экземпляр потребительных благ, прилагается в продолжение различных периодов времени. В этом случае в меновом народном хозяйстве закон стоимости Рикардо—Маркса уже не будет проявляться в чистом виде. Теперь уже соотношение цен на блага будет зависеть не только от количества труда, но и от времени, в течение которого этот труд прилагается. Однако здесь имеет место не уничтожение действия закона стоимости, но лишь его модификация. Приведем пример. Одно потребительное благо стоит 10 часов труда, второе—20 часов труда, и рабочее время, потребное для производства обоих благ, распределяется одинаково между объемами стадиями—в данном случае устойчивое соотношение цен вне зависимости от уровня процента будет 1:2. Предположим, далее, что продолжительность труда различна для обоих благ, для блага, на которое затрачено 10 часов труда,—6 лет, и для блага, на которое затрачено 20 часов труда,—4 года, норма процента 10%, причем мы отвлекаемся от процентов на процент; в таком случае соотношение цен обоих благ не будет более 1:2, оно будет 11:19. Ввиду того, что величина процента как дохода пропорциональна продолжительности времени, в течение которого этот доход получается, то при производстве благ, требующих неодинакового числа стадий, соотношение цен отнюдь не зависит исключительно от соотношения количеств труда, но и от времени, в течение которого труд затрачен. Доход считается тем более высоким, чем короче период времени, в течение которого получается данная сумма процента с данного капитала. Конкуренция капиталистов приведет к тому, что предложение благ, производство которых растягивается на более продолжительный период, будет ограничено, количество же благ, производимых в более короткий период, будет увеличено; в результате эти блага будут произ-

ведены в таких количествах, что соотношение их цен будет соответствовать не только количествам затраченного на них труда, но и периоду времени, в течение которого труд был затрачен.

Закон стоимости Рикардо—Маркса не уничтожается благодаря уравниванию норм прибыли, благодаря зависимости прибыли от времени,—он только модифицируется, что уже совершенно отчетливо выражено у Рикардо. Дело идет лишь об отношении уравнивания норм прибыли к закону прибавочной стоимости. Здесь мы должны твердо установить: если закон стоимости Рикардо—Маркса является всеобщим и в частности действительным для человеческого труда как товара—что мы пока оставляем без рассмотрения—то и марксов закон прибавочной стоимости является правильным. Капиталист потому получает прибыль, что он получает за товары столько, сколько они стоят труда, за труд же он уплачивает только стоимость труда. В соответствии с этим доля капиталистов в общественном продукте в противоположность доле рабочего класса равна уровню прибавочной стоимости, т. е. отношению всего количества труда, приложенного в народном хозяйстве,—за вычетом количества труда, необходимого для содержания и размножения рабочего класса, к этому последнему количеству труда. Что касается соотношения нормы прибавочной стоимости и нормы прибыли, то можно заметить следующее: если бы все виды производства являлись капиталистическим производством одинакового порядка, то норма прибыли, т. е. отношение получаемой отдельным капиталистом денежной прибыли к денежной величине его капитала, совпала бы с нормой прибавочной стоимости,—обе величины были бы равны. Другое дело при капиталистическом производстве высшего порядка, которое совершается таким образом, что капиталисты, наряду с человеческой рабочей силой, применяют средства производства, которые они покупают у других капиталистов. В этом случае норма прибавочной стоимости не совпадает с нормой прибыли, норма прибыли меньше прибавочной стоимости, так как капитал, приносящий прибыль, больше фонда заработной платы, капитала, направленного на оплату труда. Ввиду конкуренции капиталистов денежная прибыль, получаемая в отдельном предприятии, уже более не определяется непосредственно приложенным трудом (переменный капитал), но всем капиталом (постоянным и переменным капиталом). Однако, благодаря этому значению закона прибавочной стоимости никоим образом не нарушается. Основа происхождения процента на капитал остается та же—прибавочный труд, т. е. излишек труда сверх труда, приложенного на поддержание рабочей силы,—и точно так же доля капиталистов в общественном продукте в сравнении с долей рабочих равна норме прибавочной стоимости.

Приведем пример. Предположим, что производство требует только одной стадии. Рабочий готовится одно благо в 16 рабочих часов. Содержание рабочих в течение времени производства требует 12 рабочих часов. В этом случае благо достигает 16 денежных единиц, заработная плата—12 денежных единиц. Норма прибавочной стоимости— $\frac{4}{16}$, или 33%, норма прибыли также—33%. Это действительно для всех благ. Капиталисты получают $\frac{1}{3}$ доли рабочих в общественном продукте, равную норме прибавочной стоимости. Теперь предположим, что производство всех благ требует уже не одной, а двух стадий. Рабочее время рассматриваемого блага опять равно 16 часам, но оно теперь разделяется на две стадии таким образом, что на первой стадии в течение 8 часов труда изготавливаются средства производства, при помощи которых на второй стадии в течение даль-

нейших 8 рабочих часов производится потребительное благо. В указанном случае расчет представляется таким образом: на первой стадии заработная плата $6i$, прибыль $1\frac{1}{3}i$, всего $7\frac{1}{3}i$ (i —денежная единица). По этой цене капиталист второй стадии покупает средства производства. На второй стадии при отвлечении от процента на процент расчет представляется следующим образом: $6i + 2\frac{2}{3}i + 6i + 1\frac{1}{3}i = 16i$. Средства производства, при равной затрате труда при удвоенной затрате времени, приносят в два раза большую прибыль, чем непосредственно приложенный труд. Норма прибыли не равна более норме прибавочной стоимости (33%), она равна только 22%. Но доля класса капиталистов в общественном продукте по сравнению с долей рабочего класса равна норме прибавочной стоимости. Это означает, что расходимый капиталистами при нормальных условиях доход на рынке средств потребления составляет $1\frac{1}{3}i$ (первая ступень) $+ 2\frac{2}{3}i$ (вторая ступень) $= 4$, в то время как расходимая заработная плата $= 12$, так что доля капиталистов в общественном продукте опять составляет 33% доли рабочих. Если мы теперь предположим производство с различным числом стадий, то и в этом случае все остается без изменения. Уравнение норм прибыли будет более запутанным, сюда присоединяется указанная выше модификация закона стоимости, однако все остается без перемены в том отношении, что доля капиталистов в общественном продукте по сравнению с долей рабочих равна норме прибавочной стоимости.

Мы приходим к тому выводу, что благодаря уравнению норм прибыли закон стоимости Рикардо—Маркса модифицируется так, как это уже указали они сами; закон же прибавочной ценности Маркса, поскольку он имеет отношение к образованию прибыли на капитал и к высоте прибыли как доли капиталистов в общественном продукте, не нарушается. Никакого логического противоречия между законом стоимости и прибавочной стоимости, с одной стороны, и уравнением нормы прибыли, с другой, не существует. Теперь обратимся к рассмотрению точки зрения, которую в противовес изложенному выдвигает Бем-Баверк.

После подробного изложения теории стоимости и прибавочной стоимости Маркса, Бем-Баверк прежде всего повторяет то замечание, которое уже до появления III тома «Капитала» было выдвинуто им в его «Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorien». Или продукты действительно постоянно обмениваются пропорционально содержащемуся в них труду, — тогда уравнение прибыли на капитал невозможно; — или происходит уравнение прибыли на капитал, тогда отсутствует возможность обмена продуктов пропорционально воплощенному в них труду. Так как Маркс ясно и без обиняков учит, что в действительности отдельные товары обмениваются не пропорционально заключенному в них труду, но отклоняются от этой пропорции, ввиду уравнения прибыли на капитал, — то противоречие этого факта с законом стоимости Маркса представляется Бем-Баверку совершенно неразрешимым. В противовес этому, в согласии с вышеизложенным мы устанавливаем: то противоречие между законом стоимости и уравнением норм прибыли, на которое указывает Бем-Баверк, не существует; закон стоимости и уравнение норм прибыли могут быть примирены при помощи утверждения, что уравнение норм прибыли модифицирует закон стоимости, причем сама эта модификация является частью системы, вытекает из ее собственных предпосылок, — следовательно никакого противоречия она не образует, напротив, она представляет собой логический результат системы.

Бем-Баверк приводит из Маркса ряд аргументов, имеющих целью доказать действительность закона стоимости, несмотря на уравнение норм прибыли, и возражает против каждого из них. Согласно первому аргументу Маркса, отдельные товары обмениваются выше или ниже стоимости, но эти противоположные отклонения взаимно погашаются, так что с точки зрения всего общественного производства в целом сумма цен произведенных товаров остается равной сумме их стоимостей. Бем-Баверк указывает, что этот аргумент Маркса не имеет отношения к меновым пропорциям товаров. Это верно. Указанный аргумент Маркса, конечно, не относится непосредственно к меновым пропорциям товаров, так как Маркс признает, что проявление закона стоимости в чистом виде модифицируется благодаря уравнению норм прибыли. Однако, Маркс предполагает следующее: если мы возьмем капиталистическое производство, в котором все отрасли имеют одинаковое число стадий и закон стоимости действует в чистом виде, то сумма всех цен представляет все количество приложенного труда и цена любого отдельного блага представляет то количество труда, которое было затрачено на это благо. Если место описанного капиталистического производства заменяет капиталистическое производство, в котором различные отрасли имеют неодинаковое число стадий, то совокупная цена товаров, остающаяся без изменения, представляет такое же количество труда, как и в первом случае. Но цены отдельных благ уже не пропорциональны количеству труда, затраченного на них, так как цены благ, производство которых требовало большего числа стадий, относительно повышаются, в то время как цены на блага, производство которых требует меньшего числа стадий, понижаются. В сумме цен эти плюсы и минусы взаимно погашаются. В этом смысле аргумент Маркса остается правильным.

Согласно второму аргументу Маркса закон стоимости определяет движение цен, так как в зависимости от уменьшения или увеличения рабочего времени, затраченного на производство, поднимаются или падают цены производства. В своем ответе на этот аргумент Бем-Баверк указывает, что все согласны с тем фактом, что труд является определяющим основанием цен, это знал не только Маркс, но также классики и вульгарные экономисты. Однако Маркс своим законом стоимости утверждал, что затраты труда являются единственным определяющим основанием, которое управляет меновыми пропорциями товаров. На это мы отвечаем: не только у Маркса, но и у классиков, особенно у Рикардо, затраты труда были принципиально единственным определяющим основанием цены. Только благодаря этому и стала возможна об'ективно техническая система цен классиков, воспринятая Марксом. Поэтому доходы, получаемые от даров природы, имеющих в ограниченном количестве, должны, по Рикардо, целиком рассматриваться как дифференциальная рента. По Рикардо рента представляет собой оплату не затраченного, ибо сбереженного труда, подобно тому как по Марксу процент на капитал представляет собой неоплаченный затраченный труд. Для Рикардо — и для Маркса — рента плодородия является оплатой труда, который сберегается на землях лучшей производительности при производстве одинакового количества благ, рента положения возникает из оплаты труда, сберегаемого на перевозке, рента интенсивности — из оплаты труда, сбереженного в результате того, что в силу закона убывающего плодородия почвы первые вложения доходнее последующих. Рента редкости или абсолютная рента противоречит об'ективно технической системе цен классической теории. Если система цен Рикардо определяется только тех-

нически потребным количеством труда, то изменение цен происходит только в результате изменения количества рабочего времени. Таким образом во 2-м аргументе Маркс придерживается строго логически своей системы. Этому нисколько не противоречит, но опять-таки вытекает из всей системы, то обстоятельство, что в результате уравнения норм прибыли изменения цен товаров не вполне точно соответствуют изменению количества труда, необходимого для их производства.

Третий аргумент Маркса сводится к тому, что на первоначальной стадии развития, когда еще не имело места превращение стоимостей в цены производства, закон стоимости неограниченно регулировал обмен товаров; что, таким образом, необходимо рассматривать стоимости товаров не только как теоретическое, но и как историческое *prius* цен производства. Это относится к таким экономическим отношениям, когда средства производства принадлежат самому рабочему, а такое положение свойственно и в древние и в новейшие времена хозяйству ремесленника и крестьянина, обрабатывающего собственным трудом принадлежащую ему землю. Бем-Баверк оспаривает это положение. В форме риторического вопроса он утверждает, что и в случаях, приведенных Марксом, предложение в отраслях производства с большей нуждой в капитале сравнительно с отраслями с меньшей потребностью в капитале терпит ограничение, вследствие чего цены продуктов первых отраслей в конечном итоге поднимаются выше сравнительного уровня цен вторых отраслей. Кто из них обоех прав, не может быть решено посредством анализа понятий, но лишь путем исторического исследования. Необходимо установить, действительно ли в средние века отрасль производства с большей потребностью в средствах производства получала больший доход, чем отрасль, нуждавшаяся в меньшем количестве средств производства; действительно ли—возьмем пример наиболее соответствующий ходу мыслей Бем-Баверка,—кожевник, затрачивающий труд, но вынужденный годами выдерживать кожу прежде чем продать ее, получает больший доход, чем, примерно, сапожник, или, что более соответствует ходу рассуждения Маркса, действительно ли золото-производитель по продаже своего продукта, кроме оплаты своего труда, получает некую надбавку сверх своих издержек производства. Каков бы ни был ответ на этот вопрос, он фактически не имеет значения для обсуждаемой проблемы. В данном случае нас интересует теоретическое *prius*, для которого историческое *prius* не является решающим. Здесь дело обстоит таким же образом, как с рентой плодородия Рикардо. И в этом случае правильность утверждения о существовании ренты плодородия не зависит от приводимых доказательств, что исторически первоначально поступали в обработку не более плодородные участки земли, а менее плодородные. Аналогичное значение имеет утверждение, что уже в средние века отрасли с более длительным процессом производства получали больший доход сравнительно с предприятиями с менее длительным процессом производства. Это утверждение ничего не может изменить в правильности положения, что с объективно-технической точки зрения теории цен можно конструировать только следующим образом: все товары первоначально рассматриваются исключительно как продукт труда, причем все цены стоят в прямом отношении к необходимому труду, затраченному на их производство; после этого земельная рента в качестве дифференциальной ренты включается только таким образом, что масштаб цен не являются затраты труда вообще, а затраты в наилучших условиях, причем затраты труда, сберегаемые на

лучших участках, становятся источником ренты; наконец, модификация и отклонение цен вверх и вниз рассматриваются, при данной норме прибавочной стоимости, определяемой затратами труда, как результат уравнения нормы прибыли.

Вопрос о том, соответствовала ли когда-либо историческая последовательность этой теоретической последовательности, для последней не имеет никакого значения.

Четвертый и, пожалуй, важнейший аргумент, приводимый Марксом, состоит в том, что в развитом народном хозяйстве закон стоимости, по крайней мере косвенно и в последней инстанции, регулирует цены производства, так как определяемая законом стоимости совокупная стоимость товаров регулирует совокупную массу прибавочной стоимости, эта же последняя регулирует высоту средней прибыли и тем самым определяет всеобщую норму прибыли. Мы считаем марксову аргументацию, как это уже ясно из вышесказанного, логически безупречной. Повторим ее вкратце. Закон стоимости, применяемый, с одной стороны, к продуктам труда, с другой стороны, к самим затратам труда¹, определяет массу прибавочной стоимости, т. е. долю капиталистов в общественном продукте, выражающуюся в определенной денежной сумме.

Эта денежная сумма, будучи отнесена к авансированному капиталу, обуславливает норму прибыли; после этого указанная денежная сумма сбрасывается со счета, и остается лишь относительное число в виде нормы прибыли. Норма прибыли, выведенная указанным способом, модифицирует отношения цен продуктов, которые раньше определялись исключительно продолжительностью рабочего времени. Эту взаимную связь мы имеем в виду, когда говорим, что модификация закона трудовой стоимости, обусловленные уравнением нормы прибыли, вытекают из самой теоретической системы не в качестве противоречащего этой системе момента, но в качестве ее частного вывода. В противовес этому Бем-Баверк выставляет возражение, что для объяснения отношения цен товаров необходимо принять во внимание не только количество затраченного труда, но и высоту заработной платы, так как при повышении последней за счет прибыли не только понижается средняя норма прибыли, но изменяется и отношение цен товаров. Однако, Бем-Баверк упускает здесь из виду, что согласно системе воззрений Рикардо—Маркса заработная плата может изменяться в отношении к прибыли лишь в том случае, если изменяется количество труда, потребного для создания средств существования, так что изменения высоты заработной платы и связанные с этим изменения в отношениях между ценами всегда зависят в конечном счете от изменений в количестве затраченного труда. Далее Бем-Баверк указывает, что закон прибавочной стоимости имеет силу лишь в том случае, если закон стоимости в полной мере действует и по отношению к самому человеческому труду. Маркс же в III томе «Капитала» признает, что и необходимые средства существования рабочих могут продаваться по ценам производства, отклоняющимся от заключенного в них необходимого труда. В этом случае Маркс допускает, что и переменная часть капитала может отклоняться от своей стоимости. На это можно возразить, что последнее положение Маркса есть не что иное, как применение модифицированного закона трудовой стоимости к самому человеческому

¹ Автор, как большинство буржуазных экономистов, говорит о «труде» там, где следовало бы говорить о рабочей силе. *Прим. перев.*

труду, и что этим нисколько не затрагивается закон прибавочной стоимости, согласно которому рабочие могут получить из всего совокупного продукта труда лишь ту его часть, которая соответствует затрате труда, необходимого для поддержания их существования. Неправильно поэтому мнение Бем-Баверка, что в определении совокупной стоимости принимается таким образом участие по меньшей мере один фактор, чуждый закону стоимости. Напротив, мы можем целиком сохранить ход рассуждений Маркса, не прибегая к чуждому для его системы элементу.

Бем-Баверк полагает, что таким чуждым для системы Маркса элементом является также и величина капитала, так как последняя, при неизменной сумме прибавочной стоимости, определяет норму прибыли и тем самым и отношение цен. Здесь необходимо отметить: увеличение капитала при неизменном количестве труда может произойти прежде всего — по Бем-Баверку, а также в конечном счете и по Марксу — лишь в виде увеличения числа стадий производства, т. е. введения более окольного пути производства. Вследствие этого, как правило, сумма прибавочной стоимости возрастает, несмотря на ту же затрату труда, так как в результате преимуществ, связанных с более окольным путем производства, понизятся издержки воспроизводства рабочего. Тем самым устанавливается взаимная связь в системе между изменением в капитале и нормой прибыли. Предположим, однако, что норма прибавочной стоимости не изменяется, несмотря на более окольный путь производства, потому что другие факторы, например повышение земельной ренты, действуют в обратном направлении. В этом случае, конечно, верно, что при той же прибавочной стоимости, т. е. при неизменном избытке затраченного труда по сравнению с трудом, необходимым для поддержания существования рабочих, образующаяся норма прибыли будет тем меньше, чем более окольным является производство. Однако, окольный характер производства ни в коем случае не является моментом, чуждым системе, и кроме того закон прибавочной стоимости действует независимо от более или менее окольного характера производства и его изменений. Общественный продукт распределяется между рабочим и капиталистом в зависимости от отношения, в каком весь затраченный в течение хозяйственного периода труд находится к труду, необходимому для поддержания существования рабочего. Это распределение нисколько не зависит от более или менее окольного характера производства, господствующего во всем народном хозяйстве или в отдельных отраслях.

В заключение Бем-Баверк заявляет, что Маркс должен был бы доказать, что закон стоимости регулирует цены производства, что количество затраченного труда является единственным фактором, определяющим меновые пропорции товаров, — фактически же Маркс вынужден признать еще два элемента, из которых один содержится в определении заработной платы и является отчасти чуждым системе моментом, другой же совершенно ей чужд и представляет собою массу общественного капитала. В противоположность этому мы приходим к тому результату, что ни в оплате труда, ни в массе общественного капитала нельзя усматривать инородных системе элементов, что, наоборот, оба они поддаются включению в систему и фактически включаются в нее Марксом нисколько ни нарушая ее логической стройности и последовательности.

Попытавшись таким образом констатировать противоречие между выводами I и III томов «Капитала», Бем-Баверк переходит к критике положения, что стоимость определяется исключительно затрачен-

ным трудом. По его мнению это положение далеко не аксиоматично. Как он указывает в другом месте, стоимость и труд ни в коем случае не являются настолько взаимно связанными понятиями, чтобы необходимо было прямо признать, что труд является основой стоимости. В противовес этому утверждению необходимо отметить, что в данном случае Бем-Баверк подменил содержание спорного вопроса. Речь идет не о том, определяется ли и в какой мере субъективная стоимость блага трудом, поскольку он представляет собою жертву, т. е. субъективные издержки; но речь идет о том, в какой мере об'ективная затрата труда — труд, рассматриваемый не как субъективные издержки — определяет пропорцию цен. Дальше Бем-Баверк бросает Марксу упрек, что последний исключает из своего анализа природные блага. Однако Маркс в данном случае, как это уже было выше отмечено, просто следует классической школе, которая исключает природные блага из общего определения цен, поскольку она рассматривает всякую ренту как ренту дифференциальную. Маркс имел тем больше оснований следовать этому взгляду, что он не ставил своей задачей создать теоретическую систему политической экономии. Его целью было лишь выяснить закон распределения относительных долей общественного продукта между трудом и капиталом, причем результаты его исследования не затрагиваются фактом существования дифференциальной ренты.

Во всем остальном, где Бем-Баверк выступает против способа доказательств Марксом закона стоимости, его критика вполне обоснована. Гораздо проще и правильнее было бы, если бы Маркс исходил только из действия конкуренции. Этого было бы достаточно, чтобы, предполагая существование исключительно однородного труда и действие закона убывающего плодородия, обосновать неограниченное действие закона стоимости для капиталистического производства с одинаковым числом стадий и модифицированное его действие для капиталистического производства с неодинаковым числом стадий. Однако это неправильное обоснование закона стоимости само по себе совершенно не затрагивает его об'ективной значимости. Аналогичный случай мы наблюдаем и у австрийской школы, в особенности в обосновании Бем-Баверком закона издержек производства. Закон издержек производства, т. е., тот факт, что цены потребительных благ находятся в определенной связи с ценами средств производства, вполне может быть об'яснен одним лишь действием конкуренции и тем самым сведен к своему действительному значению. Закон издержек производства и закон трудовой стоимости вообще тождественны, если принять труд как однородную величину и всякую ренту рассматривать как дифференциальную. Несмотря на это, австрийская школа, как и Маркс, не удовлетворилась об'яснением, исходящим из факта конкуренции. Поэтому австрийская школа попыталась дать другое обоснование и полагала, что нашла его в факте равенства стоимости продуктов производства и средств производства; однако на самом деле предложенное ею обоснование, столь же неправильно, как и марксово, при чем еще следует отметить, что Маркс по крайней мере своим обоснованием подкрепил теорию прибыли, тогда как для австрийцев принятое ими положение создает величайшие трудности именно для об'яснения категории прибыли.

Далее Бем-Баверк оспаривает об'яснение цены квалифицированного труда, даваемое теорией трудовой стоимости путем редукции сложного труда к простому. Однако, если мы и откажемся от сведения сложного

труда к простому, то вполне возможно иначе объяснить ценообразование сложного труда, не отказываясь от закона трудовой стоимости и закона прибавочной стоимости. При этом мы должны различать случаи, когда на отдельном предприятии заняты исключительно квалифицированные рабочие, и случай, когда квалифицированные рабочие заняты на отдельном предприятии наряду с неквалифицированными. В первом случае цена продукта квалифицированного труда будет стоять в определенном отношении, определяемом спросом—субъективно-социальным моментом,—к цене продукта простого труда. Эта цена должна дать капиталистам, применяющим квалифицированный труд и продающим продукт этого труда на рынке, такую же норму прибыли, какую приносят продукты простого труда. Следовательно, поскольку всеобщая норма прибыли определена нормой прибавочной стоимости, эта последняя становится косвенно определяющим моментом и для цены особо квалифицированного труда, в отношении которого, в противоположность простому труду, закон стоимости перестает действовать. Подобный же ход рассуждения может быть применен и в отношении квалифицированного труда, примененного в предприятии наряду с простым трудом. Квалифицированный труд оплачивается в этом случае заработной платой, превосходящей в несколько раз оплату простого труда, хотя необходимые издержки воспроизводства квалифицированного труда, выраженные в трудовых единицах, не превосходят в такое же число раз издержек воспроизводства простого труда. Поскольку мы, следовательно, исходим из значительного преобладания простой рабочей силы, что в общем соответствует действительности, и признаем при этом, что заработная плата простого труда подчиняется закону трудовой стоимости,—что не является сейчас предметом обсуждения,—мы можем признать, что особые явления, связанные с проблемой квалифицированного труда, представляют собою модификации закона трудовой стоимости в его применении к заработной плате, а также модификации закона прибавочной стоимости, что отнюдь не должно привести к отрицанию этих законов в целом. Конечно, в противоположность модификациям, возникающим из уравнения нормы прибыли, модификации, связанные с проблемой квалифицированного труда, не так логически связаны с системой и поэтому должны быть признаны нарушающим моментом, что, однако, как уже было сказано, не может привести к краху системы в целом.

Дальнейшее возражение Бем-Баверка против закона трудовой стоимости связано опять с законом средней нормы прибыли. По его мнению Маркс мог развить свой закон трудовой стоимости лишь постольку, поскольку он игнорировал категорию прибыли с капитала и поэтому он не имел права рассматривать прибыль с капитала как исключение из закона стоимости, как нечто противоречащее закону, как явление неправомерное. Однако, это возражение весьма неосновательно. Маркс развил свой закон, не отвлекаясь от прибыли, и наоборот—исходя из факта господства капиталистической хозяйственной формы и поэтому и категории прибыли. Он рассматривал категорию прибыли не как нечто противоречащее закону трудовой стоимости, но как раз вся его аргументация направлена к тому (как это видно из собственного изложения Бем-Баверка), чтобы доказать возникновение прибыли как результат действия закона стоимости не только в отношении продуктов труда, но и рабочей силы, создающей эти продукты. По этой причине Маркс осуждал не получение прибыли отдельным капиталистом, действующим на основе народно-хозяйственных законов, но капиталистиче-

ский способ производства в целом, который неизбежно ведет от закона трудовой стоимости к закону прибавочной стоимости. Прибыль рассматривается Марксом не как отклонение от закона трудовой стоимости, но именно как неизбежный результат этого закона.

Далее Бем-Баверк рассматривает отношение Маркса к рыночной конкуренции. Он оспаривает выставленное Марксом положение, что если спрос и предложение взаимно покрываются, то они перестают что-либо объяснять, перестают влиять на рыночную стоимость, поэтому последняя не может быть объяснена спросом и предложением. Несомненно и в этом положении Маркса скрыта правильная мысль. Маркс этим ничего иного не хотел сказать, как только то, что при условиях, им установленных и фигурирующих также и у Бем-Баверка, а именно когда обмен товаров носит не случайный характер, когда товары производятся в количествах, приблизительно соответствующих потребностям, и когда отсутствует какая бы то ни была естественная или искусственная монополия, что в этих условиях отношение цен,—конечно, модифицируясь уравнением нормы прибыли,—соответствует отношению количеств труда и не может быть изменено игрой спроса и предложения.

Верно, как это подчеркивает Бем-Баверк, что спрос и предложение влияют и на эту цену равновесия, однако спрос и предложение не дают окончательного объяснения цены; окончательное объяснение ее лежит в затратах относительных количеств труда.

Маркс не интересовался подробным выяснением влияния спроса и предложения на цены товаров. Его мысль была направлена на объяснение конечной цены равновесия из последних определяющих причин. Если Бем-Баверк дальше бросает упрек Марксу, что он при объяснении цены трудовой стоимостью не принимает во внимание конкуренции, но в то же время, учитывает посленую при рассмотрении модификации закона стоимости под влиянием уравнения нормы прибыли,—то до известной степени подобный упрек правомерен; но этот недостаток может быть устранен тем, что мы и при объяснении немодифицированного закона трудовой стоимости, как это выше было показано, привлечем момент рыночного соревнования. Привлечение последнего момента само по себе не в состоянии как-либо изменить марксову систему.

Мы подходим к концу. Противоречия между I и III томами «Капитала», которое Бем-Баверк пытался обосновать, на самом деле не существует. Напротив того, выводы III тома относительно уравнения нормы прибыли и вытекающих отсюда модификаций закона трудовой стоимости образуют последовательный вывод исследования I и II томов, причем результаты, первоначально примененные к капиталистическому хозяйству с одинаковым числом стадий производства, были затем распространены также и на капиталистическое хозяйство с неодинаковым числом стадий. Таким образом, несмотря на критику Бем-Баверка, логическая стройность Марксовой системы остается незыблемой. Маркс является подлинным завершителем системы Рикардо, так как ему удалось посредством применения основной идеи их общей системы—принципа трудовой стоимости—к самому человеческому труду включить в систему объяснение прибыли с капитала. Конечно, это относится лишь к логической стройности системы. И эта логическая стройность системы выступает прежде всего как нечто отрицательное. Подобно теореме Пифагора, которая будучи несомненно правильной, ничего не говорит нам о действительном суще-

ствовании прямоугольных треугольников, но лишь отрицательно утверждает, что, если мы примем прямоугольный треугольник как нечто данное, то из него вытекает неизбежно данная теорема,—подобно этому и марксова система доказывает своей логической стройностью, что если имеют место известные предпосылки, то из них неизбежно вытекают выводы, сформулированные Рикардо и Марксом. Предпосылки, лежащие в основе теоретической системы Рикардо—Маркса суть следующие: однородный, поэтому и взаимозамещаемый человеческий труд, постоянное действие закона падающей производительности в отношении благ природы, данных в ограниченном количестве, распространение закона трудовой стоимости также и на человеческий труд. Что касается первой предпосылки, то она приблизительно соответствует действительности. Отклонения от нее могут быть нами приняты как модификации, носящие, конечно, характер нарушающих моментов. Но, поскольку они не носят массового характера, они не в состоянии подорвать значение системы в целом.

Несколько иначе обстоит дело со второй предпосылкой. Здесь имеют перевес скорее исключения. Ренты редкости существуют как нормальное явление. Тем самым это нарушающее обстоятельство фактически ведет к уничтожению системы. Трудовая стоимость, относительное количество труда, потребное для производства, перестает уже играть роль единственного или преобладающего момента, определяющего цены. Труд становится одной из многих причин, определяющих систему цен; об'ективно-технический момент лишь в соединении с суб'ективно-социальным моментом становится достаточным для об'яснения цены. Что касается третьей предпосылки, то она вообще не имеет силы, так как действительная основа закона трудовой стоимости—конкуренция—не может быть применена по отношению к самому человеческому труду. Конкуренция в состоянии об'яснить лишь уравнение различных ставок заработной платы, но она не в состоянии об'яснить причины приспособления заработной платы к издержкам производства человеческого труда. Но если закон трудовой стоимости не может быть применен к человеческому труду, то это означает также несостоятельность теории прибавочной стоимости и об'яснения, даваемого марксовой системой происхождению и величине прибыли с капитала.

Таким образом система Маркса уязвима лишь в своих предпосылках, являющихся по существу также и предпосылками системы Рикардо, но отнюдь не в своем логическом построении. Это последнее остается непоколебленным, даже если отрицать положенные в его основу предпосылки. Попытку Бем-Баверка обнаружить логическую трещину в системе путем констатирования противоречия между первым и третьим томами «Капитала» надо признать неудавшейся.

ЖАН ВАРЛЕ ДО 9 ТЕРМИДОРА¹

Я. Захер

I

Писать биографию Варле для историка-марксиста несравненно труднее, чем биографию Жака Ру. Об'ясняется это тем, что если в отношении революционного пастыря секции Гравилье мы имеем целый ряд документов, характеризующих не только его общественную деятельность, но до некоторой степени и его частную жизнь и быт, то в отношении Варле подобные данные совершенно отсутствуют. В силу этого установление классовой природы Варле может быть произведено исключительно априорно, т. е. при помощи оценки об'ективного значения его деятельности и идеологии. Это, естественно, делает изложение куда более скучным и однообразным, и, главное, Варле встает перед нами не таким живым человеком, как Жак Ру, а какой-то мертвой марионеткой, лишенной движений и красок. Но таково уже свойство имеющихся в нашем распоряжении документов и перед препятствием такого рода лучше смириться и заранее признать свое бессилие, чем давать волю фантазии и при помощи вымысла дополнять то, о чем умалчивают источники.

Первое и главное затруднение, на которое наталкивается историк, пытающийся восстановить живой образ Варле, это отсутствие источников, рисующих его взаимоотношения (не только личного, домашнего порядка, но даже и общественного характера) с окружающей его средой, т. е. ближайшим образом с той секцией Сицилийского короля (впоследствии она была переименована в секцию Прав человека), в среде которой Варле жил и действовал. Мы, правда, имеем ряд документов, доказывающих, что в среде своей секции Варле пользовался очень значительной популярностью, но вся беда в том, что документы эти относятся к 1793—1794 гг., т. е. к тому времени, когда Варле был уже совершенно сложившимся политическим деятелем, известным далеко за пределами секции Прав человека. А ведь для нас было бы несравненно важнее установить (подобно тому, как мы сделали это в отношении Жака Ру² то влияние, которое окружающая среда оказала на развитие настроений и взглядов молодого Варле, но именно эти данные у нас как-раз и отсутствуют.

¹ Настоящая статья, основанная на материалах Национального архива и Национальной библиотеки в Париже, представляет отрывок из подготовленной к печати книги «Бешеные».

² См. нашу статью «Жак Ру до падения Жиронды». «Под знаменем марксизма», 1928, № 12.

А между тем наличие такого влияния стоит вне всякого сомнения. Происходя из довольно состоятельной семьи, Варле в 1789—1791 гг. выступает перед нами как типичный буржуазный интеллигент своего времени и только в 1792 г. с ним происходит перелом, делающий его одним из вождей парижской рабочей и ремесленной бедноты и одним из виднейших лидеров движения «бешеных». К этому же времени относятся и первые данные, рисующие роль Варле в политической жизни Сицилийского короля, вследствие чего есть полное основание предположить, что подобно тому, как это было с Жаком Ру, социальное перерождение Варле было вызвано именно влиянием окружающей его среды, т. е. ближайшим образом населяющих Сицилийского короля рабочих и ремесленников. Но, как мы уже говорили, утверждение это остается априорным, ибо никаких конкретных данных, подобных тем, кои мы имеем относительно Жака Ру, касательно Варле мы не имеем.

Что касается времени, предшествующего этому перерождению, то в этот период Варле жил и развивался как типичный буржуазный интеллигент. Родился он в Париже в середине 60-х годов. Родители его были, повидимому, довольно состоятельными—по крайней мере в 1793 г. Варле получал 5800 ливров ежегодного дохода, в состав которого, кроме его жалования служащего почтового ведомства, входили и проценты с доставшегося ему после смерти родителей наследства¹. Отец Варле умер очень рано, когда будущий вождь «бешеных» был еще ребенком²; что касается матери, то она умерла в первые годы революции³. Образование Варле получил в аристократическом колледже Гаркур (Harcourt), но учился он, по его собственному признанию, плохо⁴. С самого же начала революции Варле становится ее горячим сторонником и присутствует на многих заседаниях Учредительного собрания еще тогда, когда оно находилось в Версале⁵. На ряду со многими тысячами парижан он работает на Марсовом поле над созданием «алтаря отечества» для праздника федерации 14 июля 1790 года⁶ и около этого же времени выступает со своей первой брошюрой, в которой требует основания патриотической кассы для финансирования государства⁷. На ряду с этим он «на патриотических банкетах исполняет национальные попури»⁸, но это все составляло, собственно говоря, лишь предисловие к настоящей деятельности, которая начинается после бегства в Варенн.

¹ «Extrait des arrêtés du Comité Révolutionnaire de la Section des droits de l'homme. Séance du 8-me jour de la seconde décade du 1-er mois de l'an 2 de la Rep.» Arch. Nat. F⁷ 4775⁴⁰.

² «J. Varlet à ses chers concitoyens des tribunes et des jacobins», p. 3. Bibl. Nat. Ln²⁷ 20067.

³ Это видно из того, что в 1791 г., когда была написана упомянутая в предыдущем примечании брошюра, она еще была жива («Varlet à ses chers concitoyens», p. 3), а в 1794—1795 гг. Варле называет себя круглой сиротой («Le Citoyen Varlet prisonnier à la Force en réponse à ses motifs d'arrestation» Arch. Nat. F⁷ 4775⁹). Кроме того, в другой брошюре Варле есть, не вполне правдивое, указание, что его мать умерла 14 июля 1793 г. («L'Apôtre de la liberté, prisonnier, à ses concitoyens libres», p. 6. Bibl. Nat. Ln²⁷ 20065).

⁴ «Varlet à ses chers concitoyens», pp. 3—4.

⁵ Ibidem, p. 4.

⁶ Ibidem, p. 4.

⁷ Ibidem, p. 4. Брошюра эта, забранная у Варле при обыске в 1793 году («19 Septembre 1793. Copies des procès-verbaux d'apposition et de levée des scellés chez le Citoyen Varlet. Arch. Nat., F⁷ 4775⁴⁰»), до нас не дошла.

⁸ «Varlet à ses chers concitoyens», p. 4.

Как известно, соглашательское поведение Учредительного собрания, поспешившего после возвращения Людовика XVI восстановить короля во всех его правах, вызвало резкое возмущение всех подлинно-революционных элементов страны и в выявлении этого возмущения Варле оказался далеко не последним. Центром своей пропаганды он избирает сад Пале-Рояля и именно там он произносит зажигательную речь против раскратившегося в это время в Национальном собрании проекта декрета о Людовике XVI¹. По призыву Варле, собравшиеся вокруг него несколько тысяч человек² отправляются в Национальное собрание, чтобы через посредство шести делегатов представить ему петицию о низложении Людовика XVI. Однако, тщетно прождав несколько часов, делегаты так и не были допущены в Собрание, которое к этому времени уже успело принять свое решение³. Но если, таким образом, все предприятие Варле окончилось неудачей, то все же благодаря ему он познакомился с Бальи, Робеспьером, Петионом, Грегуаром и Приером⁴ и это не могло не содействовать дальнейшему расширению его деятельности⁵. Кроме того, он вскоре после этого пишет брошюру «Ж. Варле своим согражданам по трибунам и якобинскому клубу»⁶, в которой описывает только что рассказанные события, и брошюра эта выходит в издании якобинского клуба⁷.

Первая из дошедших до нас брошюр Варле интересна главным образом тем, что подобно Жаку Ру первых лет революции, она рисует нам ее автора в качестве самого заурядного демократа-революционера, клянущегося в своей любви к народу⁸ и верящего, что лучшим средством для улучшения его участи является просвещение⁹. В этой же брошюре Варле в очень резкой форме нападает на «подлого» Лафайета¹⁰, которого он, по его словам, очень рано разгадал¹¹, но и в этом отношении он, само собой разумеется, не представляет чего-либо исключительного и идет лишь по трафаретному пути того времени. Впрочем, есть некоторые основания предполагать, что ненависть Варле к Лафайету зародилась значительно ранее написания брошюры и что уже в связи с делом солдат Шато-Вье он выступал против него с трибуны якобинского клуба¹². А 29 мая 1792 года Варле обращается к Лафайету с открытым письмом, копии которого он развешивает в Пале-Рояле, и заявляет в нем, что считает его изменником отечества и готов обви-

¹ Ibidem, pp. 4—5. Возможно, что именно эта самая речь была повторена Варле в кордельерском клубе, и что именно ее недодешедший до нас набросок был найден при обыске у него в сентябре 1793 года. Эпиграфом к этой речи были взяты слова: «Если люди хотят быть свободными, они должны низвергнуть тиранов». Arch. Nat., F⁷ 4775⁴⁰.

² «Varlet à ses chers concitoyens», p. 5.

³ Ibidem, pp. 5—6.

⁴ Ibidem, pp. 5—6.

⁵ Это, между прочим, правильно отмечает Матьез (Mathiez, La vie chère et le mouvement social sous la terreur, p. 122).

⁶ «J. Varlet à ses chers concitoyens des tribunes et des jacobins». Bibl. Nat. Ln²⁷ 20067.

⁷ Брошюра помечена «A Paris, de l'Imprimerie de la Société Typographique, aux Jacobins Saint-Honoré».

⁸ «Varlet à ses chers concitoyens», p. 1.

⁹ Ibidem, pp. 2—3.

¹⁰ Ibidem, p. 3.

¹¹ Ibidem, p. 2.

¹² Ibidem, pp. 2—3.

нять его, как такового, даже перед судом¹. Результатом этого был арест Варле, продолжавшийся, однако, всего лишь несколько часов².

До сих пор Варле рисуется нам как довольно заурядный интеллигент-революционер якобинского типа, но как раз к этому времени относится начало того отмеченного нами выше процесса его социального перерождения, который должен был сделать Варле одним из вождей «бешеных». Первым этапом этого перерождения явилась гораздо большая, по сравнению с классическими якобинцами, левизна Варле в вопросах чисто политических; вторым этапом является начало его интереса к вопросам социального порядка и, главное, осознание себя самого, как идеолога бедноты.

Почти одновременно с выступлением против Лафайета, а именно 20 мая 1792 года, Варле обращается к якобинскому клубу с письмом, в котором предлагает отправить неprisяжных священников к варварам Северной Африки в обмен на захваченных последними пленных³. Письмо Варле, гласит протокол якобинского клуба, было встречено взрывом хохота⁴; когда же на следующий день Варле лично явился в клуб узнать о судьбе своего предложения, то председателемствовавший в заседании Мерлен заявил ему, что единственным результатом его был вызванный им смех⁵. Столь же неудачна была и попытка выступления Варле в якобинском клубе в заседании 12 июля⁶.

Результатом этих столкновений Варле с якобинцами был его временный выход из клуба и издание брошюры под названием «План новой организации центрального клуба Друзей Конституции»⁷, в предисловии к коей он указывает, что выходит из клуба, так как ему восемь раз подряд не дали говорить⁸.

«План новой организации» при сравнении его с брошюрой Варле «К его согражданам по трибунам и якобинскому клубу» свидетельствует о происшедшем за это время громадном перевороте в идеологии автора. Вместо классово-неопределенного демократа-революционера первых лет революции, перед нами совершенно новый человек, посвящающий свою брошюру «неимущим»⁹ и обещающий «посвятить свои дни защите их от их могущественных угнетателей»¹⁰.

¹ A. Tuetey, «Répertoire général des sources manuscrites de l'histoire de Paris pendant la Révolution Française», t. V, № 3578. Копия этого письма была найдена у Варле при обыске у него в сентябре 1793 года. («19 septembre 1793. Copie des procès verbaux d'apposition et de levées scellées chez le C. Varle». Arch. Nat., F⁷4775⁴⁰).

² A. Aulard, «La Société des Jacobins», t. III, pp. 627—628.

³ Ibidem, p. 595.

⁴ Ibidem, p. 595.

⁵ Ibidem, p. 598.

⁶ Ibidem, t. IV, pp. 93—94.

⁷ «Plan d'une nouvelle organisation de la société-mère des Amis de la Constitution, suivi de la religion du philosophe». Dédié aux indigens, par J. Varlet, Apôtre de l'égalité. A Paris, au Palais-Royal, chez les Marchands de Nouveautés. L'an quatrième de la liberté. Bibl. Nat. Lb¹⁰ 2278. Матъез (A. Mathiez, «Les enrégés et la lutte pour le maximum», «Annales révolutionnaires». 1917, p. 467. В соответствующем месте этой статьи, вошедшей в состав его «Vie chère», а именно на стр. 123, данный абзац выброшен) относит выход этой брошюры к концу 1792 года. Между тем в брошюре Варле имеется ряд мест, позволяющих с несомненностью утверждать, что она была написана до 10 августа—это те места, где о короле и разделении граждан на «активных» и «пассивных» говорится, как о существующем факте. «Plan d'une nouvelle organisation», pp. 42, 45, 52.

⁸ Ibidem, p. 2.

⁹ Ibidem, pp. 1, 4.

¹⁰ Ibidem, p. 4.

Однако, несмотря на этот колоссальный переворот в умонастроении Варле, в нем и в эту эпоху остается чрезвычайно много от его старого естества и это прежде всего его идеализм и вера во всемогущество просвещения, столь характерные для французского интеллигента XVIII века. Варле твердо убежден, что основным источником бедствий неимущих является их необразование. «Неимущие, выносящие на себе всю тяжесть общественных бедствий, изучайте законы вашей страны, и вы сможете пользоваться благами конституции... Вы увидите тогда, что полученные вами знания стирают все грани. Бедные, но образованные, вы подавите богатых неучей»¹.

Но даже и в своем нынешнем, некультурном, состоянии, неимущие все же являются лучшей частью французского народа, и Варле с восторгом противопоставляет «бедного и добродетельного труженика»² парижских предместий развращенным и реакционным аристократам³. «Оттуда (т. е. из предместий—Я. З.) придут великие люди; там только находится родина свободы»⁴.

Из этих теоретических взглядов Варле вытекают все предлагаемые им практические мероприятия и поэтому неудивительно, что в дальнейшей части своей брошюры Варле указывает на важность народного просвещения, за распространение которого, по его мнению, якобинский клуб должен был бы взяться раньше всего другого. «Следить за тиранами и просвещать людей—вот что должна была бы гласить надпись на этой трибуне»⁵. Неудивительно поэтому, что Варле хвалит якобинцев за проявленный ими одно время интерес к делу народного образования⁶ и выражает сожаление, что они и далее не продолжали в том же духе⁷.

Варле обвиняет якобинцев в том, что они слишком отделяют себя от народных обществ, члены которых жаждут более тесного контакта с якобинским клубом⁸. «Вы слишком редко посещаете народные общества, которые вас тщетно ждут и призывают. Перестаньте же изолировать себя от народа, который вы любите; пусть вас увидят посреди братских обществ обоих полов»⁹. «Повторяю, сноситесь чаще с афилированными с вами обществами—только в них ваша точка опоры и ваша действительная сила»¹⁰. И соответственно этому Варле рекомендует ряд мер, могущих осуществить демократизацию якобинского клуба¹¹. В частности, он предлагает, чтобы никто не мог быть членом этого клуба, не будучи предварительно членом какого-либо другого афилированного с ним народного общества¹².

Анализ «Плана новой организации центрального клуба Друзей Конституции» позволяет утверждать, что к лету 1792 года процесс превращения Варле из заурядного интеллигентного революционера-демократа в идеолога парижской рабочей и ремесленной бедноты зашел уже довольно далеко, хотя и не был еще, само собой разумеется, окончательно завершен. Что же

¹ Ibidem, p. 3.

² Ibidem, p. 10.

³ Ibidem, pp. 7—8.

⁴ Ibidem, p. 8.

⁵ Ibidem, p. 18.

⁶ Ibidem, p. 21.

⁷ Ibidem, p. 22.

⁸ Ibidem, p. 23.

⁹ Ibidem, p. 24.

¹⁰ Ibidem, p. 29.

¹¹ Ibidem, pp. 47—53.

¹² Ibidem, p. 49.

касается до причины этого явления, то нам уже приходилось отмечать, что она на наш взгляд заключается в ближайшем соприкосновении Варле с окружающей его средой, т. е. с населением секции Сицилийского короля. В этом отношении эволюция Варле совершенно идентична с эволюцией Жака Ру, и если в отношении Жака Ру мы имеем довольно детальную картину процесса его срастания с рабочими и ремесленниками секции Гравилье, а в отношении Варле соответствующие данные отсутствуют, то от этого, конечно, картина не меняется. Как бы то ни было, уже с лета 1792 г. Варле является беспорочным вождем бедноты секции Сицилийского короля и его роль в этой секции чрезвычайно близко напоминает роль Жака Ру в секции Гравилье.

В противоположность секции Гравилье, по составу своего населения носившей более или менее однородный характер, секция Сицилийского короля отличалась крайней разнокалиберностью своих жителей. Наряду с весьма значительным количеством аристократов, владельцев роскошных особняков и отелей и солидных крупными буржуа, в секции Сицилийского короля жили также и рабочие—главным образом каменщики, ведущие самое печальное существование¹. Поэтому, если до июля 1792 года секция Сицилийского короля являлась одной из наиболее консервативных секций Парижа, то совершенно ясно, что она должна была сделаться ареной ожесточеннейшей классовой борьбы с того самого момента, когда «пассивные» граждане вторглись в состав секционных собраний и потребовали себе равного с «активными» гражданами права голоса в решении судеб страны. Это случилось, как известно, в последний числа июля и первых числах августа 1792 г. и краткий перечень событий², происшедших за эти дни в секции Сицилийского короля, может лучше всяких длинных описаний послужить иллюстрацией классовой борьбы, развернувшейся в это время в недрах секции.

Приняв 2 августа революционное постановление секции Моконсейль от 31 июля³, секция Сицилийского короля уже через день, а именно 4 августа, его отвергает⁴. 6 августа она представляет Законодательному Собранию составленную Варле петицию с ходатайством о низложении короля (речь о ней будет ниже)⁵, и в этот же самый день группа граждан этой же секции печатает против этой петиции протест⁶. 8 августа секция Сицилийского короля решительно протестует против постановления секции Кенз-Вен с призывом к восстанию⁷, а в ночь с 9 на 10 августа ее делегаты одними из первых оказываются в составе революционной Коммуны 10 августа!⁸

Объяснение этих непонятных на первый взгляд колебаний дается в уже упомянутой брошюре «Замечания по поводу предложения о низложении короля», протестующей против принятия петиции Варле. Оно за-

ключается в том, что все эти дни секция Сицилийского короля, как и многие другие секции Парижа, была ареной боев между «активными» и «пассивными» гражданами и кажущиеся колебания этой секции об'ясняются не чем иным, как соотношением сил голосующих в каждый данный момент¹. При этом нужно иметь в виду, что дело иногда решалось не только голосованием, но и куда более вескими аргументами, и чрезвычайно характерно, что вечером 9 августа консервативные граждане секции Сицилийского короля были вынуждены покинуть ее общее собрание², чем и об'ясняется дальнейшее революционное поведение секции.

Таким образом, есть все основания предполагать, что демократические элементы секции Сицилийского короля развили в эти дни чрезвычайно большую активность³, а руководящая роль, сыгранная в этом деле Варле, доказывается фактом составления им уже упомянутой петиции.

Петиция Варле, озаглавленная «Пожелания свободных французов»⁴ и в качестве эпиграфа носящая слова «спасение государства является высшим законом»⁵, начинается с описания переживаемого Францией в данный момент исключительно тяжелого положения.

«Отечество в опасности. Эти страшные слова означают, что нас предали. Деспотизм лишь изменил свою форму, свобода все еще остается пустым звуком, законы бессильны и молчат; принципы, вытекающие из декларации прав, забыты и унижены... Равновесие властей нарушено: путаница, беспорядок, безнаказанность преступлений, эгоизм, беззаботность, забвение добродетелей грозят нам скорым распадом общественного организма. При этом положении вещей нашим единственным спасением является сопротивление угнетению»⁶.

Силы для такого сопротивления—налицо.

«Всемогущая нация не нуждается в слишком больших усилиях, чтобы достигнуть свободы. Составляющие ее индивиды являются людьми 14 июля. Как и в то время, сердца их закалены несправедливостью и если они разрушили позорные памятники деспотизма, то это не для того, чтобы видеть сооружение новой Бастилии. Эта Бастилия—Тюльерийский двор, и она будет разрушена»⁷.

Но наметив таким образом силы, могущие оказать сопротивление угнетению и спасти этим путем отечество, петиция Варле подчеркивает, что инициатива всех действий должна принадлежать Законодательному Собранию.

«Мы хотим действовать с вами и посредством вас, но для этого вы должны выполнить ваши обязанности... Народу надоело ждать, он знает виновных, он негодует и он говорит вам сегодня моими устами, что он отказался

¹ Ibidem, p. p. 160—161.

² Mortimer-Ternaux, op. cit., t. II, p. 431.

³ Braesh в своей уже упомянутой книге (р. 26) утверждает, что беднота секции Сицилийского короля совершенно не интересовалась политикой. Приведенные выше факты разрушают это утверждение.

⁴ «Voeux formés par des français libres, ou pétition manifeste d'une partie du Souverain à ses délégués pour être signée sur l'autel de la patrie et présentée le jour où le peuple se lèvera en masse pour résister à l'oppression avec les seules armes de la raison». Bibl. Nat., Lb⁹⁹ 10728. Текст этой петиции перепечатан в «Archives Parlementaires», t. XLVII, pp. 524—527.

⁵ «Voeux formés par des français libres», p. 1. Bibl. Nat. Lb⁹⁹ 10728.

⁶ Ibidem, p. 1.

⁷ Ibidem, p. 2.

¹ F. Braesh, «La Commune du 10 août 1792», pp. 25—26.

² Основным источником для выяснения этих событий является «Histoire de la Terreur» Mortimer-Ternaux, который имел перед глазами протоколы парижских секций, погибшие затем при пожаре 1871 г.

³ Текст этого постановления см. Buchez et Roux, Histoire parlementaire de la Révolution Française, t. XVI, pp. 247—248.

⁴ Mortimer-Ternaux, op. cit., t. II, p. 430.

⁵ Braesh, op. cit., p. 168.

⁶ Ibidem, p. p. 160—161.

⁷ Mortimer-Ternaux, op. cit., t. II, p. 431.

⁸ Ibidem, p. 451; Braesh, op. cit., p. 225.

от непосредственной мести лишь для того, чтобы то, что в крайнем случае он может сделать и сам, было осуществлено вами в порядке легальности»¹.

Дальнейшая часть петиции посвящена доказательству того, что Законодательное Собрание имеет полное право аннулировать конституцию 1791 года и низложить короля. «Мы не являемся врагами законов,—говорит Варле,—а хотим лишь, чтобы они могли выдержать сравнение с декларацией прав»². Между тем, все законы, изданные Учредительным Собранием после 21 июня 1791 года и ревизующие конституцию в реакционном духе, находятся с этой декларацией в решительном противоречии»³. «Мы не удивляемся, если наши враги с таким пылом восхваляют конституцию, всю конституцию—они знают, какую пользу они могут извлечь из нее и очень хорошо понимают, что она содержит в себе принципы, разрушительные для свободы»⁴. Но «конституция является добровольным соглашением, которое народ заключил с главой исполнительной власти»⁵. Поскольку король это соглашение нарушил, ясно, что и народ имеет право его аннулировать⁶; в силу этого петиционеры и требуют отмены всех законов, изданных Учредительным Собранием после 21 июня 1791 года⁷. На ряду с этим, петиция Варле выставляет ряд дальнейших требований, важнейшими из которых являются: низложение Людовика XVI⁸, созыв Национального Конвента, избранного на основе всеобщего избирательного права⁹, которое одно только не находится в противоречии с постановлениями декларации прав¹⁰; передача исполнительной власти в руки уволенных Людовиком XVI министров-патриотов¹¹; снятие дворян со всех высших командных должностей¹²; предание суду Лафайета¹³ и т. д.

Сопоставляя петицию Варле с его предшествующим произведением—«Планом новой организации центрального клуба Друзей Конституции», приходится прежде всего констатировать, что петиция эта представляет явный и несомненный шаг назад. В самом деле—в то время, как в своей предшествующей брошюре Варле, как мы видели выше, успел уже уйти довольно далеко влево от якобинцев и даже осознал себя, как выразителя классовых интересов тех, кого он называет «неимущими»,—вряд ли требует особых доказательств то положение, что «Пожелания свободных французов» сначала и до конца выдержаны в строго монпаньярских тонах. И если среди перечисленных нами выше требований петиции Варле фигурируют также и специфические пожелания «бешеных»—требования запрещения торговли деньгами и ассигнатами¹⁴ и установления наказаний за

¹ «Voeux formés par des français libres», pp. 2—3.

² Ibidem, p. 3.

³ Ibidem, pp. 3—4.

⁴ Ibidem, p. 4.

⁵ Ibidem, p. 4.

⁶ Ibidem, p. 4.

⁷ Ibidem, p. 6.

⁸ Ibidem, p. 6.

⁹ Хотя самое выражение «всеобщее избирательное право» в петиции Варле не встречается, но предлагаемые им условия права избирать и быть избранным почти адекватны всеобщему избирательному праву. «Voeux formés par des français libres», p. 6.

¹⁰ Ibidem, p. 6.

¹¹ Ibidem, p. 7.

¹² Ibidem, p. 6.

¹³ Ibidem, pp. 6—7.

¹⁴ Ibidem, p. 7.

все виды барышничества¹, то требования эти находятся в самом конце петиции и как бы сознательно припрятаны среди остальных пунктов чисто политического характера, подписаться под которыми мог бы любой монпаньяр.

Чем об'яснить такой непонятный на первый взгляд поворот Варле направо? Нам думается, что причина совершенно ясна: в то время как «План новой организации центрального клуба Друзей Конституции» представлял единоличное выступление Варле, «Пожелания свободных французов», как показывает приписка к брошюре², были рассчитаны на принятие их не только секцией Сицилийского короля, но и всеми остальными 47 секциями Парижа. В силу этого автору петиции волей-неволей приходилось считаться с общим настроением широких масс не только рабочей и ремесленной бедноты, но также и мелкой и даже средней буржуазии и приспособляться под общий тон этих настроений. Поэтому не приходится удивляться, что петиция Варле была довольно благоприятно встречена в якобинском клубе³ и, выставленная в течение трех дней на алтаре отечества на Марсовом поле, она собрала громадное количество подписей, занимавших 55 страниц⁴.

Что касается до Законодательного Собрания, где петиция была оглашена 6 августа явившейся туда специальной делегацией во главе с ее автором⁵, то зная настроение Легислативы этих дней, вряд ли есть основания удивляться, что петиция Варле была встречена там более, чем холодно⁶. Особенно характерно, что присутствовать на продолжении заседания (что, как известно, являлось тогда обычным требованием вежливости в отношении всех петиционеров) петиционеры были приглашены лишь после довольно острых и продолжительных прений⁷.

II

Зная взгляды Варле в том виде, в каком они сложились ко второй половине 1792 года, не приходится, конечно, удивляться, что революция 10 августа 1792 года удовлетворила его столь же мало, как и Жака Ру. 12 августа Варле требует у Законодательного Собрания немедленного перевода Людовика XVI в Тамплль⁸. Избранный затем своей секцией в число выборщиков, избравших депутатов в Национальный Конвент (так называемое «электоральное собрание»), он около этого же времени⁹ со-

¹ «Voeux formés par des français libres», p. 8.

² Ibidem, p. 8.

³ Заседание 5 августа «La Société des Jacobins», t. IV, pp. 182—183.

⁴ «Archives Parlementaires», t. XLVII, pp. 524—527. В заседании Законодательного Собрания 8 августа было оглашено письмо некоего Jacques Bruneau, который утверждал, что при собирании подписей под петицией Варле были допущены различные злоупотребления. Письмо это было передано на рассмотрение Комиссии Двенадцати. («Archives parlementaires», t. XLVII, pp. 553—554. Ср. также Tueteu, op. cit., t. IV, № 1987).

⁵ «Archives Parlementaires», t. XLVII, pp. 524—527.

⁶ Ibidem, p. 527.

⁷ Ibidem, p. 527.

⁸ Tueteu, op. cit., t. V, № 17.

⁹ На одном из экземпляров текста этого проекта имеется надпись: «роздан 29 сентября 1792 г.». В r a e s h, op. cit., p. 586.

ставляет «Проект специального и императивного мандата представителям народа в Национальном Конвенте»¹.

«Проект специального и императивного мандата» Варле представляет для историка огромный интерес. Интерес этот заключается в том, что в этом произведении изучаемого нами в данный момент вождя «бешеных», идея «чистой» или, иначе говоря, буржуазной демократии достигает того предела, за которым начинается ее перерастание в демократию пролетарскую².

Основная идея «Проекта» Варле—это провозглашение неограниченности и неотчуждаемости суверенитета народа и ограниченности и условности прав его представителей.

«Представители народа, с того самого момента, как величайшие события заставили наших депутатов созвать нас на первичные собрания, народный суверенитет возвратился к своему источнику и мы снова пользуемся полной неограниченностью наших прав. Если мы до сих пор подчинялись тем законам, переделав которые вы призваны, то это только потому, что эти законы, хотя и далеко несовершенные, все же могли устранить ту анархию, которая была бы вызвана их полным отсутствием. Таким образом, наше послушание является только условным... Все, что затрагивает организацию, порядок, гармонию и переустройство социального здания, входит в нашу компетенцию... Будучи нашими депутатами, вы не будете больше нашими представителями³; вы будете лишь нашими уполномоченными и будете иметь заранее начертанную нами линию вашего поведения... В государстве, где народ является всем, первым этапом его суверенитета является выборность депутатов, а вторым—определение их полномочий и выдача им мандата»⁴.

Варле не скрывает, что предлагаемая им система является результатом тяжелого опыта деятельности двух предшествующих legislatures.

«Представители народа, после тех конституционных и законодательных несправедливостей, свидетелями которых мы явились, неужели же вы думаете, что ваши сограждане, стремящиеся сохранить свою независимость, могут не быть подозрительными? Нет, они заявляют вам с полной откровенностью, что отныне все облеченные властью люди будут возбуждать их самое пристальное наблюдение. Опыт показывает, что если не столько надзор, сколько сила народа не поддерживает его избранных и не направляет их на правильный путь, они легко забывают тех, кого они представляют».

«Ни одного депутата без полномочий и без мандата—только этот принцип защитит нас от тирании законодателей. Этот принцип столь драгоценен, что он должен найти себе место в декларации прав человека и гражданина»⁵.

Революция 10 августа, свергнув короля, по мнению Варле, еще далеко не уничтожила всех возможных источников тирании. «Королев-

¹ «Projet d'un mandat spécial et impératif aux mandataires du peuple à la Convention Nationale» par Jean Varlet. Печенечано в «Archives Parlementaires», t. LIV, pp. 719—722.

² Ср. нашу статью «Идеология бешенных». «Под Знаменем Марксизма», 1929, № 5.

³ В этом месте Варле делает следующее примечание: «Почти всегда тот, кто представляет, воображает себе, что он настоящий суверен. Между тем нашим принципом является, что наш неотчуждаемый суверенитет не может быть делегируемым, ни представляемым».

⁴ «Archives Parlementaires», t. LIV, p. 719.

⁵ Ibidem, p. 719.

ские дворцы не являются единственным кровом деспотов... Как бы мы ни уважали наших избранных, мы не можем все же отделаться в их отношении от некоторой подозрительности»¹.

Из этих общих принципов «Проекта специального и императивного мандата» вытекает большинство предлагаемых Варле мероприятий конкретного практического характера. Важнейшими из них являются:²

- 1) Суд над Людовиком XVI и изгнание его семьи.
- 2) Пересмотр декларации прав.
- 3) Введение обязательного обучения.
- 4) Установление подлинно республиканской конституции, т. е. такой, «в которой нет не только короля и королевской власти, но и диктаторов, сенаторов, триумвиров, децемвиров, трибунов или других людей, под какими бы то ни было наименованиями скрывающимися те же самые полномочия». Необходимо, в частности, сохранить однопалатную систему и двухгодичный срок полномочий депутатов. Наконец, нужно установить императивный мандат для депутатов и право их отзыва избирателями.
- 5) Запрещение совместительства должностей.
- 6) Создание убежищ для нуждающихся.
- 7) Введение всеобщей воинской повинности.
- 8) Отделение церкви от государства.
- 9) Запрещение торговли звонкой монетой и ассигнатами.
- 10) Установление смертной казни для спекулянтов и конфискация их имущества.

На ряду с этими основными, в «Проекте» Варле перечисляется еще длинный ряд более мелких мероприятий, конечной целью коих является осуществление действительной и полной демократии или того, что Варле называет «подлинной Республикой»³.

Уже некоторые из этих требований и, прежде всего, конечно, отделение церкви от государства, установление императивного мандата для депутатов и право их отзыва избирателями показывают, что «чистая» демократия в программе Варле действительно доводится до того предела, за которым начинается ее перерастание в демократию пролетарскую. В таком же духе выдержана и социальная часть программы Варле.

«Вы укрепите общественный договор посредством благотворных установлений. Обязательными признаками таковых являются: уничтожение нищеты, постепенное изживание слишком большого неравенства богатств⁴, улучшение нравов, распространение просвещения и т. д. ... Формулируя пункты общественного договора, вы должны стремиться создать организацию (une communauté), всякий член которой должен получить лишь в меру того, что он ей дает» (Курсив наш. Я. З.)⁵.

Если это место «Проекта специального и императивного мандата» не является еще социализмом в подлинном смысле слова (ибо Варле не пред-

¹ «Archives Parlementaires», p. 720.

² Ibidem, pp. 720—721—722.

³ Ibidem, p. 720—722.

⁴ В этом месте Варле делает следующее примечание: «Говоря это, мы не имеем в виду ни отмены крупных состояний, нажитых посредством тонких расчетов или смелых предприятий, ни ограничения наших торговых сношений с иностранной. Мы не хотим только, чтобы частные состояния, посредством спекуляции, монополий и барышничества, создавались за счет народных бедствий».

⁵ «Projet d'un mandat spécial et impératif». «Archives parlementaires», t. LIV, p. 720.

лагает отмены частной собственности), то оно во всяком случае означает такое углубление эгалитаризма, при котором это понятие уже непосредственно граничит с социализмом. Поэтому мы вполне вправе сказать, что уже в сентябре 1792 года социальное перерождение Варле может считаться законченным и уже к этому времени он предстает перед нами как вполне сложившийся «бешеный», т. е. подлинный и верный идеолог рабочей и ремесленной бедноты Парижа и других крупных городских центров. Но вместе с тем совершенно очевидно, что в этот момент идеология Варле не могла быть понята достаточно широкими кругами революционной демократии Парижа и поэтому неудивительно, что из всех парижских секций только одна одобрила «Проект специального и императивного мандата», да и то лишь для того, чтобы его на следующий же день отвергнуть¹.

Взгляды, изложенные Варле в его «Проекте специального и императивного мандата», предопределяли его столкновение не только с жирондистами², с которыми он в это время вступает в яростную борьбу, но и с монтаньярами и в заседании якобинского клуба 7 ноября Варле жалуется, что ему не дают там говорить³. Неудивительно, что в ответ на это, а также и для того, чтобы теснее связаться с теми массами, интересы которых он выражал, Варле ищет себе более широкую аудиторию и с этой целью воздвигает для себя специальную трибуну в Тюльерийском саду⁴. С этой трибуны он произносит ряд речей против жирондистов⁵ (одну из этих речей он повторил в заседании якобинского клуба 7 ноября⁶, борется против проекта департаментской стражи⁷, и требует смертной казни для Людовика XVI⁸ (эта речь была повторена в заседании якобинцев 26 ноября)⁹. Простудившись во время одного из своих выступлений в Тюльерийском саду, Варле на некоторое время выходит из строя¹⁰, но в первых же числах января 1793 г. мы снова видим его в якобинском клубе, где он 6 января исполняет патриотический гимн¹¹. После этого мы на некоторое время теряем Варле из виду и встречаем его лишь 9—10 марта во время происшедшей в эти дни неудачной попытки устройства антижирондистского восстания. При этом он расходится с Жаком Ру, считавшим в эти дни

¹ Ibidem, p. 722.

² 26 октября Варле был избит группой жирондистов, разгневанных его похвалами по адресу Марата. («Chronique de Paris du 28 et 29 octobre 1792»). Цит. по Braesh, op. cit., p. 1040).

³ «La Société des Jacobins», t. IV, p. 467. Мы видели выше, что летом 1792 года Варле вышел из якобинского клуба. Очевидно он возвратился туда после революции 10 августа.

⁴ «La Société des Jacobins», t. IV, pp. 467—468.

⁵ Рукописи этих речей, найденные у Варле при обыске в сентябре 1793 года, до нас не дошли. Вот их перечень: 1) речь, в которой Варле выступает обвинителем партии Национального Конвента, руководимой Бриссо и Роланом; 2) речь, содержащая обвинение Ролана, 3) обвинительный акт, представляемый французским народом фракции, известной под названием бриссотинцев, роландистов и жирондистов». Возможно, что часть этих речей относится к несколько более позднему времени («19 septembre 1793. Copies des procès-verbaux d'apposition et de levée des scellés chez le C. Varlet»). Arch. Nat., F⁷ 4775⁴⁰).

⁶ «La Société des Jacobins», t. IV, pp. 467—468.

⁷ «19 septembre 1793. Copies des procès-verbaux». Arch. Nat. F⁷ 4775⁴⁰.

⁸ Ibidem. «Réfutation des opinions moderées à la Convention Nationale sur le jugement de Louis 16». Текст этой речи не сохранился.

⁹ «La Société des Jacobins», t. IV, p. 525.

¹⁰ Ibidem, pp. 648—649.

¹¹ Ibidem, pp. 648—650.

антижирондистское восстание преждевременным¹, и в противоположность ему не только принимает деятельное участие в попытке 9—10 марта, но и является одним из ее главнейших организаторов².

В то самое время, как образовавшееся еще в декабре 1792 г. «общество защитников республики»³ выпускает манифест к парижским секциям с призывом к восстанию⁴, Варле вечером 9 марта отправляется в кордельерский клуб⁵, и проводит там постановление, предлагающее избирательному собранию парижского департамента отозвать из Конвента настоящих народных доверия депутатов⁶. Но попытка Варле была преждевременной—из всех секций Парижа только четыре (секции Моконсейль, Ломбар, Французского Театра и Четырех Наций)⁷ одобрили это предложение, причем большинство их затем изменили свое постановление⁸. Столь же неудачной была и сделанная Варле 10 марта попытка привлечь на сторону восстания Парижскую Коммуну⁹. Таким образом, из затеянного «бешеными» (впрочем не всеми—Жак Ру, как мы видели выше, был против попытки Варле) восстания ничего не вышло и все дело, как известно, ограничилось разгромом двух жирондистских газет. Это, однако, не помешало Варле выступить 12 марта в якобинском клубе с повторением своей речи у кордельеров и утверждением, что «восстание, являющееся самой священной из обязанностей, должно послужить продолжением дня 10 августа»¹⁰; само собой разумеется, что эта речь была выслушана более, чем холодно¹¹. Когда же против Варле выступили не только монтаньяры, но и сам Жак Ру¹², ему не осталось ничего другого, как забить отбой, что и было им сделано в заседании электорального собрания 18-го марта¹³.

¹ См. нашу статью «Жак Ру до падения Жиронды». «Под знаменем марксизма», 1928 г. № 12.

² Было бы конечно чрезвычайно интересно выяснить корни такого расхождения тактики Варле с тактикой Жака Ру, но полное отсутствие источников по данному вопросу делает все возможные объяснения этого факта гипотетическими. Именно таковым представляется нам, например, излюбленное многими историками объяснение отличия тактики обоих лидеров «бешеных» разницей их возраста. (См. напр. Mathiez, op. cit., p. 123).

³ Ibidem, pp. 169—170.

⁴ Текст этого манифеста дан у Mortimer-Ternaux, «Histoire de la terreur», t. VI, pp. 184—185.

⁵ Речь Варле в заседании якобинского клуба 12-го марта. «La Société des Jacobins», t. V, p. 85.

⁶ Текст этого постановления приводится в речи Vergniaud в заседании Национального Конвента 13 марта. «Archives parlementaires», t. LX, p. 164. Отмечаем, что это предложение вполне совпадает с уже известной нам теорией Варле о праве народа отзывать потерявших его доверие депутатов.

⁷ Mortimer-Ternaux, op. cit., t. VI, p. 194.

⁸ Ibidem, p. 194; Buchez et Roux, op. cit., t. XXV, p. 31; E. Meilié, Les sections de Paris pendant la Révolution Française, p. p. 128—129.

⁹ Речь Варле в Якобинском клубе 12 марта. «La Société des Jacobins», t. V, p. 85; Buchez et Roux, op. cit., t. XXV, p. 36; Michelet, «Histoire de la Révolution Française», t. VI, p. 79. Таюже речь Garat в заседании Конвента 19 марта. «Archives parlementaires», t. LX, pp. 328—331.

¹⁰ «La Société des Jacobins», t. V, pp. 85—86.

¹¹ Ibidem, p. p. 85—87.

¹² См. нашу статью «Жак Ру до падения Жиронды».

¹³ При обыске у Варле в сентябре 1793 г. было найдено, между прочим, постановление электорального собрания от 18 марта, в котором говорится, что собрание, заслушав объяснения Варле, «усматривает в его поведении лишь излишнее усердие». Arch. Nat., F⁷ 4775⁴⁰.

Но отступление Варле продолжалось недолго. В то время, как Жак Ру и в начале апреля продолжает свою тактику осторожного выжидания полевения монтаньяров, Варле при первом же удобном случае снова бросается в бой. Уже 27 марта, по его инициативе¹, секция Прав Человека (т. е. бывшая секция Сицилийского короля) принимает постановление об образовании в помещении Епископства собрания представителей парижских секций «для сношения со всеми департаментами Республики на предмет спасения народа»². Избранные согласно этому приглашению 28 марта представители 27 секций³ собираются в здании Епископства и обращаются 1 апреля к Коммуне с просьбой о предоставлении средств⁴, на что Коммуна отвечает согласием⁵. Однако, далеко не все организации демократического Парижа отнеслись к собранию в Епископстве столь доброжелательно. Не говоря уже о том, что против него протестовали жирондистские секции Майль⁶ и Бютт де Мулен⁷, даже секция Гравилье, т. е. секция Жака Ру, уже 2 апреля отзывает своих представителей из собрания в Епископстве⁸. Особенно резко протестовало против этого собрания парижское электоральное собрание⁹, причем в принятом им 2 апреля постановлении доставалось, между прочим, и Варле¹⁰. Наконец, против него высказались якобинский клуб¹¹ и сам Национальный Конвент¹².

Перед лицом такого единодушия, Коммуне пришлось уступить. 2 апреля она постановляет приостановить приведение в исполнение своего решения предыдущего дня¹³, а 3 апреля сообщает Конвенту, что собрание в Епископстве потеряло ее доверие¹⁴. Вслед за этим отступила и секция Прав человека—2 апреля она заявляет, что ее постановление было неправильно истолковано¹⁵.

Но и эта вторичная неудача не заставила Варле отказаться от продолжения своей революционной деятельности. Около этого же времени¹⁶

¹ Постановление электорального собрания от 2 апреля. Цит. у Jaurès, «Histoire socialiste de la Révolution Française», ed. Mathiez, t. VII, p. 299.

² «Chronique de Paris», 1 avril 1793. Цит. Jaurès op. cit. t. VII, p. 295.

³ Mellié, op. cit. p. 130.

⁴ Buchez et Roux, op. cit. t. XXV, p. 236.

⁵ Ibidem, p. 236.

⁶ Заседание Национального Конвента 2 апреля, «Archives parlementaires», t. LXI, p. p. 92—93.

⁷ Заседание Национального Конвента 3 апреля, «Archives parlementaires», t. LXI, p. 131.

⁸ Об этом было сообщено в заседании якобинского клуба 2 апреля. «La Société des Jacobins», t. V, p. 123.

⁹ Buchez et Roux, op. cit. t. XXV, p. 246.

¹⁰ Текст постановления электорального собрания см. Jaurès, op. cit., t. VII, p. 295.

¹¹ Любопытно, что инициатором был Марат. «La Société des Jacobins», t. V, p. p. 118 (заседание 1 апреля) и 123 (заседание 3 апреля).

¹² В принятом на заседании 2 апреля постановлении говорилось, что подобно тому, как Конвент боролся с тиранией короля, он будет бороться и с «новой тиранией, угрожающей уничтожить народное представительство». «Archives parlementaires», t. LXI, p. 97.

¹³ Buchez et Roux, op. cit., t. XXV, p. 246.

¹⁴ «Archives parlementaires», t. LXI, p. 116.

¹⁵ Buchez et Roux, op. cit., t. XXV, pp. 247—248.

¹⁶ В вопросе о датировании «Декларации» Варле в литературе существует большая путаница. Матьез относит ее к концу 1792 г. (Mathiez, op. cit. p. 123), а Олар (Aulard, «Histoire politique de la Révolution Française», p. 450), и Жорес (Jaurès, op. cit., t. VII, p. 36) к январю или февралю 1793 г. Между тем, в «Декларации» Варле (р. 6) имеется указание на измену Дюмурье, из чего видно, что она не могла быть написана ранее начала апреля.

он издает свою «Торжественную декларацию прав человека в общественном состоянии»¹, в предисловии к которой посвящает эту работу санкюлотам (à la Sansculotterie)².

По сравнению с его «Проектом специального и императивного мандата», эта работа Варле ничего нового не дает. В предисловии к декларации Варле развивает уже известные нам взгляды на сущность представительного строя³ и предсказывает падение жирондистов⁴. Что касается самой декларации, целиком выдержанной в уже известном нам духе крайней и последовательной демократии, то чрезвычайно характерно, что, признавая неприкосновенность права собственности⁵, Варле одновременно подчеркивает, что его «первым и наиболее священным видом является право каждого человека на элементарные средства существования»⁶. Из этого, по мнению Варле, следует, что право собственности ограничивается обязанностью не вредить обществу⁷, в силу чего должны быть конфискованы все имущества, «нажитые за счет общественного блага посредством воровства, спекуляции, монополии и барышничества»⁸. Кроме того, должны быть ограничены размеры земельной собственности, составляющей основную предпосылку угнетения бедных богатыми⁹.

К «Декларации» Варле было приложено послесловие, в котором он, обращаясь к санкюлотам, говорит, что намеревается отправиться добровольцем в Вандею¹⁰. Это же самое было заявлено им в заседании якобинского клуба 12 мая¹¹, в котором он просил восстановить его в правах члена клуба¹². После того, что мы знаем о его предшествующей деятельности, вряд ли нужно удивляться, что просьба эта была передана в комиссию по чистке клуба, т. е. иными словами положена под сукно¹³, причем Варле не было даже дано возможности высказаться¹⁴. Совершенно иначе зато был принят Варле в электоральном собрании, где прочитанная им 13 мая «Декларация» удостоилась полного одобрения¹⁵.

Предположению Варле об отъезде добровольцем на вандейский фронт не было, однако, суждено осуществиться по причинам, выяснить которые нам не удалось. Варле не только остается в Париже, но и развивает там самую кипучую деятельность и принимает живейшее участие в руководстве тем массовым движением парижской демократии, результатом коего явилась революция 31 мая—2 июня. Для этого он прежде всего продолжает

¹ «Déclaration solennelle des Droits de l'Homme dans l'état social». L'an premier de la vérité, 1793, 2-e de la République Française. Брошюра подписана «par le citoyen Varlet, natif de Paris, Apôtre de la Liberté, Jacobin, en 1792 Electeur Sans-culotte de la Section des Droits de l'Homme». Bibl. Nat., Lb⁴2979.

² Ibidem, p. 2.

³ Ibidem, pp. 3—6.

⁴ Ibidem, p. 6—8.

⁵ Ibidem, p. 19, art. 19.

⁶ Ibidem, p. 18, art. 18.

⁷ Ibidem, p. 19, art. 19.

⁸ Ibidem, p. 19, art. 20.

⁹ Ibidem, p. 18, art. 17.

¹⁰ Ibidem, p. 23.

¹¹ «La Société des Jacobins», t. V, p. 188.

¹² Ibidem, p. 188.

¹³ Ibidem, p. 188.

¹⁴ Ibidem, p. 188.

¹⁵ Протокол этого заседания был найден у Варле при обыске в сентябре 1793 г. и его краткое резюме дается в протоколе о производстве этого обыска. Arch. Nat., F⁷4775⁴⁰.

свои выступления с уличной трибуны, поставленной им на площади перед зданием Конвента¹. С этой трибуны Варле призывает народ к завершению неудавшегося 9—10 марта восстания, целью которого является казнь жирондистов, запрещение торговли звонкой монетой и установление смертной казни за спекуляцию и барышничество². Наряду с этим, Варле принимает живейшее участие в борьбе за завоевание жирондистских секций и с этой целью он с группой товарищей является в заседание секции Французского Пантеона, но терпит там неудачу³. Неудивительно, что это приводит его к ожесточенным схваткам с жирондистами, во время одной из которых он даже получает удар по лицу⁴. Но это, само собой разумеется, лишь усиливает его пыл и в своем выступлении 22 мая перед кордельерами Варле выдвигает самые решительные требования⁵, повторенные, повидимому, и в его речи с уличной трибуны 24 мая⁶. А вечером того же дня Варле вместе с Эбером и рядом других лиц был арестован по приказанию жирондистской Комиссии Двенадцати⁷ и заключен в тюрьму Аббатства⁸, где этих крайних революционеров поместили в одной камере с двумя контр-революционными генералами⁹.

Как известно, эти аресты вызвали возмущение не только кордельерского клуба, об'явившего, что он рассматривает арест Эбера и Варле, как вызов, брошенный всем патриотам¹⁰, но и большинства секций Парижа¹¹. В заседании Коммуны 26 мая секция Санкюлотов заявила, что она намерена потребовать у Конвента освобождения Эбера¹²; еще любопытнее было сделанное в том же заседании заявление секции Соединения, что «она берет Эбера и Варле под свою защиту, так как рабочие этой секции одержали сегодня победу над аристократами» (Курсив наш.—Я. З.)¹³. Вряд ли можно требовать от какого-либо документа более точной классовой формулировки, нежели это определение классовой сущности движения «бешеных»!

В этот же день 26 мая освобождение арестованных было потребовано у Конвента сначала секцией Монмартрского Предместья¹⁴, а затем об'единенной делегацией 16 других секций¹⁵. Но жирондисты стояли

¹ Сообщение полицейского агента Дютара мин. внутр. дел Гара от 5 мая. Schmidt, «Tableaux de la Révolution Française», t. I, p. 184; Tuety, op. cit., t. VIII, № 2509.

² Сообщение в полицейское бюро надзора. Tuety, op. cit., t. IX, № 472.

³ «Le Patriote Français», № МСССLXXV, 19 mai. Цит. у Buchez et Roux, op. cit., t. XXVII, p. 158.

⁴ Сообщение Дютара от 18 мая. Schmidt, op. cit., t. I, p. 243.

⁵ Ibidem, p. 251.

⁶ Сообщение Дютара от 25 мая. Schmidt, op. cit., t. I, p. 300.

⁷ Buchez et Roux, op. cit., t. XXVII, p. 204; Arch. Nat. F⁷4775⁴⁰; Tuety, op. cit., t. VIII, № 2527.

⁸ Ibidem, № 2540.

⁹ Buchez et Roux, op. cit., t. XXVII, p. 235; Schmidt, op. cit. t. I, p. 313.

¹⁰ Текст этого постановления был найден у Варле при обыске в сентябре 1793 года и резюмирован в протоколе обыска. «19 septembre 1793. Copies des procès-verbaux d'opposition et de levée des scellés chez le C. Varlet». Arch. Nat., F⁷4775⁴⁰.

¹¹ Тексты постановлений парижских секций с протестом против ареста Эбера и Варле напечатаны в «Archives Parlementaires», t. LXV, pp. 477—481. Ср. также Tuety, op. cit., t. VIII, №№ 2548, 2549, 2553, 2557, 2558, 2561, 2564, 2572, 2575, 2566.

¹² Buchez et Roux, op. cit., t. XXVII, p. 235.

¹³ Ibidem, p. 235.

¹⁴ «Archives parlementaires», t. LXV, pp. 351—352.

¹⁵ Ibidem, p. 355.

на своих позициях твердо и не уступали. Лишь в вечернем заседании 27 мая, когда значительная часть жирондистов покинула заседание и зала оказалась наполовину заполненной нахлынувшей толпой, Национальный Конвент наконец уступил. Принятое им постановление предписывало упразднение Комиссии Двенадцати и освобождение арестованных ею граждан¹.

Освобожденный в ночь с 27 на 28 мая², Варле уже днем того же дня является в заседание Коммуны, где Эбер представляет его, как своего товарища по несчастью³. Произнесенная им речь была покрыта аплодисментами⁴. А 29 мая Варле добивается избрания секцией Прав человека комиссаров с неограниченными полномочиями для сношения с другими секциями на предмет общественного спасения и первым избранным в число этих комиссаров оказывается он сам⁵.

Попав таким образом в состав заседавшего в здании Епископства революционного комитета, подготовившего революцию 31 мая—2 июня, Варле избирается членом Комиссии Девяти⁶ и заместителем председателя революционного комитета (председателем его был Добсан) и именно им были подписаны распоряжения о роспуске и временном восстановлении в должности директории парижского департамента⁷ и Генерального Совета Коммуны,⁸ а также приказ ударить в набат⁹. Кроме того, протокол секции Мольера и Лафонтена¹⁰ позволяет утверждать, что упоминаемый в протоколе заседания Коммуны 31 мая «молодой человек», предложивший «самые решительные меры»¹¹ был не кто иной, как Варле. Однако, как и следовало ожидать, зная настроение Коммуны в эти дни, предложения Варле успеха не имели и, по призыву Добсана, ему пришлось покинуть трибуну¹².

При таких условиях неудивительно, что неудовольствованный половинчатыми результатами движения 31 мая, Варле уже на следующий день выступает в Коммуне с речью, в которой обвиняет Добсана в том, что тот мешал работе революционного комитета¹³. Кроме того, Варле считал ошибочным ставить во главе движения мэра, т. е. должностное лицо, и полагал, что было бы целесообразнее арестовать его на 24 часа¹⁴. Вряд ли нужно добавлять, что и это выступление Варле было встречено Коммуной враждебно, причем первым, высказавшимся против него, был не кто иной, как Эбер¹⁵.

¹ Ibidem, p. 391.

² Матьез утверждает, что Варле был освобожден уже в самый день своего ареста (Mathiez, op. cit. p. 206). Как видно из сказанного в тексте, это утверждение ошибочно.

³ Сообщение Дютара от 29 мая. Schmidt, op. cit. t. I, p. 330.

⁴ Ibidem, p. 331.

⁵ Michélet, Histoire de la Révolution Française, t. VII, pp. 123—124.

⁶ «L'apôtre de la liberté, prisonnier, à ses concitoyens libres» p. 9. Bibl. Nat. Ln²⁷ 20065.

⁷ Тексты этих распоряжений см. Mortimer-Ternaux, op. cit., t. VII, pp. 319—320.

⁸ Tuety, op. cit., t. VIII, № 2673.

⁹ Обращение Варле из тюрьмы. Plessis 20 вантоза III года. Arch. Nat. F⁷4775⁴⁰.

¹⁰ Tuety, op. cit. t. VIII, № 2820.

¹¹ Buchez et Roux, op. cit., t. XXVII, p. 319.

¹² Ibidem, p. 319.

¹³ Ibidem, p. 355.

¹⁴ Ibidem, p. 355.

¹⁵ Ibidem, p. 355. Существование 1—2 июня серьезных разногласий между Варле и эбертистским руководством Парижской Коммуны подтверждается еще и тем, что, по свидетельству некоего Ланглуа, парижский мэра Паш 1 июня утверждал, что неудача восстания предыдущего дня об'ясняется тем, что во главе его стоял Варле. См. показание Langlois, перепечатанное в книге A. See, «Le proces Pache», pp. 176—177.

III

Как известно, революция 2 июня столь же мало удовлетворила Жака Ру и других «бешеных», как и «моральное восстание» 31 мая, и в этом отношении Варле вполне сходилась со своими единомышленниками. Уже 15 июня он, опять-таки в согласии с другими «бешеными», требует от Коммуны обращения в Конвент с петицией о снятии всех бывших дворян со всех военных и гражданских должностей¹. Если это означало требование *политических* выводов из революции 2 июня, то в этот же самый день явно инспирированная Варле секция Прав человека требует и выводов *экономических*—таксирования всех продуктов, строгого наказания всех нарушителей максимума и преследования барышников².

При таком настроении Варле в эпоху, непосредственно следовавшую за революцией 2 июня, не может вызвать удивления, что в комиссию, избранную 22 июня кордельерским клубом для рассмотрения проекта адреса к Национальному Конвенту, составленного Жаком Ру³, наряду с этим последним и Леклером, был избран и Варле⁴. Больше того— вместе с Леклером, Варле призывает народ в виде массового шествия отправиться к Конвенту и тем самым поддержать петицию Ру⁵.

Совершенно естественно, что удар, нанесенный «бешеным» со стороны монтаньяров в ответ на петицию 25 июня, затронул также и Варле и если он, подобно Жаку Ру и Леклеру, не был исключен 30 июня из кордельерского клуба, то объясняется это только тем, что клуб «счел, что этот молодой человек легкомысленен, но сердце у него доброе. К тому же он оказал Революции много услуг и клуб не забыл, что он имел смелость поучать и просвещать народ на общественных площадях»⁶. При всем том, Варле было временно запрещено присутствовать на заседаниях кордельеров и было решено пропустить его через комиссию по чистке (*passer au scrutin épuratoire*)⁷.

В течение последующих месяцев мы ничего не слышим о деятельности Варле, но новый подъем массового движения, имевший место в сентябре 1793 года, снова выносит его на гребне волны. Как известно, на бурные события 4—5 сентября, вынудившие у Национального Конвента ряд весьма существенных уступок парижским революционным массам (в частности—декрет об образовании революционной армии), монтаньяры, по предложению Дантона, ответили декретом 5—9 сентября о сокращении числа секционных заседаний до двух в неделю⁸, встретившим самое ожесточенное противодействие со стороны «бешеных». На первый взгляд противодействие это может показаться непонятным,—ведь одновременно с сокращением числа секционных заседаний вводилась оплата за их посещение⁹, причем плату эту получали «граждане, не имеющие других источни-

¹ «Moniteur», réimpression, t. XVI, p. 631.

² Ibidem, p. 658.

³ См. нашу статью «Жак Ру в борьбе с монтаньярами», напечатанную в № 2 «Известий Ленинградского Гос. Университета».

⁴ «Correspondance politique» du 24 juin 1793. Цит. по Mathiez, op. cit., p. 214.

⁵ Ibidem, p. 214.

⁶ Из доклада Колло д'Эрбуа в заседании якобинского клуба 1 июля. «La Société des Jacobins», t. V, p. 238.

⁷ Buchez et Roux, op. cit., t. XXVIII, p. 231.

⁸ Текст этого декрета см. «Archives parlementaires», t. LXXIII, p. 601.

⁹ Ibidem, p. 601.

ков существования, кроме поденной заработной платы»¹, т. е. как раз те элементы, интересы которых «бешеные» выражали. Но все дело в том, что эта сторона декрета 5—9 сентября составляла не что иное, как дымовую завесу, и, как это совершенно ясно видно из произнесенных в заседании Конвента 5 сентября речей Дантона и Базира², лодлинным смыслом этого декрета было стремление к ограничению политической роли секций. Неудивительно, что на декрет 5—9 сентября наиболее революционные секции Парижа ответили решительным протестом³. 15 сентября с таким протестом выступили секции Ратуши⁴, Общественного Договора⁵, Рынка⁶, Друзей Отечества⁷ и Хлебного Рынка⁸, а 17 сентября против декрета 5—9 сентября выступил Варле, явившийся в Национальный Конвент от имени 48 секций Парижа⁹. «Этот декрет,—говорил в своей речи Варле,—противоречит конституции и декларации прав человека»¹⁰. В момент крайнего обострения грядущей революции опасности недопустимо уничтожить перманентность секционных собраний¹¹, а назначение платы за исполнение того, что является лишь общественным долгом каждого гражданина, унижает малосостоятельных граждан и означает не что иное, как фактическое восстановление разделения граждан на два разряда¹². «Граждане,—заканчивал Варле свою речь,—парижские санкулоты, в пользу которых этот декрет был издан, требуют его отмены»¹³.

Выступление Варле было встречено Конвентом крайне враждебно. Дантонист Базир, отвергнув сначала доводы петиции по существу (он доказывал, что декрет 5—9 сентября полезен, поскольку дает бедным равную с богатыми возможность участвовать в секционных собраниях), обрушился затем на самого петиционера: «Я должен по совести сказать, что Варле, оратор депутации, крайне неосторожный молодой человек, если даже и не подкуплен аристократией, то все же был изгнан из якобинского клуба. Я обвиняю его в том, что он совместно с Жаком Ру повторяет аббата Ройу. Я предлагаю передать петицию на рассмотрение Комитета Общей Безопасности»¹⁴.

Приблизительно в этом же духе высказался и Робеспьер, повторивший в общем аргументацию Базира. «Только что представленная нам петиция продиктована во всяком случае не народом, ибо народ, напротив того, просил об издании того декрета, против которого сейчас протестуют. Граждане,

¹ Archives parlementaires, t. ZXXIII, p. 601.

² Ibidem, p. 415. Базир прямо говорил о готовящейся «секционной революции, или, вернее, контрреволюции». Характерно также, что выступление Ромма, предложившего вместо издания предположенного декрета, псвясить заработную плату рабочих, было встречено протестом («Archives parlementaires», t. LXXIII, p. 416).

³ Любопытно, что даже в секции Пик, находившейся под исключительным влиянием Робеспьера, раздавались голоса против декрета 5—9 сентября. См. сообщение секретного агента Le Harivel от 12 сентября. (P. Caron, Paris pendant la terreur, t. I, p. 77).

⁴ «Moniteur», t. XVII, p. 669.

⁵ «Archives parlementaires», t. LXXIV, p. 239; «La Société des Jacobins», t. V, p. 405.

⁶ «Archives parlementaires», t. LXXIV, p. 239.

⁷ Caron, op. cit., p. 76.

⁸ «La Société des Jacobins», t. V, p. 405.

⁹ «Archives parlementaires», t. LXXIV, p. 311.

¹⁰ Ibidem, p. 311.

¹¹ Ibidem, p. 311.

¹² Ibidem, p. 311.

¹³ Ibidem, p. 311.

¹⁴ Ibidem, pp. 311—312.

мы уже знаем по опыту, что некоторые интриганы лишь для того требуют предоставления народу неограниченных прав, чтобы на самом деле уничтожить его власть»¹.

Следующий оратор, Жанбон Сент Андре выразил предположение, что петиция Варле инспирирована жирондистами², и по его предложению, внесенному также и Робеспьером, Конвент оставил петицию без внимания и перешел к очередным делам³. Но этим дело не ограничилось—Базир выразил удивление, почему Варле не находится на фронте⁴, а какой-то другой депутат предложил его немедленно арестовать⁵. Но это предложение было отвергнуто «из уважения к свободе петиций»⁶.

Однако, невзирая на это соображение, уже на следующий день, 18 сентября, Комитет Общей Безопасности постановил арестовать Варле и соответствующий приказ был подписан Буше Сен-Совером, Леба, Лавиконтери, Жюффруа, Вулланом и Вадье⁷. В силу этого, 19 сентября полицейский комиссар секции Прав человека в сопровождении представителя Комитета Общей Безопасности отправились на квартиру Варле, но, не найдя его дома, наложили на квартиру печати⁸. Арестованный вскоре после этого, Варле был заключен в тюрьму Маделонетт.

Как и следовало ожидать, арест Варле вызвал негодование секции Прав Человека и в своем заседании 3 октября⁹ секция постановила отправить в Комитет Общей Безопасности делегатов с просьбой об его освобождении¹⁰. Однако это не помогло, и революционный комитет секции Прав Человека в своем заседании «8 дня второй декады первого месяца II-го года Республики» (9 октября) оказывается вынужденным снова возвратиться к вопросу о Варле.

«Один из членов Комитета излагает сведения, которые ему совместно с его коллегами было поручено собрать о гражданине Варле. Из его сообщения видно, что гражданин Варле посещает мало людей и притом исключительно патриотов; существует он на 5.800 ливров, составленных из дохода от полученного им от родителей наследства и жалования за службу в почтовом ведомстве.

«Комитет, заслушав доклад своих комиссаров, постановляет, что доклад будет переслан в Комитет Общей Безопасности Национального Конвента вместе с просьбой освободить гражданина Варле, которого Ко-

¹ «Archives parlementaires», t. LXXIII, p. 313.

² Ibidem, p. 313.

³ Ibidem, p. 313.

⁴ Ibidem, p. 313.

⁵ Ibidem, p. 313.

⁶ Ibidem, p. 313.

⁷ «19 septembre 1793. Copies des procès-verbaux d'apposition et de levée des scellés chez le C. Varlet». Arch. Nat. F⁷4775⁴⁰. Мотивом ареста было выставлено то, что Варле является «подозрительным, стремящимся возбудить народное восстание». «L'Arbête de la liberté, prisonnier, à ses concitoyens libres», p. 5. Bibl. Nat. Ln²20065.

⁸ «19 septembre 1793. Copies des procès-verbaux». Arch. Nat. F⁷4775⁴⁰.

⁹ В протоколе этого заседания ошибочно сказано «четверг 3 сентября 1793». Это дает основание: Н. Фрейберг в ее статье «Декрет 19 вандемьера и борьба «бешеных» за конституцию 1793 года» («Историк-Марксист», т. VI, стр. 162) утверждать (правда, лишь в предположительной форме), что помимо ареста 19 сентября Варле был арестован и в начале месяца. Между тем, ошибочность датирования нашего документа совершенно ясна из того, что четвергом было не 3 сентября, а именно 3 октября 1793 года. Таким образом падает и предположение об аресте Варле в начале сентября 1793 года.

¹⁰ «Du Régistre de l'assemblée générale des Droits de l'Homme». Arch. Nat. F⁷4775⁴⁰.

митет считает добрым республиканцем; что Комитет Общей Безопасности будет приглашен вызвать к себе гражданина Варле, дабы строжайшим образом внушить ему не показываться более в общественных местах и не пропагандировать там взглядов, хотя и соответствующих духу революции, но могущих вместе с тем вызывать сборища. С этой целью комитет выбирает в качестве своих комиссаров граждан Жерве и Лудайль» (Курсив наш.—Я. З.)¹.

Как показывают подчеркнутые слова, революционный Комитет секции Прав Человека, ходатайствуя об освобождении Варле, боялся вместе с тем взять на себя ответственность за его политическую линию²; что, очевидно, об'ясняется тем, что декрет 5 сентября³ предоставлял Коммуне право смещать членов революционных комитетов секций. При таком положении дел результат петиции мог быть только отрицательным⁴ и секции Прав Человека пришлось еще раз возобновить свое ходатайство—на этот раз в гораздо более решительной форме. Это было сделано в заседании 5 числа второго месяца (26 октября).

В этом заседании секция Прав Человека, заслушав сообщения всех неоднократно посылавшихся ею в связи с делом Варле в Комитет Общей Безопасности комиссаров, «сообщения, из которых как будто бы явствует, что арест Варле не имеет иных оснований, кроме неправомерно истолкованных произнесенных им нескольких рискованных выражений;

«принимая во внимание многочисленные услуги, оказанные гражданином Варле обществу посредством его храбрости и подлинно республиканской энергии, проявленной им в трудные и опасные минуты;

«принимая во внимание, что лишь излишек рвения заставил гражданина Варле на минуту переступить через справедливую границу того почтения, с которым каждый француз, каждый республиканец должен относиться к своему возлюбленному божееству, причем его горящее священной любовью к отечеству сердце не было затронуто этой кратковременной ошибкой;

«принимая во внимание, что лишь подобным же ошибкам наших самых великих республиканцев Франция обязана своим спасением и будет скоро обязана своей славой и победой;

«принимая во внимание, что подобная ошибка (если она только действительно существует) уже с излишком искуплена сорокадневным заключением; что арестовать подлинных республиканцев значило бы усыплять ту энергию, которая столь необходима нам во время революции; что пора, наконец, возвратиться к свободе, к жизни, к его согражданам и братьям рьяного республиканца, неизменно оказывавшего услуги отечеству;

¹ «Extrait des arrêtés du Comité Révolutionnaire de la Section des Droits de l'Homme. Séance du 8-me jour de la seconde decade du p-er mois de l'an 2 de la République». Arch. Nat., F⁷4775⁴⁰.

² В таких же примерно тонах было составлено и постановление Société des amis de la loi, de la liberté, de l'égalité et de l'humanité от 29 дня 1-го мес. (20 окт.) (Arch. Nat., F⁷4775⁴⁰). Неудивительно, что в написанной им в тюрьме брошюре «L'Arbête de la liberté, prisonnier, à ses concitoyens libres» Варле жалуется на «слабость и неопределенность» ходатайств его секции (p. 5).

³ «Archives parlementaires», t. LXXIV, p. 418.

⁴ Единственным ее результатом было данное Комитетом Общей Безопасности 29 числа первого месяца разрешение достать из опечатанной квартиры Варле необходимые ему белье, деньги и другие вещи. Arch. Nat. F⁷4775⁴⁰.

«об'являет, что для устранения всех препятствий, которые Комитет Общей Безопасности может чинить освобождению гражданина Варле, секция берет его под свою непосредственную защиту и ответственность; что подобно нежной матери, она берет под свою опеку любимое дитя; что она обещает держать в узде его кипящее патриотизмом воображение, если оно может повредить общественному делу»¹.

Мы привели этот длинный протокол in extenso потому, что он является чуть ли не единственным документом, характеризующим взаимоотношения Варле и его вожди. Если, как нам приходилось выше указывать, у нас нет в распоряжении источников, позволяющих (подобно тому, как мы можем это сделать в отношении Жака Ру) нарисовать картину идеологического перерождения Варле под влиянием соприкосновения с рабочими и ремесленниками секции Прав Человека (прежней секции Сицилийского короля), то протокол 26 октября дает возможность категорически утверждать, что в то время, когда Варле самоопределился и сложился в качестве одного из лидеров «бешеных», он выступал уже не как интеллигент-одиночка, а как вождь и руководитель бедноты своей секции. И если, в противоположность испугавшемуся монпаньярских репрессий *революционному Комитету* секции Прав Человека, *общее собрание* этой секции сочло возможным в полный разгар якобинского террора (направленного, как известно, против их врагов слева отнюдь не в меньшей степени, чем против врагов справа) выступить в столь энергичных выражениях в защиту своего вождя, то это показывает нам, до какой степени пропаганда Варле отражала интересы представленной в этом собрании рабочей и ремесленной бедноты.

Но друзья и единомышленники Варле находились не только в рядах его секции. Через три дня после только что рассмотренных событий, а именно в восьмой день второго месяца (29 октября) ряд граждан различных секций Парижа обратился в Комитет Общей Безопасности с ходатайством об освобождении Варле. В этом ходатайстве, с одной стороны, указывалось, что даже враги Варле—Дюфурни и Эбер²—не могут привести против него никаких конкретных данных, а с другой стороны отмечались заслуги Варле за все время революции и в частности его борьба с сочувствовавшими жирондистам его коллегами по службе в почтовом ведомстве³.

Результатом этих ходатайств было постановление Комитета Общей Безопасности о просмотре олеатанных на квартире Варле его бумаг. Произведенный в первый день второй декады второго месяца (1 ноября) комиссарами революционного Комитета секции Прав Человека в присутствии самого Варле, просмотр этот дал самые благоприятные для него результаты, так как комиссары констатировали, что все писания Варле «проникнуты чистейшим патриотизмом и пламенной любовью к отечеству»⁴. Это обстоятельство дало Варле повод выпустить из тюрьмы брошюру под

¹ «Extrait des registres des délibérations de l'assemblée Générale de la Section des droits de l'homme du cinquième mois de la seconde année de la République Française une et indivisible» Arch. Nat. F⁷⁴⁷⁷⁵¹⁰.

² Как известно, эбертисты ранней осенью 1793 года, т. е. в момент ареста Варле, являлись жесточайшими противниками «бешеных» и цитируемый документ еще раз подчеркивает это обстоятельство.

³ «Paris, le 8-me jour du seconde mois de la 2-me année de la République Française une et indivisible» Arch. Nat., F⁷⁴⁷⁷⁵¹⁰.

⁴ Arch. Nat., F⁷⁴⁷⁷⁵¹⁰.

названием «Арестованный. апостол свободы своим свободным согражданином»¹, в качестве приложения к которой был напечатан протокол просмотра его бумаг².

Брошюра Варле начинается с указания на его прошлую революционную деятельность. «Неужели же тот, кто публично выказывал себя ярым врагом Бриссо, Ролана и Жиронды в то самое время, когда вся Республика стонала под ее игом, мог, в результате полного отречения от всех своих принципов, оказаться ни с того ни с сего сторонником федерализма?»³. Обращаясь далее к Колло д'Эрбуа, Робеспьеру, Мерлену, Давиду, Панису, Билло-Варенну, ко всем выборщикам, членам Коммуны, департамента, якобинского и кордельерского клубов и т. д., перед лицом которых проходила вся его деятельность, Варле требует от них ответа на вопрос о том, было ли когда-либо в его деятельности что-нибудь плохое, кроме излишка энергии⁴. Против него выставлено обвинение, будто бы он провоцировал народ на восстание, но в действительности, говорит Варле, он восставал вместе с народом, но никогда его не поднимал⁵. В заключение Варле требует гласного суда и просит предать его революционному трибуналу, который даст ему свободу или смерть⁶.

Освобождение Варле было однако гораздо ближе, нежели он это, повидимому, предполагал, когда писал свою брошюру. Это было, как известно, время, когда эбертисты готовились к решительному столкновению сначала с дантонистами, а затем и с робеспьеристами и поэтому вряд ли может вызвать удивление то обстоятельство, что эбертисты, которые всего лишь за два месяца до того так нападали на «бешеных», выступают теперь как пламенные защитники Варле. Это с полной очевидностью выяснилось в заседании Парижской Коммуны 22 брюмера (12 ноября).

«Один член напоминает Совету, что патриот Варле все еще арестован, и так как обстоятельства, которые могли мотивировать подобную меру в отношении этого гражданина, больше не существуют, было бы справедливо его освободить».

«Заместитель прокурора Коммуны берет слово и отдает Варле ту справедливость, которую он, по его мнению, заслужил. По его предложению, Совет постановляет избрать двух комиссаров, которым поручается добиться быстрого суда над Варле и его освобождения в том случае, если против него не выдвинуто никаких тяжких обвинений».

«Для исполнения этого поручения избираются Бернар и Эбер»⁷.

Если Комитет Общей Безопасности мог долгое время оставаться глухим к требованиям секции Прав Человека и отдельных граждан, то совершенно иначе обстояло дело с Коммуной, с которой в этот момент ссориться, робеспьеристы отнюдь не хотели. Постановлением Комитета Общей Безопасности от 24 брюмера (14 ноября) Варле был освобожден⁸ и в этот же день

¹ «L'Apôtre de la liberté, prisonnier, à ses concitoyens libres» Bibl. Nat. Ln²⁷²⁰⁰⁶⁵.

² Ibidem, pp. 13—19.

³ Ibidem p. 2.

⁴ Ibidem, pp. 3—4.

⁵ Ibidem, p. 5.

⁶ Ibidem, pp. 10—12.

⁷ «Commune de Paris, Paris, le 2-me jour de la 3-me Decade du mois Brumaire. Extrait du registre des délibérations du Conseil Général» Arch. Nat. F⁷⁴⁷⁷⁵¹⁰.

⁸ Arch. Nat., F⁷⁴⁷⁷⁵¹⁰.

он был возвращен в среду своей секции, встретившей его самым теплым образом¹.

Что делал Варле после своего освобождения из тюрьмы? Ответ на этот вопрос в значительной степени затрудняется отсутствием источников, но суммарная характеристика поведения Варле в эпоху террора все же может быть дана.

Из нашего очерка, посвященного истории жизни и деятельности Жака Ру,² мы уже знаем, что происшедший в сентябре 1793 г. поворот в тактике монтаньяров, имевший своим следствием их окончательный разрыв с «бешеными» и выразившийся в ряде преследований в отношении вождей этого крайне левого крыла революционной демократии, имел своим результатом быстрое и решительное изменение политической линии самих «бешеных». Из ярых сторонников террористических мероприятий против представителей бывших привилегированных сословий, а также спекулянтов и барышников, «бешеные» превращаются теперь в принципиальных противников террора и революционного порядка управления и требуют немедленного осуществления демократии и конституции 1793 г. Нет надобности говорить, что это приводило «бешеных» к такому полному и решительному разрыву с монтаньярами, из которого в условиях революционной диктатуры 1793—1794 гг. могло быть только два выхода—либо гильотина, либо полное прекращение политической деятельности и возвращение в частную жизнь. Впрочем, на примере Леклера и Клары Лакомб легко убедиться, что и этот последний выход далеко еще не являлся гарантией от преследований со стороны органов робеспьеристской диктатуры, и мы знаем, что даже отход от политической деятельности не спас этих вождей «бешеных» от заключения в тюрьму в качестве «подозрительных»³.

Как бы то ни было, но поздней осенью 1793 г. перед вождями «бешеных» стояла альтернатива—отход от политической деятельности или смерть, и никакого третьего выхода не было и быть не могло. Мы знаем, что Жак Ру разрешил вопрос в сторону смерти; что касается Варле, то он оказался более малодушным и выбрал смерть политическую. «Все то время, покуда продолжались угнетения и издевательства, производимые якобы во имя гуманности»—писал он впоследствии, уже в эпоху термидорианской реакции—«я, глубоко страдая, оставался тем не менее спокоен и сохранял полное молчание... Если мои сограждане будут упрекать меня в этом, то пусть они прежде всего упрекут самих себя. Я молчал, потому что в противном случае мне бы пришлось бороться с честолюбием, который подавил бы меня весом своей огромной популярности. Я молчал, потому что губить себя без всякой надежды на успех не значит принести пользу своей родине. Слишком большая энергия является мальчишеством; храбрость без надежды на успех составляет преступление»⁴.

С какого момента начался тот временный отказ Варле от политической деятельности, причины которого нами только что выяснены? Освобожден-

¹ «Comité Révolutionnaire. Section des Drois de L'Homme. Le 24 Brumaire de l'an 2 de la République Française une et indivisible». Arch. Nat., F⁴775⁴⁰.

² См. нашу статью «Конец Жака Ру». «Под Знаменем Марксизма», 1929, № 2.

³ См. наши статьи «Клара Лакомб и клуб революционных республиканок 1793 г.» (в сборнике «Проблемы марксизма») и «Геофаль Леклер» («Под Знаменем Марксизма», 1929, № 7—8).

⁴ «Le Citoyen Varlet prisonnier à la force en réponse à ses motifs d'arrestation». Arch. Nat., F⁴775⁴⁰.

ный, как мы видели, 24 брюмера (14 ноября 1793 г.), он уже на следующий день, 25 брюмера, является в Коммуну с просьбой «разрешить ему установить на общественных площадях трибуну, с которой он мог бы поучать народ»¹. Однако, предложение это не встречает сочувствия², причем особенно энергично восстает против него не кто иной, как Шометт³. Весьма вероятно, что именно это выступление Шометта, особенно неожиданное после поведения Эбэра за три дня перед тем, и было тем толчком, который определил дальнейшую линию Варле. Факт тот, что после этого мы ничего не слышим о его деятельности и первое после этого времени упоминание источников о Варле относится уже ко времени после 9 термидора.

Но если, таким образом, Варле по его собственному признанию в течение всей зимы и весны 1793/1794 года сохранял полное молчание, то из этого далеко еще не следует, чтобы он в это время руководствовался принципами робеспьеристской диктатуры. Напротив того, мы имеем все основания полагать, что, подобно Жаку Ру и прочим «бешеным», Варле был в это время решительным противником системы революционного порядка управления, и тот резкий поворот в тактике «бешеных», который мы видели на примере Жака Ру⁴, был одновременно с его единомышленниками совершен также и Варле.

Прежде всего, вспоминая впоследствии, в эпоху термидорианской реакции, свою деятельность осенью 1793 года, Варле с полным основанием утверждал, что его выступление 17 сентября 1793 г. было не чем иным, как «борьбой с революционным порядком управления при самом его зарождении»⁵. Да и впоследствии, говорит в другом месте Варле, «я оставался абсолютно чужд революционному порядку управления, не считая лишь тех моментов, когда я с ним боролся»⁶.

Если, таким образом, мы видим, что то отрицательное отношение «бешеных» к революционному порядку управления, наличие которого мы уже раньше нашли в пропаганде Жака Ру, целиком характерно также и для Варле, то то же самое следует сказать и об его отношении к террору. Мы видели в свое время, каким образом из ярого террориста и сторонника насилия, Жак Ру поздней осенью 1793 г. постепенно превращается в противника террора и сторонника «мягких» методов управления; абсолютно ту же самую позицию зимой 1793—1794 г.г. занимает и Варле.

«Я всегда был в решительной оппозиции к системе и законам революционного порядка управления»,—писал Варле в эпоху термидорианской реакции. «Больше того, выражение, что я был в оппозиции к системе террора, недостаточно точно выражает мою мысль. Я всегда⁷ ненавидел террористические декреты, ужасная тяжесть которых повисла над всеми. Существуют почетные доказательства моей энергии в борьбе с народо-убий-

¹ «Révolutions de Paris», № 216, p. 274; «Moniteur», t. XVIII, p. 433.

² Ibidem.

³ Ibidem.

⁴ См. нашу статью «Конец Жака Ру».

⁵ «Le Citoyen Varlet prisonnier à la force en réponse à ses motifs d'arrestation». Arch. Nat. F⁴775⁴⁰.

⁶ «Gare l'explosion», pp. 6—7. Bibl. Nat. Lb⁴1330.

⁷ Говоря, что он «всегда» ненавидел систему террора, Варле, само собой разумеется, впадает в противоречие с фактами, ибо мы хорошо знаем, что подобно остальным «бешеным», Варле до ссепи и 1793 года был ярым террористом. Впрочем, это противоречие психологически вполне понятно и должно быть объяснено не как сознательный обман, а лишь как потеря перспективы.

ственными законами. Хотя эти законы и были направлены против заговорщиков из среды дворян и духовных, я всегда считал, что Республика может быть основана лишь на принципе гуманности. Даже в отношении врагов абсолютная справедливость равносильна абсолютной несправедливости... В мои принципы никогда не входило наносить удар побежденному и безоруженному врагу»¹.

Но можно ли, спросит нас читатель, доверять этим позднейшим показаниям Варле, данным в эпоху термидорианской реакции и притом из тюрьмы, т. е. в таких условиях, когда в интересы Варле явным образом входило затушевывать все то, что могло бы иметь хоть какую-нибудь тень подобия его прикосновенности к робеспьеровскому режиму? Мы полагаем, что можно, ибо эти показания не только не дают нам чего-либо нового касательно отношения «бешеных» к революционному порядку управления и террористическим законам, но напротив того, целиком подтверждают все то, что мы уже знаем по этому вопросу о Жаке Ру, Леклере и Кларе Лакомб. Вот почему мы можем считать установленным, что, подобно другим «бешеным», Варле в течение всего периода робеспьеристской диктатуры находился в решительной оппозиции существующему порядку вещей, и это, само собой разумеется, в очень значительной степени предопределяло ту позицию, которую он должен был занять 9 термидора и в последовавшие затем дни².

¹ «Le Citoyen Varlet prisonnier à la force en réponse à ses motifs d'arrestation». Arch. Nat., F⁷4775¹⁰.

² О деятельности Варле после 9 термидора см. нашу статью, напечатанную в № 6 «Под знаменем марксизма» за 1928 г.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА В РОССИИ¹

И. Гиндин

I

Наша сравнительно обширная литература о финансовом капитале в России обогатилась новой работой. Правда, обогатилась относительно. Две наиболее существенные главы из работы т. Грановского уже появились в 1927 г. в «Историке-марксисте» (т. IV) и в «Вестнике Комм. Академии» (№ 22). Первая глава вошла в книгу без сколько-нибудь существенных дополнений. Ко второй статье «Иностранный капитал в системе монополистического капитализма в России» (глава IV книги) наш автор сделал два существенных добавления. В остальном книга содержит любопытную попытку с новой точки зрения охарактеризовать развитие финансового капитала в годы мировой войны. Два другие новые очерка, посвященные финансовому капиталу в период депрессии и в период промышленного подъема 1909—13 гг., не представляют самостоятельного интереса и не содержат решительно ничего нового.

Следует подчеркнуть, что сам автор в предисловии говорит: «Настоящая работа далеко не претендует на исчерпывающую разработку всей совокупности проблем, связанных с русским империализмом. Последнее представляет собой еще дело будущего. Круг вопросов, подлежащих детальной разработке в отдельных монографиях, весьма значителен». В сущности и другие работы в этой области—за исключением во всех отношениях неудачной книги Гольмана—ставили себе ограниченные цели.

И тем не менее если бы даже книга Грановского представляла собой только воспроизведение его статьи из «Вестника Комм. Академии»,—следовало бы приветствовать ее появление. Эта часть его работы содержит почти исчерпывающую характеристику взаимоотношений русских и иностранных элементов в финансово-капиталистической системе России. В то же время широкая популярность, приобретенная схемой Ванага, делает необходимым неустанное повторение одних и тех же истин, довольно туго внедряющихся в сознание некоторых наших историков и экономистов.

«Простота и «портативность» этой схемы,—справедливо говорит т. Грановский,—обеспечили ей небывалый успех». «В самом деле, все так просто, как в священном писании,—международный банковый капитал «подчинил» русские банки, последние «подчинили» русскую промышленность, его—международный банковый капитал «монополизировал» русскую промышленность. Получилась стройная теория, которая пошла гулять по комбузам, вузам и партшколам в качестве «последнего» вывода нашей науки». Но это щеголяющее в новых марксистских одеждах немолодое творение Агада и Оля имело головокружительный успех и за пределами нашей школы. Помимо специалистов этого воп-

¹ О книге Е. Л. Грановского «Монополистический капитализм в России». Прибой, 1929 г.

роса мы находим среди ее adeptов на одном полюсе ряд видных наших исследователей — историков и экономис.ов. А на другом — тьму обозревателей экономических журналов и рецензентов экономической прессы, один из которых свалил на безответный иностранный финансовый капитал даже бедность банковской литературы в дореволюционной России (см. «Хозяйство Украины» № 4, 1928 г.).¹ Гордая неприступность и глухота к аргументации противников находятся в разительном противоречии с собственным положительным багажом схемы Ванаса. Ибо у этой «теории» нет за душой ничего, кроме бесконечных манипуляций с процентами участия банков в капиталах предприятий или же иностранных банков в капиталах своих русских собратьев.

Действительно, проценты являются альфой и омегой научного анализа сторонников концепции Ванаса. В остальном же ее характеристика может быть дана лишь целым рядом отрицательных определений. Во-первых, отсутствие какого-либо экономического анализа финансово-капиталистических связей, возникающих как между банками и предприятиями, так и между русскими и иностранными банками. Тов. Ванас в своем докладе на Всесоюзной конференции историков-марксистов 31 декабря 1928 г. прямо заявил, что для понимания сущности финансового капитала России является третьестепенным вопросом, как Азовско-Донской банк финансировал промышленность. Во-вторых, общим для всех авторов, стоящих на этой точке зрения, является непонимание или игнорирование особенностей действовавшего в России иностранного финансового капитала. Для них все кошки серы, все империализмы одинаковы, и никто из них не хочет себя утруждать выявлением особенностей английского или французского, или германского финансового капитала. С риском надеясь всем непредубежденным, приходится еще и еще раз призвать гг. Ванаса, Ронина и других выкинуть в смысл краткого определения Лениным французского финансового капитала — «ростовщический империализм». Для всех этих авторов характерно полное непонимание взаимоотношений русских и иностранных банков. Данный ими раз и навсегда патент каждому иностранному банку господствовать над русским, раз только между ними установились какие-либо отношения, неизменно приводит к полному извращению исторической действительности. Для них совершенно безразлично, например, кто являлся действующим лицом с иностранной стороны — крупный банк, вроде Banque de Paris et Pays-Bas, или же какой-либо скромный французский провинциальный банк, или же, наконец, представитель парижской Haute Finance вроде Thalman & Co. В-третьих, Ванас и др. до сих пор не могут понять или не знают, что и русские банки имели возможность использовать иностранные банки часто целиком в своих интересах. Некоторые русские банки даже организовывали в Париже дочерние банки или банки для производства определенных комбинаций. Когда, например, один из крупных французских банков хотел отделаться от портфеля акций Сибирского банка и готов был спустить его в любые руки, хорошо известный уже нашей литературе заправил Сибирского банка Соловейчик придумал следующий выход. В Париже был учрежден ничтожный банк с капиталом всего в 10 млн. фр., из которых 2½ млн. фр. (1 млн. р.) внес Сибирский банк, а остальной капитал был «внесен» апортами второстепенных и малоизвестных французских предприятий. Этому, с позволения сказать, банку был немедленно открыт Сибирским банком кредит в размере, необходимом для покупки всего портфеля акций, который желал сбыть упомянутый выше французский банк. Верно, недалек тот день, когда новый Гольман, наткнувшись на этот эпизод, объявит об открытии нового

¹ Это поистине замечательное суждение заслуживает быть приведенным полностью: «В дореволюционное время она (бедность нашей литературы по банковому делу) была обусловлена не столько отсталостью (?) нашей кредитной системы, сколько тем фактом, что эта кредитная система на три четверти находилась в руках иностранного капитала и руководилась принципами, выработанными в богатой европейской литературе по кредиту и банкам» («Хозяйство Украины» за 1928 г. № 4).

«господина» русских банков в лице творения Соловейчика. Таковы три общие черты сторонников ванаговской схемы. Далее их пути обычно расходятся. Одни усиленно оперируют смещением исторических периодов, стремясь связать возникновение финансового капитала в России с усилением участия иностранных банков в капиталах русских (примерно с 1906—07 гг.). Другие, наткнувшись на какой-нибудь участок непосредственного сращения иностранного финансового капитала с русской промышленностью, пытаются делать обобщения, касающиеся всей системы финансового капитала в России (так, например, поступил г. Гайстер, совершивший в нашу область легкую экскурсию, в предисловии к архивным материалам об эпизоде столкновения Продугола с царским правительством — см. «Красный архив» № 16). Наконец, далеко не последним аргументом является массовое насилие над фактами, принимающее различные масштабы в зависимости от индивидуальных вкусов и способностей отдельных авторов¹.

Большой заслугой Грановского является критический разбор всех adeptов ванаговской схемы. В частности, Грановский подробно анализирует аргументацию наиболее тонкого ее представителя г. Ронина и показывает, что в сущности единственным солидным и «неуязвимым» его аргументом являются те же проценты участия в капиталах. Кроме того, Грановский впервые останавливается на той идеологической надстройке над ванаговской схемой, каковой по мнению Грановского являются взгляды М. Н. Покровского на внешнюю политику старой России. На некоторых моих разногласиях по этому вопросу с Грановским я еще остановлюсь дальше.

Грановский восстанавливает верную историческую перспективу и правильно намечает этапы развития финансового капитала в России. Грановский первый показал, какую большую роль в концепции Ванаса и др. играет затушевывание финансово-капиталистических отношений в России в 90-х годах. Далее, он ставит на свое место период депрессии и раскрывает ту преувеличенную роль, которая отведена этому историческому этапу в развитии финансового капитала Ванасом, Рониным и др. Наконец, Грановский дает совершенно правильную оценку взаимоотношения русских и иностранных банков. Это имеет решающее значение для вопроса о соотношении русских и иностранных элементов финансового капитала. Ибо в России непосредственные сращения русских банков с промышленностью количественно преобладали над непосредственными сращениями с нею иностранных элементов. Так что «господство» иностранного финансового капитала может быть доказано лишь через полное «подчинение» русских банков иностранным.

Краткий смысл выдвигаемой в противовес этому концепции сводится к следующему.

Основной целью иностранных банков, которую они себе ставили при «овладении» русскими банками, являлся срыв учредительских и эмиссионных барьеров, стремление обеспечить себе соучастие в финансовых операциях, проводившихся русскими банками. Неудавшийся опыт широкого самостоятельного помещения капиталов в русскую промышленность указал иностранным банкам новые пути для осуществления указанных целей. Участвуя в выгодах от финансово-эмиссионных операций, иностранные банки, как правило, не вмешивались в промышленную политику соответствующих русских банков.

Всестороннему обоснованию этой точки зрения посвящена лучшая часть работы Грановского «Как международный банковый капитал «подчинил» себе русскую промышленность и банковую систему». Грановский восстанавливает действительную картину отношений, наглядно показывает те настоящие, а не выдуманные Ванасом, Рониным и др. цели, которые ставили себе иностранные банки. Широко пользуясь Агадом, как живым свидетелем существовавших тогда отношений, наш автор не уснаивает заодно его мелко-

¹ В отношении Ванаса см. мои «Банки и промышленность до 1917 г.» с. 191 и след.; в отношении Гольмана — статью в «Историке-марксисте» № 5.

буржуазной концепции, как это случилось с некоторыми другими авторами. Он возвращает в нормальное положение факты, поставленные на голову Ванагом и другими. Последних поразило тот факт, что как-раз те русские банки, в которых участвовал иностранный капитал, были особенно активны в отношении промышленности. Но, как правильно отмечает Грановский, иностранный капитал, стремясь к выгодам от участия в доходах от эмиссионно-финансовых комбинаций, шел именно в те банки, которые широко финансировали промышленность. Именно поэтому он не направился в Волжско-Камский и московские банки, которые были далеки от указанных операций.

Другой, поразивший Ванага, Ронина и др. факт—рост в 900-х годах участия французских банков при стабилизации участия германских банков в капиталах их русских собратий. Этот факт получает свое естественное объяснение в том, что еще задолго до 900-х годов германские банки были связаны с некоторыми важнейшими русскими банками и, следовательно, уже давно обеспечили себе выгоды участия в различных финансовых транзакциях русских банков. Наоборот, поздно выступивший на это поприще французский финансовый капитал должен был буквально подбирать «валявшиеся на улице» беспризорные банки, вроде с трудом возвращенных к жизни поляковских (Соединенный банк) или обанкротившегося Петербургского частного банка¹. Таков скромный смысл фактов, преломившихся в головах некоторых авторов в сказочный поход французского финансового капитала на русские банки.

Но незаинтересованность иностранных банков в промышленной политике русских банков, пока последние давали им достаточный доход от соучастия, весьма укрепляла позиции руководящих групп в русских банках. Кроме того, их заправили имели возможность лавировать между различными иностранными группами и имели в своем распоряжении целый арсенал комбинаций для сохранения своей независимости и господствующего положения в русских банках. Грановский показывает, как непомерно был раздут эпизод о погоне иностранных банков за Сибирским банком и что даже этому относительно слабому кредитному учреждению удалось полностью отстоять свою самостоятельность.

Наконец, Грановский отчетливо показывает, как русские банки имели возможность использовать в своих интересах иностранные рынки капиталов. «Германский» Петербургский Международный банк мог прибегать к услугам парижского рынка столь же свободно, как и любой из тех русских банков, на которые Ванагом наклеена французская этикетка.

Блестящий и остроумный анализ Грановского в сущности окончательно разрешает этот запутанный некоторыми авторами вопрос. О том, что вопрос разрешен, можно говорить еще с большим правом теперь, после того как Ванаг, нарушив долгое молчание, выступил, наконец, с упомянутым уже докладом на Всесоюзной конференции историков-марксистов. Вместо того, чтобы ответить по существу мне и Грановскому, Ванаг избрал более легкую задачу—критику некоторых заострений Грановского, о которых речь будет еще идти ниже. По основному же вопросу Ванаг от ответа уклонился, заявив, что все это является банковско-техническими «мелочами», и перенес, не на много удачнее, спор в другую плоскость—социально-политического анализа (заявив, что по самой своей социальной природе самодержавие не могло ерстаться с национальным финансовым капиталом и что, следовательно, не может быть и речи даже о частичном господстве последнего в стране).

В области интересующего нас вопроса остается сделать уже немного. Необходимо произвести критику расчетов Оля, которые сами по себе не играют решающей роли

¹ К тому же французы позже сочли за благо значительную часть акций Соединенного и Частного банков сплавить назад в Россию,—самое загадочное с точки зрения концепции Ванага обстоятельство.

для понимания характера взаимоотношений русских и иностранных элементов финансового капитала, но тем не менее занимают известное место в аргументации сторонников ванаговской схемы. Далее Грановский недостаточно останавливается на характеристике действовавшего в России иностранного финансового капитала. Эта актуальная во всех отношениях задача существенна и для рассматриваемого сейчас вопроса.

Разумеется, Грановский не является вульгарным «национализатором». Он учитывает все многообразие существовавших в России финансово-капиталистических отношений. Выявляя основной массив национального финансового капитала, он не игнорирует участников непосредственного сращения иностранного финансового капитала с русской промышленностью. «Сращивание банков и промышленности в России шло по следующим линиям. Во-первых, сращивание независимых от иностранного капитала банковых монополий с предприятиями, в которых руководящую роль играл русский капитал. Во-вторых, сращивание независимых от иностранного капитала банковых монополий с предприятиями, в которых руководящую роль играл иностранный капитал. В-третьих, сращивание иностранных банковых монополий в России с предприятиями, в которых руководящую роль играл русский капитал. В-четвертых, сращивание иностранных банковых монополий в России и за границей с предприятиями, в которых руководящую роль играл иностранный капитал». В этой безусловно правильной классификации отсутствует один момент—выделение среди промышленных предприятий тех, во главе которых стояли независимые как от русских, так и от иностранных банков финансово-предпринимательские группы. Это приводит Грановского к ряду ошибок, в частности—в оценке военного периода, о чем еще будет речь ниже.

При отмеченных выше чертах некоторых работ следует как заслугу Грановского подчеркнуть большую тонкость анализа, отсутствие грубого упрощения, понимание переходных ступеней и оттенков в развитии финансово-капиталистических связей, отсутствие тенденций к сведениям всего их многообразия к голому «подчинению» и «господству».

Специальный параграф, посвященный импорту капиталов и импорту товаров в Россию, раз навсегда кладет предел всяким сомнениям в этой области. Грановский ясно и отчетливо показывает, что между импортом капиталов и импортом товаров даже не существовало и намек на ту связь, которая характерна для зависимой или колониальной страны.

Другой параграф наш автор посвящает некоторому анализу внешней политики царской России. Грановский здесь восстанавливает действительную точку зрения Ленина по этому вопросу. Он показывает, что эта политика отнюдь, по мнению Ленина, не являлась зависимой от англо-французского империализма и что, наоборот, Ленин считал русско-германский конфликт одной из основных причин мировой войны, а русско-английские противоречия—источником грядущих мировых конфликтов. Однако в полемическом задоре Грановский пытается доказать, что внешняя политика царского правительства в значительной мере отражала интересы финансового капитала наряду с торгово-капиталистическими интересами, преобладание которых в царской внешней политике отчетливо выявлено М. Н. Покровским.

Тов. Покровский, повидимому, находит противоречие в том, что в стране с развитой финансово-капиталистической системой последние не играли определяющей роли во внешней политике страны. Выход из этого противоречия т. Покровский находит в том, что внешняя политика России выражала финансово-капиталистические интересы, но не русские, а господствовавшего в России англо-французского империализма. Вместо того чтобы показать, почему при сложившейся системе национального финансового капитала лейтмотивом внешней политики могли служить другие интересы, Грановский пытается доказать весьма значительную роль интересов национального финан-

сового капитала¹. Для этого ему приходится придавать несоответствующее значение отдельным фактам заинтересованности русского финансового капитала в активной империалистической политике царской России. Так, например, в подтверждение своих мыслей Грановский может лишь процитировать одного французского автора, утверждающего, что вдохновителями устремления России к Константинополю являлись донецкие и кавказские горнопромышленники, заинтересованные в экспорте своей продукции. Но совершенно очевидно, что для этой группы владение воротами Черного моря было гораздо менее важным, чем для русского хлебного экспорта. Финансово-капиталистическая система, в целом (за исключением отдельных ее участков), имевшая огромную колониальную территорию внутри страны, на данной исторической стадии еще мало была заинтересована в активной внешней политике.

Этому не противоречит то, что идеологи русского финансового капитала, вроде Милюкова и Струве (о чем Грановский сделал особое добавление к первоначальной своей статье), полностью поддерживали основное устремление внешней политики царского правительства. Как это часто случается, идеологи опережают действительный ход исторического развития. Кроме того, считая себя естественными преемниками самодержавия и заграничными правителями страны, они полностью принимали его наследие и в области внешней политики — те «исторические традиции», в которые только начало облекаться меняющееся социальное содержание.

Особенный интерес представляет заключительный параграф книги и в то же время главы «Иностранный капитал в системе монополистического капитализма в России», носящий название «Концепция русского империализма и практика революционной борьбы и социалистического строительства». Здесь Грановский отчетливо показывает, что схема Вачага является совершенно непригодной для выводов практической политики. Проект программы Коминтерна отнюдь не склонен включать довоенную Россию в число полуколониальных и колониальных стран, — до чего договорились последовательно, например, Гольман. Программа выделяет особую группу стран с средним уровнем развития капитализма, к числу которых относит Россию до 1917 г. Как правильно замечает Грановский, «несмотря на значительную роль иностранного капитала в народном хозяйстве России до 1917 г., здесь не было того положения, когда важнейшие промышленные, торговые и банковские предприятия, основные средства транспорта и т. д. сосредоточивались в руках иностранных империалистических групп. В этом коренное отличие дооктябрьской России от стран, колониальных и полуколониальных, а также от так называемых «зависимых» стран, где предпосылки самостоятельного социалистического строительства отсутствуют и где решающая роль в руководящих отраслях народного хозяйства принадлежит иностранным капиталистическим группам. Соответственно этому, перед российским пролетариатом в 1917 г. не стояли задачи борьбы за национальную независимость».

Из других частей работы Грановского большой интерес представляет первая глава, посвященная развитию финансово-капиталистических отношений в 90-х годах. Эта глава значительно расширяет наше знание первого периода развития финансового капитала в России. В частности, Грановский впервые для этого периода произвел ту работу, которая была проделана Ваногом и мною в отношении предвоенного промышленного подъема, и установил подробный перечень связей банков с промышленными предприятиями. Вторых, как уже сказано выше, Грановский реабилитировал 90-е годы, правильно подчеркнул их значение для развития финансово-капиталистических отношений в России

¹ Грановский настолько заостряет вопрос, что легко может создаться впечатление, что автор считает интересы торгового и финансового капитала в русской внешней политике равнозначными. В новой статье Грановского в «Историко-Марксисте» № 12 (стр. 111—112) было отчетливо выявлено, что наш автор ставит интересы национального финансового капитала на второе место.

и показал, что годы депрессии явились лишь периодом завершения тенденций, возникших в 90-х годах.

Однако и здесь полемическая установка Грановского привела его к некоторому заострению и неясности в постановке вопроса.

Грановский пытается доказать, во-первых, высокую концентрацию и мощь русских банков в период 90-х годов, во-вторых, преобладание финансово-капиталистических «сращений» и притом именно русских.

Первое. Самая концентрация русских банков в 90-х годах не может быть признана высокой, а, главное, успехи ее за годы подъема довольно невелики. Достаточно привести здесь цифры, которыми оперирует сам Грановский.

Доля 8 крупнейших банков в сводном балансе всех банков составляла в процентах:

	1/1 1895 г.	1/1 1899 г.	+ или -
Основной капитал	50,6	55,7	+ 5,1
Вклады и тек. сч.	32,1	31,4	- 0,7
Учет векселей	30,7	34,0	+ 3,3
Онколь под ц/бум.	48,9	40,0	- 8,9
Доро в активе	69,4	72,4	+ 3,0

Второе. Все банки за эти годы сильно увеличили свои операции, особенно в относительных цифрах. Но абсолютные размеры прироста были невелики. Все счета негарантированных ценных бумаг (собственные, ссуды, онколь и Доро) выросли у всех банков (1894—1900 гг.) только на 140 млн. р. Для сравнения — приток иностранных капиталов в промышленность составил по П. В. Олю за тот же период сумму около 550 млн. р., а счета негарантированных ценных бумаг за 1903—14 гг. в русских банках выросли на 1300 млн. р.

Третье. Слабость русских банков выражалась еще в том, что руководящие петербургские банки представляли собой типичные banques d'affaire дофинансово-капиталистической эпохи; они почти не имели провинциальных филиалов и, следовательно, той широкой базы, которая дает банкам устойчивость и обеспечивает им возможность длительно увязывать свои средства в промышленности.

Четвертое. В области финансирования промышленности банки в 90-х годах делают только первые шаги. У них отсутствует еще ясное представление о правильной политике финансирования. Вместо сознательного и планомерного внедрения в промышленность — спекулятивные налеты и увязание против собственного желания.

Пятое. Возникающие более тесные связи между промышленными предприятиями носят обычно непрочный характер. Там, где наблюдается обратное, почти во всех случаях связь является для банков невольной. В этом отношении чрезвычайно характерно, что после кризиса 1900 г. банки стремились, где только возможно, иногда с большими убытками, связь ликвидировать. Так, например, из 35 установленных Грановским случаев связи банков с металлургическими предприятиями в 90-х годах только в 12 случаях связь сохранилась до промышленного подъема 1909 г.

Шестое. Слишком обще трактуются Грановским факты личной унии. В 90-х годах за ней нередко еще скрываются дофинансово-капиталистические отношения. Между тем Грановский склонен даже поляковскую группу рассматривать как образец развитых финансово-капиталистических отношений и высокой концентрации банковского дела.

Седьмое. Нельзя упускать из виду, что в 90-х годах инициатива финансирования часто была на стороне иностранных банков, а русские привлекались ими в качестве соучастников. Если под этим углом зрения пересмотреть данные Грановского и отделить непосредственные связи иностранных банков с предприятиями от «сращений» с последними русских банков, то окажется, что на долю русских банков приходится меньшее число предприятий с меньшими в среднем капиталами. Так из 96 перечисленных Гранов-

ским предприятий с 342 млн. р. капитала, непосредственно «сращенных» с русскими банками, можно указать лишь 44 с капиталом в 126 млн. р. Таким образом, если бы Грановскому нельзя было сделать возражений, кроме развитых в этом пункте, то пришлось бы идти к следующему курьезному выводу: в своем стремлении обосновать существование русской системы финансового капитала он доказал бы наличие в 90-х годах иностранной системы¹.

Грановский и сам этого не отрицает в четвертой главе, где рассматривает взаимоотношения русских и иностранных банков. Но в первой весь этот вопрос у него остается в тени. А пытаясь доказать империалистический (в ленинском смысле) характер русско-японской войны, он очевидно исходит из предпосылки существования в 90-х годах национальной системы финансового капитала.

Все эти противоречия в значительной мере объясняются неясностью в постановке вопроса, скрывающейся за терминологией Грановского «всупление в фазу» монополистического капитализма.

Одно дело, когда сложилась финансово-капиталистическая система в какой-либо стране, т. е. монополистическое перерождение захватило важнейшие отрасли промышленности, а связи банков с ней приняли столь широкий и прочный характер, что можно говорить о финансово-капиталистических сращениях и преобладании их в народном хозяйстве данной страны. Совсем иной вопрос, — когда начали возникать монополии в промышленности и связи с ней банков. Э и связи, например, как известно, можно констатировать еще задолго до эпохи финансового капитала. Во времена *Credit Mobilier* и даже гораздо раньше уже существовали прообразы современных взаимоотношений промышленности и банков, а в Германии 70-х годов можно отметить ряд доподлинных финансово-капиталистических сращений.

Возникновение финансового капитала в России действительно относится к 90-м годам. В этот период создались три основные ядра непосредственных финансово-капиталистических сращений русской промышленности с иностранными банками (металлургия Юга, каменноугольная промышленность Донбасса, электропромышленность). В других отраслях участия иностранных банков носили спорадический характер и за редкими исключениями не превратились в прочные сращения. О характере взаимоотношений русских банков и промышленности уже сказано выше. Все это позволяет констатировать возникновение элементов финансового капитала в этот период.

Но и для следующего периода — депрессии начала 900-х годов — не приходится еще говорить о сложившейся системе финансового капитала в стране. После кризиса 1900 г. русские банки отходят от финансирования промышленности. Порываются многие связи, установившиеся в предыдущий период, счета негарантированных ценных бумаг снижаются на 90 млн. р. Даже в первые годы промышленного подъема, примерно до 1910 г., банки продолжают воздерживаться от активной политики финансирования. Иностранные банки в первой половине периода депрессии решительно приостанавливают дальнейшую свою экспансию. Как будто в некотором противоречии с этим находится образование уже в первые годы депрессии двух крупнейших синдикатов — Продаметы и Продугля. Однако эти факты нельзя расценивать как экспансию, — они являлись лишь проявлением тенденций, заложенных в предыдущий период. Под влиянием кризиса и депрессии, сращенные еще до 1900 г. с большинством металлургических и каменноугольных предприятий Юга, французские банки консолидировали сложившиеся здесь отношения путем создания синдикатских организаций. Не приходится также переоценивать не-

¹ На другом вопросе — о монополистическом перерождении самой промышленности — можно не останавливаться. Грановский утверждает только, что предпосылки создания монополий возникли в 90-х годах. Против этого едва ли можно спорить, но как тогда быть с системой монополистического капитализма в 90-х годах?

которого округления сферы влияния французских банков путем включения в нее двух-трех прежде русских предприятий (Алексеевское горнопромышлен., Донецко-Юрьевское о-во и др.) Эти факты носят единичный характер¹ и не они типичны для оживлявшейся к концу этого периода деятельности иностранного капитала. Основным устремлением иностранного финансового капитала, в первую очередь французских банков, потерпевших большие убытки от непосредственного финансирования русских предприятий, — делается участие в капиталах русских банков. Вместо непосредственного сращения с русскими предприятиями на первый план начинает выдвигаться получение выгод от непосредственного сращения русских банков с промышленными предприятиями. Но развитие последних сращений подвигалось крайне медленно, а частично, по крайней мере в первой половине периода, имел место обратный процесс. Поэтому не приходится говорить о сложившейся системе финансового капитала и в этот период. Это остается верным даже в том случае, если разделить общую концепцию т. Ванга о сплошном подчинении русских банков иностранным.

Годы начала промышленного подъема — 1909—13 гг. — являются временем наибольшего преобладания иностранных элементов финансового капитала в России. Огромный рост внутреннего накопления и концентрация его в русских банках в годы промышленного подъема приводят к небывалому размаху финансирования промышленности. За 6 лет счета негарантированных ценных бумаг возрастают на 1 300 млн. р. Связи русских банков с предприятиями численно увеличиваются во много раз, превращаются в прочные финансово-капиталистические сращения и охватывают все важнейшие отрасли промышленности. Огромные успехи делает синдикатское движение. Только в этот период, и притом не ранее 1910—11 гг., можно говорить о сложившейся системе финансового капитала в России, возникновение которого относится к 90-м годам XIX века.

II

Специальный интерес представляет третья глава работы Грановского, где он останавливается на характеристике финансового капитала в 1914—17 гг. Этот вопрос только второй раз привлекает внимание интересующихся проблемой финансового капитала в России.

В основном характеристика периода, даваемая Грановским, совпадает с тем, что было отмечено в соответствующем очерке моей работы. Расширение внутреннего рынка для ценных бумаг на основе прогрессирующего инфляционного хозяйства, появление нового круга твердых держателей, имевших возможность приобретать дивидендные бумаги без помощи банковского кредита, — таковы основные особенности, в равной мере отмечаемые мною и Грановским. Точно так же дается одинаковое освещение развитию банков и их операций в области финансирования промышленности и констатируется некоторое дальнейшее расширение их сферы влияния на промышленность. Но дальше намечается существенное расхождение, которое лучше всего выразить подлинными словами Грановского: «... Никакого ослабления роли банков в народном хо-

¹ Этим фактам в обосновании отдельных точек зрения о роли иностранных элементов финансового капитала придается иногда совершенно неподобающее значение. Во-первых, характеристика целей иностранных банков при непосредственном сращении с промышленными предприятиями переносится на связи иностранных банков с русскими. Во-вторых, политика иностранных банков, в конце меняющаяся в период депрессии, характеризуется именно фактами, являющимися лишь завершением политики предыдущего периода. В-третьих, ими же характеризуется политика иностранных банков в годы подъема — 1909—13 гг., — когда окончательно берет верх тенденция только участвовать в выгодах от непосредственного сращения с промышленностью русских банков.

зайстве во время войны не произошло. Так же, как и в период промышленного подъема банки стояли в центре хозяйственной жизни страны, попрежнему продолжая быть главнейшими посредниками в деле доставления промышленности нового капитала, и руководили значительной частью крупных промышленных предприятий» (с. 80).

Само по себе это утверждение не содержит ничего такого, с чем нельзя было бы согласиться. Но Грановский вкладывает в эту фразу особый смысл; он полагает, что в соотношении финансово-капиталистических элементов во время войны никаких специфических изменений не произошло. Между тем, как известно, и война 1914 г. является периодом значительного усиления финансово-предпринимательских групп. Существовавшие до того времени группы делаются все более независимыми от банков, и в то же время возникает несколько новых финансово-предпринимательских групп в важнейших отраслях русской промышленности.

С другой стороны—и в этом больше всего сказываются принципиальные особенности этого периода—рядом финансово-предпринимательских групп удается овладеть крупнейшими русскими банками. Группа Ярошинского захватывает не только небольшой провинциальный Киевский банк, но и один из стиличных—Торгово-промышленный. Грановский сам добавляет к этому Русский для внешней торговли банк, подпавший под влияние того же Ярошинского. Представитель стахеевской группы появляется в правлениях Русско-азиатского и Волжско-камского банка, и, как добавляет сам Грановский, эта группа подчиняет себе Соединенный банк. К этому списку надо присоединить неуказанные мной в свое время факты подчинения Сибирского банка предпринимателю Денисову и хозяйничанья Немировского в Петербургском Частном банке. Наконец, к явлениям близкого порядка следует отнести переход руководящей роли в правлении Петербургского Учетного и Ссудного банка к Плотиникову.

Грановский очевидно не может оспаривать все эти факты, но пытается им дать совершенно иное толкование. «Тех коренных изменений в структуре финансового капитала, о которых говорит Гиндин, не было. Приведенные факты нуждаются в совершенно ином освещении и оценке, нежели та, которая им дается» (с. 81).

Грановский считает нужным подчеркнуть, что твердые держатели, появившиеся во время войны,—это отнюдь не «нормальные держатели»—рантье, а спекулянты, нажившиеся на военных поставках и повышении цен и стремившиеся не к руководящему влиянию в предприятиях, а только к предохранению своих капиталов от обесценения. Это утверждение очевидно ничего не меняет в специально интересующей нас области, а лишь говорит о специфичности и искусственности рынка ценных бумаг, созданного главным образом развитием инфляционного хозяйства военного периода. Но тут же Грановский пытается провести другую мысль, что «эта категория покупателей акций ни в какой мере не является угрозой могущества банков. Наоборот, это была, в большинстве, клиентура крупных банков, которая могла быть использована последними для своих целей». Это утверждение Грановского уже не соответствует действительности, поскольку невозможно провести резкой грани между охарактеризованным им таким образом «держателем» военного периода и финансово-предпринимательской группой, которая представляет собой категорию подобных крупных держателей. В сущности так смотрит на эту группу и Грановский. Но в полном соответствии с только-что приведенным своим утверждением он делает обратный вывод, что развитие финансово-предпринимательских групп, сумевших проникнуть в банки, также не представляло опасности для последних. Для доказательства этой мысли Грановскому приходится выдвинуть особое объяснение, которое можно определить как «теорию подставных лиц». Не имея возможности отрицать столь очевидный и бьющий в глаза факт, как подчинение важнейших русских банков отдельным финансовым предпринимателям, Грановский пытается доказать, что это подчинение отнюдь не означало расширения сферы влияния финансово-предпринимательских групп. Наоборот, последние, подчиняя себе некоторые крупные

банки, являлись на деле лишь агентами других крупных банков—в конечном счете одного Русско-азиатского банка—и осуществляли его политику, направленную на создание крупного концерна банков или какого-то сверхбанка. Необходимо подробнее разобратся в этой новой «теории» Грановского, которая в корне меняет смысл последнего периода развития финансового капитала в России.

Начну с замечаний общего характера. Уже приходилось отмечать тот факт, что правления крупнейших русских банков часто не имели опоры в лице группы крупных активных капиталистов, которые создают устойчивость правлениям крупных банков в Западной Европе. Этот факт был лишь частичным выражением отсутствия или слабости в стране твердых держателей дивидендных бумаг. Отсюда банковские акции, за вычетом нашедших себе твердых держателей за границей, находились часто в состоянии неустойчивого равновесия. Еще до войны правлениям некоторых банков приходилось изобретать хитроумные комбинации для того, чтобы крупные пакеты не попадали в руки спекулянтов типа Мануса и т. п. Так, например, неизвестный заправил Сибирского банка Соловейчик вошел в соглашение с председателем Соединенного банка Татищевым о взаимном обмене между руководимыми ими банками крупными пакетами акций. Сибирский банк взял на окошко 20 тыс. акций Соединенного банка, а последний поместил 10 тыс. акций Сибирского (курс их был вдвое выше Соединенного банка) в одно из патрируемых Соединенным банком предприятий.

Эти значительные неустойчивые пакеты банковских акций должны были еще возрасти во время войны, когда курс акций стал стремительно лететь вверх. Появление целой группы разбогатевших спекулянтов и предпринимателей (Второв, Стахеев, Ярошинский, Немировский, Денисов, Животовские вкуче с некоторыми крупнейшими спекулянтами довоенного происхождения, вроде Мануса) вызвало огромный спрос на банковские акции. Овладение банками открывало этим лицам огромные, неограниченные перспективы. Началась бешеная погоня за банковскими акциями, уплачивались огромные деньги за приобретение контрольных пакетов. Так, например, один из Животовских в начале 1916 г. заплатил за крупный пакет акций Сибирского банка на 140 р. за акцию выше их тогдашнего курса.

Для осуществления своих целей указанные лица имели возможность широко пользоваться банковским кредитом. На этом факте следует подробнее остановиться, потому что он особенно смущает Грановского. Наш автор, повидимому, полагает, что окольный кредит, открываемый банком, оценивается последним с точки зрения тех результатов, которые этот кредит в конечном счете может иметь. Между тем такой кредит—в интересующем нас случае кредит под акции другого банка—рассматривается лишь с точки зрения тех индивидуальных выгод, которые дает данная операция. Иная точка зрения могла бы быть у банков лишь в том случае, если между ними существовали широкая общность интересов и соглашение о совместной охране своих интересов от покушений финансовых предпринимателей и спекулянтов. Но как-раз этого на беду для банков в действительности не было. Банки весьма охотно спускали по высокой цене имевшиеся у них акции других банков. Личные интересы некоторых банковских заправил также облегчали задачу охотника за банковскими акциями. В одном, например, случае взаимного обмена акциями между двумя банками один из участников комбинации, пользуясь некоторыми неясностями договора и невозможностью защищать подобный договор в судебном порядке, пытался спустить сильно выросший в цене чужой пакет и сам подыскивал покупателя среди охотников за банковскими акциями. Но возможности последних становились неограниченными, как только им удавалось овладеть каким-либо крупным банком. Сам Грановский сообщает, что захват Ярошинским Русского для внешней торговли банка послужил исходным моментом для овладения Русским Торгово-промышленным банком с помощью средств Русского для внешней торговли банка.

Изложенное уже в значительной мере подрывает созданную Грановским теорию подставных лиц. Необходимо, однако, еще проверить ее на отдельных примерах, вернее, на том толковании, которое дает Грановский каждой отдельной финансово-предпринимательской группе, овладевшей каким-либо крупным банком.

Прежде всего Грановский останавливается на второвской группе и отмечает особый характер последней. Действительно, сферой влияния второвской группы являлась текстильная промышленность, довольно мало связанная с крупными петербургскими банками и оставшаяся до самой революции в основном вне сферы их влияния. Поэтому, говорит Грановский, развитие второвской группы, введение в ее состав Московского Промышленного банка отнюдь не могло означать сужения сферы влияния основной группы русских банков. Это утверждение само по себе правильно. Но полемическая установка Грановского заставляет его пройти мимо главного значения этого факта — возникновения крупного финансово-капиталистического центра в одной из важнейших отраслей русской промышленности, где финансово-капиталистические отношения были слабо развиты, — притом возникновения в особых формах, без всякого влияния и содействия крупных русских банков. Это очевидно не могло не внести принципиально нового момента в характеристику русского финансового капитала.

С наибольшей внешней убедительностью свою теорию подставных лиц Грановский проводит в отношении Ярошинского. Однако основной аргумент Грановского в пользу того, что Ярошинский является агентом Русско-азиатского банка, не выдерживает критики. 13-миллионный кредит Ярошинскому под векселя его сахарных заводов в Русско-азиатском банке ровно ничего не доказывает. Несомненно, что кредиты Ярошинского в других банках во много раз должны были превысить эту сумму. Кредитование под поручительные векселя было обычной формой промышленного кредита в России. Очевидно, подтверждением мысли Грановского могли бы служить лишь факты кредитования Ярошинского Русско-азиатским банком под акции тех банков, в которых хозяйничал Ярошинский. Да и то после сказанного выше один этот факт не мог бы служить подтверждением версии о Ярошинском как подставном лице Русско-азиатского банка. Ровно ничего не доказывает и второй аргумент Грановского, что контрольный пакет Торгово-Промышленного банка еще в 1915 г. находился в руках Русско-Азиатского банка, и, следовательно, без согласия последнего Ярошинский не мог бы овладеть Торгово-Промышленным банком. Очевидно, в этом случае для Русско-азиатского банка (которому Грановский приписывает стремление к созданию крупнейшего концерна банков или даже сверхбанка) являлось полной бессмыслицей вводить в эту комбинацию Ярошинского и использовать его для «захвата» банка, который уже находился в руках Русско-азиатского банка. Чувствуя шаткость своих позиций, наш автор делает оговорку, что Русско-азиатский банк «по крайней мере соблюдал благожелательный нейтралитет». Но тем самым рушится вся версия о Ярошинском как агенте Русско-азиатского банка. Гораздо естественнее предположить, что руководители Русско-азиатского банка просто нашли для себя выгодным передать контрольный пакет Торгово-промышленного банка в руки Ярошинского. Кстати, когда дела инфляционного концерна, нагроможденного Ярошинским, до крайности запутались в 1917 г., он искал спасения отнюдь не у Русско-азиатского банка, а непосредственно обивал пороги министров Временного правительства, добиваясь поддержки со стороны Государственного банка.

Подобную же точку зрения Грановский пытается провести в отношении группы Стахеева — Батолина. Правда, Батолин вошел в правление самого Русско-азиатского банка, и поэтому Грановскому приходится модифицировать свою теорию подставных лиц, заменяя ее в данном случае «теорией компаньонов». Тем самым наш автор уже признает, что Батолин является не столько исполнителем воли Русско-азиатского банка, сколько равноправным его участником *наряду* с главным заправкой этого банка — Путиловым. Пока еще неизвестно, как сложилось соотношение сил внутри Русско-

азиатского банка в результате этого компаньонства. Но следует подчеркнуть, что руководители банков как огня боялись компаньонов типа Батолина. Достаточно здесь указать, что, используя еще до войны Мануса в качестве союзника, ни одна руководящая группа не пропустила Мануса в члены правления. И естественно, — потому что такой компаньон требовал полной поддержки в своих делах и не желал считаться с тем необходимым минимумом осторожности, которую должен соблюдать и самый спекулятивный банк до той поры, пока в его политике преобладает банковская точка зрения. Спротивление же подобным устремлениям «компаньонов» нередко означало для старых правителей перспективу расстаться со своими местами.

Между тем руководители крупного русского инфляционного концерна военного времени брались за самые рискованные дела и нередко впутывались в явно дутые предприятия. Поэтому если бы даже появление Батолина в правлении Русско-азиатского банка не означало еще полного овладения последним, то во всяком случае несомненный факт компромисса как результата борьбы и уступок со стороны прежней руководящей группы.

Еще слабее аргументация Грановского при рассмотрении так называемого пароходного треста Гессен — Демкина. Грановский никак не может простить Гессену и Демкину их скромного прошлого. Помилуйте, в 1915 г. они еще кормились везе некоторых крупных банков, а в 1916 г. уже «фигурируют у Гиндина» в качестве независимых финансовых предпринимателей. Однако — и отнюдь не редкостью были и гораздо большие «взлеты» (Манус в прошлом — кассир и мелкий биржевой спекулянт, Д. Рубинштейн — темный биржевой агент и т. д.). Годы войны как-раз были особенно благоприятными для быстрого обогащения второстепенных банковских и биржевых делцов. Грановский никак не может постигнуть, как Гессену — Демкину удалось *устранить* финансирующие банки от влияния на пароходные общества. Здесь обычная логика изменяет Грановскому. Очевидно, у Гессен — Демкина было два пути создания своего треста. *Либо* устранить банки путем борьбы, *либо* заплатить им достаточную цену, чтобы банкам оказалось выгодным самим устранить от непосредственного вмешательства в дела пароходных предприятий и ограничиться выгодами от финансирования всего концерна в целом через его общество финансирования, в лице Торгово-транспортного банка. Равным образом ничего не доказывает факт привлечения М. И. Боголепова в правление Торгово-транспортного банка, поскольку в 1917 г. мы уже не находим Боголепова в составе совета и правления Сибирского банка.

Последний аргумент Грановского: «У нас, как и у Гиндина, нет документов, освещающих этот эпизод, но из бесед, подобных тем, на которых базируется Гиндин, нам известно, что создание пароходного треста произошло не без согласия и даже не без помощи банков и что в самом тресте банки имели некоторое влияние. Более того, руководящее влияние в тресте принадлежало Русско-азиатскому банку» (с. 86). Очевидно, что ни «согласие», ни «помощь», ни даже «некоторое влияние» не противоречат в основном самостоятельности пароходного концерна. Но главное, я должен в данном случае решительно отказаться от обычной моей солидарности с т. Грановским: некоторые документы, освещающие этот эпизод, все-таки у нас имеются. Основные сведения, приведенные мною в свое время о пароходном концерне, взяты из «Финансовой газеты», которая является наиболее ценным источником для освещения финансово-капиталистических связей в годы войны. Эта газета подробно останавливалась на отдельных этапах развития пароходного концерна и в то же время не имела обычая скрывать участие тех или других банков в финансировании акционерных обществ. Никакого упоминания о Русско-азиатском банке, этой навязчивой идее Грановского, в «Финансовой газете» не встречается.

Еще менее пригодным для теории Грановского является эпизод Нобель — General Oil Corp. Едва ли можно оспаривать, что предприятия Нобеля еще до войны возглавля-

лись крепкой финансово-предпринимательской группой, весьма мало зависевшей от банков. Стоявшие за RGO банки одной из своих целей ставили усиление своего влияния на Нобеля. Произведенный RGO специальный выпуск шеров для приобретения акций Нобеля привел к сосредоточению в руках RGO и, следовательно, стоявших за ним банков, некоторого пакета нобелевских акций. Но в то же время все шеры RGO остались в руках у банков и к тому же сильно понизились в цене. Тем самым дальнейшее наступление на Нобеля было для банков чрезвычайно затруднено. В результате банки и Нобель пришли к соглашению. По проникшим в печать сведениям, Нобелю удалось купить шеры и таким образом получить под контроль свои собственные акции, находившиеся в портфеле RGO. Тем самым Нобель сумел освободиться даже от того небольшого давления, которое могли на него оказывать банки через RGO.

Грановскому угодно изобразить весь этот эпизод как борьбу между двумя группами банков. Нобель из почти независимого еще до войны финансового-предпринимателя превращен в зависимое от банков предприятие. Доказательством этому служит лишь ссылка на журнал «Виржа» о том, что большинство акций Нобеля находилось в руках группы банков, в которую входили Азовско-Донской, Петроградский Торговый, Волжско-камский, Международный и Русский для внешней торговли банк. Откуда Грановский взял, что указанные банки составляли компактную группу, остается на его совести. Но главное, он сам здесь становится на ту точку зрения, с которой он так остроумно и удачно борется, когда анализирует влияние, вытекающее из владения иностранных банков акциями русских. Самый факт появления какого-либо банка на общем собрании Нобеля еще абсолютно ничего не доказывает. Такие банки, как Волжско-камский, Петербургский Торговый (можно сюда добавить и Московский Купеческий и др.), никакой активной политики по отношению к Нобелю проводить не могли. Их появление на общих собраниях может объясняться случайным скоплением в их руках нобелевских акций на счетах онкольных клиентов или обычной деловой связью с Нобелем. Что же касается Международного и Русского для внешней торговли банков, то они в равной мере были заинтересованы в RGO (входили в число учредителей), и, таким образом, очевидно—если бы был прав Грановский—они сами против себя боролись.

Как мне стало лишь позднее известным, приведенное мною из «Финансовой газеты» выражение «банки опростоволосились» надо понимать в довольно буквальном смысле. В 1917 г. Нобель сделал предложение банкам о передаче ему шеров RGO по сравнительно выгодной для банков цене. Главное при этом, в сумме имевшегося у RGO пакета акций Нобеля расчет должен был быть учтен акциями Нобеля нового выпуска. Таким образом банки избавлялись от шеров RGO, в их руках оставался тот же портфель акций Нобеля, и кроме того, они получали акции Нобеля нового выпуска по весьма выгодному для них курсу. Однако путем определенного трюка Нобелю удалось избежать расчета своими акциями и расплатиться целиком наличными.

Каковы бы ни были пути перехода шеров RGO в руки Нобеля, во всяком случае ясно, насколько мало обоснованы утверждения Грановского, что «переход решающей роли в нефтяной промышленности к независимым от банков финансовым предпринимателям или даже тенденцией к такому переходу в данном случае не пахнет» (следует здесь еще напомнить, что третий концерн, Шелль, безусловно был независим от банков и представлял собой дочернее общество одной из самых мощных в мире финансово-предпринимательских групп).

Сомнительной также представляется версия о подготовке к созданию концерна из четырех банков под руководством Русско-азиатского. Уже изложенные выше факты (продажа Русско-азиатским банком контрольного пакета Торгово-промышленного банка) делают сомнительной эту версию. Еще более сомнительным представляется создание группы банков или сверхбанка из таких ничего общего не имеющих, даже несколько

враждебных банков, как Русско-азиатский и Азовско-донской. Вероятнее, в этой версии отразился другой факт—концентрация в руках стахеевско-батолинской группы пакетов Русско-азиатского, Соединенного и Волжско-камского банков.

После сказанного очевидно вся искусственность теории подставных лиц, придуманной Грановским для доказательства отсутствия каких-либо существенных изменений в характере русского финансового капитала во время мировой войны. При наличии крупных странствующих пакетов банковских акций в России потребовалось гораздо меньше времени и несравненно менее слабой степени инфляции, чем в Германии, для того, чтобы процесс наступления инфляционных концернов на банки дал несравненно большие результаты. Поэтому приходится настаивать на правильности моего прежнего вывода, что «безличный банковский капитал пасует перед индивидуальным предпринимательским финансовым капиталом, пасует основательнее, чем в Германии, где даже Стиннесу не удалось захватить ни одного из Де-банков».

Однако в этот вывод необходимо внести одну существенную поправку, лежащую совсем в иной плоскости, чем критика Грановского.

Развитие финансового капитала в Германии за последние годы полностью доказывает рост влияния и независимости финансово-предпринимательских групп на высокой ступени развития финансового капитала. Этот процесс был значительно ускорен войной. Однако на почве военных сверхприбылей и военной и послевоенной инфляции создались специфические инфляционные концерны (крупнейший пример—Стиннес). Они оказались далеко не устойчивыми в отличие от горизонтальных концернов послевоенного периода. Большинство возникших в России во время войны финансово-предпринимательских групп по своему характеру приближаются к германским инфляционным концернам, и, следовательно, вопрос об их устойчивости, снятый Октябрьской революцией, так и остался открытым. К числу инфляционных концернов должна быть отнесена даже группа Стахеева, неправильно смешиваемая со старыми стахеевскими предприятиями и являвшаяся созданием другой небогатой ветви семьи Стахеевых. Однако наряду с этим наблюдается рост предпринимательских групп, построенных на другой основе: укрепление Нобеля, создание второвской группы и т. п. Наконец, под сенью банков созревали определенные финансово-предпринимательские группы, которые рано или поздно должны были эмансипироваться от банков (как, напр., Мещерский—создатель одного из крупнейших комбинатов в металлургической промышленности до поры до времени под эгидой Международного банка).

С этой поправкой данная мною в свое время характеристика годов войны, как периода крупных сдвигов в финансово-капиталистической системе России, представляется мне и сейчас в основном правильной.

* * *

Резюмирую. Работа Грановского является ценным вкладом в нашу литературу о финансовом капитале в России—в рамках поставленных себе основных задач—дать правильную перспективу развития финансового капитала и уяснить соотношение национальных и иностранных его элементов. Эта работа подводит итоги и окончательно разрешает эти два вопроса проблемы финансового капитала в России. Кроме того, книга Грановского значительно полнее, чем прежние работы, хотя и несколько односторонне освещает первый этап развития финансового капитала в России. Наоборот, следует считать неудачной попытку Грановского дать новое освещение развитию финансового капитала в годы мировой войны.

АНАХАРЗИС КЛОТС¹

ДОКЛАД П. ВИНОГРАДСКОЙ.

«Я имею несчастье быть человеком не моего века; рядом с нашими мнимыми мудрецами я кажусь безумцем».

Klouts: „Bases Constitutionnelles“

Одной из самых интересных фигур среди деятелей Французской революции является Анахарзис Клотс. И в то же время он менее остальных исследован. Его судьба была связана с судьбой левых, и его постигла та же участь: он погиб вместе с левыми, посланными на гильотину Робеспьером. Для историков этого было до сих пор достаточно, чтобы перечислить его в числе казненных и этим ограничиться. А так как вообще борьба левых с Робеспьером до сих пор мало исследована и освещена, то еще менее освещена и исследована роль Клотса в среде самих левых. К тому же Клотс был немцем. Когда Робеспьер послал его на эшафот, то считал лучше всего сделать это под видом расправы с ним, как с немецким шпионом, бароном, врагом республики, богачом, связанным с иностранными банкирами, продававшими французскую республику оптом и в розницу. Буржуазные историки, и даже лучшие из них, в эту легенду уверовали и этим «немцем» специально не занимались. Но зато через 120 лет, в империалистическую войну, когда надо было изобразить немцев, как единственных зачинщиков и виновников войны, напавших на Францию, снова вытащили на свет имя Клотса с тем, чтобы поставить его в пример «бошу» Вильгельмовской империи, поскольку Клотс признавал все преимущества цивилизованной Франции над Прусско-казарменной Германией; при этом выразилось сожаление, что такого образцового немца приняли за шпиона, казнили по ошибке². А немецкие историки в свою очередь поверили тому, что Клотс — французский революционер и потому считали себя «национально» свободными от более детального изучения его.

Как раз интернационализм Клотса — эта его основная черта, которая его так отличает от остальных деятелей французской революции и особенно от Робеспьера, — менее всего была по душе и менее всего была понятна буржуазным историкам.

Таким образом и случилось, что в течение 120 лет Клотс был в полном забвении.

И лишь теперь, в связи с возросшим у нас интересом к Великой французской революции, особенно к той борьбе сил и к тому переплету классовых интересов, который привел к расколу в среде якобинцев, к гибели левых и, наконец, к гибели самого Ро-

¹ Этой темой я занималась по совету А. М. Деборина, которому приношу мою глубокую благодарность. Доклад зачитал в Институте философии.

² См. статью Lenôtre в «Temps» от 5 VIII 1918 г. На эту статью любезно обратил мое внимание А. Фридлянд, работавший одновременно со мной в Национальной библиотеке.

беспера, открывается возможность вплотную подойти к Клотсу. Эта тема тем более интересна, что среди левых он является совершенно своеобразной фигурой. Как революционер и как мыслитель, он стоит совсем особняком, и в то же время в нем, как в фокусе, сконцентрировались все разногласия, которые были между левыми и центром, возглавлявшимся Робеспьером. Недаром Робеспьер видел в Клотсе своего личного врага и со всей силой обрушивался именно на него. Как левый, он особенно интересен для нас, поскольку идейно он стоял выше своих единомышленников, был единственным среди них, который все время революции продолжал интересоваться вопросами философии и справедливо может быть назван после Марата самым выдающимся, самым блестящим теоретиком санкюлотизма, к тому же санкюлотизма международного.

I. КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ А. КЛОТСА

А. Клотс до Французской революции

Анахарзис Клотс, или, по настоящему его имени, Жан Батист Клотс, родился 24 июня 1755 г. в замке Гнаденталь, около Клева. Отец Клотса, Томас Франсуа Клотс, был бароном, тайным советником прусского короля и происходил от богатых голландских купцов. По матери Клотс происходил от знаменитой в истории Нидерландов фамилии Виттсв. Его дядей по матери был известный Корнелиус де Пов, одно время друг короля прусского и автор ряда исследований об Америке, Египте, Китае и Греции. Дядя имел огромное влияние на своего племянника, особенно в юношеские годы последнего. Кроме того Клотс был в родственных отношениях с Монтескье.

Провинция Клев восбеще была слабо онемечена. Клотс же вдобавок с самого детства получил чисто французское воспитание. Несмотря на немецко-голландское происхождение, родным языком был для него с детства французский; немецкий он знал всегда не вполне удовлетворительно. История его школьного воспитания была такова: семи лет он был отдан в духовную школу в Брюсселе, потом неузатам в Монс, наконец, шесть лет находился в колледже Plessis-Sorbonne. Отсюда отец Клотса перевел его в Военную академию в Берлин. Клотс очень тяготился пребыванием в Военной академии, его тянуло к философии, а не к казарме. Свое тогдашнее отвращение к солдатчине он живо описал потом в «Chronique de Paris» (март, 1792 г.).

Когда Клотсу было двадцать лет, умер его отец. Сын получил тогда свободу и отцовское состояние и устремился в Париж. В Париже Клотс вращается почти во всех известных литературных салонах того времени: м-м Виллет, графини Фанни Богарно, м-м Додовили, баронессы Монтескье, м-м Гельведий. У Виллет он знакомится с Вольтером, на склоне дней последнего и в ореоле его славы. Он посещает Руссо и сообщает ему девиз своей жизни: veritas atque libertas (истина и свобода). Руссо признает этот девиз не худшим, чем его собственный: vitam impendere vero (посвятить свою жизнь служению истине). Еще с колледжа Клотс знал Лафайета, встречался с Франклином, Мабли, Бальи и т. д., был очарован Парижем и жадно изучал его. После трех лет пребывания в нем, он предпринимает ряд путешествий. Возвратившись в 1778 году на родину, в Гнаденталь, Клотс посещает Льеж и Амстердам. В 1784 г. он едет в Англию и в Экзонфильде посещает известного английского либерала и политического писателя Бурке. Вернувшись в Париж, он вскоре по делам наследства посещает Голландию. В 1786 г. в Амстердаме он встретился и подружился с мнимым алоанским принцем Кастриото, носившим массу других громких титулов, который оказался знаменитым международным мошенником крупного масштаба — Заффановичем. Материально Клотс пострадал немного, потому что арест Заффановича состоялся до начала намеченного ими совместного путешествия по Европе. В 1787 г. Клотс посещает Рим, Южную Италию, затем Испанию, возвращается в ноябре 1788 г. во Францию, затем снова едет в Испанию и возвращается во Францию в июле 1789 г., уже после начала революции.

Из общественной деятельности Клотса до Французской революции надо отметить его антирелигиозную деятельность, точнее говоря, его атаки на католицизм и христианство вообще. Он принимает деятельное участие в музее, основанном в 1781 г. Пилляр де Розье для популяризации знаний и иностранной литературы. Через 8 дней после открытия он произносит речь, где обрушивается на «L'hydre du Mensonge», la tyrannie sacrée. Он доказывает, что христианство — «всегда сомнительная вещь, и против него философия не должна разоружаться».

Он требует периодических дискуссий на религиозные темы с тем, чтобы результаты их были опубликованы. Он указывает, что музей должен сделать в области философии то, что Академия наук делает в области астрономии. И альманах музея будет самым занимательным из всех альманахов (20 декабря 1781 г.). Он вносит об этом же предложение в 1783 г. и после отказа короля печатает свои статьи на собственный счет.

Клотс принимал участие в администрации музея, впоследствии называвшегося лицеем, и поддерживал его материально (в 1783 г. покрыл его дефицит в 40,000 ливров). Он выступал в музее с антирелигиозными речами и участвовал в публичных дебатах на эти темы. Уже в этот период проявилась его способность ставить каждый вопрос в наиболее резкой форме и создавать вокруг него общественный шум.

Что касается литературной деятельности Клотса до революции, то она началась в 1778 году, когда он, будучи 23 лет от роду, опубликовал анонимно (теперь его авторство установлено) свою первую работу, а именно — диалог под названием «Voltaire triomphant ou les prêtres déçus» (Торжествующий Вольтер или обманутые в своих ожиданиях попы). Это весьма слабое произведение было написано в связи со слухами о том, что Вольтер перед смертью раскаялся в своих нападках на церковь и умер в отчаянии. В драме высмеяны попы и Вольтер представлен в его настоящем виде. В конце следующего года Клотс опубликовал свое первое большое философское, вернее, критико-теологическое произведение «Certitude des preuves du Mahometisme», представлявшее собою ответ на «La certitude des preuves du Christianisme» аббата Бержье. Это об'емистое сочинение, помеченное Лондоном 1780 г., было напечатано в Амстердаме, под вымышленным псевдонимом Aligier-Ber (Gier-Ber — перевернутое Bergier). По уверению Клотса оно обошлось ему в 15 часов ежедневной работы на протяжении трех лет. Мы не останавливаемся пока на этом труде Клотса, потому что о нем речь будет ниже.

В 1783 г. было опубликовано письмо Клотса о евреях «Lettre sur les Juifs» (это был его доклад в музее 21 ноября 1783 г.), а в 1784 г. написано и в 1785 г. опубликовано «Voies d'un Galliphile». О первой работе подробнее речь будет ниже. Вторая содержит выражение благодарности и восторга Клотса перед Францией, его новой родиной. Уже тогда он поднимает вопрос о присоединении к Франции своей родной провинции Клева, так как по его мнению Рейн есть естественная граница Франции. Из интересных мест этой брошюры стоит отметить следующую мысль, являющуюся предвосхищением теории Мальтуса: «Если бы женщины были в десять раз плодотворней и жизнь в десять раз продолжительней, было ли бы населения больше? Вы ответите: да, а я говорю: нет, если только хлебное зерно не будет давать в десять раз больше колосьев. Взвесьте мой ответ и вы убедитесь, что я прав» (стр. 151). «Средства существования создают население» (стр. 12). Нигде не видно, чтобы Клотс был знаком с трудами Кенэ и с его спором с Мирабо. Поэтому не исключено, что он самостоятельно пришел к этому выводу, сыгравшему столь значительную роль в истории экономической науки.

В области политической Клотс был перед Французской революцией сторонником просвещенного абсолютизма в духе Фридриха Великого.

Иными словами, с точки зрения буржуазной революционности и в области религиозно-философской и в области политической Клотс был, выражаясь вульгарно, полным недоноском. Тем огромней тот прыжок, который он сделал за 3½ года самой революции.

Клотс во время Французской революции.

Клотс возвратился из Испании в 1789 г. уже после взятия Бастилии и примкнул к революции с энтузиазмом. Из Парижа он отправился в провинцию и был свидетелем того, как протекала там аграрная революция крестьянства, которую он горячо приветствовал. Вернувшись в Париж, он принимает деятельное участие в революционных клубах и в революционной печати. С самого основания он участвует в клубе якобинцев: в 1790 г. он трижды выступает в клубе: 1) Об опасности отпускать короля из Парижа; 2) Против института кардиналов и за *évêques ambulants*; 3) О невозможности английского дессанта. Что касается печати, то больше всего за первые три года революции Клотс поместил статей в «Chronique de Paris» (всего 44 статьи). Кроме того он писал в Монитере, в универсальной газете Бриссо, в журнале Камилла Демулена («*Revolution de France et de Brabant*»), в «Патриотических анналах». Затем Клотс выпустил много небольших брошюр на различные актуальные темы революций (в 1790 г. — 4, в 1791 г. — 2, в 1792 г. — 12, в 1793 г. — 9). Во всех этих статьях и брошюрах Клотс продвигает быструю эволюцию в области общего мировоззрения от наивного деизма к атеизму и материализму (что особенно видно из его полемики с Fauchet в 1791 г.), в области же политической — от конституционализма либерального буржуа к санкюлотской республике, от патриотизма нации — к космополитизму. Клотс отказывается от своего титула немецкого барона во имя звания французского буржуа и санкюлота. Он отказывается от своего имени, данного ему при крещении, производит над собой публично операцию перекрещения, выходит из христианства и принимает имя героя древне-греческих легенд, скифского путешественника Анахарзиса. На своих визитных карточках он пишет: А. «Клотс, личный враг Иисуса Христа».

Резкие нападки на религию и духовенство, публичный выход из христианства, ряд выступлений в связи с позицией короля поднимают вокруг имени Клотса некоторый шум, о нем начинают говорить. Но больше всего на шумел Клотс своими выступлениями в роли «оратора рода человеческого». В 1790 г. он организовал из представителей различных национальностей, проживавших в Париже и примкнувших к революции, делегацию в Национальное собрание. Как глава делегации, или (как он ее назвал) *l'ambassade du genre humain*, Клотс произнес речь, в которой заявил, что Французская революция есть лишь начало революции во всех четырех концах земного шара, и потребовал права участия в празднике Федератов и для иностранцев, примкнувших к революции. Это выступление вызвало взрыв восторга в самом собрании и в стране, и о нем много потом писали в газетах и журналах. Речь была отпечатана вместе с ответом президента собрания и распространена в полумиллионе экземпляров. С этого времени мысль о мировой революции, создающей республику вселенной, является главным предметом пропаганды Клотса в речах и статьях. В его иностранном легионе во время манифестации на Марсовом поле участвовало, по его заявлению, до тысячи человек. Пропаганда универсальной республики встретила не только поддержку, правда довольно слабую, но и вызвала протесты и насмешки со стороны контрреволюционеров, а также и отрицательное отношение у многих патриотов, во главе с Робеспьером.

Второй идеей, которую упрямо, с большим талантом и с большой пронизательностью защищал Клотс, была идея наступательной войны против соседних монархий. Клотс доказывал, что Французская революция не может и не должна ограничиваться Францией, что она должна поднять все народы против их угнетателей и что если она сама не будет наступать на монархии, то монархии начнут наступление против нее. Прогноз этот полностью оправдался, как известно. Осторожный и трезвый Робеспьер, защищавший политику мира с соседними державами, чтобы укрепить революцию внутри, оказался утопистом, а утопист Клотс был ходом истории оправдан как более реальный политик. Сначала Клотс сам был сторонником мира. Но уже осенью 1791 г. он понял,

что война неизбежна. 1 января 1792 г., после пацифистской речи Робеспьера на предыдущем собрании якобинского клуба, Клотс произносит в клубе речь в защиту войны. Он говорит в ней: «Именно потому, что я хочу мира, я требую войны». Мы должны «поднять жакерии трудящихся масс Европы». Клотс верил в победу Франции, доказывал, что она сильней своих соседей и идейно, поскольку может опираться на восстание масс против их вековых угнетателей. По его мнению не Французская революция, а короли были заинтересованы в мире. После того как военный министр объявил о формировании революционного батальона из ботавов, а Собрание декретировало создание такого же батальона из альборогов, Клотс явился 12 августа 1792 г. к решетке Собрания, пожертвовал 12 000 франков и предложил поручить ему формирование прусского легиона, к чему он и приступил немедленно. (Вместе с саксонским врачом Saifert Клотс организовал La legion Allemande; вскоре Saifert был арестован; затем по ходатайству бедных пациентов выпущен) (см. Chukertt).

Когда Законодательное собрание в благодарность тем иностранцам, которые стали на сторону Французской революции, дало наиболее известным из них право гражданства, то в списке таковых был и А. Клотс. Это дало ему право участвовать в выборах и быть избранным в Национальный Конвент. Он был избран туда от двух департаментов сразу: от департамента Уазы и от департамента Саоны и Луары. Он остался депутатом от первого.

Внутри самого Конвента деятельность Клотса была мало заметной, тем более, что получить слово на пленарных заседаниях его было не легким делом. Клотс был избран в «Дипломатический комитет» Конвента, участвовал недолго в Комитете народного образования и был членом двух незначительных комиссий. Но тем энергичнее он действовал за пределами Конвента. Он выступает в клубе якобинцев по наиболее злободневным вопросам, избирается одно время даже председателем Клуба, попеременно пишет в периодических изданиях и выпускает брошюры. Из политических выступлений его за это время надо отметить речь за осуждение короля, выступления в защиту сентябрьских убийств и его резкую кампанию против жирондистов. Против жирондистов Клотс выступал, главным образом, как противник федерализма, как сторонник централизованного правительства, опирающегося не на федерацию, а на департаментское деление Франции, которое он хотел бы распространить на весь мир. В то же время Клотс продолжает горячо защищать свою идею республики вселенной и выставляет в защиту ее ряд новых аргументов, вырастающих в целую теорию идеального капиталистического общества без национальных границ, без таможенных барьеров, без армий и многих других элементов государства. Более подробно об этом мы будем говорить ниже. Клотс горячо приветствует присоединение к Франции альборогов и Савойе и советует бельгийским революционерам не создавать на территории Бельгии особой Бельгийской республики.

В области социально-политических отношений внутри Франции Клотс выступает энтузиастическим защитником санкюлотства. Это не мешает ему в то же время быть решительным противником так называемого аграрного закона и также каких-либо покушений на буржуазную собственность.

Клотс не только рассорился на политической почве со многими из своих друзей, оставшихся на более умеренных позициях, не только порвал с жирондистами (он бывал раньше на обедах у М-ме Роллан), но не ладил и с вождями якобинцев. Он не ладил с Маратом, который назвал Клотса во время избирательной кампании в Конвент шпионом Берлина. Но еще больше столкновений он имел с Робеспьером, мелкобуржуазную ограниченность которого и приспособленчество в ряде вопросов он раскусил очень рано.

Баронский титул, немецкое происхождение, богатство, космополитизм, атеизм и атеизм (Клотс был инициатором культа разума, который должен был сменить религию) были главными козырями против Клотса в руках его противников из самого же якобинского лагеря. Во время чистки в клубе якобинцев Клотс опроверг все возводившиеся

на него и в общем живые обвинения, но тем не менее, после выступления Робеспьера за его исключение и после того, как Клотсу не было дано слова ответить, он был исключен из клуба. Он ответил на все нападки и обвинения в брошюре «Апелляция к человечеству»¹, которую он издал спустя несколько дней. Робеспьер после этого произнес в Конвенте речь, направленную против подозрительных иностранцев, провел резолюцию об исключении иностранцев из рядов членов Конвента, а затем А. Клотс вместе с Томасом Пэн был арестован по ордеру Комитета общественной безопасности. Три месяца Клотс провел в тюрьме Сен-Лазар и затем был судим вместе с голландским банкиром Коком и некоторыми гебертистами с одной стороны (Ронсон и др.), а с другой — с соучастниками Дюмурье, иностранными шпионами и сыщиком Лабурю. Это был один из тех гнусных процессов, построенных на живых обвинениях и на смещении революционеров с контрреволюционерами и шпионами, посредством которых Робеспьер раздвигался со своими политическими противниками. Процесс в Трибунале продолжался 4 дня. Клотс опроверг все живые и глупо составленные обвинения, но это не помогло, потому что приговор был составлен заранее. Он был осужден вместе с другими на казнь и встретил смерть с исключительным мужеством и спокойствием.

II. ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ КЛОТСА

Клотс интересен не только как деятель Великой французской революции, но и как философ-мыслитель.

История идеологий показывает, что эпоха теоретического обоснования взглядов выступающего на сцену класса не совпадает с эпохой политической зрелости того же класса. Так было с буржуазными энциклопедистами-просветителями, которые предшествовали буржуазным и мелкобуржуазным деятелям Великой французской революции. Интересное исключение в этом отношении представлял Клотс. Это фигура энциклопедиста, занесенного, вопреки хронологии, в бурю Великой французской революции. Всякое выдвинутое им политическое требование, всякий выброшенный им лозунг он считал необходимым обосновывать философски. Клотс являлся тем звеном, которое связывало энциклопедистов с декларацией прав человека, салоны М-ме Гельвеций, Гольбаха и др. с якобинским клубом.

А. Клотс как деист.

Как и огромное большинство французских материалистов XVIII в., А. Клотс начинает свое философское развитие с попытки освободиться от идеологических цепей христианской церкви, прежде всего католицизма. Борьбу с теологией Клотс ведет в этот период очень энергично, но не доводит ее до конца. Он останавливается на пороге к атеизму; он остается на позициях деизма, т. е. на позициях компромисса и приспособления феодально-религиозной идеологии к потребностям буржуазного развития. Исторически можно различать две основные разновидности деизма: деизм, как переходный этап к буржуазно-рационалистическому атеизму, и деизм — как продукт буржуазной реакции, как продукт отступления от позиций материализма и атеизма под давлением крепнущего рабочего движения. Деизм Клотса, разумеется, первого рода. Как увидим ниже, он не задерживается особенно долго на этой промежуточной станции, но тем не менее оставляет на ней довольно заметный идеологический багаж. Этот багаж очень значителен и в количественном отношении. В этот период Клотс пишет свое первое крупное, а по размерам самое обширное произведение².

¹ Appel au genre humain par An. Kloots (Paris, frimaire, an II).

² «La certitude des preuves du Mahoméisme en réfutation de l'examen critique des apologistes de la religion Mahométiste». Par Ali-Gier-Ber. Londre 1780. 636 pp.

Это второе после пьесы ¹ — юношеское произведение Клотса — было написано им в основном к 1773 году, т. е. когда автору было 24 года, и вышло из печати в 1779 г. в Амстердаме. Во время печатания этой книги Клотс все время прибавлял к тексту новые и новые места, в результате чего книга сильно превысила первоначальный размер. Для внешней конструкции книги характерно, что она состоит примерно на $\frac{1}{20}$ и текст на $\frac{19}{20}$ из огромных примечаний.

Для обмана цензуры Клотс выдал свою работу за перевод книги магометанского теолога, присланной ему якобы из Каира.

В этом своем произведении, изобилующем бесчисленным множеством длинных цитат из различных религиозных книг, Клотс выдвигает и доказывает при помощи самой различной аргументации, иногда довольно своеобразной, ряд положений деизма, ведя все время подкоп под христианство, особенно же против его католической ветви. «Если русские говорят, что турок лучше католика, то я скажу, что мусульманин лучше христианина». Одно из основных положений, которое защищает Клотс устами мнимого философа Мамуда, гласит так:

«Религия, доказательства которой не доступны всем разумным людям, не может быть религией, установленной богом для людей простых и темных (ignorants); из религий, которые выдают себя за продукт откровения, нет ни одной, доказательства которой были бы доступны всем людям: следовательно, ни одна из религий, претендующих на откровение, не может быть религией, установленной богом для людей простых и темных» ². Одно из двух, — говорит Клотс далее: либо все религии угодны богу, либо имеется одна истинная религия, вне которой людям угрожают всякие муки. Если последнее верно, то «бог этой религии был бы самым несправедливым и самым жестоким из тиранов» ³.

Этот мотив часто и настойчиво звучит на протяжении всей книги. Наиболее четко он выражен в первом письме «юного философа к юному теологу», кончающемся фразой: «Будем любить бога — благодетеля вселенной — и с ужасом отвернемся от тиранического и кровавого бога евреев, турок и христиан» ⁴.

Но раньше, чем притти к такому выводу, Клотс на протяжении 500 страниц либо под флагом магометанской критики христианства, либо под видом такой защиты истинности магометанской веры, которая (защита) карикатурно воспроизводит все бессмыслицы христианской теологии, пространно доказывает нелепость притязаний одной какой-либо религии на истинность, равенство их друг с другом, одинаковость религиозных суеверий и бессмыслиц у всех исповеданий, и в конце концов одинаковую несостоятельность всякой веры, противоречащей разуму.

В этой книге Клотс показал, несмотря на свою молодость, значительную начитанность в теологической литературе, а также знакомство со всей основной литературой энциклопедистов и англичан, направленной против католицизма. Так, он цитирует в книге или упоминает в разной связи Вольтера, к которому в этот период он питал особенно большое почтение, Ж.-Ж. Руссо, Юма, Локка, Д'Аламбера, Гельвеция и др.

В общем в «La certitude des Preuves...» А. Клотс остается на том уровне критики религий, который никогда не переступал Вольтер, и на котором одно время оставались Дидро и другие материалисты-просветители, пока не перешли на ступень полного атеизма. Тот факт, что книга Клотса была написана уже после того, как ряд энциклопедистов стал на позицию атеизма, доказывает ее преимущественно-биографическое значение;

¹ Эта пьеса вышла анонимно и была озаглавлена: «Voltaire triomphant ou les Prêtres déçus».

² «La certitude etc», p. 4.

³ Ibidem p. 253.

⁴ Ibidem, p. 532—533.

эта книга не отметила собой никакого этапа в развитии предреволюционной буржуазной идеологии, она являлась в известном смысле отступлением, стояла на уровне пройденных уже и оставленных буржуазной мыслью позиций. А. Клотс должен был и в своем индивидуальном развитии пробежать этот деизм, уже пройденный коллективной мыслью революционной буржуазии. Он оставил литературный след этого периода своего развития в «Магометанстве» (и в некоторых других работах, о которых ниже). Было бы большой ошибкой это произведение, чрезвычайно важное для истории умственного развития самого Клотса, считать в такой же мере важным и для истории буржуазной мысли во Франции. Это так же смешно, как отроческие стихи Пушкина, в которых он подражал Державину, при всем огромном биографическом интересе их, включать в историю русской литературы. А между тем, те немногие исследователи ¹, которые вообще занимались Клотсом (кроме Болига) склонны делать такие ошибки. Они сильно преувеличивают значение «Магометанства» в сравнении с этапами, уже достигнутыми революционной буржуазной идеологией периода «Энциклопедии». Между тем достаточно сравнить «Магометанство» с «Племянником Рамо» Дидро, с «Системой природы» Гольбаха и «О разуме» Гельвеция ², чтобы, не порывая с объективной истиной исторической критики, охарактеризовать «Магометанство» как юношеское повторение задов энциклопедистов, хотя и своеобразное повторение, показывающее желание автора самому пройти весь путь к материализму самостоятельно. Как деист Клотс отгораживается от атеиста Гельвеция ³ и преподносит читателям в качестве «теории познания» следующую наивность: «Всюду, где я вижу остроумно построенную машину, я говорю, что творцом ее является работник. И эта огромная вселенная также является остроумной машиной, значит она также есть создание какого-то работника» ⁴. С философской точки зрения, в частности с точки зрения теории познания, «Магометанство» А. Клотса не представляет большого интереса, и он сам не обнаруживает еще большого интереса к теории познания; так, например, цитируя Юма (в общем 9 раз), Клотс почти не замечает, чем прежде всего был велик этот философ.

Стиль Клотса в этой работе довольно тяжелый и неповоротливый. Следовательно, и с этой стороны Клотс не превратился еще в блестящего, яркого, немногословного французско-публициста, каким он выступает перед нами в эпоху своей литературной зрелости во всеоружии всего богатства французского языка.

Точно так же, вопреки позднему литературному обыкновению Клотса, в «Магометанстве» автор все время держится строго в пределах теологических проблем. Здесь вы не встретите тех блестящих отступлений от темы, бросающих яркие снопы света в разные направления, которые так характерны для позднейших произведений Клотса.

Надо сказать, что сам А. Клотс очень высоко, и, как мы видим, незаслуженно высоко ставил это свое юношеское произведение. В позднейших своих работах он по постановке новых проблем и по ряду новых, оригинальных мыслей, и по прелести стиля далеко оставил его позади.

* * *

Перейдем теперь к рассмотрению следующего его произведения этого же периода: «Lettres sur les Juifs» ⁵. После длинного и утомительного сочинения о магометанстве, на котором мы остановились не очень подробно, совсем непропорционально об'ему книги,

¹ Особенно см. George Avenel, Anacharsis Cloots, I et II volumes.

² Diderot, Le neveu de Rameau; Holbach, Le système de La nature, Helvetium, De l'esprit.

³ La certitude etc. p. 159.

⁴ Ibidem p. 144.

⁵ A. Cloots, Lettre sur les Juifs à un ecclésiastique de mes amis, lue dans la séance publique du Musée de Paris par M. le B. d. C., Berlin. 1783, pp. 90 + X11.

«Письмо о евреях» читается с значительно большим интересом. И совсем не потому, что письмо или, верней, письма вместе с другими заметками составляют всего брошюру в 90 страниц маленького формата. Во-первых, письмо о евреях является более зрелой работой, чем в сущности ученический труд о магометанстве. «Письмо» издано в 1783 г.¹, когда Клотсу было 28 лет. Во-вторых, стиль этой работы выгодно отличается от стиля «Магометанства» своей живостью, краткостью, образностью, напоминающая уже зрелые работы Клотса. В-третьих, в «Письмах» есть ряд чрезвычайно интересных мыслей, показывающих, как Клотс начинал уже в это время подходить к экономическому объяснению многих важных исторических фактов, что, как увидим ниже, составляет одну из наиболее любопытных черт Клотса, как социолога, или, если выразиться скромней, как публициста, размышлявшего над историческими процессами.

Самым интересным в «Письмах о евреях» является попытка Клотса материалистически объяснить тот факт, что евреи не ассимилировались с другими нациями, хотя и потеряли свою территорию и рассеялись по всему свету. В сущности, это и есть основная тема писем. Сам Клотс писал по этому поводу следующее: «Вы выражаете мне Ваше изумление, мой дорогой аббат, по поводу того факта, что евреи пережили гибель своего отечества. Как различно смотрим мы на вещи! Ибо я был бы сильно удивлен, еслиб евреи окончательно смешались с другими нациями. При наличии принципов быта, прямо противоположных таковым у других народов, было бы естественнее соединить огонь и воду, чем слить народ иудейский с иными нациями»².

Мы видим здесь лишь описание факта. Но дальше Клотс пишет следующее:

«Я теперь вскрою вам главную причину сохранения евреев: идея, которая мне кажется новой и заслуживающей внимания. Древние колонии евреев были торговыми, а не земледельческими, так что после последнего разрушения Иерусалима беглецы присоединились к колониям, осевшим на территории всей римской империи; из жалких хлебопашцев или виноделов они превратились в ловких богатых negociантов. Именно торговле, этой свободной и независимой профессии, которая, подобно Протею, знает тысячи форм и лазеек, чтобы ускользнуть из рук деспота, евреи обязаны их теперешним существованием. Это причина объясняет все; ее достаточно для объяснения, независимо от того, рассматривать ли ее изолированно от других причин или вместе с ними»³.

Далее Клотс доказывает, что карфагеняне не погибли бы после разгрома, который им нанесли римляне, еслиб имели торговые колонии в других странах. То же он говорит и о ряде других народов. «Жестокие эдикты правителей Восточно-римской Империи никогда не уничтожили бы язычества римского мира, если бы бретонцы, иберийцы, галлы, африканцы, итальянцы, греки, финикийцы периода упадка не относились бы с пренебрежением к торговле»⁴. Указывая на роль, которую сыграл изобретенный евреями вексель, на влияние евреев во всех тех странах, где они организовали торговый обмен, и на ущерб, который приносило каждой стране их изгнание, и подкрепляя эти свои рассуждения целым рядом аналогичных примеров, Клотс продолжает развивать свою мысль о той роли, которую сыграла торговля в истории еврейского народа и история еврейского народа в общей истории человечества.

¹ Эта книжка является докладом, прочитанным Клотсом в 1782 г. в Музее. Он не мог добиться, чтобы музей опубликовал его, и годом позже сам издал его. Болиг рассказывает, что книга наделала много шума и скандалов. Архиепископ протестовал против ее выхода. Сам президент, Курт де Жебелен (министр протестант), стыдил автора и указывал, что Музей не создан для таких целей. Здесь надо почитать мораль, и не позволять себе непочтительности к тому, что рассматривается как истина.

² «Lettre sur les Juifs etc.» p. 2.

³ Ibidem, p. 45.

⁴ Ibidem, p. 7.

Этот материалистический уклон мысли Клотса в деле об'яснения исторических фактов представляет чрезвычайно любопытное явление для его эпохи, эпохи исторического идеализма, исторического рационализма, когда разум считался единственно движущей силой исторического процесса.

Позже в других работах Клотса, трактующих о государстве, о всемирной республике, о неизбежности победы Французской революции, о корнях англо-французского антагонизма и т. д., — мы еще встретимся не раз с подобными же попытками ошупью добраться до экономического об'яснения ряда явлений общественной жизни.

Возникает вопрос: на какой же стадии находится в разбираемой работе Клотс в своем движении от деизма к атеизму? На этот вопрос надо ответить так: еще более резко и так сказать более непринужденной становится его критика католицизма и христианства вообще; он продолжает высмеивать претензии каждой религии выдавать свои мифы за вечные истины и только свои чудеса считать истинными; он говорит уверенно о противоречиях в священном писании и о «пощечине Евангелию, полученной от Д'Аламбера» и т. д. Но в то же время во втором своем письме к Жебелену он заявляет с первых слов о согласии с Жебеленом насчет «великих принципов существования бога и бессмертия души»¹.

Более того, Клотс заявляет: «Я одобряю ваше выступление против атеистов и материалистов, я досаую, что вы так плохо третируете Жан-Жака»².

Споря с Жебеленом по ряду более второстепенных вопросов, Клотс в основном остается на этой стадии еще деистом, все еще повторяя трафаретные фразы против «атеизма и материализма».

В остальном его письмо о евреях, письмо к Жебелену и т. д. имеют главным образом биографический интерес.

Любопытно, между прочим, что Клотс в этом произведении выражает свое величайшее почтение к Фридриху Великому и даже устанавливает периодизацию истории применительно к просвещенному прусскому абсолютизму; он с гордостью подчеркивает свой иммунитет от преследований во Франции в качестве «подданного Фридриха Великого»³.

От деизма к атеизму и материализму

Среди огромного количества статей и брошюр Клотса, не говоря уже о книжках, мы не найдем ни одной, которая была бы специально посвящена вопросам философии, если не считать, разумеется, его книги об «Истинности учения магометанства»⁴, занимающуюся исключительно критикой религии.

Как мы уже говорили выше, в своих дореволюционных работах Клотс стоит полностью на позиции наивного деизма. С другой стороны, во время революции он не только выступает как яростный атеист, но и как вполне сложившийся и законченный материалист. С огромным интересом каждый биограф Клотса должен искать ответа на вопрос, где, в каких печатных произведениях самого Клотса и в документах его эпохи, говорящих о Клотсе, можно найти указание на те переходные ступени, которые отделяют его деизм от его атеизма и материализма.

К сожалению, самый тщательный анализ всего литературного наследия Клотса и о Клотсе не дает никаких сколько-нибудь определенных указаний, каким образом произошел указанный переход, какие были его промежуточные звенья, как деист стал материалистом. Об'яснение этого идейного скачка тем трудней найти, что, как мы уже сказали, у Клотса нет ни одной работы, специально посвященной изложению его мате-

¹ «Lettre sur les Juifs» p. 40.

² Ibidem, p. 44—45.

³ Ibidem, p. 88.

⁴ «La Certitude des Preuves du Mahometisme etc.»

риалистической философии, где он, вероятно, сказал бы что-нибудь и о путях, какими он пришел к своим выводам. Материализм Клотса всплывает внезапно, как результат не эволюции, а идейного скачка. Несомненно это объясняется общей революционной обстановкой последних пяти лет его жизни (1789—1794), благодаря которой идейная эволюция так же переходит в идейную революцию. Определяющими при этом были политические события этих лет, а не какие-либо идейно-литературные влияния на Клотса, который вряд ли имел тогда время и охоту углубляться в изучение материалистической философии его предшественников, несмотря на всю его любовь оставаться одному с собственными мыслями, на его пристрастие «к размышлению во всякое время».

Клотс как атеист

Посмотрим прежде всего, как разделяется Клотс со своим деизмом, на позиции которого он стоял до революции.

Надо сказать, что первые два года он атакует не столько бога, сколько духовенство. 18 марта 1790 г., полемизируя с автором анонимной брошюры «De la Religion à l'assemblée Nationale», где последний предлагает реформировать католицизм и сделать его государственной религией, Клотс пишет письмо под заглавием «Предложение одного члена Якобинского клуба»¹. В этом «Предложении» есть такое место: «Стоит отметить, что наиболее ярые враги французской конституции горячо настаивают на сохранении католицизма, и эти враги отнюдь не были религиозными до революции. Берегитесь опасность в западню, свободные люди, ваши взоры хотят приковать к небу, чтобы окопачить вас на этой земле» (vous jouer quelques mauvais tours sur la terre).

Много интересных мест, характеризующих отношение Клотса к религии и морали в следующем 1791 г., мы находим в его полемике с Фоме².

В своем письме к Fauchet Клотс, между прочим, пишет:

«Вы забываете, что... мораль и закон основаны на общественном интересе и что именно этот интерес возстает против разбойников, аристократов и преступлений, но при чем здесь собственно религия? Наоборот, мы ясно видим, что интересы неба и духовенства противоречат (croisé) интересам земли и людей. Это столкновение есть источник тысячи преступлений, тысячи раздоров. Религия обещала наказание угнетателям на том свете; но конституция идет дальше, ибо, ликвидируя неравенство происхождения, она освобождает нас от этого грустного утешения»³. И далее:

«Патриоты хотят быть свободными, но не умеют быть последовательными. Именно, чтоб быть последовательным, я раскрестился (debaptisé) и я приглашаю Клода Фоме, во имя отечества, последовать моему примеру»⁴.

И в конце он говорит:

«Я ничего не хочу и ничего не заслуживаю получить, потому что, именно исходя из эгоизма, о котором так много говорилось, я объявляю войну всяким эгоистическим наклонностям, которые нагло хотят занять место на троне закона беспристрастного и благодетельного» (стр. 107).

Но окончательно и лучше всего по форме Клотс разделяется не только с испани, католицизмом и религией вообще, но и с самим господом богом, а следовательно и со

¹ См. в «Chronique de Paris» от 29/III 1790.

² Эта полемика между Клотсом и Фоме помещена в № 42 от 14 апреля 1791 г. — «Bouches de fer» Нац. б-ка Lc:317, cercle sociale.

³ К-милект № 42, стр. 104—105.

⁴ Там же, стр. 105.

своим юношеским девизом, в самом замечательном и наиболее зрелом своем произведении «Bases constitutionnelles de la république du genre humain»¹.

Здесь мы встречаем такие места:

«Я доказал в разных сочинениях, что бога не существует. Люди, которые допускают эту химеру, должны делать не менее тяжелые ошибки и в вопросе о многочисленных других вещах; и эти ошибки в суждении, эта умственная болезнь достойна сожаления.

Это открывает путь ко всяким обманам, которыми шарлатаны опутывают (affligent) человечество. Тот, кто допускает существование бога, рассуждает плохо, а одна ошибка рождает другие. Не будьте рабами неба, если хотите быть свободными на земле (стр. 32)».

«Вопрос о существовании бога (Theos) неправильно поставлен, потому что надо знать предварительно, является ли мир (Kosmos) результатом творения. Потребуйте ответа на предварительный вопрос и вы перейдете к очередным делам при молчании ваших огорченных противников» (стр. 32—33).

Далее Клотс приводит еще ряд доводов в пользу атеизма. Если природа непостижима, зачем удваивать эту непостижимость путем придумывания непостижимого бога? И т. д.

Но наиболее замечательны по логическому изяществу и убедительности следующие строки:

«Чем более люди будут разумны и добродетельны (vertueux), тем более они полезны обществу. Следовательно, религия—это социальное зло, которое надо лечить немедленно. Религиозный человек—испорченное животное (dépravé). Он похож на животных, которые существуют только для того, чтобы их стригли, жарили в пользу лавочников и мясников» (стр. 27).

И далее: «Безусловно, всякая работа предполагает работника, но я отрицаю, что мир сотворен (ouvragé). Я говорю, что мир есть вечная вещь, существо вечное. По жалкой аргументации теистов убеждаешься, что их собственный бог был сфабрикован работником»². А к барону Herzberg'у он писал: «Небо так же далеко земле, как смерть жизни. Метафизические измышления беспокоят только ленивых. Смерть была бы нам незнакома, если бы метафизики не вмешались в нашу повседневную работу». Так как процитированные места достаточно характеризуют Клотса как атеиста, я ограничусь ими для характеристики его новой атеистической позиции.

Перейдем теперь к общеполитическому мировоззрению Клотса.

В вышеупомянутой основной работе Клотса «Bases Constitutionnelles» мы находим одно замечательное место, которое ярко характеризует общеполитические взгляды Клотса, убеждая нас в том, что в вопросах о взаимоотношении между физическим и психическим, о сущности познания и т. д. Клотс примыкал к наиболее левым из французских материалистов-энциклопедистов XVIII в. Мы цитируем это место целиком, поскольку оно ярче и полнее других излагает его материалистическую точку зрения. Он там говорит: «Я составил несколько лет тому назад философское завещание (testament)³, в котором я доказывал, что можно вынуть душу без того, чтобы Вас убить, и что, следовательно, существование нашей души—химера такая же «смешная», как и фантом, называемый богом. Так как для республики важно, чтобы наши потомки не были одурачены проповедниками лжи, я должен воспроизвести здесь краткий анализ преподавателей молодежи. Истинное средство перестать быть жонглером—это доказать, что душа человека есть результат человеческой организации, как душа бога — результат собачьей орга-

¹ Paris. Impr. Nationale 1793. Напечатано по распоряжению Национального Конвента. Нац. б-ка Е—5 476.

² «La République Universelle ou l'adresse aux Tirannicides» par An. Cloots.

³ Соответствующего документа в литературном наследии Клотса не сохранилось.

низации. Мы,—говорил я,—являемся движущимися растениями, мы станем растениями неподвижными (sédentaires). Мы взяли свой корень в чреве женщины, и мы превратимся в корешок (pombri) земли. Дайте дереву чувства, которых у него нет,—Вы делаете из этого растения то, что мы называем животным. Анализируйте человеческое тело, и Вы там найдете ствол, сучья (ветви), кору и циркуляцию соков или крови. Любая травка и любое дерево имеют много общего (гаррот) с наилучшим образом организованным человеком. Похороните меня на зеленом лугу, и я возрождусь в вегетативной форме (metempsucose), замечательной таинственности которой никто не будет отрицать. Но я не буду иметь воспоминаний о моем первом существовании. Впрочем, какое мне дело до этого воспоминания, лишь бы мне жилось приятно. Здесь дело идет не о каком-то воздаянии за грехи или воздаянии религии. Я запрашиваю природу, и она мне советует презирать теологию. Природа—хорошая мать, которая радуется, видя, как рождаются и возрождаются ее дети в различных сочетаниях...

В течение многих веков рассуждают о сущности души; она неделима, говорят, а потому бессмертна. Я отрицаю это, так как наша душа делится на шесть частей, очень различных. Я вынужден с успехом у человека душу без того, чтобы у него отобрать жизнь. Вы теряете сегодня зрение, завтра—слух, послезавтра—обоняние, наконец,—вкус и осязание. Что останется от вашей души, кроме памяти, кроме воспоминаний о явлениях, доставляемых Вам при помощи пяти чувств? Таким образом, теряя память, Вы, просто говоря, становитесь растением, а это почти значит, что будете испытывать только голод и жажду. Мой рот, не имея чувства тактильного и вкусового, будет механически получать пищу, которую бросят туда; он будет заменять мне пуповину утробного плода или корни растения (elle me tiendra lieu de pombri ou de racine). Я буду жить без Вашей так называемой души, я буду вести жизнь растения, и Вы не сможете мне вернуть душу, не вернув пяти чувств. Думать—значит чувствовать, чувствовать—значит получать восприятия от всех наших органов в одном центральном пункте, в котором сосредоточены наши фибры, нервы, наш жизненный дух (ésprit). Порвите эту связь, и животное превращается в растение. Сильный удар по голове уничтожает способность чувствовать. Придайте голову растению, и Вы ему сообщите ощущение удовольствия, боли; точно так же, если Вы у животного измените тем или другим способом голову, вы будете иметь все градации от мудрости до безумия, от гениальности до идиотизма. Есть, следовательно, два способа заставить исчезнуть нашу душу без того, чтобы последовала смерть,—при помощи удаления пяти чувств и при помощи удаления мозга. Можно перестать чувствовать, потерять память и продолжать жить, дышать, переваривать, расти. Я повторю: *мыслить* это значит *чувствовать*, и надо иметь так же мало чувства, как у теолога, чтобы отрицать очевидность моей аргументации, которая делает ненужным чтение тысячи и одного исследований о метафизике (évidence de ma démonstration, qui dispensera de la lecture de mille et un traités sur la métaphysique).

И в другой своей брошюре¹ Клотс пишет:

«Тенсты думают вместе с Платоном, что мир, лучший из возможных миров, существовал искони в разуме божьем. Мы все согласны по поводу этого вечного существования, которое охватывает связь всех физических явлений, бесконечный прогресс и конечные причины: мы только расходимся в допущении *божественной формы*, такой же ненужной, как и химерической... Модификации растительные и животные, которые мы называем смертью или жизнью, заставили нас предположить *начало и конец* в большом целом, хотя мы признаем, что ничего не умирает в мире. Формы меняются. Элементы комбинируются и распадаются; но законы вечны. Центр космоса (le point central) может переместиться, но закон тяготения неизменен. Все планеты и спутники пла-

¹ «La République Universelle ou Adresse aux Tyrannicides» par An. Cloots, orateur du genre humain. Paris. L'an quatre.

нет нашей маленькой сферы могут провалиться в диск солнца без того, чтобы какой-нибудь закон был нарушен, без того, чтобы что-нибудь ушло из круга неуловимых (incommensurables) комбинаций и модификаций... (стр. 24—25).

Итог, который можно вывести из этого философского экскурса Клотса, таков.

Существование души есть химера. Человеческое существо есть определенная физическая организация. Человек отличается от таких высших животных, как собака, лишь иной формой своей организации. Более того, между животным и растительным миром нет принципиального различия. Так называемая душа есть совокупность всех органов чувств человека. То, что отличает человека от неорганического мира, это существующая у него способность памяти, наличие координирующей центральной нервной системы.

Как ни грубы и наивны некоторые из его формулировок, как легко они ни разделяются с различием между органической и неорганической природой—тем не менее он прав в основном: в стремлении к материалистическому пониманию человека и жизни, материалистическому монизму. Для его века его позиция была самой прогрессивной, какую только можно себе представить на том самом уровне естественных наук.

Идейная связь Клотса с материалистами XVIII века

Вопрос о том, в каком отношении находились философские взгляды Клотса к философскому наследству энциклопедистов, что было в них оригинального и что заимствовано, и у кого именно из энциклопедистов заимствовано, этому вопросу в большой моей работе о Клотсе будет посвящена специальная глава. Здесь мы остановимся на этой теме лишь в самых кратких чертах. Поэтому нам придется ограничиться сравнением лишь самых основных мыслей Клотса с соответствующими воззрениями энциклопедистов.

1) Существование души есть по Клотсу химера, такая же «смешная», как и «фантом», называемый богом. Если под душой понимать духовное начало в противоположность физическому, а не вульгарные построения религиозно-христианской мистики, то у энциклопедистов мы встречаем определенные формулировки на этот счет.

Вопрос о способности материи к мышлению был основным вопросом, занимавшим механистических материалистов, и отзвук их воззрений мы видим у Клотса. Теперь два слова о том, как энциклопедисты решали эту проблему. Ламетри, Кабанис и Дидро иногда более осторожно высказывались на эту тему, чем Клотс, потому что они понимали, насколько сложной является вся эта проблема.

2) Ламетри, напр., отмечал особую сложность проблемы, вытекающей из различия между неорганической и органической жизнью. Он писал в «Traité de l'âme» (1751):

«Надо, однако, с такой же откровенностью признать, что нам неизвестно, обладает ли материя сама по себе непосредственной способностью чувствовать или же только способностью приобретать ее посредством модификации принимаемых ею форм, ибо несомненно, что эта способность обнаруживается только в организованных телах».

Гольбах, как известно, принимает обе гипотезы, представляющиеся ему одинаково вероятными. Можно допустить, что чувствительность материи «есть результат свойственного животному расположения, соединения, так что мертвая, нечувствующая материя перестает быть мертвой и становится способной к ощущению, когда она анимализируется, т. е. соединяется и отождествляется с каким-нибудь животным». С другой стороны для Гольбаха приемлемо и то предположение, что чувствительность свойственна всякой материи, но лишь при определенной организации она бывает достаточно интенсивной. Эта та гипотеза, к которой больше склонялись Дидро и Ламетри. Хотя надо заметить, что и Дидро указывал на отсутствие пропасти между органическим и неор-

ганическим и на постоянно наблюдающийся переход одного в другое (см. «Сон Д'Аламбера» знаменитый пример со статуей: «Я дроблю мрамор, превращаю его в мельчайший порошок, примешиваю его к земле, образуя из них одну массу, сею на ней хлеб, и хлеб этот я могу есть»). Все же Дидро не отождествляет просто органическую природу с неорганической.

Клотс, который является продолжателем французских материалистов, и в особенности Дидро, в вопросе об отношении органического к неорганическому, стоял скорей на самой крайней точке зрения. Например, он говорит:

«Мы (т. е. люди.— П. В.) являемся лишь движущимися растениями, когда-нибудь станем растениями неподвижными».

«Придайте голову растению и вы сообщите ему ощущение удовольствия, боли...».

Он доказывал, что между живой и мертвой природой нет абсолютно никакой принципиальной разницы. Человек есть лишь часть природы. В органической и неорганической жизни действуют те же законы: «формы меняются, элементы комбинируются, но законы вечны».

3) Далее Клотс был последовательным материалистическим монистом и здесь он напоминает сильно Дидро и Гольбаха.

Последний говорит в «Système de la Nature»: «Во всех тех явлениях, которые мы замечаем в человеке, начиная от его рождения вплоть до его смерти, мы видим лишь смену причин и следствий, необходимых и согласных с законами, общими всем телам природы (курсив наш).

«... Опыт нам показывает, что как у нас самих, так и во всех предметах, на нас действующих, нет ничего кроме материи, одаренной различными свойствами, разным образом видоизмененной и комбинированной и действующей на основании своих свойств. Одним словом, человек является организованным целым, составленным из различных веществ; подобно всем другим произведениям природы, он следует общим и известным нам законам, равным как законам и способам действия, свойственным ему и скрытым от нас».

4) Материалистический монизм Клотса последовательно развертывается у него в его воззрениях на природу, на мировое целое, где он порою обнаруживает некоторые элементы диалектического мышления. Все явления природы он рассматривает в их взаимной зависимости, находя во всех мировых процессах постепенную преемственность и переходы из одного состояния в другое. Мир — это единое целое, находящееся в непрерывном развитии, «ветλικое целое», которое не имеет ни начала, ни конца. «Мы все согласны.— говорит Клотс,— что лучший из возможных миров существовал искони, мы только расходимся, что... он существовал в разуме божьем». «Жизнь и смерть это модификации растительные и животные... «Центр космоса может переместиться, но закон тяготения неизменен». «Ничего не умирает, лишь формы меняются»...

Как все это напоминает не только по существу, но и по форме Дидро, который еще за четыре десятилетия до этого говорил:

«Жизнь — это последовательный ряд действий и противодействий... Живым я действую и противодействую в форме массы, мертвым я действую и противодействую в форме молекулы... следовательно, я вовсе не умираю... Родиться, жить, исчезать — это значит менять формы...» («Мысли по поводу объяснения природы»).

У Клотса мы встречаем идеи эволюции, которые отсутствовали почти у всех материалистов XVIII в., если не считать Дидро, у которого имелись гениальные догадки на этот счет.

5) Далее, взгляд Клотса на природу, как на единое целое, где нет ничего случайного, и где все процессы совершаются по законам естественной необходимости, должен был иметь своей общефилософской предпосылкой детерминизм. Клотс, как мы видели, выступал резким и законченным детерминистом, как во взгляде на природу («я запрашиваю природу и она советует мне презирать теологию... Природа—хорошая

мать»...), так и во взгляде на общественные явления (взгляд на революцию как на закономерный процесс).

Несомненно и детерминизм Клотса имеет много блестящих предшественников, начиная с его сородича по голландским предкам Спинозы, и кончая французскими материалистами.

Взять хотя бы того же Дидро, у которого мы читаем: «Я, следовательно, стал таким, потому что нужно было, чтобы я стал таким; измените все и вы измените меня» («Разговор с Д'Аламбером») или Гольбаха, который говорит: «В каждый данный момент своего существования человек—пассивное орудие в руках необходимости» (Système de la Nature).

Но в то же время французские материалисты не умели применять свой метод к общественным явлениям. Как только они подходили к разрешению вопросов общественной жизни, они становились на метафизическую точку зрения. Человек для них превращался в абстрактное существо. Здесь они переставали быть революционерами мысли, а становились метафизиками, формалистами. Клотс же, поскольку он действовал активно в революционном процессе, вынужден был применять свой метод также и в практической жизни. Человек на его глазах выступал не только, как продукт природы, подчиняющийся ее законам, но и как продукт общественной среды. Клотс имел над энциклопедистами преимущество в самом пункте наблюдения и в материи наблюдения,— поскольку он наблюдал быстро меняющуюся, динамическую общественную среду страны, охваченной революцией. Именно этому надо приписать его отдельные очень интересные экскурсы в сторону историко-материалистического объяснения отдельных фактов и явлений общественной жизни. Об этом подробнее мы скажем ниже.

6) В самом важном вопросе философии — в вопросе об объективности внешнего мира, объективности его законов, Клотс был последовательным материалистом, продолжателем традиций материалистов XVIII века.

Посмотрим теперь, в каком духе он разрешал остальные теоретико-познавательные вопросы: вопросы об отношении я к не-я, субъекта познания к объекту.

Здесь он считал, что познание внешнего мира осуществляется благодаря воздействию на наши чувства объективного мира, приводящего в движение наши органы восприятия и познания: проводящими каналами, через которые мы получаем впечатления от внешнего мира, являются наши органы чувств: «Мыслить значит чувствовать, чувствовать—значит получать восприятия всех наших органов в одном центральном пункте, в коем сосредоточены наши фибры, нервы, наш жизненный дух».

Здесь Клотс имеет в числе предшественников не только Дидро, который в «Разговоре с Д'Аламбером» говорит: «Мы—инструменты, одаренные чувствительностью и памятью». Достаточно назвать Локка, Гоббса и Кондильяка, хорошо известного Клотсу, чтобы предположить, что Клотс здесь помимо французских материалистов мог черпать из первоисточника сенсуализма. Можно даже допустить, что у Клотса на оригинальную форму его доказательства нереальности души повлияло рассуждение Кондильяка о статуе. У Клотса сказано: «я выну с успехом вашу душу без того, чтобы лишить вас жизни: вы теряете зрение сегодня, слух — завтра, послезавтра — обоняние, наконец вкус и осязание. Что же останется от вашей души кроме памяти?»

А Кондильяк говорит:

«Итак, подобно тому как/один запах предстоит обонянию вследствие воздействия душистого тела на самый орган, другой запах предстоит памяти, ибо воздействие другого душистого тела существует в мозгу, куда его перенес орган. Переходя таким образом от одной формы бытия к другой, статуя чувствует, что она не является уже тем, чем была. Значение этого изменения заставляет ее относить первую форму к моменту отличному от того, когда она испытывает вторую; и именно это заставляет ее проводить различие между существованием под одной формой и воспоминанием о существовании под другой формой» («Traité des Sensations»).

В вопросе о роли памяти Клотс, как и Дидро, считает, что память есть то, что отличает человека от неорганического мира: «Теряя память, вы, просто говоря, становитесь растением...».

И у Дидро («Сон Д'Аламбера») говорится:

«если бы ваш палец мог иметь память, он мыслил бы».

В вопросе о морали Клотс, как мы видим, стоял на точке зрения разумного эгоизма. Клотс говорит: «Мораль и закон основаны на общественном интересе» («*Vousche de fer*»)... «именно, исходя из эгоизма, о коем так много говорилось, я объявляю войну всяким эгоистическим наклонностям» и т. д.

Здесь Клотс скорее является не последователем Дидро, который был метафизиком вечной морали, и в этой области морали выражал идеалы ремесленников и мелкой буржуазии, пуритански настроенных (во Франции—гугенотов), а последователем Гольбаха и Гельвеция.

Гольбах говорит: «Любить других, значит любить средства, ведущие к нашему собственному блаженству» («*Système Sociale*»).

Гельвеций говорит: «Любовь людей к себе подобным является результатом необходимости взаимно поддерживать друг друга» («*De l'Homme*»).

Из всего вышесказанного мы видим, что Клотс был верным последователем французских материалистов и проводником в жизнь их идей. И хотя он их не цитирует и не называет, в то время, как имена Бейля, Юма, Вольтера, Руссо, Монтескье и др. он часто упоминает, все же влияние первых, особенно наиболее оригинального и левого Дидро, можно отчетливо проследить во всем его идейном наследстве.

Клотс представляет интерес не как философ-материалист, который внес что-то новое в область философии, как таковой, после всего, что сказали энциклопедисты. Он интересен, как единственный из вождей Французской революции, который не только действовал, но и теоретически осмысливал свои революционные действия. Философские лозунги французских материалистов он сумел перевести на боевой язык санкюлотов в их повседневной борьбе с классовыми врагами. Революционную практику Клотс тесно увязывал с материалистической теорией; поэтому его горизонт был шире, он смотрел дальше, видел глубже, и в этом его преимущество по сравнению с остальными вождями Французской революции вроде Робеспьера и др.

Сравнивая его с французскими материалистами-энциклопедистами, мы должны сказать следующее: французские материалисты очень смело критиковали современный им строй. Но революцию они проделывали только в теории. Они были революционерами мысли. Они не дожили до Французской революции и следовательно ни они сами, ни их взгляды не подверглись испытанию на практике. В ходе самой революции они вынуждены были бы вывить свое классовое лицо. А ведь еще Гегель указывал, что от делания мыслительной революции до реальной революции на практике — дистанция огромного размера: «Можно проделать сколько угодно революций в голове и спокойно продолжать носить колпак на голове» («*Geschichte d. Philosophie*», критика Канта). О возможных позициях главарей энциклопедистов во Французской революции Плеханов делает следующее предположение: «Дидро наверно сочувствовал и шел бы далее, чем Гольбах, который считал, что «гражданин не может, не нарушая долга, отказаться от принятия стороны угнетенных против тирании». Гримм вероятно рукоплескал бы, хотя он изменил свои взгляды, когда вместо салона буря разразилась на великой исторической арене».

Как поступил бы сам Гольбах после событий 10 августа? Попав в собрание якобинцев, стал ли бы он повторять свои слова: «Тиранин есть ненавистнейшее существо, какое может быть создано преступлением»? Говоря откровенно, судить трудно. Но, всего вероятнее, что он не захотел бы иметь ничего общего с этими «дикими» республиканцами и счел бы их в свою очередь тиранами, врагами отечества, фанатиками и политическими

шарлатанами» (Плеханов, Очерки по истории материализма, стр. 58, изд. «Моск. Рабочий», под ред. Рязанова).

Что касается Клотса, то он не оставил нас в области догадок на этот счет. Испытание, каковым являлся для него революция, он выдержал до конца. Он не только не отшатнулся от «диких» республиканцев и фанатиков, но пошел с ними рядом, а затем — впереди их; за них он взшел на эшафот, непонятый и брошенный ими.

Клотс формулировал идеологию и лозунг санкюлотства. Он был теоретическим и политическим вождем самой революционной и последовательной мелкобуржуазной демократии его времени, идеологом трудящихся революционных ремесленников перед тем, как история раздвоила их на капиталистов и пролетариев. Клотс был революционером этого класса, более дальновзорок в пределах его горизонта, но и ограничен его ограниченностью.

Во всяком случае и в политике и в теории он был интересным экземпляром своего рода, который не имел повторений.

III. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ КЛОТСА

Посмотрим, каким образом Клотс применял свои общетеоретические материалистические взгляды к общественным явлениям.

Прежде всего мы сталкиваемся с вопросом, существовал ли у Клотса разрыв между материализмом в общетеоретической концепции и идеализмом в понимании общественно-исторических процессов, который был так характерен для всех его предшественников-энциклопедистов? Клотс был детерминистом. Выбросив из системы мироздания бога, он заместил божью волю законами природы.

Видел ли он также закономерность в общественной деятельности людей, а если да, то как он делал переход от законов физического мира к законам общественной жизни?

С этой точки зрения любопытно следующее место из той же цитированной нами брошюры Клотса¹: «Человеческий разум подчинен тем же самым изначальным законам (*Lois primitives*), как и общества пчел и бобров. Недостаток инстинкта осуждает нас отыскивать эти законы. Если бы пчела обладала только рассудком, она совершала бы, быть может, неправильные и причудливые движения... Постараемся подняться на уровень инстинкта животных и отдадим себя во власть неизменных законов. Естественные права не отличаются от прав гражданских (политических), потому что общественный строй (*Etat Social*) столь же естественно присущ человеку, как пчелам и муравьям»².

В чем же проявляются эти естественные законы (*Lois Naturelles*) в общественной жизни и в том числе в жизни политической? Нетрудно догадаться, что общественными законами, в качестве отражения вечных законов природы, окажется все то, что с точки зрения Клотса и представляемого им класса нужно для беспрепятственного развития данного общества.

Клотс отвечает на этот вопрос следующим образом: «Закон тяжести, установленный Кеплером, был прелюдией закона всеобщего тяготения. Закон частичного суверенитета народа привел меня к открытию неделимого суверенитета человечества»³.

Ту же мысль Клотс выразил и в другом месте, говоря, что «Ньютон своим законом всеобщего тяготения объединил всех философов, а я объединяю все человечество законом всеобщего суверенитета человечества»⁴.

¹ «*Bases Constitutionnelles de la République du genre humain*», 2 I., p. 35, 36.

² Интересно сравнить это место с «Философией бессознательного» Гартмана.

³ «*Discours prononcé à la barre de l'Assemblée nationale au nom des imprimeurs*», 1792, p. 23—24.

⁴ Там же.

Клотс неоднократно потом возвращался к мысли о том, что Французская революция, об'явившая суверенитет народа на территории Франции, была лишь вступлением и началом единого суверенитета всего человечества.

Здесь мы видим стремление Клотса связать свои общематериалистические философские взгляды на природу с попыткой материалистического об'яснения общественных явлений. Здесь он выступает перед нами как детерминист и в той, и в другой области. Он считал, что в основном как в природе, так и в обществе, действуют одни и те же основные законы. Мы видели уже выше, что он не видел разницы между законами, управляющими действиями социальных животных и насекомых (например, пчел) и проявлениями этих законов в человеческой деятельности. *Клотсу как будто даже казалось, что эта закономерность и целесообразность этой закономерности более гарантированы в мире животных, благодаря их инстинкту, в то время, как человек приходит к необходимости аналогичной деятельности путем сложных рассуждений.*

Но, разумеется, проявление всеобщих естественных законов в обществе должно материализоваться в чем-то конкретном. В чем же было материальное содержание этих законов, поскольку они проявляются в обществе?

Таким всеобщим естественным законом человеческого общежития Клотс считал *права человека и гражданина*, провозглашенные Французской революцией, но не *права французского человека и гражданина*, а всего освобожденного человечества.

Материальным содержанием этих прав, как общего закона человеческого общежития, Клотс считал: 1) единство суверенитета человечества, 2) все свободы, провозглашенные декларацией прав, 3) собственность и ее неприкосновенность, 4) взгляд на революцию как на проявление естественного закона, 5) мораль, основанную на разумном эгоизме. Мы привели уже выше цитату, где он проводит параллель между собой и Ньютоном. Посмотрим, как он сам формулировал кратко в виде проекта законодательного постановления этот принцип суверенитета.

Его «Проект декрета» гласит:

«Национальный Конвент, желая положить конец заблуждениям, непоследовательностям, противоречивым претензиям корпораций и индивидуумов, которые называют себя суверенами, торжественно об'являет под эгидой *прав человека*:

§ 1

Нет другого суверена, кроме человечества.

§ 2

Всякий индивидуум, всякая община, которые признают этот лучезарный и нерушимый принцип, будут по праву приняты в нашу братскую ассоциацию, в республику людей (человеков), *братьев универсалистов.*

§ 3

По отношению к странам, с которыми нет сухопутного соприкосновения или морского сообщения, нужно ждать результатов пропаганды истины, чтобы присоединить к республике человек первобытные общины и рабов далеких стран¹.

Этот энергичный краткий текст есть резюме основной социально-политической цели, к которой стремился Клотс. Эта формулировка основного закона человеческого общежития была увязана с его общим мировоззрением. Здесь перед нами с другой стороны тот своеобразный санкюлотский интернационализм, который делает Клотса одной из самых интересных фигур Великой французской революции. Этот пункт мы не можем здесь развить подробнее, чтобы не уклониться от философской части, и сделаем это

¹ «Bases constitutionnelles», p. 43—44.

в большой нашей работе. Лишь мимоходом и, к сожалению очень кратко, мы еще остановимся на этом ниже.

Как увидим ниже, Клотс сумел стать на историческую точку зрения по отношению к собственности классовых врагов санкюлотов и буржуазии, т.-е. по отношению к собственности аристократии и духовенства. Он не мог стать на ту же точку зрения по отношению к буржуазной собственности, потому что санкюлот был одним из столпов буржуазного общества и доводил до конца буржуазную революцию вместо самой буржуазии; эпизодическое же вторжение в право крупнобуржуазной собственности (принудительные займы и проч.) рассматривалось революционным санкюлотом лишь как издержки революции. Есть данные, что и Клотс смотрел на буржуазную и мелкобуржуазную собственность, как на абсолютную и естественную, а не историческую категорию. В этом смысле чрезвычайно интересно следующее его место: «Собственность вечна, как и общество. Если бы человек работал по инстинкту, а не в сознании своего интереса, мы пользовались бы, как и животные, общностью благ. Никогда эта общность не может быть введена среди нас, потому что человек работает сознательно. Коммуны (communités), о которых нам известно из истории, жили или за счет рабского труда, или благодаря автократическому режиму. Их существование было вредно и случайно, как существование всех ассоциаций, которые отступают от принципов *прав человека*».

Связь этого взгляда на собственность с общефилософскими взглядами совершенно очевидна. Любопытно здесь отметить, что Клотс, хотя и обнаруживает здесь незнание первобытного коммунизма, т. е. строя первобытной общины до образования государства и разложения на классы, вполне прав в социальной характеристике того коммунизма эксплуататоров, который существовал за счет рабского труда и который даже некоторые историки называют социализмом и коммунизмом без кавычек.

Взгляд на революцию, как на закономерный естественный процесс, Клотс высказывал не раз. Приведем одну из наиболее характерных цитат: «Народ редко ошибается, он ненавидит не понапрасну». «Глупцы верят и злоумышленники заставляют верить, что революция кончится уничтожением собственности, если ее не остановить. Одни, как Дюпор, мечтают о короле, другие, как Петигн, полагают роландизировать Францию! Все это гибельное заблуждение». «Пусть народ действует. *Помогите природе*, не противречьте ей» (стр. 7—8)¹.

Мы здесь заранее ограничились философско-социологическими взглядами Клотса и поэтому должны отказать от самого интересного в его мировоззрении—от изучения его политических взглядов. Мы коснемся их здесь лишь постольку, поскольку некоторые его практические предложения выясняют социологические предпосылки его мировоззрения.

Итак, мы видим, что в области понимания общественных законов Клотс приблизительно стоял на уровне энциклопедистов, отдавая дань культу разума, и оказался не в состоянии рассматривать буржуазное общество как историческую формацию. В этом он не продвинулся далее энциклопедистов и авторов декларации прав человека.

Но не продвинувшись здесь, Клотс тем не менее в целом ряде своих работ, по различным поводам, давая те или иные оценки событиям и лицам в истории, не раз делал интереснейшие экскурсы в сторону историко-материалистического об'яснения общественных явлений. Мы заранее лишь должны оговориться, что дело идет о весьма грубом и примитивном материализме, материализме того типа, к которому склонялись и склоняются многие буржуазные историки, вроде Тьерри, Максима Ковалевского и Лучицкого, экономисты типа Бюхера, Зомбарта, юристы типа Иеринга.

¹ «Bases constitutionnelles etc.», p. 31.

Материализм этого рода всегда перемешан с об'яснением событий, исходя из совершенно других принципов; он эклектичен и лишен какой бы то ни было методологической ясности.

Приведем несколько фактов, характеризующих такие материалистические экскурсии Клотса. Об одном таком экскурсе мы уже упоминали: это — попытка дать экономическое об'яснение силе сопротивления еврейской нации ассимиляционным тенденциям. Как мы помним, Клотс видел основную причину сохранения еврейства, как особой нации среди других народов, в том особом положении, которое заняли евреи в хозяйственной жизни других народов,—именно в качестве торгового сословия. Можно согласиться или нет с этим об'яснением, но оно без всякого сомнения построено на принципе: «Общественное бытие определяет сознание».

Другой пример: совершенно правильно с точки зрения теории классово-борьбы Клотс выбирает союзников Французской революции в других государствах. Горячая защищая в «Адресе к французам»¹ наступательную войну против соседних монархий, Клотс писал: «Когда короли истощат свои финансовые ресурсы, мы будем иметь на нашей стороне все *крестьянство Европы*, которому мы предоставим право на всю его жатву, которую против его воли пожинают теперь двор и монахи, попы и дворяне, слуги рыцарей и их сюзерены, продажные судьи и привилегированные адвокаты».

Далее он совершенно резонно надеется, что распространение сферы циркуляции ассигнатов Французской революции в освобожденных от тиранов странах материально поддержит революционный Париж. Но наиболее замечательно с точки зрения понимания классового смысла Французской революции и ее отражения в Европе одно место из речи Клотса в защиту войны, произнесенной 1 января 1792 г. в клубе якобинцев (Речь между прочим начинается словами: «Господа, именно потому, что я хочу мира, я требую войны»². Это место гласит: «С тех пор, как огромная могущественная монархия стала свободной, нужны только Спартак, Жишка, Мюнцер, Пугачев, чтобы навсегда освободить Италию, Богемию, Венгрию, *Московию* (курсив наш.— П. В.)»³.

В другой речи он говорил: «Будем наносить удары повсюду, если мы хотим, чтобы ни один тиран не ускользнул от мести угнетенных. Чем шире будет театр войны, тем быстрее и счастливее кончится тяжба плебеев против знати. Нам нужны враги»⁴.

Достаточно противопоставить эти дальновидные строки законченного буржуазного революционера с мелкобуржуазной и ограниченной, утопически пацифистской позицией Робеспьера, чтобы видеть все превосходство Клотса перед Робеспьером. Пролетарская революция начинается с завершения буржуазной. Тип законченного буржуазного революционера, понимающего международные задачи буржуазной революции, выше того близорукого политика, который верит в победу буржуазной революции в одной стране, на континенте, уже связанном интенсивным торговым обменом, создавшим тесную взаимозависимость отдельных стран друг от друга.

Робеспьер говорил: Нам нужна победа революции внутри страны и мир с соседями. Клотс же говорил: Не может быть победы внутри без победы над соседними странами.

Лозунг республики человечества был лозунгом восстания против всех тиранов, наиболее общей, алгебраической формулой национальных буржуазных революций в других странах. Если свобода, равенство и братство превратились в царство буржуа-

¹ «L'Adresse aux français par An. Cloots» in 8°. Bibl. Nat. Lb, 39.

² «Discours d'An. Cloots, orateur du genre humain, prononcé dans la séance du 1-er janvier 1792», in—8°.

³ Ibidem, p. 12.

⁴ «Adresse aux assemblées primaires du Hainaut, du Brabant, de la Flandre etc». Paris 23 Nov. 1792. 1-er an.

зии¹, *Droits des Hommes* в кодексе Наполеона и республика человечества—в буржуазную империю Наполеона, охватившую половину Европы,—то это не вина Клотса, а естественный ход событий после всякой буржуазной революции. Итак, «конституция человечества» Клотса есть лишь идеологическая надстройка над этой практической целью революционной обороны; это лишь метод пропаганды за Французскую революцию. «Счастлив тот, кто смеется последним. Мы посмеемся последними, если будем двигаться и выступим первыми»².

Любопытно далее, что вся почти аргументация Клотса в защиту уничтожения наций и создания единой республики человечества построена на апелляции к материальным интересам масс.

Выгоды единой республики, выгоды департаментского деления мира он видит: 1) в уничтожении расходов на армию, 2) в уничтожении расходов на государство, 3) в ликвидации таможен, 4) в беспрепятственном развитии торговли и развитии международного разделения труда.

В дополнение к тем местам, которые мы уже цитировали, приведем еще одну выразительную выдержку. В письме, адресованном к первичным избирательным собраниям Брабанта и Фландрии³, Клотс убеждает их не создавать особой бельгийской республики и присоединиться к Франции на основе департаментского деления. Он пишет: «Скажите работникам, ремесленникам, коммерсантам, всем потребителям, всем плательщикам налогов ваших мест, что они всемерно выиграют при системе департаментов, всемерно проиграют при республике. Первая система будет способствовать благосостоянию всей нации, вторая принесет выгоду только нескольким паразитическим фамилиям».

Голландия и Франция, соединенные с вами на основе департаментов, предоставят вам огромные и богатые рынки от Пиренеев до... от Сен-Доминго и Суринама до Пондишери и Батави»⁴.

В «Bases constitutionnelles» Клотс писал: «Торговля является главной причиной конфликта среди людей, а республики в большей степени занимаются торговлей, чем королевства. Не будем иметь соседей, если не хотим иметь врагов. На древних языках слова «враг» и «сосед»—синонимы»⁵.

У Клотса, далее, довольно ясно выступает реализованная впоследствии большевиками мысль об уничтожении разделения между законодательной и исполнительной властью, о сосредоточении исполнения в руках законодательной власти, и, что особенно замечательно, отчетливая формулировка того взгляда, что исполнительная власть есть результат существования групповой и национальной борьбы.

Клотс надеялся также на восстание в Генуе, в Папской области и Венеции, которые помогут Французской революции. Но через все его писания красной нитью проходит его решительный интернационализм, который его так выгодно отличает от Робеспьера. Так, в обращении к собранию Брабанта Клотс пишет, что «с огорчением узнал, как вероломные советники и интриганы», «нечестивая секта французских и бельгийских федералистов» советует называться об'единенным провинциям Бельгии «Бельгийская республика» вместо того, чтобы примкнуть к единой республике. «Вы поступите благо-

¹ См. Энгельс «От утопии к науке»: «Царство разума оказалось царством буржуазии».

² «Discours du 1-er janvier 1792».

³ «An. Cloots aux assemblées primaires du Hainaut, du Brabant, de la Flandre etc. 27 nov. 1793».

⁴ «A. Cloots aux assemblées primaires du Hainaut, du Brabant, de la Flandre etc. 27 nov.» 1793, p. 47.

⁵ «Bases constitutionnelles de la République du Genre humain» par A. Cl.

разумнее, говорит Клотс, чем мы, пишущие еще «Французская республика»... Я стою за одно существительное: Республика¹ (стр. 44). И в другом месте Клотс, во избежание недоразумения, требует уничтожения слов: «Француз, французский». Клотс указывает на то, что люди, провозгласившие *права человека*, тем самым отказались от этикетки Галлия и Франция, он предлагает французам называться «germains», т. е. единокровными, родными братьями². Об'единение человечества в эпоху господства капиталистического способа производства или, вернее, в эпоху его борьбы за такое господство мыслимо только в форме диктатуры одной наиболее промышленно развитой капиталистической страны над мировым целым. Если Клотс стремился к такой республике *du genre humain*, то его надо считать скорее не туманным предшественником современного коммунистического интернационализма, а идеологическим предшественником и теоретиком наполеоновских войн. Интернационализм на базе товарного хозяйства, на базе частной собственности на средства производства не может быть не чем иным, кроме диктатуры сильнейшего капиталистического тела над всем мировым хозяйством, над всеми странами, в него входящими.

Но об интернационализме на базе уничтожения частной собственности на средства производства, на базе диктатуры пролетариата в мировом масштабе или по крайней мере на основе борьбы за такую диктатуру не могло быть речи тогда, когда на очереди дня было не уничтожение частной собственности, а уничтожение феодальной системы собственности и производства, и когда современный пролетариат еще не существовал.

Поэтому интернационализм Клотса неизбежно должен представляться бестелесным мечтанием о чем-то неизвестном и далеком, если не видеть сути дела в той мысли Клотса, что строительство демократической республики в *одной* капиталистической стране континента было утопией и что в порядке дня 14 июля 1789 года революция поставила войну со всей феодальной Европой. В этом пункте Клотс оказался реалистом, а Робеспьер утопистом, с большой степенью национальной ограниченности.

Выдвинутая Клотсом проблема создания единого государства из всех политических организмов того времени лишь с большой натяжкой может считаться первой формулировкой социалистической идеи единого мирового хозяйства и соответствующей ему единой политической организации общества (или социалистической половины мира, конечно, на период существования классов). В самой идее интернационализма еще нет ничего социалистического, потому что все зависит от социального содержания этого интернационализма. Еще грабительская аристократия и военно-торговый капитал Рима стремились к созданию мирового хозяйства в пределах физически достигаемого при тогдашних средствах сообщения. Христианство интернационально в существеннейших пунктах своей идеологии. Католическая церковь маневрирует среди национально-классовых антагонизмов, как мировая организация. Торговый обмен создает на определенных стадиях развития товарного хозяйства более или менее единый организм мировой экономики, связанный разделением труда между отдельными своими частями и регулируемый интернациональным законом ценности.

* * *

В заключение нам бы хотелось указать на то, что сам Клотс отнюдь не смотрел на себя, как на мыслителя одиночку, который открывает истины направо и налево. Он смотрел на себя, как на представителя, как на теоретика и политика определенного класса.

¹ «Adresse aux assemblées primaires du Hainaut, du Brabant, de la Flandre etc. Paris 23 nov. 1792». 1-er an.

² «Bases Constitutionnelles». p. 30.

«Санкюлотство меня поймет, а *culloterie* меня не захочет понять», говорил он¹.

В другом месте он писал: «Великая и плодотворная идея поглощает у меня все маленькие беспокойства о том, что *об этом скажут*; голос одного представителя санкюлотов весит больше, чем голоса всех представителей *culloterie*».

Все же наряду с этим он часто твердил, что многим «он кажется безумцем», но это не противоречит тому, что он был выразителем идей целого класса, а говорит лишь о том, что он был непонят, как ранний идеолог этого класса. У Клотса по существу была не одна эта трагедия, а если можно так выразиться,—две трагедии: одна большая и одна маленькая.

Он был идейным вождем мелкого ремесленного класса, живущего собственным трудом в обстановке товарного хозяйства и незаинтересованного ни в государстве феодальном, ни в буржуазном государстве, ни в буржуазной конкуренции и национальных войнах.

Клотс поднялся на высшую ступень, какая была возможна в его время в этих вопросах, на позицию санкюлотского интернационализма. Но этот класс не имеет будущего при капиталистическом развитии. Он гибнет под пятой капитализма и вырождается в жалкий придаток буржуазного общества.

В буржуазных революциях он в последний раз высоко приподнимается, завершая славную историю срединного ремесла.

Все, что было замечательного и передового в идеологии Клотса, было воспринято развивающимся буржуазным обществом, его господствующим классом, и соответственно трансформировано. А все, что было дальше буржуазного общества, было подхвачено и развито дальше социалистическим пролетариатом.

Его маленькая трагедия заключалась в том, что он, выходец из богатой аристократической среды, считал себя санкюлотом, покинул свою среду и примкнул к санкюлотам, а лидеры последних приняли его за примазавшегося контрреволюционера и казнили его.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ Т. ВИНОГРАДСКОЙ

Тов. Дынник отмечает три пункта в данной докладчице характеристике философско-социологических взглядов Клотса, по которым у него возникают некоторые сомнения относительно того, не переоценивает ли докладчица положительное значение клотсовых воззрений.

Первый из этих пунктов касается общеполитического материализма Клотса. Тов. Дынник указывает, что уже из приведенных докладчицей выдержек можно усмотреть наличие у Клотса известных элементов пантеизма и метампсихизма, т. е. таких элементов, которые не позволяют характеризовать Клотса как последовательного материалиста.

Второй пункт касается тех намеков на историко-материалистическое объяснение общественных явлений, которые докладчица находила в отдельных рассуждениях Клотса. Тов. Дынник считает эти проблески историко-материалистического понимания случайными для общей концепции Клотса и усматривает в докладе некоторую неувязку в том отношении, что докладчица, с одной стороны, подчеркивает у Клотса упомянутые элементы исторического материализма, а с другой стороны вынуждена брать эту свою характеристику обратно.

Наконец, третий пункт относится к элементам диалектики, встречающимся у Клотса. Тов. Дынник не согласен с той характеристикой, которую докладчица дала Клотсу в его отношении к остальным французским материалистам 18 века. По мнению т. Дынника, отдельные элементы диалектики (на фоне общей метафизической точки зре-

¹ Предисловие к «Bases Constitutionnelles etc».

ния) можно констатировать у Кабаниса и других французских материалистов 18 века в меньшей степени, чем у Клотса. Докладчица — утверждает т. Дынник — переоценила Клотса также и в этом отношении.

В заключение т. Дынник отмечает большую важность исследования о таком малоизвестном мыслителе, как Клотс, который буржуазными историками философии обычно обходится и оставляется в тени.

Тов. Зивельчинская указывает на неясность клотсовского объяснения сохранения евреев в неассимилированном виде среди других наций. Если бы Клотс противопоставил торговые колонии евреев натуральному феодальному хозяйству окружающих их народов, его объяснение было бы понятным. Но такого противопоставления у Клотса, по видимому, нет.

Другой вопрос, затрагиваемый т. Зивельчинской, касается детерминизма Клотса. Тов. Зивельчинская считает, что как классики французского материализма, так и Клотс были детерминистами не только в своих физических, но и в своих социологических воззрениях (правда, детерминистами идеалистического типа), так что в этом отношении Клотс не сделал никакого шага вперед.

Тов. Тележников подчеркивает тот особый интерес и то особое значение, которое имеет доклад т. Виноградской как в смысле научного изучения малоизвестного мыслителя, так и в смысле установления того отношения, которое существует между классическим французским материализмом и последующими событиями Великой французской революции. В лице Клотса мы имеем такого представителя французского материализма, который тесно увязывается идеологически с предшествующими мыслителями, а с другой стороны занимает довольно видное место в событиях Великой революции.

Тов. Разумовский тоже отмечает большую важность изучения Клотса как теоретика и как политического деятеля. Особенное внимание т. Разумовский обращает на то объяснение превращения Клотса из деиста в атеистического материалиста, которое приводит в своем докладе тов. Виноградская — а именно, что стихийное развитие революции толкало Клотса к наиболее прогрессивным и радикальным (по тому времени) взглядам. Докладчица правильно показала, что Клотс, будучи идеологом революционной буржуазии, силою самих вещей приходит к определенным материалистическим прозрениям также и в области социологической. Клотс был одним из наиболее левых, наиболее революционных идеологов буржуазии того времени. Вот эта, наиболее революционная, наиболее последовательная буржуазия именно в период революции ближе всего подходит к стихийно-материалистическому пониманию истории. С этой точки зрения и было чрезвычайно важно подчеркнуть эти моменты, как это и сделала т. Виноградская.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО т. ВИНОГРАДСКОЙ

Отвечая т. Дыннику, т. Виноградская заявляет, что ее задачей было не просто дать кое-что о Клотсе, как о неизвестном или малоизвестном мыслителе, а подойти к нему с некоторой определенной точкой зрения. Эту точку зрения можно оспаривать и давать свою собственную точку зрения, но нельзя утверждать, будто в докладе дается какая-то преувеличенная оценка Клотса. Тов. Виноградская указывает, что она, наоборот, несколько недооценила Клотса, показав, что те его ранние работы, которые приводят в восторг его немногочисленных исследователей, представляют собою всего только зады энциклопедистов-материалистов; в дальнейших же своих писаниях (в первый период революции, когда Клотс делает резкий скачок к атеизму и материализму) он опять-таки не является более глубокомысленным философом, чем материалисты-классики и ничего особенно нового в философии не дает. В докладе показано, что материализм Клотса является в общем лишь повторением механического материализма Ламстри, Дидро, Гельвеция и др.

Что касается элементов исторического материализма, то в докладе указывается, что поскольку у Клотса был такой материал для наблюдения, какого не было у его предшественников, и поскольку он сам активно участвовал в революционной борьбе — перед ним вставали вопросы классовой борьбы непосредственно, как они возникали в революции, и он естественно должен был делать попытки материалистического истолкования всех этих событий. Но это был всего лишь примитивный экономический материализм типа Лучичко, Тьерри или Зомбарта, как это и отмечено в докладе. Если фатализм был так характерен для классиков французского материализма, то у Клотса он уже в значительной мере преодолевается, и преодолевается именно под непосредственным влиянием революционных событий.

Та цитата с пантеистическим уклоном, о которой говорил т. Дынник, относится к более раннему периоду литературной деятельности Клотса. От теизма он перешел через пантеизм к решительному атеизму и материализму.

О диалектичности Клотса в докладе было сказано весьма и весьма осторожно: Клотс лишь в такой же мере более диалектичен, чем его предшественники, в какой мере он видел перед собой человека, как активное существо. Естественно, что у него мы имеем не теоретическую диалектику, а практическую, вытекающую из его практической революционной деятельности.

Отвечая т. Зивельчинской, т. Виноградская указывает, что рассуждения Клотса о причинах сохранения еврейской нации она привела в докладе лишь в качестве примера встречающихся у Клотса экономико-материалистических объяснений. Клотс говорит, что евреи не ассимилировались с другими нациями потому, что они были не земледельческим народом, а занимались торговлей, переходя с места на место и нигде не оседая.

По вопросу о закономерности исторических явлений — указывает т. Виноградская — все же надо признать, что Клотс ушел вперед по сравнению с классиками французского материализма, хотя у него и не было какой-либо законченной системы социологических взглядов. Некоторые образчики суждений Клотса об исторической закономерности (по поводу отдельных конкретных событий) приведены в докладе.

В заключение докладчица высказывает сожаление по поводу того, что ее доклад не подвергся достаточно обстоятельной критике по существу.

АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО

ДОКЛАД Л. Н. ИВАНОВА¹.

Проблемы, входящие в круг англо-американских отношений, настолько разнообразны, многочисленны и обширны, что в пределах одного доклада не представляется возможным не только исчерпывающим образом охватить весь этот комплекс проблем, но хотя бы вкратце изложить каждый из этих вопросов. Задача докладчика в таких условиях сводится к тому, чтобы наметить основные пункты этой обширной темы для того, чтобы поставить целый ряд тем, которые необходимо обсудить как здесь, так и в нашей прессе.

Англо-американские отношения в настоящее время несомненно являются важнейшим фактором всей мировой политики. Нет ни одного театра мировой политики, нет ни одной арены мира, где интересы Англии и Америки не сталкивались бы между собой и не влияли бы сильнее всего на развитие важнейших международных проблем. При таких условиях наметить правильно основные узлы этих противоречий и обратить внимание на последние факты, относящиеся к их важнейшим моментам, представляется чрезвычайно важным.

Я не буду долго останавливаться на общеизвестных предпосылках англо-американского соперничества, в виде чрезвычайно интенсивного и быстрого экономического развития Соед. Штатов в результате мировой войны и в послевоенные годы и в виде захвата молодым американским капитализмом мировых рынков. Дряхлеющему британскому колоссу приходится иметь дело с мощным и чрезвычайно быстро развивающимся своим ресурсом молодым соперником. Я не буду останавливаться на цифрах, но цифры, относящиеся к последним годам, говорят о том, что внешняя торговля Америки сравнялась с английской; обороты внешней торговли Англии приблизительно равны оборотам внешней торговли Америки, причем структура английского и американского экспорта на мировые рынки ясно говорит о том, что обе страны являются конкурирующими странами. В британском экспорте промышленные изделия составляют до 80%, а в американском экспорте, где еще недавно сырые материалы, продукты сельского хозяйства, играли главную роль, в настоящее время, по данным за 1928 г., промышленные изделия составляют 60%. Таким образом из самого краткого и поверхностного сравнения цифр, относящихся к внешней торговле Англии и Америки, видно, что между обеими странами должна вестись ожесточенная борьба за мировые рынки. Далее, если Англия до войны была крупным экспортером капитала, если английские вложения как в английских колониях, так и в целом ряде иностранных государств достигали огромной суммы, то в результате мировой войны и послевоенной перегруппировки сил на сцену выступил мощный соперник в лице Соед. Шт. За поразительно короткий срок Америка почти догнала Англию по сумме капитала, инвестированного за границей; если включить межсоюзнические

¹ Зачитан в Институте мирового хозяйства и мировой политики 28 февраля 1929 г. Печатается в сокращенном виде.

военные займы, то сумма американского капитала, инвестированного за границей, превышает сумму английского. В то время как сумма английских вложений, по приблизительным подсчетам, составляет около 20 миллиардов долларов, сумма вложений американского капитала составляет ныне немногим меньшую цифру — около 16 миллиардов, а считая межсоюзнические займы — около 27 миллиардов.

Теперь — относительно соревнования за важнейшие виды сырья. Важнейшим из сырьевых вопросов представляется нефтяной вопрос. Последний имеет громадное как экономическое, так и политическое значение, поскольку нефть является не только основным видом жидкого топлива, имеющим решающее значение в современном транспорте и чрезвычайно важное значение в современной промышленности, но и имеет такое первостепенное военное значение, поскольку она является основным питанием и для военного флота и для авиации. Таким образом нефтяная проблема имеет громадное значение как в мировой экономике, так и непосредственно в мировой политике. Вполне понятно, что нефтяной вопрос является одним из наиболее обостренных вопросов в области англо-американских взаимоотношений. Мировые нефтяные тресты Англии и Америки в настоящее время оспаривают друг у друга важнейшие нефтяные рынки. Если сейчас американская продукция нефти составляет большую часть мировой добычи, если Америка наряду с этим имеет обширные источники нефти в государствах Центральной и Южной Америки, то с другой стороны потенциальные возможности английского капитала в этой области чрезвычайно велики. Английский капитал старался за послевоенные годы захватить потенциальные ресурсы нефти. Таковыми являются: моссульский район, чрезвычайно богатый нефтяными запасами, и затем целый ряд нефтяных участков в государствах Латинской Америки и других странах.

Англо-американское соперничество охватывает буквально весь мир; на территории самих Соед. Шт. имеются ответвления крупнейшего английского нефтяного треста Рояль-Детч Шелл, который, как известно, частично владеет нефтяными разработками в штате Калифорния. Таким образом Англия владеет сильными позициями в области нефтяной промышленности в самой Америке. В Латинской Америке до недавнего времени наиболее ожесточенная конкуренция велась из-за источников нефти в Мексике. В настоящее время, в силу целого ряда причин, Мексика в качестве нефтяного рынка несколько утратила свое значение. Напротив, большое значение в мировой продукции нефти, а следовательно, и в англо-американском нефтяном соперничестве приобрели страны северной части южно-американского материка, как Венесуэла и Колумбия. Венесуэла в настоящее время занимает второе место в нефтяной продукции — непосредственно после Соед. Штатов. Захват Венесуэлы английскими нефтяными компаниями начался значительно раньше, чем туда проникли американские компании, но последние, хотя и пришли значительно позже, но тем не менее начали быстро захватывать важнейшие нефтеносные участки, и в настоящее время продукция нефти американских компаний в Венесуэле уже достигла продукции британских нефтяных компаний. В Колумбии положение было обратное: там американский нефтяной капитал успел захватить важнейшие позиции, потом на арену появились британские компании, которые начали энергично добиваться концессий, и англо-американские противоречия в Колумбии, как и в Венесуэле, в настоящее время составляют один из наиболее боевых участков англо-американского нефтяного фронта. Моссульская нефть имела главным образом потенциальное значение, поскольку нефтяные ресурсы моссульского района пока почти не разрабатываются. Британский капитал спешит после войны овладеть моссульской нефтью, и между английскими и американскими нефтяными компаниями разыгрывается ожесточенная борьба за овладение акциями международного нефтяного треста Turkish Petroleum Company, который эксплуатирует моссульскую нефть. В эту борьбу были вовлечены оба правительства; американский Государственный департамент поддерживал американские нефтяные компании своими энергичными протестами против устано-

вления в Моссуле английской монополии; Америка протестовала против нарушения принципа «открытых дверей». В конце концов между мировыми нефтяными магнатами по поводу моссульской нефти был заключен компромисс. Последние цифры, относящиеся к прошлому году, таковы: две важнейшие британские нефтяные компании—Рояль Деч и Anglo-Persian владеют 47,5% акций, американские нефтяные компании владеют 23,75% акций, т. е. вполнину меньше. Конечно, на этом компромиссе англо-американские противоречия по поводу моссульской нефти не закончились, и в дальнейшем, когда эти нефтяные источники будут действительно разрабатывать, когда они будут иметь более актуальное значение для мирового рынка, чем теперь, эти противоречия выступят на сцену с новой силой. Персия, за исключением северного района, уже давно контролировалась британской нефтяной компанией Anglo-Persian. После войны американские нефтяные компании пытаются захватить нефтяные концессии в Северной Персии, в то время как британские нефтяные компании пытаются расширить сферу своего влияния в Персии и наложить свою руку не только на нефть Средней и Южной Персии, но и на нефть Северной Персии. За северо-персидский нефтяной участок разыгрывается ожесточенная борьба между английским и американским капиталом, в конце концов не приводящая к победе ни того ни другого противника; оба они как бы нейтрализовали друг друга в своих усилиях. Относительно соперничества из-за нашей нефти известны факты, имевшие место на наших глазах. Нефтяная война, об'явленная нам Детердингом, означала вместе с тем обострение англо-американских противоречий, потому что поскольку американские нефтяные компании отказались присоединиться к бойкоту, организованному Детердингом, постольку они как бы прорвали единый фронт в нефтяном вопросе, и на этой почве между американскими нефтяными компаниями, по крайней мере, некоторыми из них, и британскими нефтяными компаниями чрезвычайно обострились противоречия. Эти противоречия усугубились тем, что американский нефтяной трест продавал русскую нефть на средне-восточном и на индийском рынках, и на почве ввоза дешевой русской нефти произошло падение прибылей британских нефтяных компаний. Временное компромиссное соглашение между Детердингом и Стандарт-Ойл, состоявшееся летом истекшего года, конечно, не устраняет корня англо-американских нефтяных противоречий; это только временное смягчение их.

Второй вопрос, может быть менее важный в мировой политике, чем нефтяной вопрос, но также весьма важный—это вопрос о каучуке. Если в области нефти владельцем важнейших источников ее добычи и первым мировым производителем являются Соед. Шт., то британский капитал издавна закрепил за собой монополию на каучук. Важнейшими источниками каучука для мирового рынка являются Малаккский полуостров и остров Цейлон, т. е. колониальные владения британской империи; в каучуковое производство вложены громадные британские капиталы. В 1928 г. была введена так называемая схема Стевенсона, которая заключалась в искусственном ограничении производства, а следовательно и экспорта каучука из британских колоний, производящих этот продукт. Эта схема имела в виду повышение прибыли британских каучуковых компаний и извлечение максимальной, с точки зрения британского капитала, выгоды, из закрепленной за Англией мировой каучуковой монополии. Америка является важнейшим потребителем каучука, и ограничение британского экспорта, сопровождавшееся соответствующим повышением мировых цен на каучук, больше всего било по карману американских потребителей каучука. Вполне понятно, что американский капитал и американское правительство приняли энергичные контр-меры против такого использования Англией ее каучуковой монополии; был принят целый ряд энергичных мероприятий в этом направлении. Главным вождем американского империализма в борьбе против британской каучуковой монополии являлся теперешний президент, а тогда министр торговли, Гувер, под руководством которого Соед. Шт. организовали энергичную кампанию. Важнейшие мероприятия Америки в этом направлении следующие:

был организован синдикат американских покупателей каучука; была организована специальная каучуковая биржа в Нью-Йорке, с целью регулировать цены на каучук и предотвратить повышение их. С другой стороны Америка переходит в энергичное наступление; американский капитал захватывает участки, производящие каучук, прежде всего на острове Суматре, где крупная американская каучуковая компания захватывает каучуковую плантацию, которая, правда, пока имеет лишь потенциальное значение. Затем в Либерии американский капиталист Файрстон получает концессии на каучук и сравнительно быстро пускает в ход свои громадные плантации. Наконец Форд получает крупный участок для производства каучука в Бразилии, и таким образом американский капитал, не довольствуясь мероприятиями в сфере торговли, переходит в энергичное наступление, стремится захватить участки, которые в будущем, когда они будут использованы в полной мере, должны послужить для подрыва британской каучуковой монополии. Эти энергичные мероприятия американского капитала, поддерживаемые американским правительством и направленные к срыву британской каучуковой монополии, а с другой стороны, и то обстоятельство, что схема Стевенсона распространялась только на британские владения, а попытки вынудить других важнейших производителей каучука, именно голландский капитал на островах голландской Ост-Индии, последовать примеру Англии в отношении ограничения производства не увенчались успехом,—привели к тому, что схема Стевенсона оказалась неосуществимой. В результате, в прошлом году схема Стевенсона об искусственном ограничении производства каучука в британских владениях была отменена. В настоящее время англо-американское соперничество из-за овладения этим вторым важнейшим источником мирового сырья вступает в другую стадию; британская каучуковая монополия в том смысле, как она понималась до сих пор, сломлена; Англия будет теперь стремиться удержать свое преобладающее положение на мировом рынке, главным образом, путем максимального развития продукции каучука на участках, имеющихся в распоряжении британского капитала.

Я здесь не буду подробно перечислять другие виды сырья, играющие роль в англо-американских отношениях. Напомню лишь о последних фактах, которые имели место в борьбе за некоторые источники сырья,—борьбе, которая особенно остро отразилась на англо-американских отношениях. Всем должно быть ясно огромное значение никкеля как в промышленности мирного времени, так и в военной промышленности. 90% мировой продукции никкеля падает на Канаду, причем до недавнего времени мировую продукцию никкеля делили между собой две компании: одна компания International Nickel Company, где преобладал преимущественно американский капитал наряду с английским и канадским, и другая компания, компания английского капитала—Mond Nickel Company. Осенью прошлого года разыгралась ожесточенная борьба на нью-йоркском рынке, имевшая своим результатом то, что английские капиталисты, английские производители никкеля, путем организованной скупки акций получили контроль над первой из этих компаний. Этот факт чрезвычайно оживленно комментировался в английской и американской прессе, так как он имеет огромное значение: благодаря скупке этих акций мировая никкелевая монополия в настоящее время захвачена Великобританией. Это имеет огромное значение в аспекте подготовки будущей войны.

Недавно имела место ожесточенная борьба за чрезвычайно богатый медью участок в Южной Африке. Американские компании по обработке меди пытались овладеть контролем над так называемой N'Changa Copper Company—компанией, которая разрабатывает богатейшие участки меди в Родезии. Там находятся громадные запасы меди, производство чрезвычайно быстро развивается, и на английском рынке отнеслись очень болезненно к вторжению американского капитала в N'Changa Copper Company. Английский капитал организовал самый дружный и сплоченный отпор этим попыткам Америки захватить новые источники меди на африканском континенте; целый ряд британских компаний предложил гораздо более выгодные условия N'Changa Copper Company,

чем были предложены ей американскими компаниями, и в результате договор между американскими компаниями по обработке меди и N'Changa Copper Company, который должен был поставить источники добычи меди под американский контроль, был расторгнут, а британские компании, напротив, закрепили свой контроль над этим видом сырья.

Отметив англо-американскую борьбу за основные виды сырья, следует также отметить англо-американскую борьбу в области посреднического аппарата. Здесь до недавнего времени преобладание Англии было безусловным и неоспоримым. Британский банковский аппарат, достигший высших организационных форм, чрезвычайно концентрированный и централизованный, имел бесчисленные отделения за границей, и с помощью его лондонский Сити контролировал кредитные операции на важнейших мировых рынках; английские банки и их отделения выполняли и выполнят роль посредника также и американского капитала в его мировых кредитных операциях. В настоящее время эта картина несколько меняется, так как мы наблюдаем в американских банках процесс реорганизации; мы видим многочисленные примеры слияния крупных американских банков, создание крупных банковских трестов и их отделений за границей. Таким образом американский капитал стремится создать свой собственный посреднический банковский аппарат, необходимый для обслуживания его мировых хозяйственных операций. Таким путем американский капитал избавляется от посредничества Лондона в качестве банковского центра, и, следовательно, та линия, по которой главным образом осуществлялась смычка между английским и американским капиталом, т. е. линия банковского капитала, превращается в один из участков англо-американского боевого фронта.

В области торгового судоходства преобладание Англии до сих пор обеспечено. Америка за время мировой войны создала огромный торговый флот, но этот флот, выстроенный наскоро под влиянием потребности в тоннаже, в нормальных условиях оказался неспособным конкурировать с более могущественным и технически совершенным флотом Англии и других европейских государств, и—американское судоходство быстро пришло в упадок. В настоящее время только 33% американской заморской торговли осуществляется на американских судах. 50% американской заморской торговли осуществляется при помощи английского торгового флота, так что здесь позиции британского империализма являются пока непоколебимыми. Американский империализм принимает энергичные меры к тому, чтобы усилить свои позиции в области торгового судоходства, к тому, чтобы создать торговый флот, который мог бы конкурировать с английским. На предмет судостроения частным компаниям предоставляются щедрые субсидии. Но пока что американское судостроение находится в плачевном положении: в то время как в 1927—28 гг. доля Англии в мировом судостроении составляла 54%, американская доля была ничтожной величиной. Таким образом соперничество Англии и Америки в области этого вида посреднических операций, в области торгового судостроения является делом будущего, но несомненно потенциальные возможности такого соперничества имеются, поскольку имеются налицо соответствующие тенденции и энергичные усилия американского империализма к созданию надлежащего торгового флота.

Теперь я вкратце остановлюсь на отдельных политических участках мирового фронта англо-американского соперничества. Важнейшим из таких участков является Латинская Америка. Сюда инвестированы громадные британские капиталы; больше 1/4 британских заграничных инвестиций приходится на Центральную и Южную Америку. Эти страны издавна были твердой британского капитала, их рынки играют крупную роль в британской внешней торговле. После войны чрезвычайно быстро развивается процесс внедрения в эти страны американского капитала, и соответственно усиливается англо-американская конкуренция. При изучении этого участка англо-американского соперничества, его следует разбить на два основных района. Одним из них являются крупные страны Латинской Америки, как Аргентина, Бразилия и Чили, а другую группу

составляют государства Центральной Америки. В крупных государствах Южной Америки позиция британского капитала издавна была чрезвычайно мощной; в три крупных государства Южной Америки, в Аргентину, Бразилию и Чили,—инвестировано Англией до одного миллиарда фунтов стерлингов; английским капиталом построены все железные дороги и почти все порты этих стран. Англия сыграла также крупную роль в создании их телефонной сети, в постройке их новых городов, средств сообщений и т. д. В настоящее время американский капитал оспаривает позиции, захваченные ранее британскими капиталистическими магнатами. Если цифры британского капитала, инвестированного в три крупные страны Латинской Америки, далеко превышают американские вложения, то с другой стороны во внешней торговле Аргентины, Бразилии и Чили Америка уже захватила первое место, оттеснив Англию на второй план. За последнее время Америка начала энергичное наступление, отбивая у Англии разные монополии, захваченные ею в крупных странах Латинской Америки, на различные виды средств сообщения. Например, недавно в английской прессе в очень пессимистических тонах был отмечен захват американской телефонной компанией важнейшей телефонной системы в Аргентине, которая до недавнего времени контролировалась английским капиталом.

Мелкие государства Латинской Америки, т. е. северные государства Южной Америки и государства Центральной Америки, составляют несколько иную группу. Если в крупных государствах Америки ведется главным образом борьба экономическая, борьба за рынки, то в государствах Центральной Америки эта борьба получает ярко выраженную политическую окраску. В последнее время в государствах Латинской Америки, ближайших к перешейку, можно отметить такой факт, как захват английскими нефтяными и другими компаниями целого ряда крупных участков, которые фактически не разрабатываются. Каково их назначение? Целый ряд органов американской прессы усматривает в этом стремлении Англии захватить опорные пункты, опорные базы для себя в Центральной Америке, которые должны играть крупную роль, в случае англо-американского конфликта. К числу таких попыток Англии мы можем отнести неудавшуюся концессию Ятса в Колумбии. Эта концессия должна была доставить британскому капиталу крупный участок на границе между Колумбией и Панамой, в пределах которого англичане получили бы право на сооружение авиобаз, радиостанций, на прорытие нового канала, который мог бы составить конкуренцию американскому Панамскому каналу. Вполне понятно, что американское правительство приложило все усилия к тому, чтобы концессия Ятса не удалась, и эта попытка британского империализма окончилась неудачей. С другой стороны, в северной части Панамского перешейка, к северу от Панамского канала, британский капитал в лице компании Монда захватил довольно крупный участок. Официальным назначением этой концессии является разработка золотых приисков, но американская пресса обвиняет Англию в том, что никакое золото в этих золотых приисках нет; поэтому назначение концессии Монда очевидно стратегическое.

Вторым по значению из участков англо-американского соперничества являются британские доминионы. Доминионом, в котором американское влияние наиболее прочно утвердилось, является Канада. Америка занимает доминирующее положение в канадской внешней торговле, она является также крупнейшим экспортером капитала в Канаду и имеет твердые экономические позиции в этой стране. Соед. Шт. оказывают сильное влияние на ее политику. Канада является важнейшим проводником американского влияния в пределах Британской империи. Позже я особо затрону вопрос о роли доминионов в развитии англо-американских противоречий; сейчас можно только отметить, что американское влияние в Канаде является гораздо более значительным, чем британское. Что касается Австралии и Новой Зеландии, то Англия, при своей развитой банковской системе, стремится не допустить кредитования этих стран американским капиталом,

но, с другой стороны, она бессильна предотвратить вторжение Америки на товарные рынки этих стран. В настоящее время Америка прочно завоевала второе место — непосредственно после Англии — во внешней торговле Австралии и Новой Зеландии. Наконец третьим доминионом, который имеет некоторое значение в аспекте англо-американских отношений, является Ирландия. Значение Ирландии главным образом политическое, поскольку она может быть рассматриваема американским империализмом как его потенциальная база в будущей борьбе с Англией. Всем известно, какую огромную роль сыграла американская дипломатия при достижении англо-ирландского соглашения 1921 г. о предоставлении Ирландии статуса доминиона. В настоящее время Ирландия так же, как и Канада, имеет непосредственную дипломатическую связь с Вашингтоном и, последний стремится оказать на Ирландию максимальное давление, максимальное политическое влияние. Последние факты в этой области таковы: в 1928 г. президент Ирландского свободного государства Косгрэв совершил весьма знаменательную поездку в Соед. Шт., которой придавали крупное политическое значение; когда начались переговоры по вопросу о пакте Келлога и когда Англия в ответ на американское предложение формулировала целый ряд оговорок, — Ирландия неожиданно, демонстративно и безоговорочно присоединилась к пакту Келлога, из явив согласие его подписать. Это произвело очень неприятное впечатление в дипломатических кругах Лондона; Америка же не замедлила на это проявление дружбы со стороны Ирландии соответствующим образом реагировать, и, как известно, во время поездки государственного секретаря Келлога для подписания пакта в Париж, он отказался посетить Лондон, но в то же время провел довольно много времени в Дублине. Эта связь, существующая между Вашингтоном и Дублином, была воспринята Англией весьма неблагоприятно.

В качестве одной из последних тенденций в мировой экспансии американского империализма мы можем отметить его стремление проникнуть на африканский континент. Когда я говорил о каучуке, я упомянул о концессии Файрстона в Либерии, которая сыграла большую роль в срыве английской каучуковой монополии. Эта концессия имела и другую сторону, чисто политическую, а именно, то, что Америка впервые утвердила свой контроль над одной из стран африканского континента; заключение концессии Файрстона сопровождалось установлением полного финансового контроля Америки над Либерией. Американский концерн получил контроль над сбором налогов и таможенных пошлин, над бюджетом Либерии; американские офицеры стали во главе вооруженных сил страны, и, таким образом, последняя превратилась в опорную базу американского империализма, правда, пока еще небольшую, в западной части Африки. Американский капитал проявляет активность и на других участках африканского континента; сюда относятся, например, попытки получить концессию на сооружение плотины на озере Цана; концессия эта не осуществилась под нажимом британской дипломатии. Затем нужно отметить чрезвычайное усиление активности американской дипломатии в Египте, которое совпало с переговорами по поводу пакта Келлога. Это факт, который следует подчеркнуть. Я буду особо говорить об англо-американских противоречиях по поводу пакта Келлога, но сейчас, в связи с Египтом, нужно отметить то, что американское правительство во время переговоров по поводу пакта Келлога предложило Египту заключить договор об арбитраже. Последний был заключен как раз в тот момент, когда Англия осуществляла интервенцию в Египте с целью свергнуть неугодное ей правительство националистов и посадить на их место своих ставленников. Таким образом американская дипломатия нанесла довольно чувствительный укол интересам британского империализма в Египте.

Чтобы закончить с обзором территориальных районов, где сталкиваются интересы английского и американского империализма, остается сказать несколько слов о Китае. Здесь нужно отметить хотя бы то, что американская оппозиция в 1926—27 гг. явилась решающим фактором при срыве английской интервенции. Английский империализм,

пытавшийся установить единый фронт с другими державами для подавления китайской революции, наткнулся на самостоятельную линию американской дипломатии, которая, в противоположность курсу, взятому Англией, — курсу на вооруженную интервенцию, — пошла на сближение с нанкинским правительством. Разрыв единого фронта империалистов со стороны Америки имел своим последствием то, что британскому империализму пришлось несколько изменить методы своей политики в Китае. В результате Англия и Америка превратились как бы в конкурентов на почве установления экономической и политической связи с Нанкином. Америка, как известно, первой из всех держав заключила договор с нанкинским правительством, признающий принцип таможенной автономии Китая. Это было в августе 1928 г. Вслед за этим Америка в срочном порядке стремится добиться для себя важнейших выгод и захватить важнейшие позиции в Китае. Как важный шаг на этом пути, нужно отметить американскую финансовую миссию во главе с Кемерером, приехавшую недавно в Китай, американскую экономическую миссию, которая туда скоро последует, и целый ряд концессионных договоров между представителями американского капитала и нанкинского правительства. Англия поспешила последовать за Америкой на пути сближения с нанкинским правительством, стремясь не отстать в этом отношении от своего важнейшего конкурента. Америка раньше Англии заключила договор с Китаем о таможенной автономии. Англия заключила такой договор только в декабре 1928 г. Но с другой стороны английское торговое соглашение с Китаем более подробно регулирует спорные вопросы между обеими странами.

Теперь я отмечу важнейшие международные политические проблемы, где противоречия интересов британского и американского империализма проявляются наиболее последовательно и ясно. В области взаимоотношений Америки, с одной стороны, и Англии и других европейских держав, с другой, важнейшим вопросом представляется вопрос о межсоюзнических военных долгах. Позиция Америки в этом отношении проста: это есть позиция кредитора. Америка, как известно, дала более 11 миллиардов долларов по военным займам западно-европейским державам, прежде всего той же Англии, и Америка стремится добиться консолидации этих долгов, добиться того, чтобы ее должники один за другим пошли в Вашингтон и заключили соглашение об условиях оплаты и погашения своих долгов Америке. Позиция же Англии была более двойственной; она вытекает из того, что Англия, с одной стороны, является должником Америки, а с другой — является кредитором Франции, Италии и других западно-европейских государств. Отсюда двойственность английской политики в вопросе о межсоюзнических долгах. Принцип этой политики был впервые формулирован в известной ноте Бельфура. Эта нота содержала следующее. Англия декларировала, что она требует от своих европейских должников и от своих репарационных должников, т. е. от Германии, такую сумму платежей, которая равнялась бы сумме ее платежей по долгам Соед. Шт. Таким образом Англия заняла как бы промежуточное положение между европейскими должниками, с одной стороны, и американским кредитором — с другой. Сама Англия, как мировая банковская держава, стремилась прежде всего восстановить в полной мере свой кредит; поэтому она раньше всех других стран заключила соглашение с Америкой о консолидации своих военных долгов. Это соглашение по своим условиям явилось наиболее суровым; американский империализм применял, выражаясь словами американского министра финансов, «великодушный принцип платежеспособности». Этот принцип на самом деле сводился к тому, что американский империализм диктовал наиболее суровые условия платежей своим наиболее мощным соперникам; в то время как Англия, в силу соглашения о консолидации ее долга, обязалась к уплате приблизительно 82% общей суммы своего долга и процентов, накопившихся за этот срок, Франция в позднейшем соглашении обязалась к уплате 50% ее долга, а Италия не больше 20%. Таким образом американские кредиторы пред'явили наиболее суровые условия в отношении именно своего главного конкурента, являющегося вместе с тем главным из европейских должников

Америке, т. е. Англии. За последнее время британская дипломатия стремится восстановить континентальных европейских должников против Америки. Представители британского правительства и дипломатии постоянно заявляют, что они готовы к полному списанию долгов и откажутся от своих репарационных долгов, только бы Америка простила бы им их долги. Это постоянно подчеркивается на трибуне Палаты общин и в публичных выступлениях английских министров; ведется такая агитация, которая стремится представить американского кредитора в виде главного пугала для всех европейских должников. За последнее время имеется тенденция вовлечь в этот фронт государств-должников также и Германию. С этой стороны, на мой взгляд, особого внимания заслуживает сообщение по поводу плана английского экспорта Джозиа Стемпа в комиссии экспертов, вырабатывающей окончательные условия урегулирования репарационного вопроса. Этот план заключается в том, что $\frac{3}{4}$ германских репарационных платежей образуют фонд для погашения межсоюзнических долгов Америке. Это означает, что если план будет принят, то такой пункт заинтересует Германию в аннулировании межсоюзнических долгов Америке. Таким образом тут имеются попытки создать единый фронт как союзных государств, так и Германии, явно направленный против Америки. Если раньше Англия и Америка выступали как бы единым фронтом, в качестве двух государств-кредиторов, стремясь побудить государства континентальной Европы к признанию принципа оплаты межсоюзнических военных долгов, стремясь побудить их к заключению соответствующих соглашений, то теперь Англия, формально не выходя из рамок провозглашенного ею гибкого принципа, меняет фронт и становится во главе объединенного антиямериканского фронта европейских государств-должников.

Теперь я перехожу к самому боевому участку на фронте англо-американского соперничества: это вопрос об англо-американском морском соперничестве. Вопрос о морском соперничестве, вопрос о первенстве на морях, вопрос о том, чей флот будет властвовать, связан с другой проблемой, — с проблемой так называемой свободы морей. В чем заключается принцип свободы морей? В том, что торговому судоходству как в мирное, так и военное время гарантируется беспрепятственное функционирование. Противоположностью этому принципу свободы морей является тот принцип, который провозглашает держава, господствующая на морях: это принцип безусловного права блокады в военное время, причем в отношении сфер применения этой блокады за державой, ее применяющей, сохраняется неограниченная власть. В то время как принцип, основанный на неограниченном применении блокады в военное время, является принципом, соответствующим интересам государства, властвующего на морях, принцип свободы морей всегда выставлялся его соперниками. Впервые принцип свободы морей как орудие, направленное против Англии, выставляла Германия; это совпало с расцветом германского милитаризма, когда Германия вступила на путь создания мощного военного флота. Америка, со своей стороны, во время мировой войны также выставляла принцип свободы морей; американский империализм, первоначально занимавший позицию нейтралитета, был прежде всего заинтересован в развитии торговых сношений с обоими лагерями воюющих, потому что это открывало для американского капитала очень широкие возможности в отношении наживы, и Англия, страна, господствующая на морях, нанесла чувствительный удар интересам американских экспортеров, американской торговле, тем, что она закрыла моря для торговли с ее противниками. Таким образом между Англией и Америкой создавалось чрезвычайно обостренное противоречие на почве этого вопроса о свободе морей и о праве блокады. Для того, чтобы обеспечить возможность осуществления своих притязаний, американский империализм во время войны вступает на путь создания грандиозного флота, который мог бы быть противопоставлен английскому. В 1916 г. была сформулирована в Америке программа создания флота, не уступающего никому другому, и Америка вступает на путь грандиозного морского строительства. С другой стороны Англия, военный флот которой разросся за время войны до чудовищных

размеров, так, что содержание его было не по силам английской казне, принуждена была по окончании войны вступить на путь сокращения флота, улучшая в то же время его боевые качества. Какие затруднения пришлось испытать обоим конкурентам? У Англии были затруднения финансового характера, а у Америки затруднения на почве присказания кадров персонала для будущего флота; с созданием таких кадров дело до сих пор обстоит в Америке плохо. Эти затруднения привели к тому, что обе державы пошли на временный компромисс в области линейного флота. Таков был смысл Вашингтонского договора 1922 г., который установил принцип равенства английского линейного флота с американским. Но Вашингтонский договор не наложил никакого ограничения на другие виды морских вооружений. Таким образом, если он означал остановку в области создания линейного флота, то для каждой державы остались неограниченные возможности в отношении строительства мощного крейсерского флота, мощного подводного флота и для создания мощной морской авиации, с помощью которой они могли бы усилить свои позиции на морях. После Вашингтонской конференции соревнование между двумя державами велось именно в тех видах морских вооружений, которые Вашингтонский договор оставил неограниченными. Прежде всего, Англия стремилась всячески усилить свою супрематсию в области крейсерского флота. Англия после Вашингтонской конференции имела подавляющий перевес над Америкой, — если считать число современных судов, то в пять раз, — в отношении численности своих крейсеров. Значение крейсерского флота в современной морской войне громадно, и Англия тщательно поддерживает и укрепляет свою крейсерскую супрематсию. В дополнение к уже существующему огромному крейсерскому флоту в 1925 г. принимается так называемая программа Биркенхеда; это программа заключалась в том, что Англия ежегодно должна закладывать по несколько новых крейсеров для замены устаревших судов, и Англия начала планомерно проводить эту программу. Последняя проводилась без шума, чем вообще английская дипломатия и английский милитаризм выгодно отличаются от американского. Америка, конечно, не могла не реагировать на то, что ее важнейший соперник укрепляет свою супрематсию в области крейсерского флота. Уже начиная с 1926 г. с американской стороны выставляется проект новой морской конференции для ограничения тех видов морских вооружений, которые не были затронуты Вашингтонским договором и, прежде всего, для ограничения строительства крейсеров. С английской стороны эти попытки не встречают никакого сочувствия. Наконец, не добившись согласия Англии в процессе предварительных переговоров, президент Кулидж в 1927 г. выступает с официальным предложением и добивается созыва в Женеве конференции по морскому ограничению. На этой конференции между Англией и Америкой произошло открытое столкновение по вопросу о крейсерском флоте; американская делегация выставляла нормы ограничения крейсерских и других морских сил, на основе пропорции 5—5—3, установленной в Вашингтоне для линейного флота Англии, Америки и Японии; в частности, для крейсерского флота Англии было предложено от 250 до 300 тысяч тонн. Эту норму англичане отвергли и со своей стороны выставили такую программу, согласно которой должно быть ограничение только в отношении числа крупных крейсеров, а в отношении строительства мелких крейсеров каждая страна должна сохранить полную свободу. Англия имеет огромное количество мелких крейсеров, а Америка стремится создать флот крупных крейсеров, с помощью которых она могла бы добиться первенства. Поэтому Англия старалась, с одной стороны, связать американский милитаризм, а с другой стороны сохранить за собой возможность дальнейшего усиления своего огромного флота мелких крейсеров. Конференция после полутора месяцев ожесточенных дебатов сорвалась, и на ней не было достигнуто никакого соглашения; тогда впервые мировая пресса заговорила об англо-американских противоречиях как о важнейшем из актуальных моментов мировой политики. Тогда стали говорить, что Англия и Америка — это важнейшие претенденты на морское первенство, и что вооруженный конфликт между ними неизбежен. Уже в декабре 1927 г. в американском конгрессе

морским министром Вильбуром была выдвинута новая программа грандиозного военного судостроения. Эта первоначальная схема была несколько урезана конгрессом. Билль Вильбура в его измененном виде, т. е. постройка 15 крейсеров в трехлетний срок, в феврале 1929 г. прошел через американский сенат, через палату представителей и затем был подписан Кулиджем и таким образом получил силу закона. Одновременно поднимался и старый вопрос о свободе морей,—вопрос, как я уже сказал, неразрывно связанный с вопросом о том, кто будет властвовать на морях. И вот сенатор Бора в процессе обсуждения билля о крейсерах внес в сенат резолюцию о кодификации морского права и о созыве конференции, которая провозгласила бы принцип свободы морей. В настоящее время соотношение сил таково, что в Англии имеется готовых и строящихся 68 крейсеров, из них 26—так называемых «Вашингтонского типа», с максимальной скоростью хода и 8-дм. вооружением. В Америке в настоящее время имеется современных крейсеров 10, в постройке—8 и, таким образом, по настоящему, крейсерскому флоту Англии может быть противопоставлено только 18 американских современных крейсеров; 15 ныне проектируемых будут закончены постройкой в более поздние годы. Преимуществом Англии является также наличие большого количества морских баз, рассыпанных во всех частях света. Англия не только имеет первоклассные морские базы на своих важнейших имперских путях—в Гибралтаре и на Мальте, но в настоящее время оборудует еще первоклассную базу в Сингапуре, имеет базы в доминионах, например, базу на северном берегу Австралии—в Порт Дарвине, затем базы в Атлантике, и наконец базы в непосредственной близости от Панамского канала, например база на Ямайке. При таких условиях стратегическая ситуация, конечно, не в пользу американского империализма, так как последний почти не имеет баз вне пределов своей территории. Островная база американского флота имеется только в Тихом океане—на Гавайях. На Филиппинских базах не имеется и, что всего хуже для американцев, в зоне Панамского канала нет такой базы, которая могла бы быть противопоставлена английским базам. Сознывая свое неравенство в отношении крейсерского флота и морских баз, Америка обращает главное внимание на усиление своей морской авиации; в этом отношении достижения американцев огромны: американская морская авиация является количественно первой в мире.

Готовясь к войне, Англия и Америка должны вести наряду с военной подготовкой, которую они ведут чрезвычайно энергично, также и дипломатическую подготовку. Необходимо заручиться активным сотрудничеством одних держав, необходимо нейтрализовать другие. И вот, английская и американская дипломатия производят целый ряд широких маневров, направленных явно с каждой стороны на создание враждебных международных комбинаций. Америка в прошлом году выступила со своим пактом Келлогга, который должен был усилить влияние американской дипломатии в международном масштабе и, в частности, в пределах европейского континента. Его реальное значение должно было сводиться к тому, что он мог дать американскому империализму некоторый, хотя бы косвенный, контроль над важнейшими европейскими альянсами, которые в конечном счете могли бы быть направлены против Америки. Англия ответила на это соответствующим контр-маневром: прежде всего Англия формулировала целый ряд оговорок к пакту Келлогга; она в этом отношении установила единый фронт с Францией, поддержав французские оговорки о ненарушимости статута Лиги Наций, прежних международных договоров, локанского соглашения и т. д. Еще более важной представляется одна специфическая британская оговорка, которая была названа «британской доктриной Монро». Британское правительство в процессе дипломатической переписки, предшествовавшей подписанию пакта Келлогга, указало на то, что есть такие страны мира, безопасность и неприкосновенность которых составляют жизненный интерес для Британской империи, и что никакое вмешательство в дела этих стран не может быть терпимо. Термин «некоторые страны мира» толкуется широко. Как сказал Чемберлен в своем заявлении в палате общин, под это понятие подходят все африканские и азиатские страны.

Британский мининдел заявил, что Англия имеет право провозглашать свою доктрину Монро в отношении африканского и азиатского континентов, так же, как Соединенные Штаты провозгласили свою доктрину применительно к обоим американским континентам. Это заявление приобретает особое значение в аспекте англо-американских отношений, если мы вспомним, что американский капитал и американская дипломатия развивают чрезвычайную активность в пределах африканского континента и во всех областях Среднего и Ближнего Востока, где до сих пор Америка этой активности не проявляла; явление британской доктрины Монро, распространяющейся на африканский и азиатский континент, было явной демонстрацией против Америки. Англия подписала пакт Келлогга, оговорив неприкосновенность этой доктрины, и этим сводится на нет практическое значение присоединения Англии к пакту, а с другой стороны подчеркивается, что Англия не допустит влияния какой-либо державы в тех областях, которые британский империализм считает в сфере своего исключительного влияния. Англия постаралась нанести Америке еще более чувствительный удар; одновременно с провозглашением британской доктрины Монро последовало заключение англо-французского морского соглашения. В силу англо-французского компромисса, ограничению подлежат только крейсера не менее 10 тысяч тонн, т. е. те, в которых непосредственно заинтересована Америка. Это тип судов, которые более всего подходят к ее нуждам, связанным с недостатком у нее морских баз и топливных станций, вследствие чего она должна иметь суда с большим радиусом действий. В то же время мелкие крейсера и подводные лодки по англо-французскому соглашению не подлежат никакому ограничению. Таким образом это соглашение направлено против Америки. Это англо-французское морское соглашение, которое долго не опубликовывалось, произвело потрясающее впечатление в Вашингтоне. Последствием его было ускоренное проведение новой американской судостроительной программы.

Вот каковы линии, по которым актуально ведется военная и дипломатическая подготовка войны. Перегруппировки международных сил, явившиеся следствием англо-американского соперничества, не могут не отразиться и на положении нашей страны. Британский империализм проводит последовательную антисоветскую политику изоляции и окружения Советского Союза. Но в настоящий момент, когда за океаном вырос грозный противник, Англия вынуждена временно обратить свое главное внимание в сторону Атлантики и временно перенести центр тяжести своей политики на свои взаимоотношения с Вашингтоном. Чрезвычайно симптоматичными являются факты, относящиеся к экономической области. Тут имеет место непосредственная конкуренция английских и американских капиталистических группировок из-за нашего рынка; несомненно, на это влияют изменившиеся позиции американского и британского правительства. Целый ряд наших контрактов в Америке, например контракт с General Electric Company и другими американскими компаниями вызвал повышенный интерес со стороны британского капитала к нашим рынкам. Отражением этого интереса является делегация английских промышленников, которые приехали с разрешения британского правительства; при том курсе политики, который проводился Лондоном два года тому назад, такая делегация была бы невозможна. Таким образом англо-американские противоречия являются фактором, заставляющим обе страны идти на некоторую ревизию своих взаимоотношений с Советским Союзом. Эта тенденция проявляется пока в экономической области, но несомненно она не замедлит проявиться и в области политической.

Мне остается закончить мой беглый обзор англо-американских отношений. Для того, чтобы правильно предсказать течение мировой политики в связи с англо-американским соперничеством, нужно правильно учесть как факторы, обуславливающие собой обострение англо-американских противоречий и ведущие к разрешению их в форме конфликта, так и различные тормозы. К числу этих тормозов относится целый ряд моментов, одним из которых является связь английского посреднического аппарата—

связь английских банков и судоходства,—с американской торговлей. Интересы английского посреднического аппарата и связь его с американской торговлей несомненно являются тормозами, которые дают себя чувствовать. Другим моментом является наличие в Англии разных группировок, которые враждебно относятся к англо-американской войне: рабочая партия и либеральная партия чрезвычайно сильно критиковали политику правительства, приведшую к обострению англо-американских противоречий; но это только тормозы, потому что разрешить англо-американские противоречия, понятно, никакое рабочее правительство не сможет. Смена кабинета в Англии, которую можно ожидать в связи с предстоящими выборами, не будет означать сколько-нибудь серьезного тормоза; она будет означать очень кратковременную передышку в развитии англо-американских противоречий, так как движущие силы британского империализма останутся те же самые при правительстве Макдональда, как и при правительстве Болдуина. Очень важным моментом, осложняющим англо-американский конфликт, является и позиция британских доминионов в этом вопросе. Это относится прежде всего к позиции Канады, экономически тесно связанной с Америкой, благодаря чему Канада в Британской империи берет на себя роль как бы инициатора смятения англо-американских противоречий. Конечно, эта задача Канаде не по силам, но последняя все же является некоторым тормозом, поскольку, в случае англо-американской войны Англия по всей вероятности не сможет рассчитывать на большее, чем на нейтралитет Канады, что практически будет означать распадение Британской империи. Точно так же позиция Ирландии в случае англо-американской войны в недостаточной степени выявилась, и недаром предусмотрительные англичане в свое время включили в англо-ирландский договор постановление, запрещающее Ирландии заводить свои морские силы и создавать морские базы. Таким путем Англия не может не считаться с тем, что в будущей войне с Америкой как Канада, так и Ирландия могут оказаться не на стороне метрополии. Этот момент является одним из тормозов в развитии агрессивной политики британского империализма. Наконец четвертый момент—это не вполне определенная международная дипломатическая конъюнктура, неясность позиций ряда третьих держав—Германии, Италии, Японии. Таким образом, требуется большая дипломатическая подготовка. Лондон через посредство своей прессы начал планомерную кампанию, аналогичную той, которая велась против Германии перед мировой войной. Эта кампания имеет целью представить Америку в качестве главного агрессора, в качестве главного врага Англии, имеет целью представить Америку, как нападающую сторону. Эта провокационная кампания английской прессы заслуживает самого серьезного внимания, поскольку она сигнализирует момент приближения мирового вооруженного конфликта. Конечно, надо полагать, что английский и американский империализм просчитаются, потому что вопрос об исходе конфликта и вопрос о его последствиях будут решаться не чисто военными, а другими факторами, потому что народные массы как Англии, так и Америки, которые вынесут на себе всю тяжесть войны, тем самым увидят всю тщетность своих пацифистских иллюзий, и будущий вооруженный конфликт между империалистическими державами послужит новым толчком к развитию мировой революции.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ

Тов. Дашевский останавливается на проявлениях англо-американских противоречий в Латинской Америке. Главный интерес обеих сторон в странах Центральной Америки—стратегический, связанный со стремлением Англии получить, под видом концессий в Панаме и Венесуэле, потенциальные морские и авиационные базы в непосредственной близости от Панамского канала, на случай войны с Соединенными Штатами. В дополнение к тому, что сказал докладчик относительно соперничества из-за различных видов сырья, следует отметить англо-американское соперничество из-за добычи олова в Боливии.

Америка в настоящее время захватила в этой стране монополию на добычу этого исключительно ценного металла. Она захватывает также и медные рудники в Чили.

Тов. В и н о г р а д о в касается англо-американских противоречий на различных географических участках. В частности, в Египте эти противоречия приобретают особое значение ввиду того, что египетский хлопок играет все более крупную роль для английской текстильной промышленности. В области кредита преимуществом Англии является централизация ее банковской системы; в Америке не имеется центрального Банка, и наблюдается соперничество между отдельными крупными банками. За Америкой остается гегемония на рынке долгосрочного кредитования, но Англия прекрасно сможет сохранить за собой первенствующее положение в области краткосрочного кредитования; эти операции дадут ей достаточно много выгод, а с этой позиции сбить ее очень трудно даже могущественному капиталу Америки.

Тов. Виноградов оспаривает мнение докладчика по вопросу о морской супрематии Англии. По его мнению, по исполнению программ Биркенхеда и Вильбура американский крейсерский флот будет иметь перевес над английским, и вообще шансы в будущем вооруженном конфликте скорее на стороне Америки, чем на стороне Англии. Нынешняя форма Британской империи является устаревшей, в таком виде она существовать не может и она должна распасться. Британскому мировому могуществу должен прийти конец, и этому должен помочь нажим со стороны Соед. Штатов.

Тов. Г о л ь д ш т е й н находит, что докладчик переоценивает темп нарастания англо-американских противоречий. Между обеими сторонами возможны некоторые компромиссы, временно сглаживающие соперничество, напр. по отдельным сырьевым вопросам.

Тов. Р о м а н с к и й находит, что проблема будущей англо-американской войны не столь актуальна как опасность войны капиталистических стран против Советского союза.

Тов. Г о р ф и н к е л ь считает, что главным вопросом в англо-американских отношениях является борьба за рынки сбыта готовых изделий. Эта борьба в дальнейшем должна обостриться в связи с тенденциями хозяйственного развития обеих стран. Докладчик прав в оценке современного соотношения военно-морских сил, так как в этой области до настоящего времени, действительно, преобладание за Англией.

Тов. Б о х е н считает, что изучение англо-американских отношений должно вести, главным образом, в плоскости исследования динамики отдельных противоречий.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ДОКЛАДЧИКА

Тов. И в а н о в в заключительном слове останавливается на вопросе о роли британского посреднического аппарата, в качестве опоры мирового влияния британского империализма. Британские банки, с их бесчисленными отделениями за границей, до сих пор имеют возможность в значительной степени кредитовать мировые хозяйственные операции; в частности, и Америка не может обойтись без их посредничества. В области судоходства мировая роль Англии чрезвычайно велика, и в этой области она до сих пор удерживает свои позиции. Это—важнейшие козыри Англии в ее борьбе с американским империализмом. Англия отчаянно стремится удержать за собой свою колониальную империю. Это видно хотя бы из того, что за последние пять лет до 60% всего британского экспорта капитала ложится именно на доминионы и колонии, тогда как до войны главная масса британских инвестиций шла в иностранные государства. В области политической организации Империи Лондон принимает много новых методов. Тов. Иванов категорически оспаривает утверждение т. Виноградова, будто бы преимущество в военном отношении уже перешло от Англии к Америке. В действительности, судостроительная программа Биркенхеда уже закончена, тогда как программа Вальбура только начинает выполняться. Пока же перевес безусловно на стороне британского империализма.

ЭКСПАНСИЯ СОЕД. ШТАТОВ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Краткое изложение доклада т. Дашевского в Институте мирового хозяйства и мировой политики 11/IV1929 г.

Доклад был построен в следующем плане: в первой части докладчик пытался проанализировать основные особенности социально-экономической структуры латиноамериканских стран в зависимости от факторов естественно-географического и историко-политического порядка. Во второй части докладчик пытался показать, как, в зависимости от полукOLONиального (в лучшем случае зависимого) характера стран Латинской Америки, превращающего их в аграрный придаток развитых индустриальных стран, сложилась экспансия капитала Соед. Штатов в этих странах и каковы основные пружины, движущие силы этой экспансии. Значительное место докладчик посвятил характеристике американских инвестиций в важнейших странах Латинской Америки и бурному проникновению американского капитала в «командные» отрасли латиноамериканской экономики: горную промышленность, мясную промышленность, электрическую индустрию, шоссейное и железнодорожное строительство, систему связи и т. д.

Следующие факторы естественно-географического порядка способствовали тому, что Латинская Америка, в отличие от Соед. Штатов, трансформировалась не в субъект, не в объект империалистической политики:

1) бедность углем и железом (за исключением Бразилии и отчасти Чили) и неблагоприятное их размещение;

2) неблагоприятный климат;

3) транспортная разобщенность.

Факторы социально-исторического порядка сводятся к следующему:

1. Социальная структура стран-метрополий—Испании и Португалии—в связи с наличием значительного контингента туземной сельскохозяйственной рабочей силы (государства ацтеков и инков) способствовала, в отличие от Соед. Штатов, созданию в Латинской Америке крупных латифундий и закреплению феодально-крепостнических пережитков.

2. Неблагоприятный состав испано-португальской иммиграции в колониальный период.

3. Слабая емкость внутреннего рынка, замедляющая поступательный ход туземного капитализма; этот последний момент докладчик ставит в связь с преобладанием в хозяйстве латиноамериканских стран пеонажа и кабальной аренды, обуславливающих низкую покупательную силу не только огромного большинства населения, занятого в сельском хозяйстве населения, но и городского пролетариата.

В подтверждение своей мысли т. Дашевский ссылается на доклад Скальвайта, прочитанный последним в Институте мирового хозяйства в Киле.

Именно этим обстоятельством объясняется послевоенная стагнация некоторых отраслей II подразделения (особенно текстильная промышленность Бразилии), страдающая от конкуренции обладающих мощным внутренним рынком капиталистических стран.

Поэтому докладчик склонен (не затрагивая в данном докладе вопроса по существу) а priori с большей долей недоверия отнести к утверждениям некоторых авторов (напр., Lufft «Nationale und Kapitalistisch—Koloniale Entwicklung in Chile, im letzten Jahrhundert» в «Weltwirtsch. Archiv», Juli, 1927) о ярко выраженном явном в Латинской Америке процессе деколонизации («национализации») иностранного капитала и вытеснения его туземным капиталом, как то в свое время имело место в Соед. Штатах.

Переходя дальше к вопросу об основных моментах заинтересованности Соед. Штатов в Латинской Америке, можно сделать заключение, что primus motor экспансии сев.-американского капитализма в Латинской Америке состоял не столько в расширении рынков для сбыта фабрично-заводских изделий, сколько в завладении богатейшими ресурсами жизненных припасов и сырья, в создании мощного аграрного хинтерланда, территориально и политически значительно более благоприятно расположенного, чем колониальный хинтерланд Британской империи.

Оговариваясь, что сказанное выше следует понимать ограничительно, поскольку в эпоху империализма вообще трудно отрывать борьбу за рынки сырья от борьбы за рынки сбыта, докладчик иллюстрирует свое положение рядом цифровых данных.

Превращение Латинской Америки в аграрно-сырьевую базу американского империализма связано с радикальными сдвигами в структуре внешнеторгового баланса Соед. Штатов, в результате которых центр тяжести внешней торговли Соед. Штатов все более перемещается от Европы к важнейшим сырьевым базам мира. В соответствии со сказанным выше об основных особенностях экспансии американского капитализма докладчик сводит различия в составе американского и британского экспорта капиталов в Латинскую Америку к следующим двум моментам:

1. Конститутивное отличие между эпохой промышленного и финансового капитала.

Экспорт британского капитала в Латинскую Америку, начавшийся уже в 1825 г.—дата, отмечающая свержение испанского ига, в продолжение большей части XIX в. был теснейшим образом связан со сбытом изделий английской промышленности.

Историки экспорта капитала из Англии подчеркивают то обстоятельство, что ранние английские займы южноамериканским республикам представлялись не багями, но крупными торговыми фирмами, заинтересованными во внешней торговле (фирмы Бэринг, Ротшильд, Гольдшмидт, Барклей и др.).

2. Однако, принимая во внимание, что главная масса британских капиталов в Латинскую Америку была инвестирована все же в эпоху финансового капитализма, характеризующегося преобладанием источников сырья как объекта приложения иностранного капитала, необходимо подчеркнуть еще одно решающее обстоятельство, а именно, различия в экономической структуре Соед. Штатов и Англии.

Высокая организационно-техническая структура индустрии Соед. Штатов и наличие мощных монополистических объединений в противоположность Англии, характеризовавшейся с 80-х гг. явно упавшими темпами развития и сравнительно слабой кристаллизацией монополий, способствовали направлению американской экономической экспансии в сторону экспорта промышленного крупномонополистического капитала, в то время как в составе британского экспорта капитала все явственнее проступает тенденция к превращению его в экспорт ссудного капитала.

Организационно-техническое превосходство американских инвестиций по сравнению с британскими можно иллюстрировать на целом ряде примеров. Напр., английские инвестиции в чилийской промышленности селитры характеризуются преобладанием мелких и отсталых предприятий, в то время как американский капитал за самые послед-

ние годы обосновался здесь в лице крупномонополистической группы Гуггенгейна (Anglo-Chilean Consolidated Nitrates Co.).

Еще до войны американский монополистический капитал (трест Фаркуара), опиравшийся на интернациональный банковский консорциум, фактически распоряжался в Южной Америке значительными массами иностранного рентного капитала.

Трест Фаркуара, используя свое организационно-техническое превосходство, контролировал до войны около 20 000 км железных дорог—почти $\frac{1}{3}$ всех южно-американских железных дорог.

В настоящее время большинство южно-американских интересов треста перешло, повидимому, к American International Corporation, входящей в орбиту Моргана.

Особенно ярко сказалось организационно-техническое превосходство американского капитала над английским в бурной экспансии первого в сфере продукции олова (Боливия). Откупил не более 4% всех акций предприятий Патино (контролирует около половины всей боливийской добычи олова), National Lead Co фактически получила в свои руки техническое руководство предприятиями.

Директор National Lead Корниш был назначен директором предприятий Патино.

В настоящее время пять крупнейших компаний, на которые падает подавляющая часть продукции (Patiño Mines and Enterprises Consolidated Araca Mines, Orpoca Mines, Caracole, Tin Co of Boliwa, Companie Arankijo des Mines en Bolivie) контролируются американскими концернами. Пример с оловом тем более показателен, что олово до недавнего времени было британской сырьевой монополией (малайские владения, отчасти Голл. Индия). Ныне, как было показано выше, Соед. Штаты обеспечили себе прочную сырьевую базу в Боливии.

Мало того. Через посредство Патино американский капитал завладел значительной частью акций William-Harvey Corporation, британского предприятия, обладающего мировой монополией на плавку олова. Этот факт как нельзя ярче иллюстрирует прогрессирующее проникновение американского капитала в английское народное хозяйство. Затронув далее вопрос о количественной характеристике американских инвестиций в отдельных странах Латинской Америки, докладчик подчеркнул, что имеющиеся статистические данные, исходящие как из официальных, так и частных источников, чрезвычайно условны.

В зависимости от того, принимаются ли во внимание те или иные факторы миграции капитала, не находящие себе внешнего выражения в официальной статистике иностранных эмиссий, сведения эти резко между собой расходятся. Напр., данные об иностранных инвестициях Соед. Штатов за 1925 г. по Винклеру на 1 млрд. \$ превосходят данные Департамента Торговли.

К тому же статистика иностранных инвестиций обычно не учитывает качественной характеристики капиталовложений. Важность последнего момента докладчик иллюстрирует на примере Аргентины.

По определению аргентинского статистика Бунже, сев.-американские инвестиции в мясокладобойнях (Фригорификос) Аргентины составили в 1927 г. около 190 млн. пезо—величина относительно ничтожная по сравнению с 5 млрд. пезо британских вложений в жел. дороги, займы, коммунальные предприятия и т.д.

Иная картина получится, если учесть качественную характеристику организационно-социальную структуру этого вложения. Приняв во внимание огромную роль в Аргентине скотоводства и то обстоятельство, что скотоводы-предприниматели, отягощенные к тому же ипотечной задолженностью, немилосердно эксплуатируются мясными трестами (преобладание в которых принадлежит американскому капиталу), можно прийти к тому выводу, что в руках американцев находится один из важнейших рычагов всего аргентинского хозяйства. Этот момент—в соединении с рядом других, наиболее существенными из которых докладчик считает зависимость аргентинского сельского хозяйства от европейского рынка и сращивание европейского банковского и торгового капи-

тала с туземным ростовщическим капиталом (играющим огромную роль в аграрном строе Аргентины) в основном обуславливает ориентацию крупного землевладения на Англию, на Европу против Соед. Штатов.

В дальнейшем т. Дашевский подробно останавливается на прогрессирующей экспансии американского капитала в важнейшие отрасли народного хозяйства стран Латинской Америки. В настоящее время американские инвестиции в Латинской Америке уже превысили английские.

Если взять только Южную Америку, то здесь американские вложения составляют уже 25% всех иностранных вложений. Английские вложения, правда, превосходят американские почти вдвое, но они отличаются сравнительной стабильностью, в то время как американские обнаруживают бурный рост. Напр., с 1912 по 1928 г. американские инвестиции возросли: в Аргентине—с 40 млн. \$ до 501 млн. \$, в Чили—с 15 млн. \$ до 483 млн. \$, в Колумбии—с 2 млн. \$ до 182 млн. \$ и т. д. Параллельно с ростом инвестиций идет проникновение американских товаров на рынки южно-американских стран. В импорте сельскохозяйственных машин, автомобилей и т. д. Соед. Штаты добились уже неоспоримого превосходства. Правда, начиная с 1924 г. обороты Соед. Штатов с Латинской Америкой несколько уменьшились (на 3,14% по импорту и 4,65% по экспорту), но это уменьшение относится целиком за счет Мексики, Вест-Индии и центрально-американских республик.

Вытеснение Соед. Штатами Англии с рынка капиталов и рынка товаров вызывает резкое обострение отношений между обеими державами; в Бразилии борьба идет по преимуществу вокруг валоризации кофе, субсидируемой британским капиталом. Стремясь сорвать бразильские валоризационные проекты, Соед. Штаты с успехом развивают кофейное производство в Колумбии, полностью подчиненное американскому капиталу.

Борьба против англо-голландской каучуковой монополии выражается в проникновении американского капитала в каучуковые заросли Бразилии (концессии Форда и Файрестона),—издавна контролировавшиеся британскими фирмами. В Колумбии англо-американские «нефтяные» противоречия (борьба вокруг концессии Иейтс-Монтальво, проектируемой Англо-Першен) влетают в сложнейший переплет англо-американских противоречий в бассейне Караибского моря. Эти противоречия осложняются здесь борьбой колумбийского правительства за национализацию нефтяных недр. В отличие от Мексики, где подобная же политика способствовала образованию единого англо-американского фронта (время от времени, правда, нарушавшегося), англичане предпочитают здесь поддерживать правительство против Соед. Штатов, т.к. собственные их интересы в нефтяной промышленности весьма незначительны. Англо-американское соперничество в Колумбии, которое имеет большое значение, стоит в связи с общей активизацией британской политики в зоне Панамского канала. Обращение Панамы в 1926 г. за заступничеством к Лиге Наций, концессия «Panama Corporation» (здесь участвуют такие «столпы» британского империализма, как Альфред Монд, Эллиот Альве, Перси Беннетт и др.), поездка Чемберлена «на отдых» в Караибские воды, конференция вест-индских колоний Англии, грандиозные маневры американского морского и воздушного флотов у берегов Панамы, снова всплывший и тревожащий латино-американское общественное мнение вопрос о продаже Эквадором Галапагских о-вов и т.д. и т.п.—все эти события представляют как бы последовательную логическую цепь, одним из звеньев которой является пресловутая концессия Иейтс-Монтальво.

В Венецуэле экспансия американского капитала особенно усилилась после 1925 г., когда большая часть концессий «British Controlled Oilfields» перешла в руки американцев.

В 1928 г. американские нефтяные тресты контролировали в этой стране почти такую же нефтяную добычу, как и английские. Это подтверждается рядом фактов, иллюстрирующих быстрое проникновение американского капитала—особенно за последние

два года—в электрическую промышленность Южной Америки. Далее, в области железнодорожного транспорта, почти полностью монополизированного англичанами, Соединенные Штаты выдвигают проект меридианальной панамериканской магистрали, смыкающейся с поразительной быстротой, и проекты двух широтных магистралей. Недавние железнодорожные концессии в Перу и Боливии и являются началом осуществления грандиозного плана создания широтных трансамериканских магистралей. Особенно энергично форсируется американцами сооружение дорог и шоссе, которые послужат противовесом британскому влиянию в железнодорожном транспорте.

Большое значение для оценки перспектив американского проникновения в южно-американский континент имеет тот факт, что зарождающаяся черная металлургия и разработка железной руды в Бразилии и Чили находятся аф ово под контролем Вифлеемской Стальной Корпорации и Стального Треста. При надлежащем использовании мощных гидро-электрических ресурсов Южной Америки это обстоятельство может сыграть не последнюю роль в исходе борьбы за мировую гегемонию.

Переходя к перспективам, следует считать гегемонию американского капитала в Южной Америке (если только мощное рабоче-крестьянское движение не снесет самих основ господства империализма)—неизбежной.

В частности неминуемо постепенное вытеснение английского капитала из банковского дела, судоходства и железнодорожного транспорта, где позиции Англии наиболее сильны. На протяжении ближайшего исторического отрезка экспансия Соед. Штатов в Аргентине—главной опоре британского империализма—облегчится в связи с прогрессирующим превращением Соед. Штатов в импортера продуктов животноводства и земледелия.

Вместе с тем—по мере ослабления Англии—должны будут усилиться противоречия между Соед. Штатами и Германией, быстро восстанавливающей свои довоенные позиции (несмотря на то, что в настоящее время на некоторых участках, особенно в электротехнической промышленности, американский и германский капиталы выступают совместно против английского).

К возможности создания южно-американского блока во главе с государствами АВС, противопоставляющего себя сев.-американскому империализму (при сохранении современного социально-экономического строя южно-американских стран), следует относиться скептически. Эта идея, проповедуемая движением «панлатинизма», утопична, так как она покоится на следующих ошибочных предпосылках:

1. Переоценка силы «национального» капитализма и туземной буржуазии.
2. Переоценка революционности латино-американской буржуазии.
3. Недооценка чрезвычайной слабости экономических связей между южно-американскими странами, которые в последние годы обнаруживают тенденцию не столько к расширению, сколько к сужению.

Единственной силой, могущей противопоставить себя американскому и мировому капиталу, является быстро радикализирующееся рабоче-крестьянское движение, возглавляемое компартией.

* * *

Выступавшие в прениях товарищи подвергли критике некоторые положения докладчика.

Тт. Гольдштейн и Лоуф-Бохен подвергли сомнению правомерность самой постановки вопроса о Латинской Америке как о некоем едином целом.

Тов. Каплан упрекнул докладчика в том, что он не осветил некоторых фактов, иллюстрирующих проникновение американского капитала: последней Панамериканской Конференции в Гаванне и т.д.

Тов. Иванов отметил, что доклад было бы правильнее построить в следующем плане: в первой части—государства, в которых преобладание Соед. Штатов неоспоримо, и во вто-

рой части—государства АВС, где и в настоящее время наиболее сильно влияние Англии. В частности, несмотря на то, что американские вложения в Чили в настоящее время превысили английские, влияние Англии в Чили наиболее сильно. Чили в политическом отношении целиком ориентируется на Англию, как видно из теснейшего военного контакта между Чили и британским адмиралтейством; все суда Чили строятся на английских верфях, то же самое относится и к Аргентине. Докладчик переоценил экспансию американского капитала в Венесуэле, т.к. не принял во внимание принцип «conservation», который уже давно применяется английскими трестами, желающими сохранить за собой козыри на нефтяном рынке на будущее время.

Тов. Файнгар подчеркнул необходимость в дальнейшем более подробно разработать вопрос об индустриализации и «деколониализации» латино-американских стран. По его мнению, докладчик преувеличил организационный размах и значение американского капитала.

Замечания т. Герценштейна касались некоторых теоретических проблем экспорта капитала и рынка, затронутых докладчиком.

Тов. Гольдштейн считает неправильной намеченную т. Дашевским перспективу обострения отношений между Германией и Соед. Штатами на почве борьбы за латино-американский рынок. В противоположность докладчику, он считает более вероятным не сужение, а укрепление хозяйственных связей между южно-американскими странами на основе соглашений в области сбыта отдельных товаров. Тов. Гольдштейн указал на необходимость углубленного изучения Латинской Америки и в дальнейшем, тем более, что на этот счет имеются прямые указания VI Конгресса Коминтерна.

О МАЙСКИХ СОБЫТИЯХ В СВЯЗИ С ЭКОНОМИЧЕСКИМ СОСТОЯНИЕМ ГЕРМАНИИ

Краткое изложение доклада тов. И. Файнгар в Институте мирового хозяйства и мировой политики 16/V 1929 г.

Докладчик выдвинул и обосновал в докладе следующие положения:

1. Майские события были вызваны и подготовлены всей политико-экономической обстановкой в современной Германии на данном этапе.
2. Для этого этапа характерны пониженная хозяйственная кон'юнктура и образование коалиционного правительства.
3. Политическая и экономическая программы коалиционного правительства в значительной степени определяются новой фазой репарационного вопроса.

В развитие этих положений докладчик остановился на *поляризации* политической жизни в Германии. Этот процесс наглядно отразился в прошедших весной по Германии выборах в фабзавкомы и профсоюзы, а также в Вюртембергский и Саксонский ландтаги.

Если выборы в ландтаги, которые дали сильный рост национальной и народной партии за счет социал-демократов и серединных буржуазных партий, выявили отход вправо в крупнейших провинциях Германии целых пластов верхушечных слоев социальной лестницы, то выборы в профсоюзы, особенно в низовых звеньях, в фабзавкомы, показали сильный рост по всей Германии числа коммунистических делегатов, бурный процесс *радикализации* рабочего движения. Реформисты вынуждены были очистить позиции в ряде крупнейших профсоюзов и фабзавкомов. Достаточно назвать такие промышленные гиганты, как заводы Сименса и Бергмана [в Берлине, заводы химического треста Леуна, цитадели стального треста [в Руре, подавляющее большинство других предприятий в Рурском районе и т. д. Это невиданное с 1923 г. поражение соц.-демократии в руководстве профсоюзами и рабочим классом дало ей наглядное доказательство роста коммунистического влияния. А угроза широкого размаха этого движения ускорила расправу правящей с.-д. с коммунистами. Таким образом майские расстрелы германского пролетариата—это отраженный акт мести социал-фашистов против нарождающегося революционного движения. Германские коммунисты были спровоцированы на майские выступления и прибегли к ним вследствие расстрела безоружной мирной демонстрации приспешниками Цергибеля.

Но к майским событиям тянутся нити далеко из-за пределов Германии. Их держат в руках международные банкиры, недавно заседавшие в Париже. Международный капитал — фактический властелин современной Германии, и естественно, что прежде всего к нему на поклон поспешила новая правительница Германии—социал-демократия. Недаром с.-д. Браун—премьер Прусского правительства—как-то обмолвился следующей фразой: «Хотя майские события стоили жизни нескольким десяткам рабочих, но зато они произвели хорошее впечатление в Париже». Именно стремлением заслужить политическое доверие собственной и международной буржуазии объясняется политика подавления рабочего движения и фрондирования в отношении к СССР, проводимая ныне гер-

манской с.-д. В частности, репарационное соглашение, в какой бы форме оно ни вышло из Парижской кухни, определено заострено против СССР. Чего международная буржуазия не сумела за многие годы добиться от германской буржуазии, она без труда получила от с.-д.; она получила союзника, готового за чечевичную похлебку коалироваться против СССР. Этот пункт предстоящего репарационного соглашения еще развернется со всей остротой и является своего рода *conditio sine qua* поп для благоприятного в пользу Германии решения репарационного вопроса. Над репарационными переговорами витает дух антисоветского блока, и после хотя бы половинчатого решения репарационной проблемы встанет вопрос о замирении Европы и в первую очередь СССР. Этому вопросу будут временно подчинены противоречия, которые вообще актуальны между Европой и Америкой и отдельными странами между собой. Поэтому наиболее реальной войной на данном этапе следует считать войну против СССР, однако, у нас этому моменту уделяют недостаточное внимание.

Что же касается специфической германской обстановки, то международные банкиры предпочли бы в роли капитанов германского государственного корабля видеть стопроцентных представителей тяжелой индустрии и банковских групп, более надежных в смысле выполнения возложенных на Германию репарационных обязательств. Но репарационная проблема в переводе на язык современной германской политики означает переложение всех тягот на трудящиеся массы, что легче осуществить при посредстве с.-д. Последняя еще сохранила влияние среди мелкой буржуазии и части рабочего класса, и это умело используется международной и германской буржуазией. Германская буржуазия достаточно окрепла, подготавливает широкую империалистическую экспансию и готовится к новым схваткам с мировым империализмом; поэтому ей надо в первую очередь обеспечить тыл, привести в порядок свои домашние дела. Она выдвинула политико-экономическую программу, для реализации которой образовала коалиционный кабинет, допустив в нее в качестве активного сотрудника — с.-д. *Центральной политической задачей коалиции* — это ликвидация революционных завоеваний — или, как образно выразился один из парламентских идеологов германского неоимпериализма Шварцгаупт, член народной партии: «Необходимо сомкнуть расщелину 9 ноября 1918 г.» (день германской революции). В трогательном единении с германской буржуазией и впереди ее по этому пути быстрыми шагами шествует с.-д. Роспуск союза красных фронтовиков, преследование коммунистической печати и майские расстрелы—первый ее лебют. Он укрепил к ней доверие заседавших в Париже банкиров.

Экономические задачи коалиционного правительства внутри Германии состоят в таком разрешении репарационной проблемы, при котором вся тяжесть репарационных платежей легла бы на трудящиеся массы, притом без снижения прибылей капиталистов. Решить эту задачу можно только путем дальнейшей повышенной эксплуатации германских рабочих с одновременным ухудшением их материального базиса. Отсюда понятно наступление германской буржуазии на зарплату, на государственную помощь безработных, на высокие налоги с капитала и пр.

Хотя в Париже еще не подписано общее заключение экспертов, но уже сейчас выявились основные его контуры. В основу соглашения положен проект американского эксперта Юнга. Этот план делит репарационный долг Германии на две части—безусловную, которую Германия должна будет вносить в иностранной валюте и к которой не применяется трансферная защита, и на условную часть, к платежам которой может быть применен мораторий. Платежи устанавливаются на 59 лет с 1/IX 1929 г. по 31/II 1988 г. Первые 37 лет Германия должна платить 1 990 млн. марок, а если прибавить сюда проценты по займу Дауэса (70 млн.), то 2 060 млн. мар. Остальные 22 года Германия будет также платить Соед. Штатам долги европейских союзников. Но их источником должна явиться прибыль особо учреждаемого с участием Германии репарационного сверхбанка. По плану Юнга с Германии снимаются некоторые контрольные и залоговые мероприятия

репарационных кредиторов. Однако даже принятие плана Юнга заинтересованными державами и Германией не решает репарационной проблемы. Она не только остается, но увековечивается. Поэтому прогноз репарационной проблемы, данный докладчиком и другими товарищами в сборнике «Новый этап репарационного вопроса» под ред. Е. Варги, в основном остается в силе. План Юнга ничего существенного в этом отношении не вносит. Действительно, сумма платежей сокращается примерно на пятьсот миллионов, но основной налогоплательщик—рабочий класс Германии—этого не почувствует. Даже более, при плане Юнга роль бюджета, следовательно, налогов как источника оплаты репараций, еще более усилится и он явится единственным источником оплаты репарации. Особенно характерен в этом отношении бюджет 1929 г., классовая структура которого, заложенная германской буржуазией, углублена с.-д. министром финансов Гильфердингом. Как известно, с сентября 1928/29 г. половина репарационных платежей (1 250 млн. марок) покрывается из бюджета и в подавляющей части за счет так называемых массовых налогов. Основной причиной роста германского бюджета за последние годы являются репарационные платежи. Так, с 1925/26 г. по 1928/29 г. выплачено из бюджетных сумм 2, 4 млрд. мар. репараций. С другой стороны, налоги за этот период увеличились также на 2 млрд. марок.

За годы стабилизации налоговая политика Германии носила ярко выраженный классовый характер. Основная тяжесть налогов падала на трудящиеся массы, что видно из нижеприводимой таблицы:

Налоговое обложение в Германии (в млрд. мар.).

	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Общая сумма поступлений . . .	7,3	6,8	7,1	8,5	8,8	9,5
Массовые налоги	5,0	5,0	7,7	5,5	5,5	5,9
Налоги на капиталы и имущ. . .	2,3	1,8	2,4	2,9	2,7	2,7

За годы стабилизации массовые налоги составили $\frac{3}{5}$ всех налогов. За это время пошлины были повышены с 357 млн. до 1 251 млн. марок, т. е. почти на 900 млн. Точно так же повысились поступления от налогов на предметы широкого потребления—с 1 193 до 1 917 млн. мар. Таким образом сумма массовых налогов увеличилась с 1924 по 1929 г. на 1 млрд. марок. С другой стороны, поступления от налога на капитал за это время возросли всего примерно на 400 млн. марок, что в $2\frac{1}{2}$ раза меньше, чем поступления от массовых налогов. За период стабилизации совершенно отменен целый ряд налогов на роскошь, на слабые вина, поимущественный налог снижен в зависимости от стоимости имущества от $\frac{1}{4}$ до $\frac{2}{3}$ ставки и т. д. Бюджет на 1929/30 г., составленный с.-д. Гильфердингом, еще более углубляет классовую политику буржуазии. В то время как, например, доходы от налога на капитал и поимущественный налог возросли по проекту бюджета на 1929 г. всего на 154 млн. марок, массовые налоги за это же время увеличились на 425 млн. марок. Итак, германский рабочий и его потомки превращаются по плану Юнга в пожизненных крепостных международного капитала. Помимо того, он должен вынести еще эксплуатацию собственной германской буржуазии, и это является вторым программным вопросом об'единенного кабинета капиталистов и реформистов. Генеральное наступление германская буржуазия ведет против, якобы, высокой зарплаты рабочего класса, мотивируя свое наступление пониженной хозяйственной конъюнктурой. Докладчик останавливается поэтому на анализе современного экономического положения Германии.

Хозяйственная конъюнктура Германии, признаки падения которой появились уже в конце 1927 г., развивалась весь 1928 г. и первые месяцы 1929 г. в нисходящем направлении. Общий индекс работы промышленности составлял:

В ноябре 1927 г.	129,3
» октябре 1928 г.	116,0
» декабре 1928 г.	115,2

Производство средств производства в начале 1929 г. стало в отдельных частях улучшаться, производство средств потребления стабилизировалось и также показывало некоторые признаки улучшения.

В первые месяцы 1929 г. добыча каменного угля и кокса несколько повысилась. Ежедневная добыча каменного угля составляла (в тыс. тонн):

	1927 г.	Каменный уголь	Кокс
Октябрь		503,6	92,2
Ноябрь		514,6	92,4
1928 г.			
Октябрь		493	94,7
Ноябрь		498	77,8
Декабрь		506	87,9
1929 г.			
Январь		519	97,4
Февраль		504,3	101,0
Март		520	100,0

Некоторый перелом наступает в продукции железа и стали. Ежедневная продукция железа и стали составляла (в тыс. тонн):

	1927 г.	Железо	Сталь
Октябрь		37,8	58,0
Ноябрь		36,8	55,8
1928 г.			
Апрель		34,9	50,4
Октябрь		32,7	48,3
Ноябрь		8,9	14,2
Декабрь		28,4	45,4
1929 г.			
Январь		35,4	56,5
Апрель		36,8	56,5

Ежедневная погрузка вагонов также начинает повышаться, но все же отстает от цифр октября 1927 г.

В машиностроительной промышленности, согласно тем же данным, отмечается некоторое оживление, выражающееся в росте числа заказов, в особенности заграничных. На внешнем рынке положение железной и стальной промышленности является благоприятным, также электротехнической индустрии. С другой стороны, число конкурсов и случаи протеста векселей продолжают возрастать. Так, в 1927 г. число конкурсов и администраций в среднем за месяц составляло 581, в 1928 г.—945. В 1929 г. число конкурсов еще более увеличивается: в январе—1 091, число опротестованных векселей в феврале—1 110—на 50% больше, чем в начале 1928 г., и почти в 3 раза больше, чем в 1927 г.

На денежном рынке отмечается замедление притока иностранных кредитов (январь—27 млн. марок, февраль—140,6 млн мар., март—2,2 млн.) и напряжение внутреннего эмиссионного рынка (в феврале—68 млн. мар., в марте—24,5 млн. мар.). Размер новых эмиссий в марте значительно ниже, чем в феврале. Рынок капиталов крайне напряжен, так как опривление мирового денежного рынка и платежи за границу отвлекают из Германии иностранные дивизы.

Наглядным показателем ухудшившейся хозяйственной кон'юнктуры служат размеры безработицы. С 1926 г., когда безработица охватывала 18% всех членов профсоюзов, она в год высокой кон'юнктуры—в 1927 г.—снизилась до 4,5% (в октябре 1927 г.). Затем начинается рост безработицы, которая в феврале 1929 г. охватывает 22,3% членов профсоюзов. Официальные данные о безработице, естественно, преуменьшены, но даже по этим данным число безработных в конце февраля 1929 г. составляло 2 460 тыс. чел. против 1 400 тыс. в феврале истекшего года. Кроме того, 150 000 чел. получили пособие в связи с кризисом. Фактическое число безработных гораздо больше. К началу апреля число безработных, получающих пособие, уменьшилось с 2 460 тыс. до 1 884 тыс. чел., т. е. на 576 тыс. чел. Число безработных, получающих пособие, в связи с кризисом наоборот возросло до 200 тысяч.

По данным февральского бюллетеня Дрезденского банка безработица в Германии в осенние месяцы за последние годы развивалась следующим образом:

Годы	В процентах		
		С октября по ноябрь	С ноября по декабрь
1925/26	Октябрь = 100	85	122
1926/27	» = 100	4	28
1927/28	» = 100	78	96
1928/29	» = 100	53	65

Обращает на себя внимание темп роста безработицы. С конца ноября 1928 г. по конец января 1929 г., т. е. за два месяца, безработица возросла на 1 240 тыс. чел. Конечно, это отчасти объясняется в 1928/29 г. небывалыми в Германии морозами, которые совершенно парализовали некоторые отрасли промышленности, например, строительную. Но главные причины безработицы—это ухудшение кон'юнктуры и непрерывный процесс рационализации. Влияние пониженной кон'юнктуры на рост безработицы видно из того, что в 1928 г. безработица среди членов профсоюзов уже в июле достигла рекордной цифры вместо обычного периода в октябре. Стремясь к повышению получаемых ими прибылей, немецкие предприниматели сократили более 1/4 всех промышленных рабочих.

Несмотря на определенное ухудшение хозяйственной кон'юнктуры, следует признать, что Германия не стоит накануне экономического кризиса или даже длительной депрессии. По сравнению с другими периодами пониженной кон'юнктуры Германия в настоящее время экономически неизмеримо крепче. Так, общий индекс промышленной продукции, несмотря на резкое понижение, в настоящее время все же значительно выше, чем в 1926 г. Вклады в сберегательные кассы за последние 16 месяцев увеличились на 3,2 млрд. марок, т. е. на 70%. Пассив торгового баланса в 1928 г. равен 1,2 млрд. марок, т. е. в 2 раза меньше, чем в 1927 г. (2,8 млрд. марок). За первый квартал 1929 г. проявляется та же тенденция. Общий экспорт за истекший год возрос на 1 1/2 млрд. марок, а экспорт промышленных изделий—почти на 1 млрд. марок. Этот факт коренным образом противоречит утверждению германских капиталистов, что высокая зарплата рабочих препятствует развитию экспорта германской промышленности. Если за 1924 и 1925 гг. зарплата возросла для обеих групп (обученных и необученных рабочих) в среднем почти на 50%, то в 1927 г. и в 1928 г., являющихся годами высокой кон'юнктуры, зарплата для обеих групп рабочих повысилась всего на 17,4%, т. е. повысилась почти в 3 раза меньше, чем в 1924 и 1925 гг. Приведенные данные настолько красноречивы, что не требуют комментариев. В действительности же реальная зарплата немецкого рабочего ниже довоенной. Дело в том, что все статистические данные не учитывают возросшей эксплуатации рабочего класса, особенно усилившейся в связи с рационализацией и интенсификацией производства. Прибыли капиталистов гораздо выше, чем в 1925 году.

В заключение докладчик указал, что в переложении репарационного бремени на плечи трудящихся и в сокращении материального участия буржуазии в проведении социальных мероприятий государства, с одной стороны, и в наступлении на зарплату и революционные завоевания германского рабочего класса—с другой, заключается ближайшая программа германского капитализма, для осуществления которой он создал большую коалицию. Современное политико-экономическое положение Германии, внешнее давление со стороны репарационных кредиторов и растущая мощь германской буржуазии обеспечивают на некоторый период существование коалиционного правительства в Германии. Оба партнера будут всячески поддерживать большую коалицию. До определенного этапа социал-фашисты расчистят путь германскому неимпериализму, но когда последние будут полностью использованы для закабаления рабочего класса Германии, буржуазия заменит коалицию буржуазно-фашистской диктатурой. В этом направлении и развертываются события. Изменить это направление сумеет могучий германский пролетариат. Майские события и бурный рост коммунистического влияния в рабочих массах (выборы в фабзавкомы и в профсоюзы)—первые предвестники нарастающего революционного шквала, который в своем потоке снесет вместе с буржуазией и ее прихвостня—германскую социал-демократию.

* * *

Доклад т. Файнгара вызвал оживленные прения, в которых приняли участие гг. Ю. Гольдштейн, М. Герцбах, А. Романский, Горфинкель, Бохен и др.

Тов. Гольдштейн в своем выступлении заострил внимание на роли и сущности германской социал-демократии. Он считает германскую с.-д. не правой частью рабочего класса, а несмотра на ее социальный состав—буржуазную партию. Если в первые годы после войны германская с.-д. считалась мелкобуржуазной партией, то сейчас она готова служить интересам крупной монополистической буржуазии. В связи с этим следует считать вероятным, что с.-д. не будет удалена из правительственной коалиции. Далее т. Гольдштейн развил мысль докладчика о наступлении на СССР в связи с возможным решением репарационного вопроса, допуская, что Германия пойдет на уступки союзникам за счет монопольного предоставления ей советского рынка, чего она безуспешно добивалась до сих пор. При этом для достижения этих целей может быть применена к СССР финансовая блокада и попытка навязать СССР своеобразный план Дауэса.

Тов. Герцбах, полемизируя с докладчиком, отрицал факт поляризации политической жизни Германии. Не соглашаясь также с прогнозом т. Файнгара о неизбежном удалении с.-д. из коалиции, т. Герцбах вполне поддерживал т. Гольдштейна в оценке роли германской с.-д., как партии монополистического капитализма.

Тт. Горфинкель и Бохен остановились на методологической стороне вопроса—о сущности с.-д. По их мнению из одного факта защиты интересов буржуазии на данном отрезке нельзя еще с.-д. называть партией монополистического капитализма. Необходим более четкий анализ антагонистических и связующих моментов между с.-д. и партией монополистического капитализма. Тов. Горфинкель согласен с утверждением докладчика, что в репарационном вопросе на ряду с борьбой против СССР идет борьба между Европой и Америкой.

Тов. Романский разделяет оценку с.-д., как партии монополистического капитализма и полагает, что в коалиции сохраняются с.-д., т. к. фашизм и германская с.-д. ничем друг от друга не отличаются.

* * *

В заключительном слове докладчик, полемизируя с тт., считающими с.-д. партией монополистического капитализма, отметил, что «трагизм и парадоксальность положения заключается в том, что у с.-д. партии исключительно буржуазная идеология, классово-буржуазные лозунги и руководство, но еще значительный рабочий состав. Из 4½ млн. организованных в свободные профсоюзы рабочих за с.-д. еще голосует 3½ млн. членов. Конечно, социальный состав самой с.-д. партии в значительной части мелкобуржуазный— состоит из лавочников, трактирщиков и пр. Но отсюда все же неверно отождествление с.-д. с партией финансового капитала. Поскольку речь идет о руководстве германской с.-д. партии, мы несомненно имеем здесь тесную смычку, даже перерастание верхушки германской с.-д. в буржуа. Этот процесс захватывает все более широкие группы членов с.-д. партии.

Но имеется многочисленный слой германских пролетариев, еще не раскрепощенных идейно от с.-д., которые при дальнейшей эволюции своих вождей неминуемо пополнят ряды компартии. Поэтому докладчик считает и на данный период правильной не раз данную Лениным оценку с.-д.,—как мелкобуржуазной партии, агентуры и проводника влияния крупной буржуазии среди рабочего класса. Тов. Файнгар остается на изложенных в докладе позициях и по вопросу о поляризации политической жизни Германии, о блоке против СССР, скрытом в репарационной проблеме, и пр.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ЖЕНСКИЙ ТРУД

Краткое положение доклада А. Людвиг в Секции по изучению теории и практики международного женского движения

Доклад характеризуется следующими моментами: тов. Людвиг стремился придать ему научный, а не агитационный характер; вопрос рассматривается им прежде всего с точки зрения *германских условий*, наиболее доступных докладчику; его задача выяснить *взаимоотношения* между вопросами рационализации и женского труда; все, что касается исследования каждого из этих вопросов, *как таковых*, выходит за рамки доклада.

Женский труд—явление, связанное с капиталистическим способом производства с самого его начала. В капитализме как периода мануфактуры, так и периода свободной конкуренции, женский труд развивался так же, как детский труд, свободно и бесконтрольно, под знаком безграничной эксплуатации (Энгельс: Положение рабочего класса в Англии).

В развернутом послевоенном монополистическом капитализме случайное использование женского труда заменяется вполне сознательным его применением. В «организованном» капитализме становится «организованным» и женский труд. Процесс производства вполне сознательно передается в руки женщин—«феминизируется». Как в прежнее время, так и теперь основной причиной применения женского труда является его дешевизна. Переход к женской рабочей силе, которая по существу является неквалифицированной, вполне отвечает сущности «рационализации». Последняя разлагает производственный процесс на отдельные элементы и облегчает его. Везде, где это имеет место, преобладает женский труд. Наблюдается тенденция к введению женского труда во всех отраслях современной промышленности, не ограничиваясь специфически женскими отраслями. Мужской труд превращается в женский.

Капиталистическую рационализацию можно определить как планомерное и систематическое проведение с целью повышения прибавочной стоимости «оптимального» использования и эксплуатации современного рабочего под властью развернутого монополистического капитализма. Под «оптимальной» не следует понимать той степени использования человеческой энергии, которая наиболее отвечает естественным силам человеческого организма, но любую степень ее использования, которая больше всего отвечает стремлению капитала к прибыли. Возможные облегчения в работе, при введении новых машин, устраняются уплотнением рабочего дня и связанным с ним повышением использования человеческой рабочей силы.

Рационализация имеет бесчисленные формы. Когда в 1924—1925 гг. по Германии прокатилась мощная волна рационализации, то под нее подводилось любое усиление эксплуатации, даже тогда, когда речь шла о чисто механическом удлинении рабочего дня.

В основе мы различаем две формы рационализации:

1) Преобразование производственного процесса путем усовершенствованной организации, без увеличения капитала.

2) Идущие часто рука-об-руку с первой формой, но резко от нее отличающиеся—преобразования в структуре капитала: рационализация с увеличением капитала и «техническим прогрессом».

Обе формы преследуют цель увеличения прибавочной стоимости; первая вне всякой связи, а вторая в связи с увеличением постоянного капитала. К первой группе относятся все методы, стремящиеся к интенсификации труда путем ли простого капиталистического нажима на условия труда или же усовершенствованной организации производственного аппарата, достигаемой перегруппировками и т. д. При второй форме происходят изменения в ценностном составе капитала, при чем «с» увеличивается по отношению к «V». Ярким примером успехов, достигнутых благодаря рационализации, может служить резиновая фабрика, где производство увеличилось на 300%, а число рабочих сократилось на 32%, или же фабрика листовой жести, на которой продукция возросла на 100%, а число рабочих сократилось на 7,5%.

Все формы рационализации сами по себе не представляют ничего нового. Новое лишь то, что продолжающиеся перевороты в производстве, которые теперь, как и несколько десятков лет тому назад, являются непременными условиями существования буржуазии, превратились теперь в факторы ее падения. В то время, как рационализация способствует развитию производственных сил, одновременно обостряя до максимума конкуренцию на суживающемся рынке,—она способствует все большему выявлению основного противоречия послевоенного капитализма, а именно: противоречия между условиями возрастания капитала и условиями производства. Это основное противоречие заставляет предпринимателей прибегать к усиленному привлечению легко поддающейся эксплуатации женской рабочей силы. Отсюда следует: увеличение резервной армии безработных, нарастание социальных противоречий и, с другой стороны,—вовлечение женщин в производственный процесс и, следовательно, в ряды борющегося рабочего класса.

Применение женского труда в процессе рационализации имеет следующие четыре причины:

1. Облегчая тяжелую мышечную работу и привлекая прежде всего дешевую рабочую силу, рационализация облегчает проникновение женщин в отрасли производства, ранее обслуживаемые исключительно мужской силой.

2. В эпоху рационализации и в связи с ней развиваются сильно специализированные отрасли промышленности (электро, радио, искусственный шелк, химическая промышленность), которые, будучи оборудованы усовершенствованными машинами, рассчитаны на женский труд.

3. Связанная с рационализацией низкая заработная плата мужчин заставляет женщин также идти на фабрику за дополнительным заработком.

4. Растущее фабричное производство предметов потребления, производимых ранее в домашнем хозяйстве, превращает пролетарскую домашнюю хозяйку из производителя на семью в потребителя рынка и рабочую в производственном процессе. При этом она отнюдь не освобождается от работ, связанных с домашним хозяйством, и несет, следовательно, двойное бремя.

О распространении и распределении женского труда в послевоенной Германии можно судить по цифрам профессиональной и производственной переписи 1925 г., хотя ценность ее умалется тем, что она отражает период начала рационализации. Однако, в последующие годы развитие женского труда в направлении, характеризуемом приведенными цифрами, лишь усилилось.

В 1925 г. в Германии насчитывалось женщин, занятых производительным трудом (включая самодеятельных крестьянок, лиц свободных профессий и членов семей—помощников) в сельском хозяйстве, торговле и промышленности,—12,4 млн. против 9,5 млн. в 1907 году.

В промежутке между двумя переписями 1907 и 1925 гг. мы имеем: увеличение общего числа женского населения на 13,2%, самодеятельных женщин—на 34,8%, самодеятельных замужних женщин—на 69,0% и самостоятельных женщин (работниц приютов, участниц небольших предприятий и т. д.)—на 100%.

Общий рост женского труда идет рука-об-руку с перемещениями его в отдельных отраслях производства. Число женщин в сельском хозяйстве сократилось в 1907 г. на 20%, а домашней прислуги—на 6,8%. Наблюдается исчезновение докапиталистических форм женского труда. Число же женщин в торговле и промышленности увеличилось на 50%, а число женщин *служащих*—на 200%. Иными словами: центр тяжести женского труда передвигается с сельскохозяйственных работ, проводимых все еще большей частью в пределах семьи,—на промышленное производство.

Изменения в распределении женского труда произошли так же и внутри отдельных отраслей промышленности. Доля участия женского труда в тех отраслях, в которых он преобладал раньше, как, например, в текстильной промышленности—продолжает расти, но не в такой степени, как в новых отраслях производства.

Наращение доли участия женского труда в промышленности составляет: в текстильной промышленности 31,0%, в швейной—7,2%.

В современных отраслях:	%
в химической промышленности на	78,8
» резиновой » »	197,0
» машиностроительной и производстве аппаратуры на	474,0
» электрической промышленности на	495,7

Эти цифры показывают, что центр тяжести женского труда все больше перемещается в сторону важнейших в послевоенный период отраслей промышленности. Этим отраслям, в случае новой войны, будет принадлежать решающая роль как отраслям, работающим на военные нужды.

Изменения массы, распределения и экономического значения женского труда отражаются на структуре зарплат и рабочем времени женщин-работниц.

В этом отношении большое значение имеет приобретение женщинами-работницами новых квалификаций. Женский труд в массе своей не квалифицирован, что и является особенно ценным с капиталистической точки зрения. Однако массовое и разнообразное применение женского труда способствует развитию новых квалификаций. Так, например, мотальщица на берлинском электротехническом заводе должна наматывать проволоку на якорь с точностью до $\frac{1}{100}$. Такая работница резко отличается от необученной. Буржуазные феминистки пытаются на этом основании, выдвигая требование о более высокой квалификации женского труда, углубить в среде женщин-работниц процесс дифференциации и создать разграничение заработной платы.

Таким образом, с одной стороны монополистический капитал стремится установить наивысшую степень эксплуатации, достижимую при использовании женского труда, с другой же стороны все большее вовлечение женщин в производственный процесс обуславливает известное приближение их к условиям мужского труда.

В результате этого в общем сохраняется разница между зарплатой мужчин и женщин, хотя она для некоторых категорий и уменьшается. Дифференциация между различными слоями рабочего класса неизбежно присуща капитализму. В своих примечаниях к Готтсх' программе Маркс говорит, что различная стоимость рабочей силы есть явление, навязываемое рабочим самим капитализмом. Мы можем иллюстрировать это следующими цифрами.

Средняя недельная зарплата работницы в 1926 г. составляла 20,40 мар., а рабочего—33,90 мар., основная же аккордная плата для мужчин—53 пф., а для женщин старше 20 лет—37 пфеннигов.

Зарплата женщин составляла следующий процент зарплаты мужчин:

Промышленности:	Текстильн.	Обувная	Картонажн.	Табачн.	Металлург.	Химическ.
1913 г.	72,0	64,0	58,0	62,0	58,3	56
1926 »	84,0	70,6	66,3	68,0	66,0	68,0

Более низкая оплата женщин часто вызывается недостаточной их квалификацией. Из 3,2 млн. квалифицированных рабочих 2,6 млн. (81%) приходится на мужчин и 600 000 (19%) на женщин. Доля квалифицированных рабочих мужчин составляет 46% к общему их числу, а женщин—28% (Перепись 1925 г.).

Даже в тех случаях, когда женщины занимают в производственном процессе одинаковое место с мужчинами, все же наблюдается хотя бы незначительная разница в их производительности. При этом даже небольшая разница дает предпринимателю основание оплачивать женский труд дешевле, в чем они пользуются молчаливой поддержкой лидеров профсоюзов. Средством искусственно углубить разрыв между зарплатой мужчин и женщин, при почти равной производительности, является разница в дополнительном вознаграждении мужчин и женщин или введение многочисленных возрастных ступеней в оплате женского труда.

В отношении *рабочего времени* для мужчин и женщин разницы нет. Характерно лишь то, что в типично женских отраслях, как в текстильной промышленности, рабочее время составляет в общем 58 час. Ночная работа женщин после войны запрещена, но в последние годы, в периоды под'ема кон'юнктуры, женщины работали также и в ночной смене.

Вопрос о рабочем времени близко соприкасается с вопросом интенсификации труда. При одинаковой продолжительности рабочего дня, путем уплотнения движений, фактически может быть достигнуто удлинение рабочего времени. И именно женщины ведут наиболее резкую борьбу против интенсификации и за перерывы в работе.

Охрана труда работниц становится необходимостью для монополистического капитала. Он вынуждается осуществлять ее вследствие все увеличивающегося истощения женской рабочей силы и связанного с этим падения рождаемости, которая уже не может быть компенсирована уменьшением смертности. Необходимость введения охраны женского труда противоречит тенденции капитала использовать рабочую силу до пределов последней возможности. Отсюда вытекают противоречия, существующие в охране труда работниц, а также постоянные нарушения важнейших постановлений в социально-политической области (охрана труда беременных и т. д.).

Вовлечение женщины в производственный процесс, в условиях усиленной капиталистической эксплуатации, перерождает ее сознание, уничтожает ее мелкобуржуазные взгляды и увлекает ее на путь классовой борьбы. Стремление ее к борьбе носит элементарный и непосредственный характер.

Если противопоставить этому пассивность реформистских профсоюзов, как вообще, так и в особенности по отношению к защите интересов работниц, то становится понятной слабая профессиональная организованность женщин. Чрезвычайно показательно, что христианские профсоюзы сильнее привлекают к себе женщин, чем реформистские. Это об'ясняется их *«докапиталистической»* установкой, отрицающей возможность применения женского труда в производстве, в результате которой они выдвигают большие социально-политические требования с целью сделать вообще невозможным всякое применение женского труда. В 1927 г. доля участия женщин в профсоюзах составила: в христианских профсоюзах—25%, в амстердамских—19%.

Переворот в социальном положении женщин почти совсем не отразился на законодательстве. Наоборот, чем больше женщина вырывается из семьи, тем больше буржуазия старается оградить святость брака и семейного очага законодательными мероприятиями. Она стремится таким образом воспрепятствовать тому, чтобы работница

воспользовалась своим положением и революционно перешагнула через рамки, установленные для нее капиталом.

Освобождение женщины при господстве капитала—немыслимо. Однако увеличение армии женщин-работниц, происходящее под знаком рационализации, создает экономические, социальные и политические предпосылки для участия женщин в пролетарской классовой борьбе за ее окончательное освобождение.

* * *

В прениях по докладу т. А. Людвига были сделаны некоторые дополнения и возражения.

Неправильно-де приписывать капитализму сознательную тенденцию к «феминизации» производства. Применение женского труда является просто следствием стремлений, направленных к экономии рабочей силы вообще и, в частности, квалифицированной рабочей силы. Форд, например, доведший рационализацию до высшего предела, не пользуется женским трудом.

Рационализация сопряжена с ростом применения не только женского труда, но также и труда детей и подростков.

Неправильно говорить об «организованном» капитализме. Преобладающим моментом капиталистического метода производства не является планомерность, а, наоборот,—анархия и противоречия. Прежде всего необходимо подчеркивать противоречия капитализма.

Вновь приобретенную квалификацию женщин-работниц следует отличать от старой квалификации рабочих-мужчин. Последняя основывается на всестороннем развитии способностей, в то время как первая представляет собой одностороннее развитие какой-либо специфической способности.

Разница в зарплате мужчин и женщин создана искусственно и не отвечает фактическому положению там, где имеется одинаковая производительность мужчин и женщин.

Эта разница обнаруживает тенденцию к увеличению. Последнее можно проследить по данным за 1927—1928 гг.

Странно, что представители буржуазии сами пытаются установить границы возможности использования человеческой рабочей силы, как это делает ряд физиологов труда. Это противоречит тому факту, что капитал эксплоатирует своих рабочих до последней возможности.

Докладчик дает неправильное определение понятий интенсивности и производительности. Новые приспособления и изменения в организации элементов производственного аппарата приводят к поднятию не только интенсивности, но и производительности, так как они избавляют рабочих от необходимости производить лишние движения. Повышение интенсивности труда ограничено гораздо более узкими (а именно, физиологическими) границами, чем повышение его производительности.

* * *

В своем *заключительном слове* докладчик указал на то, что вопросы рационализации не должны рассматриваться исключительно с точки зрения физиологии труда. Использование рабочей силы при господстве капитализма зависит не от естественных законов, которым подчиняется человеческий организм, но от условий существования и наиболее прибыльного использования капитала. Буржуазные физиологи труда ищут обыкновенно тот предел использования человеческого организма, который диктуется данными условиями капиталистической эксплуатации. Все же и в условиях капиталистической эксплуатации рабочей силы существует известный предел, так как предприниматель не заинтере-

сован в слишком быстром доведении своих рабочих до полного изнеможения, дабы ускорить вредную частую смену рабочих на предприятиях. Если в настоящее время во многих рационализированных предприятиях и введен 8-часовой рабочий день, то это еще совершенно не означает, что это делается для пользы рабочих, так как интенсивность работы такова, что даже и 8-часовой рабочий день превышает все человеческие возможности. Рабочие Форда становятся совершенно неработоспособными уже через несколько лет.

Границы между мероприятиями, направленными к повышению интенсивности и производительности, сливаются. Резко различаются они лишь по своим понятиям. Точно так же переходят друг в друга границы интенсивности и экстенсивности труда.

«Феминизация» производства является *результатом*, а не *целью* его развития. Планомерность и анархия являются имманентными моментами капитала.

Формула—одинаковая зарплата за одинаковый труд—правильна. Однако, чрезвычайно редко, чтобы производительность труда женщин точно равнялась производительности мужчин. Одинаковая производительность наблюдается редко даже среди рабочих мужчин.

Неравномерная производительность основывается на дифференциации пролетариата, которая искусственно развивается под властью капитала и которая не вполне исчезает даже и в начальный период социализма.

КРИТИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА

К. Гребнев

А. ДЕБОРИН.—Очерки по истории материализма XVII и XVIII вв. ГИЗ. 1929. Стр. 294. Цена 2 р. 75 к.

Рецензируемая книга А. М. Деборина представляет собой сборник статей, написанных в разное время и по разным поводам. Поэтому сама «история» очерков по истории материализма наложила свой отпечаток на их содержание и форму. Содержание книги шире, чем ее название. Дело в том, что в девяти очерках, составляющих книгу, охватывается мировоззрение всего лишь восьми, правда основных, мыслителей-материалистов XVII и XVIII веков. Но целый ряд крупных фигур того же времени, безусловно нуждающихся в самостоятельных работах о них, как, например, Гасенди, Леруа, Робине, Гельвеций итд., в очерках не получили надлежащего освещения. Неполнота очерков и их «случайный» характер автором вполне сознаются. Даже и в таком неполном виде «Очерки по истории материализма» А. М. Деборина безусловно сыграют большую роль в дальнейшем развитии философской культуры в нашей стране.

Марксистская литература по истории материализма крайне бедна. Можно сказать даже, что ее у нас совсем нет, если отвлечься от очерков Плеханова о Гельвеции и Гольбахе, «Введения в диалектический материализм» Деборина и от нескольких монографий, написанных за последние годы учениками тов. Деборина. Такого рода обстоятельства могут уже достаточно показать, что книга А. М. Деборина ценна и своевременна, тем более, что в ней впервые в марксистской литературе дается развернутая оценка таких мыслителей-материалистов, как Толанд, Мелье, Ламеттри и Дидро.

Книга открывается статьей о Френсисе Бэконе. Автор статьи убедительно показывает, что Бэкон, наряду с Декартом, является, на рубеже буржуазной эпохи, крупнейшим методологом. Критика схоластической или силогической логики у Бэкона, как показывает А. М. Деборин, развивалась под углом зрения нового метода, новой логики. Создание новой логики, как метода познания и действия, и было главной идеей бэконовской философии. Далее автор показывает отличительные черты бэконовской индукции. В отличие от всех прочих эмпириков, бэконовский индуктивный метод требовал теснейшего союза опытного и рационального познания. Последнее обстоятельство, как указывает А. М. Деборин, привело Бэкона к такому определению науки, которое позднее было развито Марксом. Маркс вслед за Бэконом утверждал, что наука и состоит «в применении рационального метода к данным, доставляемым внешними чувствами».

Особо интересным является освещение автором бэконовского понимания материи. У Маркса имеется замечание относительно преимуществ конкретного материализма Бэкона перед абстрактным, механическим материализмом Гоббса. Автор «Очерков» развертывает это замечание в ряд интересных положений. Показывая, что симпатии Бэкона в понимании материи являлись к Демокриту, а не к Платону и Аристотелю, автор выясняет собственно-бэконовское понимание материи.

В конечном результате А. М. Деборин приходит к такому выводу в понимании Бэкона. Материя не пассивна, а деятельна, ее не следует мыслить бесформенной и бескачественной и ее движение составляет не внешнее свойство, а присущий ей атрибут. Материя, форма и движение, по мнению Бэкона, составляют неразрывное единство. Таким образом, по своему существу, по основной своей тенденции, как утверждает автор, бэконовский материализм не был механическим материализмом. А не был он им потому, что решительно отвергал отвлеченную материю. Для Бэкона даже первичная материя представлялась неизбежно связанной с определенной формой, с известными свойствами и движением. По мнению Бэкона, пишет тов. Деборин, одинаково ошибаются как те философы, которые предполагают, что отвлеченная материя есть истинное начало всех вещей, так и те мыслители, которые воображают, что первобытная материя уже с самого начала обладает всеми свойствами, встречаемыми нами во всех сложных телах. На фоне конкретного бэконовского понимания материи автор показывает также и те противоречия, с которыми неизбежно встречается механическое понимание, отрывающееся от бескачественной, абстрактной материи.

Следующий очерк о Гоббсе начинается также с выяснения различия материализма Бэкона от материализма Гоббса. Отличительная особенность материализма Гоббса состояла в том, что он, выражаясь словами Фейербаха, кладет в основу своей системы понятие абстрактного математического тела, понятие отвлеченной материи, существенным определением которой является одно лишь количество. В биографических сведениях, сообщаемых о Гоббсе, автор указывает на исключительное влияние механики и математики на весь философский склад Гоббса. Как и для Бэкона, для него руководящей идеей служила выработка правильного метода научного познания, и этот метод Гоббс заимствует из математики и механики. Методологические принципы, лежащие в системе Гоббса, проникнуты абстрактными математическими началами. Универсализация этого математического метода познания и привела Гоббса к материализму, в котором, по словам Маркса, чувственность теряет свою прелесть и становится отвлеченной чувственностью геометра.

Проблема движения—основная проблема Гоббса, но подобно тому, как Материя прима для Гоббса есть абстрактное тело, так и движение у него рассматривается как исключительно математическое, механическое. Ограниченность материализма Гоббса в том и состоит, что он универсализирует механическую форму движения и признает ее единственной формой движения материи. По замечанию Маркса, у Гоббса движение физическое приписывается в жертву движению математическому или механическому. Поэтому понятие математического тела, отвлеченное понимание материи и понятие механического движения и составляют краеугольные камни философской системы Гоббса. Автор, далее, подробно выясняет достоинства и недостатки материализма Гоббса именно в связи с указанным основанием гоббсовской философии. Выясняя гоббсовское решение проблемы пространства и времени, автор показывает на тот разрыв, который существует у Гоббса между рациональным и сенсуалистическим познанием. В конце очерка автор указывает на ряд интересных проблем в философии Гоббса, не получивших в очерке того или иного освещения.

Мировоззрению Спинозы автором посвящены две статьи. В первой статье А. М. Деборин выясняет социальное значение спинозизма, основные моменты его истории и его роль в истории материализма нового времени.

По его социальному значению автор квалифицирует спинозизм как идеологическое выражение новой органической, мировой эпохи. Революционное движение XVI века, говорит автор, сменилось оппозиционными, настроениями, господствовавшими среди народных масс на протяжении всего XVII века. Если революционное коммунистическое движение потерпело крушение и социально-боевое содержание, которым были насыщены религиозные секты, в достаточной степени теперь уже выветрилось, то все же

в XVII веке эти секты стояли в оппозиции к господствующей церкви и отчасти к общественному строю, поскольку они, по крайней мере теоретически, придерживались еще некоторых основных идей, вдохновлявших их предков на революционную борьбу. Спиноза и является, по мнению автора, вождем и главой этой оппозиции, исходившей от широких народных масс. Он продолжает в научной форме историческую критику библии, начатую еретической мыслью предшествующего века, и эта критика религии находится у него в теснейшей связи с его общефилософским мировоззрением, так как основная идея спинозизма, согласно которой мир должен быть объяснен из него самого, означала войну со всякого рода религиозными представлениями о творце мира итд.

Выясняя влияние Спинозы на положительное знание, автор пишет: «Ни одна философская система не может сравниться в отношении посредственного или непосредственного воздействия на развитие положительного знания с учением Спинозы». Однако, автор далее указывает, что лишен возможности подробно развивать историческое значение спинозизма для развития положительных наук в новое время. Мы полагаем, что в таком неразвитом виде цитируемая мысль автора может показаться читателям преувеличением. Известно, что на развитие положительного знания нового времени оказывали сильнейшее влияние методологии Бэкона и Декарта, поэтому необходимо было бы развить мысль о влиянии спинозизма на историю развития положительного знания в новое время, наряду с влиянием методологии Бэкона и Декарта.

Большой интерес представляют указания А. М. Деборина относительно основных этапов в развитии спинозизма в Германии, Англии и Франции. Растягивая цепь эпигонов Спинозы, автор убедительно доказывает, что вся последующая история материализма является не более как развитием материализма Спинозы. Интересны также замечания автора относительно Спинозы и Гегеля. Он полагает, что диалектика идеалиста Гегеля, как это ни странно с первого взгляда, примыкает во многих частях к диалектике Спинозы. Спинозизм является существенным моментом в учении Гегеля.

Вторая статья о Спинозе посвящена также исторической оценке Спинозы, выяснению источников спинозизма и основных черт материализма Спинозы. Выясняя источники спинозизма, А. М. Деборин показывает несостоятельность тех концепций, которые видели истоки философии Спинозы в идеализме, в схоластической философии и т. п. Он приходит к тому правильному выводу, что источники философии Спинозы прежде всего нужно искать в основных направлениях философии и науки, которые имели место в XVII веке, так как спинозизм—продукт своего времени и пытался разрешать проблемы, стоявшие тогда в порядке дня.

Переходя к спинозовскому пониманию бога, автор разоблачает модернизированные толкования материализма Спинозы. Указывая на бесплодность многочисленных попыток истолковать спинозовского бога в теологическом смысле, автор показывает на другие, новые пути извращения материализма Спинозы. Так, например, один из исследователей Спинозы, Дунин-Борковский, считает, что Спиноза был в юношеские годы и очень короткое время механическим материалистом, впоследствии же самым решительным образом разделался с этим своим материализмом. Автор показывает, что последняя точка зрения не более как новый метод извращения безусловного материализма Спинозы (разумеется, автор не забывает теологической формы этого материализма).

На примере спинозовского понимания субстанции, конечного и бесконечного, свободы и необходимости, А. М. Деборин показывает диалектику Спинозы. Автор указывает, что, согласно философии Спинозы, противоположность между каждой вещью (конечным) и природой в целом (бесконечным) состоит в том, что конечное имеет причину своего существования в другом, в то время как бесконечное, мир как таковой причину своего существования имеет в самом себе, т. е. он не имеет внешней причины. Мир как целое—автономен, независим от какой бы то ни было внешней силы, безначален и бесконечен. Если бы мир имел начало, то что-то другое должно было его

породить. Если бы был конечен, то существовало бы нечто, что его ограничивает, что находится опять-таки вне его. Но то, что находится вне его, в свою очередь было бы ограничено другим и т. д. до бесконечности. Такого чисто материалистического результата в определении природы субстанции, как замечает А. М. Деборин, можно было достичь только на основе диалектики. Формально-логическое понимание требует распространения закона причинности на мировое целое, между тем как диалектический смысл учения Спинозы состоит в том, что категория, применяемая к части природы, не может быть распространена на целое природы. Если каждое отдельное явление природы имеет свою внешнюю причину, то в отношении природы в целом этого сказать нельзя, так как нельзя этого сказать и по отношению к понятиям возникновения и уничтожения. А. М. Деборин констатирует, что Гегель в своей «Логике» развивает в отношении конечного и бесконечного, свободы и необходимости основные идеи Спинозы. Диалектика Гегеля в отношении к указанным проблемам представляет лишь дальнейшее развитие и углубление диалектических идей Спинозы. Ряд мыслей огромной ценности содержится при выяснении автором вопроса о взаимоотношении между атрибутами и субстанцией в философии Спинозы и в диалектическом материализме. Не менее интересные положения выдвигаются автором и в отношении морали и социальных идеалов Спинозы.

Очерк о Джоне Толанде, если не считать несколькими годами ранее написанной статьи тов. Тьянжского, представляет первое марксистское исследование об этом замечательном английском материалисте конца XVII и начала XVIII века. Толанд к материализму пришел через деизм. Половинчатость деистических учений не могла удовлетворить смелый ум Толанда, и в своих «Письмах к Серене» он поднимается до чеканного и в некоторых отношениях диалектического материализма. Так, например, показывает А. М. Деборин, субстанция, движение и покой, мышление понимаются Толандом не только материалистически, но и диалектически. В 4-м письме к Серене Толанд критикует Спинозу за то, что с точки зрения его принципов невозможно объяснение разнообразия материального мира. По его мнению Спиноза не дал удовлетворительного определения движения. Спиноза должен был показать, каким образом разнообразие отдельных тел возможно примирить с единством субстанции, с тождеством материи во вселенной. Он должен был показать, каким образом материя приводится в движение без помощи первого двигателя, бога, которого он не признавал. По существу в своей критике спинозизма, замечает А. М. Деборин, Толанд был прав и своим разрешением проблемы движения подвинул вперед материалистическое мировоззрение.

Следующее 5-е письмо к Серене и является изложением взглядов Толанда на проблему движения материи. Толанд приходит к двоякому пониманию движения. Он различает движение как активность материи или изменение вообще и движение как перемену места. Активность—это движение целого (Толанд понимает активность как «самодвижение»), атрибут материи; пространственное же движение является модусом активности, некоторым изменчивым состоянием активности. В связи с таким пониманием движения покой понимается Толандом как особая форма движения материи. Толанд утверждает далее, что материя столь же немыслима без движения, как и без протяжения. Из одного протяжения нельзя вывести ни сущности, ни разнообразия вещей. Движение поэтому есть существенное свойство материи, форма ее существования. Кроме того, как указывает автор «Очерков», Толанд, при постоянстве количества материи и движения, говорит о вечной смене форм материи и движения. Следовательно, проблема новых качественных образований была уже поставлена Толандом. Источник спинозовской идеи всеобщей одушевленности Толанд также усматривает в допущении пассивности материи, в непонимании качественных образований.

А. М. Деборин показывает, далее, что этому замечательному материалисту не чужда была даже и проблема конкретного понятия. По мнению Толанда все атрибуты

материи составляют единство, конкретное целое. Каждый же атрибут представляет собою одну из форм существования единой материи; это особый способ рассмотрения единой материи с какой-либо специфической точки зрения. Однако, обычно берут одно какое-либо свойство материи, отвлекают его от целого и превращают в самостоятельный абсолюте, в реальную сущность. Это—формальный или абстрактный подход к явлениям, в котором особенно повинны математики. Таким образом, напр., было приписано реальное существование математическим линиям, поверхности и точкам. То же самое относится и к пространству, которое математически мыслят без материи.

В очерке о Жаке Мелье тов. Деборин выясняет не только личную трагедию двойственности Мелье, но также и философское содержание его «Завещания». Он приходит к тому выводу, что в «Завещании» Мелье уже ясно выступают все три основных элемента мировоззрения пролетариата: материализм, атеизм и коммунизм. Интересны замечания тов. Деборина о предшественниках французского материализма XVIII века, а также возражения против концепции немецкого историка Ф. Мауейпера, не считающего священника Мелье автором «Завещания». А. М. Деборин рядом убедительных доводов показывает несостоятельность сомнения Мауейпера в том, что автором «Завещания» является Жак Мелье.

Очерк о Ламеттри, об этом «якобинце» в философии, содержит характеристику мировоззрения этого философа и анализ основных его произведений. Автор показывает, что уже в работах Ламеттри содержатся все основные и руководящие идеи французского материализма второй половины XVIII в. Как материалист, Ламеттри сложился под влиянием Локка, Спинозы и естествознания—в частности медицины, так как он был врачом того времени. Но он был более радикальный и более последовательный материалист, чем Спиноза. В последнем ему не нравился его рационализм, и спинозовскому рационализму Ламеттри противопоставляет материалистический сенсуализм. В отношении организованной и неорганизованной материи Ламеттри заявляет, что все различие их объясняется вполне различными принципами движения материи. Человек есть только совершеннейшее проявление единой материальной субстанции. Ламеттри понимал количественные и качественные моменты движения, поэтому он утверждал, что материальное на известной ступени может перейти в духовное. Количественные изменения одной и той же субстанции порождают разнообразие качественных форм.

Заслугой тов. Деборина является так же то, что он подошел с дифференцированной характеристикой к представителям французского материализма XVIII века в отношении к идее развития. Он показал, что у разных мыслителей эта идея разработана по-разному, и нельзя всех представителей французского материализма XVIII века обвинять в отсутствии идеи развития. Тов. Деборин особенно ярко подчеркивает это на примере Ламеттри и Дидро. Так, Ламеттри не только не была чужда идея развития, но и вполне ясно понималась им. В таких своих произведениях, как «Человек-растение» и «Система Эпикура», Ламеттри предвосхищает теорию эволюции, указывает определенные материалистические факторы изменчивости, предвосхищает учение о клетке и выдвигает догадки относительно законов наследственности.

Полю Гольбаху—признанному главе французского материализма XVIII в.—в «Очерках» А. М. Деборина посвящены две статьи. Первая статья останавливается на личности Гольбаха и на изложении его нематериалистической социологии и этики. Вторая статья начинается с интересных исторических указаний, подготовивших почву для восприятия боевого французского материализма XVIII века. Тов. Деборин очерчивает заслуги в подготовке материализма и атеизма таких имен, как Рабле, Марго, Доле, Деперье, Монтень, Гассенди с его школой и др. Ценность этих указаний заключается в том, что они показывают вехи целого этапа истории материализма совершенно неразработанного. А. М. Деборин показывает так же влияние на французский материализм английского деизма и в связи с этим вскрывает социально-экономические корни

половинчатости английского материализма и радикализма французского материализма. Затем автор «Очерков» подробно останавливается на анализе «Системы природы» и др. произведений Гольбаха, везде показывая материалистические и идеалистические моменты.

Особенно интересным является очерк о Дидро. А. М. Деборин считает, что Дидро больше всех из современников-материалистов связан с диалектическим материализмом и может рассматриваться как один из наиболее талантливых и глубоких его предшественников. Проблема материи и движения понимается Дидро материалистически и диалектически. Движение он понимает как самодвижение, как «интимную силу, свойственную природе материи», как форму существования материи. Далее Дидро высказывает, что каждая высшая форма движения материи об'единяет в себе все низшие формы. Человек, напр., об'единяет в себе инертность, чувствительность, растительную жизнь, жизнь полипа, животную жизнь и человеческую жизнь. Человек есть органическое единство всех форм существования.

В связи с своим пониманием движения подходит Дидро и к пониманию строения материи, к проблеме гомогенности и гетерогенности материи. Дидро полагает, что природу материи следует мыслить гетерогенной, качественно разнородной. Дидро определенно высказывается против однородности материи и в этом смысле превосходит точку зрения Энгельса и диалектического материализма. По его мнению даже первичные элементы материи являются качественно разнородными, чем и об'ясняется разнообразие феноменов природы.

Проблема взаимоотношения мертвой и живой материи у Дидро получает также разрешение под углом зрения высших и низших форм существования материи. Дидро стремится к преодолению материальной и духовной субстанции и к утверждению единства субстанции. Для того, чтобы материя превратилась в чувствующую материю, пишет тов. Деборин, она должна потенциально, «в себе» быть чувствующей. Чувствительность, способность чувствовать, поэтому не следует предполагать в мертвой материи как некое застывшее, неизменное существование, а как становящееся, находящееся в состоянии преобразования существование. Взаимодействие и развитие, по мнению Дидро, стало быть имеют место лишь там, где есть противоположности, переходящие в противоречие. Дидро стоит на правильной методологической точке зрения, замечает тов. Деборин, он стремится об'яснить возникновение одних форм из других путем внутреннего развития единой материи. Но это единство материи не исключает внутренней ее разнородности, а в известном смысле предполагает ее.

В связи с этим тов. Деборин указывает на неточность формулировки Дидро и Плеханова, допускающих переход от неорганизованной материи к организованной в результате количественных изменений. С точки зрения А. М. Деборина является более правильной диалектическая формулировка этого взаимоотношения, согласно которой чувствительность в неорганизованной материи есть не нечто данное, не наличное существование, а становящееся, возникающее свойство. В мертвой материи приходится предполагать потенциальную способность превратиться в живую материю. В этом смысле мертвая материя лишь относительно мертва, но степень «относительности» имеет решающее значение. Относительно-мертвое находится на грани абсолютно-мертвого, но не совпадает с ним:

Вопрос о переходе и превращении формы движения материи друг в друга, проблема возникновения нового качества и связанная с ней проблема скачка составляют суть всякого учения о развитии. Все эти проблемы, как показывает автор, были предметом острого интереса Дидро, но, однако, не могли получить у него законченного разрешения. В связи с проблемой «скачка» тов. Деборин выдвигает лишь интересный вопрос об обратимых и необратимых скачках, толкование необратимых скачков как условий прогрессивного развития.

В заключение автор обращается к выяснению взаимоотношения Дидро и Гельвеция, к выяснению поверхностности и наивности социальной философии Дидро, к анализу «Племянника Рамо». Заслуживают особого внимания здесь замечания А. М. Деборина относительно гегелевских комментариев к «Племяннику Рамо» в «Феноменологии духа».

В целом, книга тов. Деборина, несмотря на свою «неполноту», на неслаженность очерков друг с другом, на имеющиеся повторения, представляет ценный вклад в марксистскую литературу по истории материализма. Помимо этих несомненных своих достоинств, «Очерки» богаты рядом интересных, новых исторических и теоретических проблем, которые ждут своего разрешения.

22/VI 1929 г.

ПО ИНОСТРАННЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИМ ЖУРНАЛАМ¹

Ф. Тележников

Едва ли нужно говорить о том, что в истории социологии вообще, а французской в особенности роль О. Конта исключительна. Позитивизм Конта является точкой отправления для большинства французских социологов при построении ими теорий общества. Отрицательное отношение к метафизике, стремление Конта придать всему знанию, особенно синтетическому, позитивный характер—вот что влекло к позитивизму представителей самых различных социологических течений. По выражению Литтре «позитивизм есть система, вытекающая из совокупности положительных наук». Позитивность, реальность, относительность, принципы классификации наук—таковы философские стороны учения Конта, усвоенные большей частью социологов. Основные положения контовской теории не устарели в глазах даже таких современных мыслителей, как Леви Брюль. В своей работе, посвященной философии Конта, он пишет: «Современная социология рождена Контом, научная психология в некоторой мере также происходит от него. По всем этим данным не будет дерзким заключить, что позитивная философия выражает некоторые самые характерные тенденции нашего века» (стр. 23). Кроме указанных основных положений тем или иным социологом извлекаются и другие из колоссальнейшего литературного наследия, оставленного родоначальником позитивизма. Причем эти положения сочетаются подчас с иными принципами, давая в результате эклектические теории. Позитивизм обычно выглядит в них как канва. К числу социологических течений, в меньшей степени основывающихся на позитивизме и более развивших свою концепцию, без сомнения относится дюркгейзм. Школа Вормса уже с полным правом может быть названа позитивистским течением, в котором начала позитивизма переплетаются с элементами органицизма и психологизма. Все же характернейшей чертой указанных направлений является то, что они берут контовскую социологию и философию не в целом виде, а под углом соответствия ее отдельных моментов научному уровню эпохи. Правда, критерий научности часто соответствует у них сомнительной «действительности» их социологий. Они в своих социологических построениях игнорируют Конта периода позитивной политики и далеко не все используют из его курса положительной философии. Они, как сами нередко заявляют,—не контисты, но сторонники позитивных начал в исследовании общества и его развития.

Помимо указанных выше течений, частично примыкающих к позитивизму, во Франции и вне ее в течение десятков лет существует направление, которое целиком придерживается идеей Конта. В научной деятельности последнего различают два периода. Первый, когда он, по его собственному выражению был, Аристотелем, и второй, когда

¹ Очерк второй — О «La revue Positiviste Internationale», Paris за 1925—1928.

он был святым Павлом. Литературная деятельность Конта каждого из этих периодов расколола его сторонников и породила два направления в позитивизме. Первое, связанное с именами Литтре, Милля, Льюиса, — отвергло положения, развитые в Позитивной политике, как противоречащие духу позитивизма. В основу своей концепции они положили идеи, высказанные в курсе позитивной философии. Второе течение, правоверное, отстаивало единство теории Конта. До сих пор вопрос о наличии или отсутствии противоречия в двух периодах жизни Конта не получил согласного решения. Леви-Брюль, к примеру, доказывает последовательность, преемственность в идейном развитии Конта. Орттодоксальный позитивизм ведет свое начало от Лафита, одного из ближайших учеников Конта. Сторонники Лафита об'единились вокруг позитивистского общества, основанного в 1848 году самим Контом. В 1906 г. общество это было реорганизовано в «Интернациональное позитивистское общество». Печатным органом его стало рассматриваемое нами «Revue positiviste internationale», основанное Лафитом в 1878 г.

«Revue» ежегодно выходит в виде 6 небольших номеров. Каждый номер содержит: 1) Статьи, посвященные изложению, развитию, защите или иллюстрации какого-либо положения Конта и Лафита, 2) бюллетень, освещающий позитивистское движение в различных странах, 3) отдел библиографии. Наконец, время от времени отводятся страницы, «Pages libres», где печатаются работы, с которыми редакция не согласна.

В отделе статей, которые лучше отражают теоретическую высоту этого течения, мы не встретим действительно серьезных научных исследований, посвященных вопросам теоретической или генетической социологии. Из номера в номер помещаются статьи по вопросам, в свое время выдвинутым и по-своему обоснованным Контом.

Почти в каждой книге читатель встретится с статьями Корра, этого глубокого старика, заступившего место Лафита и идейно руководящего обществом и журналом. В своих статьях Корра то излагает основные начала позитивизма, то сообщает порой интересные сведения о философском и пр. развитии Конта, то, наконец, просто восхваляет позитивизм. В лице его общество имеет энтузиаста, исключительно преданного идеям Конта. Для Корра «позитивизм—источник неисчерпаемых интеллектуальных, моральных и социальных удовлетворений, следовательно, внутреннего счастья».

Круг лиц, участвующих в журнале, невелик. Помимо Корра—мало кому говорящие имена Гримоннели, Ажам, Оливера и др. являются постоянными его сотрудниками. Большинство статей, печатаемых в журнале, представляют обработку докладов, прочитанных в Позитивистском интернациональном обществе. Теоретическая работа Общества определяет и направление журнала. В 1925 г. Общество провело серию докладов по философии позитивизма. Среди них: «Предшественники позитивной философии», «Космологическая философия», «Биологическая философия», «Социальная философия» и т. д.

В 1926 году заслушаны доклады на темы: О пред'истории, фетишизме и теократии, монотеизме, метафизическом состоянии, будущности человечества и т. д. В 1927 г. поставлен ряд сообщений о морали: семейная мораль, профессиональная мораль, мораль и религия, наука о морали и ее методы. Мы видим, что каждый год посвящается одной какой-либо проблеме, выдвинутой Контом. В 1928 г. обсуждались вопросы политического характера: республиканский и парламентарный режим, проблема мира, колониальная политика и т. д. Разрешение всех поставленных проблем связывалось и основывалось на положениях Конта. Во всей деятельности Общества, а также и в журнале наблюдается чрезвычайно большое внимание к вопросам, высказанным в курсе позитивной политики. Вопросы морали, совершенствования человека, будущей религии, воспитания детей, будущности контовского L'Humanité в очень большой степени волнуют современных последователей Лафита. Любопытна для общей характеристики направления «Revue» статья Гримоннели—«Антирационалистическая реакция и эволюция религиозного чувства» (№ 3, 1928 г.). Основная ее идея выражена автором довольно

ясно:—«Долгое время противопоставляли логическую Францию эмпирической Англо-Саксонии. В настоящее время французы отвыкают от общих идей, они ориентируются все более и более к действию. Эти тенденции отражаются во всей современной литературе... Отвертываются от своего интеллектуального... Обращаются к sensibilité, «интуиции». Иначе говоря, Общество стоит перед фактом роста религиозного чувства, идет к позитивной религии, к единому L'Humanité!» Невольно статья Гримоннели заставляет вспомнить о тех новых тенденциях, которые намечаются в современной французской социологии и которые отражают на себе влияние Бергсона. Сказанного, думается, достаточно для характеристики теоретической физиономии журнала.

Второй отдел «Revue» дает представление о деятельности местных обществ. Отделения Интернационального позитивистского общества существуют в Англии, Бразилии, Аргентине и еще нескольких других государствах. В Германии, России, к примеру, их нет, что вызывает недовольство Корра и др. Местные общества представляют собою численно очень небольшие, но спаянные группы. К чему сводится их деятельность? Некоторые заняты изданием журнала с целью пропаганды взглядов своих идейных вождей. Ставят доклады на темы, аналогичные парижскому обществу. Устраивают ежегодно торжественные заседания, посвященные годовщинам рождения и смерти Огюста Конта, празднества в роде «Праздник женщин», «Всеобщий праздник мертвых». Последний был установлен в 1885 г. парижскими позитивистами «не только для того, чтобы ответить на вечную нужду природы и человеческой морали, не только как акт пиетета, но также для прославления всех, кто причастен прогрессу». Установление этого праздника явилось следствием «культы человечества» Конта, откликом на слова последнего, что «живые всегда и все более управляются мертвыми». Праздники обычно сопровождаются церемониями, особым культом, который напоминает культы всяких религиозных об'единений. Члены общества называют себя братьями. Как правило, все члены семьи входят в состав позитивистского общества. Позитивистский культ проникает и в семейные отношения. Одна из корреспонденций, присланная из Бразилии, чрезвычайно ярко характеризует тот облик, который принимает позитивистское течение Лафита и Корра. «Очень привлекательная позитивистская церемония—пишет корреспондент—имела место в S. P. по случаю свадьбы А. Posalia, дочери нашего собрата С. X. Так как семья жениха католического вероисповедания, то с согласия католического священника церемония была смешанной. Зал был украшен по позитивистской традиции большой картиной L'Humanité, с возвышающимся национальным знаменем.

На пьедестале стоял бюст О. Конта, на столе, украшенном цветами,—портрет Г. Оливейра, главы и духовного вождя семьи невесты. Началась гражданская свадьба. Наш собрат произнес речь о позитивистской свадьбе, упомянул о моральных сокровищах, которые можно извлечь из работ Конта. Затем отец преподнес дочери экземпляр завещания Конта в превосходном переплете. В соседнем зале все было готово для католической церемонии, которая началась при звуках Ave-Maria Шуберта. Священник произнес ласковую речь. Все присутствующие были взволнованы от трогательного согласия и сочетания человеческой религии с божеством... Молодой супруг был привлечен позитивизмом и вероятно будет в ближайшее время в наших рядах и таким образом маленький очаг, маленький центр увеличится и расширится (№ 5, 1927 г.).

Два слова о библиографическом отделе. Он очень беден. Ограничивается сообщением и изложением тех изданий, которые выходят в мировой литературе и посвящены Конту.

Социальные идеалы «Revue» не идут далее социальных прогнозов родоначальника позитивизма. «Доктрина нашего учителя—пишет в журнале Корра—всюду направляет мысль и действия Общества: женщина становится все более и более уважаемой; пролетариат начинает инкорпорироваться в цивилизацию; чувство человеческой солидарности становится все более ярким; отвращение к войне—все более сильным. Мораль

начинает направлять политику. Наука и искусство от поколения к поколению сильно прогрессируют... Богатство становится с каждым годом без всякого законодательства более социальным в своем употреблении» (№ 6 1927 г.).

Мы исчерпали обзор журнала. Он беден в теоретическом отношении. Он не выдвигает новых проблем. Он не дает идущих в уровень с научной мыслью решений социологических вопросов. Все направление представляет род секты, проникнутой религиозным духом. Учение носит на себе оттенок изотеризма, не имеет широкого влияния и будущности. Сам журнал не представляет сколько-нибудь значительного интереса, ибо не двигает социологическую мысль вперед. Встречающиеся в нем полезные исторические сведения о Конте тонут в массе повторяющихся ничемных комментариев. Тем не менее знакомство с ним необходимо, ибо оно дает нам представление о том, чем дышат и вдохновляются буржуазные общественные круги. Оно нам воочию показывает, как эпигоны могут превратить учение, имевшее когда-то свое историческое оправдание и ценность, в громаднейшее препятствие и тормоз научного знания.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

РАБОТА ПЛЕНУМА, ПРЕЗИДИУМА, СЕКЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

Г. Торбек.

Деятельность Президиума Ком. Академии за время весеннего периода, на ряду с разрешением очередных текущих вопросов по руководству научной работой отдельных Секций и Институтов Ком. Академии, была в значительной степени связана с подготовкой и проведением 2-й Конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, состоявшейся 8—13 апреля, а затем с выполнением ряда принятых ею постановлений.

Созыву этой Конференции предшествовала значительная подготовительная работа по связи с учреждениями, приглашенными участвовать в Конференции, а также большая работа внутри самой Ком. Академии по подготовке докладов Ком. Академии на Конференции.

Кроме общетеоретических докладов А. М. Деборина по философии, О. Ю. Шмидта по естествознанию и Л. Н. Крижмана по аграрным проблемам, в порядок дня Конференции включены доклад М. Н. Покровского о работе Ком. Академии за время, прошедшее после 1-й Конференции, и доклад В. П. Милюткина о директивах к составлению плана Ком. Академии на 1929/30 год.

В связи с подготовкой к двум последним докладом, в институтах и секциях Ком. Академии была проделана значительная работа по выявлению, учету и оценке научно-исследовательской работы, проведенной ими за последний год, а также по наметанию основных перспектив работы на предстоящий плановый период и по выработке директив к составлению плана на 1929/30 год, которые должны были быть положены в основу этого плана в качестве его основных определяющих моментов. Планирование научной работы, в связи с общим количественным и качественным ростом работы Ком. Академии и созданием новых научно-исследовательских учреждений, с каждым годом становится все более сложным, приобретаая вместе с тем все большее значение. В своем выступлении на Конференции М. Н. Покровский указал на то, что Ком. Академия вплотную подошла к разрешению серьезнейшей задачи—перехода всей ее работы на высшую стадию, завершающую ее эволюцию от научной библиотеки и просветительного общества к постоянно работающему научно-исследовательскому учреждению.

Однако, эта серьезная задача может быть правильно и успешно разрешена лишь при том условии, что Ком. Академия действительно явится учреждением, последовательно работающим по определенному плану, обеспечивающему необходимое постоянство и приемственность в работе всех ее институтов и секций.

Впервые Ком. Академия перешла к работе по заранее составленному годовому плану, общему для всей Академии, в 1927/28 году. Однако, этот первый общеакадемический план страдал значительными недочетами, зависящими как от недостаточной организационной оформленности самой научной работы, так и от отсутствия накопленных навыков по планированию научной работы.

В связи с этим план на 1927/28 год являлся в значительной степени лишь общей ориентировочной наметкой предполагавшихся к выполнению работ по отдельным учреждениям Ком. Академии,—сборником планов отдельных учреждений, мало согласованных и увязанных друг с другом. При том уровне, на котором находилась организация и техника планирования, разумеется, план на 1927/28 год не мог быть достаточно реальным в смысле его выполнения, как это и показала произведенная в конце года проверка его выполнения. Избежать этих недочетов не удалось полностью и при состав-

лени плана работ Ком. Академии на 1923/29 год, хотя он и явился значительным шагом вперед по сравнению с предшествующим планом. Опираясь на определенный опыт, при его разработке можно было уделить гораздо больше внимания как внутреннему содержанию планов отдельных институтов и секций, с точки зрения необходимости заострения их работ на определенных принципиально-важных основных проблемах, так и увязке между отдельными планами. Наконец, была проделана значительная работа для придания известному единообразию в отношении распределения материала и внешней формы плана.

Еще перед составлением плана на 1928/29 год Президиумом были утверждены разработанные В. П. Милотиным основные директивы к этому плану, однако, директивы эти носили скорее общеорганизационный характер.

В этом отношении разработка подробных директив к плану на 1929/30 год является значительным шагом вперед, так как на ряду с общими организационными моментами они дают конкретные целевые установки в работе отдельных секций и институтов. Разработанные В. П. Милотиным, они затем были детально проработаны в отдельных секциях и институтах, внесших свои дополнения в первоначальный проект¹.

В частности директивы подверглись всестороннему обсуждению на открытом собрании ячейки ВКП(б) Ком. Академии по докладу т. Пашуканиса, после чего они подверглись детальной проработке в специальной комиссии, выделенной Бюро ячейки. Такая проработка дала возможность Президиуму Ком. Академии выступить уже с вполне разработанными и всесторонне обсужденными директивами сперва на Пленуме Ком. Академии, а затем и на 2-й Конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений.

Пленум Ком. Академии состоялся за два дня до Конференции марксистских учреждений—6 апреля тек. года и в основном был посвящен обсуждению директив к плану на 1929/30 год. После вступительного слова М. Н. Покровского и доклада Ш. М. Дволайцкого, посвященных годовщине смерти члена Ком. Академии А. А. Богданова, как одного из основателей Ком. Академии и крупного ученого, который, не будучи ортодоксальным марксистом, сыграл значительную роль в распространении марксизма в нашей стране, Пленум заслушал доклад М. Н. Покровского о директивах к составлению плана на 1929/30 год.

В этом докладе, на основе общего анализа состояния марксистской науки, было особенно подчеркнуто боевое революционное значение основных задач, стоящих в настоящий момент перед Ком. Академией.

Дав общую характеристику состоянию научной работы, М. Н. Покровский отметил, что наступил момент, когда необходимо положить конец существующему еще в некоторых научных областях мирному сотрудничеству марксистов с учеными, далекими от марксизма или даже враждебными марксизму, и что необходимо начать решительное наступление на всех фронтах научной работы, создавая свою собственную марксистскую науку и взяв, в частности, более решительно в свои руки дело подготовки научной смены. Фактически уже сейчас в целом ряде дисциплин марксистами достигнуты завоевания, отнесшие к задний план ученых, чуждых марксизму.

В области истории уже сложилась определенная школа историков-марксистов ленинцев и в области отдельных важнейших проблем историографии молодые историки-коммунисты дают уже больше, чем буржуазные ученые. Точно так же и в области философии коммунистами завоеваны настолько определенные позиции, что даже старые представители идеализма принуждены перекрашиваться под материализм. Бессспорен приоритет марксизма и в области экономических наук, в частности в области аграрного вопроса, где разработка наиболее актуальных проблем принадлежит коммунистам.

Наиболее отсталой в этом отношении является область естественных и точных наук, где коммунисты еще не вполне изжили тот фетишизм перед буржуазными учеными, от которого давно уже избавились коммунисты, работающие в области общественных наук. Поэтому, важнейшей очередной задачей должно быть усиленное наступление в области этих наук.

Затем М. Н. Покровский особенно подчеркнул основную идею директив о необходимости развертывания работы научных учреждений Ком. Академии, в соответствии с задачами социалистического строительства, предусмотренными в 5-летнем плане народного хозяйства, с задачами культурной революции и в частности отметил важность включенных в директивы задач по изучению нашего госаппарата и борьбы с его бюрократическими извращениями.

¹ Директивы к плану на 1929/30 г. печатаются в настоящем номере «Вестн. К. А.»

После обсуждения директив, в котором приняли участие т.т. Пашуканис, Крицман, Шмидт, Плетнев и др., Пленум единогласно принял директивы как основу для составления плана на 1929/30 год, постановив, чтобы этот план был представлен на обсуждение ближайшего Пленума Академии, который должен будет состояться осенью тек. года, как часть пятилетнего плана научной работы Ком. Академии.

В заключение Пленум исключил из состава членов Ком. Академии за антисоветскую и антикоммунистическую деятельность Тальгеймера и избрал в качестве новых членов Академии Директора Института Советского Строительства Л. М. Кагановича, академика Н. Я. Марра, основателя яфетической теории языкознания, и Зам. Директора Аграрного Института А. И. Гайстера.

Директивы к плану, принятые на Пленуме, были затем доложены В. П. Милотиным на Конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, которая одобрила эти директивы.

Однако, разработка директив явилась только первым этапом в деле составления плана Ком. Академии, так как вслед за этим должна была последовать детальная разработка самих планов в отдельных секциях и институтах Ком. Академии. В целях достижения возможно большей конкретности планов отдельных учреждений, а также большего единообразия в их построении, облегчающего их взаимное согласование и, наконец, последующий учет их выполнения, была разработана единообразная форма планов, соответствующая различным видам деятельности каждого учреждения.

В частности, согласно этой форме в плане должны быть более четко разделены отдельные работы на научно-исследовательские в собственном смысле слова, на научно-вспомогательные и научно-популяризаторские.

В планах должна быть также выявлена методика выполнения отдельных работ и форма реализации их результатов, а также ряд других моментов, конкретизирующих как содержание, так и формы осуществления отдельных работ. В настоящее время планы отдельных учреждений Ком. Академии, после их проработки и обсуждения в среде работников этих учреждений и по мере их утверждения в этой первой инстанции и согласования со смежными по работе секциями и учреждениями, поступают на рассмотрение Президиума Ком. Академии.

В настоящее время Бюро Президиума уже рассмотрело планы работ Аграрного Института, Кооперативной секции, Комиссии по изучению национального вопроса и Комиссии по изучению истории религии.

В результате обсуждения этих планов, в них были внесены необходимые поправки и соответствующие учреждения Ком. Академии даны задания по выявлению отдельных сторон их деятельности и уточнению формулировок отдельных работ, а также согласованию их с смежными секциями Ком. Академии.

Рассмотрев план Аграрного Института, Бюро Президиума одобрило как основную установку и общее содержание научной работы Института, которая должна в первую очередь концентрироваться вокруг вопросов социалистической реконструкции сельского хозяйства, так и намеченную Институту организационную работу по установлению связи с аграрниками-марксистами на периферии, которая в значительной степени будет усилена благодаря проведению Всесоюзной Конференции аграрников-марксистов, созыв которой намечен на декабрь 1929 г. Вместе с тем Бюро Президиума сочло необходимым расширение плана работ Аграрного Института путем включения в него проблемы наемного труда в сельском хозяйстве, а также проблемы коллективизации в связи с переселением.

Бюро Президиума признало также необходимым установить более тесную увязку работы Аграрного Института по секции реконструкции сельского хозяйства с работами подсекции сельскохозяйственной кооперации кооперативной секции, особенно в части колхозного строительства, с тем, чтобы эта работа велась по единому плану и под единым руководством.

Признана также принципиально желательной организация аспирантуры при Аграрном Институте, которому поручено конкретно разработать этот вопрос.

В план работ Кооперативной секции, на ряду с разработкой проблем советского кооперативного строительства, выявлением роли кооперации в социалистическом строительстве и борьбой с буржуазными и мелкобуржуазными течениями в кооперации, включен ряд вопросов, связанных с проведением кооперативной пятилетки, и в частности, вопрос об установлении темпа кооперирования по различным кооперативным системам.

Рассмотрев этот план, Бюро Президиума одобрило его, предложив Кооперативной секции, помимо необходимости согласования работы по колхозному строительству с Аграрным Институтом, о чем было постановлено при рассмотрении плана Аграрного

Института, обратить внимание на разработку проблем, связанных с международным кооперативным движением, особенно по линии потребительской кооперации.

План работ Комиссии по изучению национального вопроса на 1929/30 год построен в соответствии с директивами к плану Ком. Академии и постановлением Президиума Ком. Академии по отчету Комиссии. В качестве основных тем, являющихся актуальными задачами научной марксистской мысли в области национального вопроса, в план между прочим включено изучение национального вопроса в работах основоположников марксизма и ленинизма, проблема национальной культуры с теоретической точки зрения, национальный вопрос и современный реформизм, вопрос о росте национализма великорусского и местного, проявляющегося как в виде разных идеологических уклонов национальной политики, так и в форме обострения межнациональных отношений, антисемитизма и т. д.

В 1929/30 г. национальная комиссия предполагает организовать экспедицию для изучения национальных взаимоотношений процессов национальной консолидации и роста национальной культуры в одном из национальных районов Союза, предположительно либо в Дагестане либо в Средней Азии.

Рассмотрев и одобрив этот план, Бюро Президиума предложило национальной комиссии теснее связаться с соответствующими родственными учреждениями, изучающими национальный вопрос в Союзных Республиках, и в особенности с украинскими организациями, в частности с кафедрой национального вопроса при Украинском Институте марксизма-ленинизма; относительно же экспедиции Бюро Президиума предложило согласовать с другими учреждениями Ком. Академии вопрос об организации совместно с ними общей экспедиции.

План работы комиссии по истории религии, помимо основной и общей задачи — борьбы против наступления церковников и сектантов — включает ряд конкретных задач борьбы с религиозно-идеалистическим прикрытием политической контр-революции, а также борьбу с идеалистическими извращениями истории религии.

Одной из основных работ комиссии в 1929/30 г. должно явиться обследование распространения и характера религии среди рабочих. В области изучения вопроса о состоянии религии в СССР комиссия вместе с тем будет заниматься изучением сектанства в связи с расслоением деревни и вопросом о связи между русским и зарубежным сектанством.

Одобрив этот план, Бюро Президиума Академии предложило комиссии по истории религии теснее увязать свою работу с работой других секций Ком. Академии, в частности с Секцией естественных и точных наук, Философским Институтом, Комиссией по изучению национального вопроса и др. Кроме того, Бюро Президиума отметило необходимость включения в план комиссии той массовой работы, которая ведется от имени комиссии.

В том же порядке, в котором рассматривались планы указанных секций и комиссий, в дальнейшем должны быть рассмотрены планы и остальных учреждений Ком. Академии. Затем, после внесения в них необходимых корректив, будет проделана работа по их окончательному согласованию и объединению в общем плане Ком. Академии, который и поступит на утверждение сперва Президиума, а затем и Пленума Ком. Академии.

Одновременно и параллельно с этой работой по составлению плана на 1929/30 г. в настоящее время производится работа по составлению пятилетнего плана Ком. Академии, который также должен быть представлен на утверждение ближайшего осеннего Пленума Академии. Однако, если усложнение и рост работы Ком. академии привели к необходимости проведения такой тщательной и требующей значительных усилий работы по составлению ее планов, то в связи с решениями 2-й конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений работа по планированию научно-исследовательской работы в Ком. академии приобретает еще более серьезное значение и вместе с тем еще более усложняется.

В резолюции по отчетным докладом о деятельности отдельных марксистско-ленинских научных учреждений Конференция сформулировала важнейшие мероприятия, необходимые для обеспечения дальнейшего успешного развертывания их работы, возложив на Ком. академию ряд новых задач в области планирования работы марксистско-ленинских научных учреждений.

По окончании конференции ее итоги подвергались рассмотрению в ЦК ВКП(б), при чем ЦК принял постановление «о мероприятиях по укреплению научной работы», в котором основные постановления Конференции по организационным вопросам получили уже конкретную форму определенных директивных указаний ЦК ВКП(б)¹.

¹ Указанное постановление ЦК печатается в настоящем номере «Вестника К. А.»

В частности на ряду с организацией центра, планирующего научно-исследовательскую работу во всеоюзном масштабе, постановление возлагает роль планирующего центра по линии марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений на Ком. академию. Кроме того, Ком. академии поручается разработать вопрос о координировании работ ведомственных (наркоматских) научно-исследовательских институтов с работой Ком. академии, обеспечив идеологическое руководство со стороны последней.

И, наконец, Ком. академии поручается сблизиться с местными организациями по вопросу о создании научных кружков, хотя бы в краевых центрах, и об установлении связи имеющихся кружков с Ком. академией. Эти постановления значительно устоят вопрос о планировании работ в Ком. академии, выдвигая перед ней в первую очередь серьезную задачу постановки хорошо организованной и своевременной информации о научно-исследовательской работе, проводящейся в Союзе, и в частности, конкретного учета всех работ, проводящихся как в марксистско-ленинских, так и в ведомственных (наркоматских) научно-исследовательских учреждениях.

Учитывая необходимость введения на будущее время определенной стройной системы в работе по составлению плана Ком. академии, Президиум принял распоряжение прохождения плана через отдельные стадии его разработки, установив определенные сроки его рассмотрения.

Особое внимание было при этом обращено на необходимость возможно более полного согласования плана с штатами и сметой Ком. академии. Для этой цели как заявка на штаты, так и проект сметы должны разрабатываться одновременно с составлением плана и окончательно оформляться лишь после утверждения плана. Такой порядок должен обеспечить большую реальность плана, выполнение которого теперь уже может базироваться на определенных, заранее известных кадрах научных работников и на определенной материальной базе.

Из докладов о деятельности научно-исследовательских учреждений, и в частности Ком. академии, на Конференции выяснилось, что основными и важнейшими препятствиями, затрудняющими успешное дальнейшее развертывание их работы, являются, с одной стороны, недостаточность и непостоянство кадров научных сотрудников, в значительной части отвлечаемых от научной работы на другие работы по поручениям высших советских и партийных органов, а с другой стороны, недостаток в материальных средствах, серьезно затрудняющий как привлечение новых научных работников, так и обеспечение их работы необходимыми материальными условиями — оборудованием, литературой и проч.

В связи с этим Конференция признала необходимым проведение ряда мероприятий по усилению кадра научных работников-коммунистов в научных учреждениях и по улучшению материального положения этих учреждений. Вопросы эти нашли свое разрешение в постановлении ЦК ВКП(б), что должно обеспечить более твердую базу для развертывания плановой работы марксистских научных учреждений.

Установленный Президиумом для научных учреждений Ком. академии порядок составления и прохождения планов очевидно сможет в основном быть применен также и при составлении планов всех научно-исследовательских учреждений, хотя и не входящих в состав Ком. академии, но в отношении которых Ком. академия должна будет являться руководящим планирующим центром. В настоящее время в Ком. академии разрабатываются как основные принципы, так и конкретные формы и методы планирования деятельности этих учреждений, однако, вследствие сложности этой задачи вряд ли удастся уже в предстоящем 1929—30 г. полностью развернуть работу по планированию в том масштабе, в каком это признано необходимым постановлениями Конференции, и очевидно придется ограничиться лишь постановкой первоначального учета работ отдельных учреждений и хотя бы общего согласования планов их работ.

Согласно директивам к плану Ком. Академии на 1929—30 г., основной задачей должно явиться дальнейшее укрепление существующих учреждений Ком. Академии и организация новых с тем, чтобы обеспечить действительное усиление работы Ком. Академии на новом этапе ее развития как комплекса постоянно и углубленно работающих институтов, постепенно охватывающего все области научного марксистско-ленинского исследования.

В связи с этим в первую очередь выдвигается задача укрепления созданных в 1928—29 г. из ранее существовавших в Ком. Академии секций новых Институты; Аграрного Института и Института Философии, а также вновь создающегося Института Истории.

Та же задача выдвигается в отношении вновь организуемых в настоящее время в Ком. академии Секции по изучению проблем войны и краеведческой ячейки, по организации которой сейчас пока ведется предварительная подготовительная работа:

13 июля с. г. постановлением Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями при ЦИК Союза ССР утверждена организация при Ком. Академии, секция по изучению проблем войны и временное бюро этой секции в составе т.т. Бубнова, Эйдемана, Н. Попова и М. Н. Покровского.

Задача секции—объединить научные марксистские силы, работающие над проблемами войны, и заняться разработкой проблем истории войны, вооруженных восстаний, экономики войны, общевоенных проблем с точки зрения марксизма и ленинизма, а также пропагандой марксистского метода в деле изучения этих проблем. В частности секцией будет поставлена научно-исследовательская работа по изучению и учету опыта гражданской войны 1917—20 гг.

Из вопросов, относящихся к разветвлению работы отдельных учреждений Ком. Академии, следует отметить *реорганизацию Института Советского Строительства*.

Вопрос о реорганизации Института Советского Строительства был поставлен в Ком. Академии в связи с вопросом о его *слиянии с Секцией Права и Государства*. Такая постановка вопроса целиком вытекала из общей установки Ком. Академии на слияние близких по характеру своей работы учреждений.

До разработки вопроса о слиянии с Институтом Советского Строительства, Секцией Права была проделана работа по размежеванию и согласованию ее деятельности с Институтом Советского Права при Ранионе, причем было решено, что научно-исследовательская работа в основном должна быть сосредоточена в Секции Права, за Институтом же Советского Права должна остаться подготовка аспирантуры. Объединение Института Советского Строительства и Секции Права и Государства должно, благодаря сосредоточению накопленных в них сил, обеспечить усиление теоретического руководства, общее укрепление и в частности усиление материальной базы проводящейся в них работы.

Вопрос о необходимости значительного расширения Института Советского Строительства был поднят тов. А. С. Киселевым в его докладе «О состоянии и укреплении низовой сети советов» на XIV Всероссийском Съезде Советов. В этом докладе тов. Киселев отметил, что Институт Советского Строительства в настоящее время сосредоточил у себя громадный материал по вопросам советского строительства, требующий разработки и обобщения, и указал на необходимость предоставления Институту достаточного количества научных работников, а также средств для расширения его работы.

В п. 12 постановления, принятого по этому докладу XIV Всероссийским Съездом Советов, признано, что:

«За 12 лет строительства советского государства и развертывания работы низовых органов пролетарской диктатуры накоплен богатый опыт, который необходимо собрать, теоретически разработать и сделать достоянием всего советского актива.

В этих целях необходимо, чтобы Институт Советского Строительства, как орган ЦК Союза ССР и ВЦИК, стал действительно центральным научным учреждением по теоретической и практической разработке вопросов советского строительства.

Съезд Советов поручает Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету предоставить Институту все возможности для планомерной и систематической работы, обеспечив его необходимыми научными силами и материальными средствами.

В своей дальнейшей деятельности Институт должен усилить практическую помощь низовым советским органам путем своевременной постановки и разрешения актуальных вопросов советского строительства, а также путем издания соответствующей исследовательской и учебной литературы; в особенности эта помощь должна быть оказана национальным объединениям.

25 мая вопрос о расширении Института рассматривался в заседании Бюро Президиума Ком. Академии, при чем по докладу тов. Е. Пашуканиса было признано необходимым произвести слияние с Институтом Советского Строительства Секции права и государства Ком. Академии.

29 мая состоялось пленарное заседание Института Советского Строительства, в котором приняли участие представители мест, Союзных республик и делегаты V Всесоюзного Съезда Советов, на котором был заслушан доклад директора Института тов. Л. М. Кагановича о работе Института и его связи с местами.

Изложив вкратце историю Института, возникшего в период оживления деятельности Советов, как учреждения, имеющего своей задачей изучение и обобщение опыта

советского строительства с точки зрения марксистско-ленинской теории, а также отметить в общих чертах результаты его работ и состояние этих работ в настоящее время, т. Каганович ознакомил заседание с основными моментами плана дальнейшей работ Института.

Основным недостатком в работе т. Каганович считает раздельное существование Секции права и государства и Института Советского Строительства. Секция права имеет значительные достижения, в частности в виде издания «Энциклопедии права и государства», журнала «Революция права», и разрабатывает вопросы права и государства главным образом с теоретической точки зрения, Институт же Советского Строительства в основном занят изучением и обобщением практического опыта советского строительства. В связи с этим тов. Каганович считает необходимым объединить оба эти учреждения, что должно привести к сосредоточению сил и к объединению практики с теорией.

Затем тов. Каганович указал на необходимость значительного усиления живой связи с практической работой на местах, а по существу научной работы указал на необходимость изучения государственных и правовых проблем в тесной связи с вопросами экономики, на необходимость изучения диктатуры пролетариата в современный период как продолжения классовой борьбы в новых условиях, изучения национальной политики советской власти, вопроса о выдвижении новых кадров в госаппарат, вопроса о борьбе с бюрократизмом и других актуальных проблем советского строительства.

Выступавший в прениях по докладу т. М. И. Калинин, вполне присоединившись к постановке вопроса, данной докладчиком, подчеркнул необходимость подведения теоретической базы под практическое советское строительство, для чего, в частности, выдвинул необходимость приближения к Институту издающегося при ЦИК СССР журнала «Советское Строительство», а также лучшей увязки работы Института с работой ЦИК и сосредоточения вокруг Института лучших теоретиков по советскому строительству в национальных республиках.

Тов. Пашуканис, соглашаясь с докладчиком о необходимости тесной увязки между теорией и практикой, отметил, что в работе Секции права такая увязка имеется по линии практической работы советского суда и Наркомюста.

Затем в прениях выступили тт. Цхакая, Досов, Ангаров и Элиава, при чем последний выдвинул мысль о создании филиалов Института Советского Строительства на местах.

В результате Пленум принял постановление о слиянии Института с Секцией права и о создании Института права, государства и советского строительства, с основной установкой его работы на теоретическое изучение основных проблем пролетарской диктатуры и научное обобщение опыта советского строительства.

11 июня в Президиуме Ком. Академии был рассмотрен новый проект положения об Институте, которому, согласно этому положению, присваивается новое наименование *Института Государства, Права и Советского Строительства*. Одобрев представленный устав, Президиум пересмотрел также состав руководящих органов Института, утвердив Бюро Института в составе: директора Института т. Кагановича, зам. директора т. Пашуканиса, ученого секретаря т. Бермана, членов Бюро т.т. Стучки, Киселева, Ангарова, Стальгевича и кандидатов т.т. Эстрина, Кривошеиной, Михайлова и Чельцова. Председателем Совета Института утвержден т. П. И. Стучка и зам. председателя т. А. С. Киселев.

Вслед за этим 12 июня вопрос о деятельности Института Советского Строительства был поставлен на обсуждение Президиума ЦИК Союза ССР. В своем докладе о работе Института т. Л. М. Каганович указал, что за сравнительно короткий период своей деятельности Институт проделал значительную работу, привлек к себе крупные научные силы и собрал большое количество литературы и документов, освещающих практику советского строительства. В частности Институт создал газетное и журнальное бюро, в котором сейчас имеется до 500.000 вырезок, а также развернул значительную издательскую деятельность.

Наметив основные пути дальнейшей работы Института по его отдельным секциям, тов. Каганович сообщил о решении Президиума Ком. Академии произвести слияние с Институтом Советского Строительства самостоятельно существовавшей до сих пор в Ком. Академии Секции права и государства. Заслушав доклад т. Кагановича, Президиум ЦИК Союза ССР постановил представленный проект реорганизации Института принять, поручив его окончательную редакцию секретариатам ЦИК Союза ССР и ВЦИК.

В соответствии с резолюцией по докладу т. О. Ю. Шмидта на 2-й Конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, в Президиуме Ком. Академии рассматривался вопрос о присоединении к Ком. Академии Биологического

научно-исследовательского института им. К. А. Тимирязева. В указанной резолюции Конференция признала, что марксистская методология естественных наук не может строиться на общих суждениях, оторванно от конкретных проблем науки и от участия в конкретной экспериментальной работе. В связи с этим Конференция нашла настоятельно необходимым расширить опорную экспериментальную базу секции естественных и точных наук Ком. Академии в виде научных институтов по основным отраслям естествознания, в частности путем включения в ближайшую очередь в состав Ком. Академии Биологического Института им. К. А. Тимирязева. Рассмотрев вопрос о передаче этого Института в ведение Ком. Академии, Президиум признал целесообразным возбудить вопрос об этом в соответствующих инстанциях, согласовав его предварительно с Наркомпросом РСФСР, в ведении которого в настоящее время находится Институт.

К числу новых организаций Ком. Академии, еще официально не оформившихся, относятся вновь создающиеся *Общество педагогов-марксистов и Общество марксистов-работников в области права, государства и советского строительства*. Подобно уже существующим при Ком. Академии обществам — историков-марксистов, биологов-материалистов, психоневрологов-материалистов и статистиков-марксистов, создающиеся новые общества ставят себе боевые задачи борьбы за разработку марксистско-ленинской идеологии в своей области, что приобретает особенно актуальное значение в связи с усилением борьбы на идеологическом фронте и проявлением агрессивных буржуазных течений и мелкобуржуазных и ревизионистских уклонов и искажений марксизма, соответствующих оживлению враждебных коммунизму классовых сил. По докладу т. В. Шульгина от имени инициативной группы организаторов педагогов-марксистов Президиум Ком. Академии 20 апреля вынес постановление: «признать желательным и необходимым организовать общество педагогов-марксистов при Ком. Академии». В настоящее время проводится подготовительная работа с тем, чтобы новое общество смогло развернуть свою работу с ближайшей осени.

25 мая в Президиуме Ком. Академии рассматривался вопрос о создании при Ком. Академии *Общества марксистов, работающих в области права, государства и советского строительства*, при чем по докладу т. Пашуканиса Президиум одобрил проект устава нового общества, который в настоящее время представлен на утверждение соответствующих органов.

Всесоюзное общество марксистов работников в области права, государства и советского строительства при Коммунистической Академии должно объединить марксистов, работающих теоретически и практически в перечисленных областях на основе марксистско-ленинского классового понимания права, государства и советского строительства и ставящих себе задачи активной борьбы с всевозможными искажениями марксизма в этих областях и содействия советскому строительству.

Задачами общества должно являться распространение марксистско-ленинского понимания права, государства и советского строительства среди широких масс трудящихся и в частности среди работников в области советского права и государства, борьба за обеспечение влияния марксистской теоретической мысли в практической работе в области права во всех звеньях государственного аппарата, борьба за постановку и укрепление марксистско-выдержанного преподавания правовых дисциплин в вузах и пропаганда марксистско-ленинского учения о праве и государстве за границей, а также ознакомление трудящихся масс и научных кругов за границей с советским правом, государственным устройством Советского Союза и строительством социализма в нашей стране.

Согласно директивам к плану в 1929—30 г., кроме перенесенной на декабрь конференции аграрников-марксистов, а также очередной 3-й конференции марксистско-ленинских исследовательских учреждений, должны будут состояться: конференция работников-марксистов в области литературы и искусства и конференция марксистов в области советского права.

В настоящее время уже начата подготовительная работа по созыву этих конференций, при чем по докладу секции естественных и точных наук постановлением Президиума от 1 июня решено создать в 1929—30 г., кроме перечисленных конференций, еще *Всесоюзную конференцию естествоиспытателей-материалистов*.

Для подготовки этой конференции Президиум утвердил организационное бюро в составе Бюро секции естественных и точных наук, трех представителей от Украины и двух представителей от Ленинграда, а также утвердил ряд уполномоченных организационного бюро на местах — в БССР, Воронеже, Казани, Новороссийске, Перми и Смоленске. В настоящее время вопрос о созыве этой конференции оформляется в соответствующих инстанциях.

6 июля рассматривался вопрос о созыве конференции литераторов-марксистов, при чем была утверждена комиссия по ее организации и срок ее созыва намечен на начало мая.

В соответствии с директивами к плану, предусматривающими *развертывание связи Ком. Академии с массами*, ячейкой ВКП(б) при Ком. Академии был разработан ряд мероприятий как по вопросу об обслуживании рабочих, так и по вопросу о вовлечении рабочих от станка в научно-исследовательскую работу Ком. Академии.

Проект мероприятий по вопросу *об обслуживании Ком. Академией рабочих* предусматривает широкое привлечение рабочих на доклады Ком. Академии путем постановки соответствующей информации об этих докладах, организацию специальных вечеров, докладов и лекций, преимущественно в дни отдыха, издание ряда работ Ком. Академии в массово-популярной форме, приглашение рабочих на Пленумы Ком. Академии, а также на устраиваемые ею конференции, организацию выездов членов Ком. Академии и ее научных сотрудников с докладами о деятельности Ком. Академии и ее отдельных секций, а также с докладами на научные темы.

Рассмотрев эти предложения, Бюро Президиума, приветствуя инициативу, проявленную ячейкой в этом вопросе, признало необходимым при составлении плана на предстоящий год обратить внимание на реализацию пункта устава Ком. Академии, в котором предусматриваются ее задачи в области пропаганды, и предложило всем секциям и институтам рассмотреть вопрос — в какой форме каждая данная секция или институт могут выполнить эту задачу.

Предложения по вопросу *о вовлечении рабочих от станка в научно-исследовательскую работу Ком. Академии* сводятся в основном к привлечению непосредственно в самую научно-исследовательскую работу, без оставления ими своей постоянной работы на производстве, как партийных так и беспартийных рабочих, обладающих необходимой квалификацией и научной подготовкой или могущих в краткий срок получить такую подготовку в соответствующих секциях.

Рассмотрев это предложение, Президиум признал своевременным привлечение рабочих от станка к участию в научно-исследовательской работе Ком. Академии и постановил принять меры к разработке отдельными секциями и институтами организационных форм этого участия, с тем, чтобы конкретный план привлечения рабочих был составлен к началу 1929—30 года.

Из наиболее крупных начинаний Ком. Академии в области издательства следует отметить вопрос *об издании журнала по истории рабочего класса в СССР*.

Журнал этот должен быть связан с работой Комиссии по истории пролетариата при Обществе историков-марксистов и посвящен изучению не только дооктябрьского прошлого рабочего класса в СССР, но и его классовых организаций после Октября.

Журнал должен быть строго марксистским и носить боевой политический характер, направленный против немарксистского и антимарксистского освещения истории пролетариата, противопоставляя ему последовательно марксистскую историю пролетариата в связи с его важнейшими политическими задачами.

В основном по своему содержанию журнал должен охватить вопросы методологии изучения истории пролетариата СССР, вопросы конституирования рабочего класса, его генезиса и состава, вопросы труда и быта, экономической борьбы, профорганизации, организации взаимопомощи, кооперации, страхового движения, развитие рабочего законодательства и культурной работы.

Основной задачей журнала будет сделать результаты научно-исследовательской работы достоянием широких кругов советской общественности.

Президиум признал целесообразным издание этого журнала под названием «Рабочий класс и рабочее движение в СССР», начиная с января 1930 г. и постановил внести этот вопрос на утверждение соответствующих органов, предложив обществу историков-марксистов представить на его рассмотрение состав редакционной коллегии нового журнала.

Президиум утвердил также план *издания сочинений И. И. Степанова-Скворцова*, которое будет выходить под совместной редакцией Ком. Академии и Института Ленина. В состав редакционной коллегии включены: по экономическому разделу — Ш. М. Дволайцкий, по историческому — М. Н. Покровский, по публицистике и истории партии — Н. Л. Мещеряков и Сорин, по электрификации — Г. М. Кржижановский и по антирелигиозным статьям — Е. М. Ярославский. Ответственным редактором издания назначен Н. Л. Мещеряков.

Из других крупных изданий, одобренных Президиумом, следует отметить *издание классиков философии*. По предложению Института Философии Президиум утвердил план этого издания, в который включен выпуск сочинений Аристотеля, Спинозы, Канта, Бруно, Декарта и Лейбница.

ДИРЕКТИВЫ ПО СОСТАВЛЕНИЮ ПЛАНА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
на 1929—30 год

А

1. Планирование научно-исследовательской работы может происходить лишь на основе учета задач и перспектив общественного развития СССР на ближайший период (например, пятилетний), на который составляются наши хозяйственные планы. Поэтому и план Коммунистической Академии может быть построен только на указанной основе. Кроме того, необходимо при планировании научно-исследовательской работы Ком. Академии учесть имеющиеся уже в наличии силы и средства не только самой Ком. Академии, но и других научно-исследовательских марксистско-ленинских учреждений, работающих в соответствующих областях науки.

II. Ближайший период общественного развития СССР по пути социалистического строительства связан, прежде всего, с усиленным разрыванием социалистической реконструкции народного хозяйства, широкой организацией культурной работы и углублением работы всей советской системы, особенно низовой. Осуществление указанной работы требует огромного усиления научно-исследовательской работы, в особенности, конечно, марксистско-ленинских научных учреждений в области экономики. Существующее положение в этом отношении является явно неудовлетворительным и не отвечающим тем грандиозным задачам, которые стоят перед страной. Без теоретической же проработки проблем, связанных с разрыванием социалистического строительства, указанное строительство происходить не может.

Поэтому необходима дальнейшая научная обработка огромного материала по социалистическому строительству, дающего возможность произвести как анализ проделанной работы, так и определение перспектив и задач дальнейшего развития. Научное освещение социальных сдвигов при проведении социалистического строительства должно являться одной из основных задач в нашей работе. Вместе с этим в работе научно-исследовательских учреждений особое значение приобретают работы по методологии; так, например, даже такие актуальные проблемы, как планирование, реконструкция, рационализация не могут быть проработаны без проведения предварительной работы по методологии. На эту область необходимо обратить особое внимание. Поэтому углубленная проработка проблем философии, связанных с вопросами методологии, имеет самое актуальное и жизненное значение.

III. Во внешнем капиталистическом мире мы имеем рост противоречий, рост борьбы. Наша задача состоит в усилении работы по осознанию современных теорий в капиталистических странах, в критической борьбе с буржуазной и мелкобуржуазной идеологией, в частности с реформизмом, получающим в настоящее время в ряде научных областей новые формы и новые выражения.

IV. Анализ всех современных теоретических проблем не может производиться иначе, как на основе углубленных исторических исследований, поэтому работы исторического характера имеют крайне важное значение.

Б

На основании вышесказанного в план работ Коммунистической Академии необходимо включить проработку следующих основных проблем:

1. По ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ необходимо поставить проработку проблем реконструкции народного хозяйства СССР, в особенности вопросов равновесия в развитии народного хозяйства, баланса народного хозяйства, проблемы конъюнктуры, темпов развития народного хозяйства, вопросов труда, в связи с разрыванием социалистического строительства, проблем энергетического баланса и проблем рационализации.

2. Основное содержание работ АГРАРНОГО ИНСТИТУТА должно заключаться в проработке итогов аграрной революции 1917/1918 г. (в частности истории комбедов), в анализе форм социалистической реконструкции сельского хозяйства (колхозы, совхозы, тракторные колонны, сельхозкооперации), в анализе основных этапов советской аграрной политики, вопросов социальной роли земледелия, сельскохозяйственного рынка, методологии планирования сельского хозяйства, в подведении итогов аграрных реформ на советском Востоке и изучении опыта некапиталистической эволюции по материалам советского Востока; в приведении в систему теоретических вопросов сельскохозяйственной экономики и продолжении работ по изучению социальной дифференциации советской деревни.

Красной нитью через работу всех секций Института должна проходить борьба с буржуазными и ревизионистскими теориями в области аграрного вопроса и буржуазными и мелкобуржуазными оценками советской аграрной политики и проблем социалистической реконструкции сельского хозяйства.

3. В работе КООПЕРАТИВНОЙ СЕКЦИИ надо обратить внимание на необходимость разработки вопросов, связанных с темпом кооперирования в различных областях народного хозяйства, в связи с развитием промышленности и сельского хозяйства, а также на освещение буржуазных и мелкобуржуазных теорий в кооперации.

4. ОБЩЕСТВУ СТАТИСТИКОВ-МАРКСИСТОВ при составлении плана на предстоящий год следует заострить внимание на построении методологии плановой статистики баланса народного хозяйства и системы конъюнктурных наблюдений, а также на дальнейшем разрывании борьбы с псевдо-марксистскими течениями и формированием кадров статистиков-марксистов.

5. В работе ИНСТИТУТА МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ необходимо сосредоточить главное внимание на организации коллективных работ по более углубленной проработке послевоенной экономики и политики и в частности подвергнуть конкретному анализу развитие капитализма в Соед. Штатах, проблему ценообразования в эпоху монополистического капитализма и перегруппировку империалистических сил, в связи с развитием англо-американского соперничества; проследить способы и методы проникновения империализма в колониальные и полуколониальные страны так же, как и формы и степень сопротивления национально-революционных сил в них, изучить происходящие структурные изменения в составе и положении рабочего класса, выявить сущность и характерные черты третьего периода послевоенного империализма и дать отпор буржуазным и реформистским теориям империализма и капиталистической рационализации.

6. В работе ИНСТИТУТА СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА особое внимание должно быть обращено на изучение госаппарата, с точки зрения его реконструкции в связи с реконструкцией социалистического хозяйства, на его удешевление, усиление связи с массами и в особенности борьбу с бюрократизмом, а также на изучение кадров советского аппарата в связи с выдвиганием и вовлечением масс. Особое внимание должно быть уделено проблеме низового городского и сельского аппарата, в связи с проблемой классовой борьбы, а также в связи с районированием и вопросами советского строительства в национальных республиках.

При этом изучение проблем советского аппарата должно быть тесно увязано с сравнительным изучением аппарата буржуазных государств и историей советского строительства.

Институт, кроме того, должен развернуть работу по подготовке кадров советских работников, приняв участие в организации соответствующих курсов.

7. В области работ СЕКЦИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА необходимо, развертывая далее борьбу с буржуазным мировоззрением и реформистскими течениями в области теории права и государства, заняться разработкой системы советского государственного и административного права и продолжать критический пересмотр гражданского, уголовного и земельного права, процесса и других областей советского права; продолжать работу по собиранию и научной обработке материалов о революционном использовании парламентаризма и преследовании рабочего и революционного движения; работу по методологии изучения преступности и преступника, осуществляя идеологическое руководство соответствующими учреждениями по исследованию преступности, а также собирание и научную обработку материалов по исследованию правового быта рабочего класса и национальностей СССР, судебной практики и ряда органов советской власти. Кроме того, секция должна организовать совещание по педагогической практике и постановке правовых дисциплин в вузах, а также взять на себя организацию общества марксистов—деятелей советского права—при Ком. Академии.

8. В работе КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА, на ряду с разработкой проблем, связанных с задачей реконструкции экономики национальных районов СССР, вопросов ликвидации фактического экономического неравенства и не-капиталистической эволюции этих районов, необходимо будет обратить особое внимание на изучение вопросов культуры и на борьбу с националистической идеологией, в связи с задачами советского строительства.

Кроме того, в комиссии должно быть поставлено изучение национальных противоречий в капиталистических странах и тактики реформизма в этой области.

9. Работа КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ должна развиваться в направлении борьбы с усилившимся наступлением церковников и сектантов и их влиянием на трудящиеся массы, а также в направлении изучения

состояния и политики церкви на Западе и в частности ее социально-экономической деятельности.

Кроме того, должна быть расширена работа по изучению актуальных проблем современных религиозных и антирелигиозных течений, истории атеизма и вопроса об антирелигиозном воспитании. 4

10. В области **ИСТОРИЧЕСКИХ НАУЧНЫХ РАБОТ**, как показала Всесоюзная Конференция Историков-Марксистов, явившаяся организованным наступлением на позиции буржуазных историков, мы уже имеем вполне определившуюся школу марксистов-историков, сумевшую охватить своими работами ряд областей истории, в которых оказалась беспомощной буржуазная наука. В связи с этим, основной задачей является дальнейшая консолидация вокруг Ком. Академии научных кадров историков-марксистов, и, в особенности, создание в *Институте Истории* необходимого ядра научных работников.

Учитывая значение правильного научного исторического подхода не только для научной методологии во всех областях марксистского исследования, но и при разрешении очередных практических задач социалистического строительства, работы Института Истории должны будут носить преимущественно методологический характер, не посредственно связанный с борьбой с антимарксистскими тенденциями в области исторических наук.

Из отдельных проблем, проработкой которых будет заниматься **ИНСТИТУТ ИСТОРИИ**, особое внимание должно быть уделено проработке истории рабочего класса в СССР, изучению истории народов СССР, в также более широкой разработке истории Запада. В качестве очередных задач Институт Истории должен заняться также изучением истории II Интернационала и реформизма, истории империализма и революционного движения в колониальных странах.

11. В работе **ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ** должно быть обращено серьезное внимание на дальнейшую концентрацию вокруг Ком. Академии всех научных работников-марксистов, ведущих научно-исследовательскую работу в области философии, исторического материализма и методологии естествознания.

В области *философии* Институт должен продолжать разработку проблем диалектического материализма, ведя борьбу с различного рода идеалистическими и метафизическими направлениями как у нас в СССР, так и за границей и развертывая с этой целью критику современной буржуазной и мелкобуржуазной философии, в частности критику философии современного ревизионизма (Каутский, М. Адлер и т. д.).

Уделяя особое внимание разработке проблем *исторического материализма*, Институт должен вместе с тем поставить работу по критике современной социологии.

В области *естествознания* необходима разработка диалектики естествознания как путем внимательного изучения элементов диалектики, так и путем критики идеализма и метафизики в современном естествознании. Вместе с тем Институт должен продолжать борьбу со всеми отклонениями от диалектического материализма (механисты, фрейдизм, уклоны в кантианство и пр.). Особой задачей Института Философии должна явиться увязка работы по изданию «Философской Энциклопедии» с исследовательской работой всех секций Института.

12. Работа **СЕКЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И ЯЗЫКА** должна строиться на боевой основе против нарастания буржуазных и мелкобуржуазных влияний в области *литературы и искусства* и борьбы с идеалистическим направлением в науке *о языке*.

13. В области **ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ** должна продолжаться концентрация материалистов-естественников вокруг созданных ею при Ком. Академии обществ материалистов и журнала «Естествознание и Марксизм».

Опираясь на этот актив, Секция естественных и точных наук должна развертывать систематическую критику новейших научных теорий Запада и их последователей в СССР, вскрывая идеалистические взгляды во всех их проявлениях и в то же время внимательно изучая элементы диалектики, стихийно прорывающиеся у различных ученых под влиянием кризиса современной науки.

Секция должна вести систематическую марксистскую разработку основных вопросов естествознания в его отдельных научных дисциплинах, при чем эта разработка должна строиться на основе овладения всеми научными методами и результатами в тесной связи с экспериментальной работой.

Секция должна усилить экспериментальную проработку наиболее актуальных вопросов, решение которых может иметь существенное значение в идеологической борьбе, одновременно поддерживая постановку такой работы в других учреждениях. Вместе с тем необходимо дальнейшее расширение собственной экспериментальной базы Секции.

Более быстрое и широкое развитие должна получить также работа по *истории естествознания*.

14. В частности, в работе **ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧЕНИЮ ВЫСШЕЙ НЕРВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**, на ряду с дальнейшим развертыванием экспериментальных работ по комплексному изучению всеми лабораториями Института основных проблем высшей нервной деятельности, и в частности, изучения химизма мозга и обмена веществ при экстирпации различных участков мозга и изменений структуры мозга при экстирпации желез внутренней секреции, Институту необходимо развернуть теоретическую проработку изучаемых им проблем с точки зрения марксистской методологии и диалектического материализма и критику не-марксистских направлений в области физиологии высшей нервной деятельности.

15. В работе по изучению **ЖЕНСКОГО ДВИЖЕНИЯ**, а также по изучению **ПАРТСТРОИТЕЛЬСТВА**, в целях успешного выполнения основных задач, установленных при организации этих работ, главное внимание должно быть обращено на их организационное укрепление путем создания активного ядра работников, объединенных проработкой наиболее актуальных проблем в соответствующих областях.

16. Как показал опыт конференции историков-марксистов, состоявшейся в текущем году, значение такого рода конференций крайне важно не только в смысле информации о работе и важнейшего осведомления, но и в смысле освещения теоретических направлений и важнейших проблем в соответствующих научных отраслях. Поэтому необходимо поставить перед Коммунистической Академией задачу организации ряда конференций по наиболее назревшим и актуальным вопросам, постановка которых достаточно подготовлена предшествующей работой учреждений Ком. Академии.

В частности, помимо создаваемой в ближайшее время конференции аграрников-марксистов, необходимо создать конференцию *работников-марксистов в области литературы и искусства* и конференцию *марксистов в области советского права*, включив их в план Ком. Академии на 1929/30 год.

В

17. Исходя из необходимости согласования деятельности Ком. Академии с пятилетним планом развертывания народного хозяйства СССР, необходимо всемерно ускорить составление пятилетнего плана работ Ком. Академии с тем, чтобы к моменту окончательного оформления плана на 1929/30 г. были уже установлены основные моменты пятилетнего плана так, чтобы оба эти плана могли бы быть органически увязаны друг с другом.

18. При составлении плана особое внимание должно быть обращено на необходимость дальнейшего *усиления теоретического значения работ* отдельных Институты и Секций, на углубление их проработки и повышение качества продукции как в виде литературных трудов, так и в виде докладов, читаемых в Ком. Академии.

19. Для обеспечения возможно *большей реальности плана*, при его составлении должны быть возможно полнее учтены как наличные силы работников и материальные средства, так и методика отдельных работ, а также и конкретная обстановка их выполнения, что должно будет также обеспечить постановку правильного учета результатов этих работ.

20. В целях создания условий возможно большей продуктивности научной работы и ее рациональной организации необходимо обратить особое внимание на создание при научно-исследовательских учреждениях Ком. Академии необходимых *вспомогательных научных учреждений и средств*, в виде специальных библиотек, архивов, выставок и проч.

21. В целях обеспечения дальнейшего успешного развертывания работ Ком. Академии в качестве одной из важнейших задач должна быть поставлена задача *закрепления за учреждениями Ком. Академии определенных кадров научных работников-марксистов*, а также задача подготовки новых кадров научных сотрудников, в частности путем организации аспирантуры.

22. Для обеспечения постоянного роста квалификации научных сотрудников и учета этого роста, необходимо поставить задачу *определения нормальной нагрузки научных работников* и вместе с тем установить *минимум определенных сдаваемых ими в течение года работ* (самостоятельных трудов, рефератов и докладов).

Вместе с тем необходимо обратить внимание на усиление руководства работой научных сотрудников.

23. В настоящее время вполне назрела необходимость организации при Коммунистической Академии *циклов лекций повышенного типа* с предварительной записью слушателей на эти лекции. Такие циклы лекций следует организовать на первое время в небольшом количестве, но с большими требованиями к их качеству. Каждой секции Ком. Академии надлежит наметить одного или двух крупных знатоков соответствующей

научной области, каковые могли бы взять на себя чтение подобного рода цикла лекций в 5—10 лекций по тому или иному наиболее актуальному научному вопросу.

24. Одновременно с этим необходимо развернуть по возможности *массовую работу по популяризации* отдельных тем, проработанных в Ком. Академии, путем организации лекций для партактива и постанововки докладов в рабочей аудитории, а также издания научно-популярной литературы.

25. Из научных мероприятий, направленных к усилению связи с зарубежной мыслью, следует в первую очередь поставить регулярное издание *печатных работ Ком. Академии на иностранных языках*.

В области же усиления связи с марксистскими научными учреждениями и научными работниками в СССР необходимо расширить применение уже оправдавшей себя практики *выездов работников Ком. Академии с докладами* и разработать вопрос об издании работ Ком. Академии на языках отдельных народностей СССР.

26. Наконец, необходимо поставить задачу значительного *расширения научно-исследовательских учреждений Ком. Академии*, как путем создания новых учреждений при Ком. Академии, так и путем присоединения к ней некоторых научно-исследовательских учреждений, имеющих как в Москве, так и в других городах.

В частности следует признать необходимым развертывание в Ком. Академии краеведческой работы.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б)

О МЕРОПРИЯТИЯХ ПО УКРЕПЛЕНИЮ НАУЧНОЙ РАБОТЫ В СВЯЗИ С ИТОГАМИ 2-й ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИХ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Отметить как важнейший итог 2-й всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений:

1) что марксистско-ленинские научно-исследовательские учреждения во главе с Коммунистической Академией, продолжая развиваться и принимать более совершенные организационные формы (создание специальных научно-исследовательских институтов), перешли к непосредственной научно-исследовательской работе в специальных отраслях знания, давая решительный отпор буржуазной и мелкобуржуазной идеологии и содействуя разрешению практических задач социалистического строительства;

2) что темп развертывания работы марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений отстает от предъявляемых к ним современными условиями требований и запросов, что объясняется главным образом совершенной недостаточностью выделяемых на научную работу сил и средств.

В целях дальнейшего развертывания и укрепления научной работы считать необходимым:

1) Организовать центр (или постоянное совещание), планирующий научно-исследовательскую работу во всесоюзном масштабе, поручив специальной комиссии в двухмесячный срок внести в ЦК проект организации такого центра (или постоянного совещания).

2) По линии марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений роль такого планирующего центра возложить на Ком. Академию, которой в месячный срок разработать вопрос о конкретных формах плановой увязки работы этих учреждений.

3) Поручить Ком. Академии в месячный срок разработать вопрос о координации работы ведомственных (наркоматских) научно-исследовательских институтов с работой Ком. Академии, обеспечив идеологическое руководство со стороны последней.

4) В целях обеспечения научно-исследовательских учреждений постоянным кадром работников признать необходимым закрепление товарищей, посылаемых на научную работу, за соответствующими научно-исследовательскими институтами на срок не менее двух лет.

5) В целях дочения нагрузки основных кадров научных работников-партийцев Москвы поручить орграспреду совместно с АППО ЦК взять на учет основной кадр научных работников с тем, чтобы нагрузка их определялась через орграспред и АППО ЦК.

6) Предоставлять научным работникам не реже одного раза в два года 4—6-месячный отпуск для научной работы.

7) Поручить специальной комиссии разработать в двухнедельный срок вопрос об укреплении материального положения марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, предусмотрев увеличение средств на научную работу, заграничные командировки, библиотеки, оборудование и т. д.

8) Приступить к организации подготовки аспирантов в союзных и в некоторых областных центрах, обладающих необходимыми научными силами (Харьков, Ленинград).

9) Создать возможность для аспирантов, подготовленных на местах, завершать подготовку в Москве.

10) Поручить Ком. Академии снестись с местными организациями по вопросу о создании научных кружков, хотя бы в краевых центрах, и об установлении связи имеющихся кружков с Ком. академией.

11) Поручить АППО и орграспреду ЦК, в целях укрепления коммунистическими научными кадрами соответствующих учреждений Ком. Академии и других марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, откомандировать для работы в Ком. Академии необходимое число оканчивающих Институт красной профессуры и частично вернуть на научную работу ряд товарищей, направленных на административную работу.

12) Освободить ряд крупных научных работников-партийцев, занятых административно-организационной работой, для руководства научно-исследовательской работой и закрепить за Ком. Академией определенное количество крупных научных сил, основной работой которых должно быть работа в Ком. Академии.

НАУЧНАЯ РАБОТА МАРКСИСТОВ В БЕЛОРУССИИ

С. Вольфсон

Научно-исследовательская работа в области марксизма в Белоруссии началась позже, нежели в других республиках Союза. В первые же месяцы существования Белорусской ССР на шею ей была накинута петля оккупации.

В условиях смертельной схватки с классовым врагом, в Советской Белоруссии не было тех минимальных предпосылок, при которых могла бы вестись какая бы то ни было научная работа, в том числе и работа по марксизму. Белоруссия до революции не имела ни одного организационного центра научной работы.

Уж вскоре после освобождения Белоруссии от белопольской оккупации, центральные партийные органы поставили перед собою задачу повышения теоретического марксистского уровня партийной и рабочей массы, и в начале 1921 г. был поднят вопрос об осуществлении соответствующих этой цели мероприятий.

Очень скромная, по своему размаху, научная работа в области марксизма началась в БССР с возникновением Белорусского Государственного Университета. Начата была эта работа кафедрой диалектического материализма. Самое построение курса по диалектическому материализму в то время, в 1921 г., представляло собою дело нелегкое. Тогда еще во всем Советском государстве не существовало ни одного печатного курса по материализму, отсутствовали также многие основные источники.

В таких условиях построение университетского курса по диалектическому материализму было сопряжено со значительными трудностями. Не было установленной методологии и архитектоники курса и работа сильно затруднялась отсутствием необходимого материала. Создание этого курса явилось значительным достижением кафедры диалектического материализма Белорусского Университета, и вышедший в 1922 г. в Минске, в издании Белтрестпечати, первый в Советском Союзе (тогда РСФСР) курс диалектического материализма С. Я. Вольфсона, на протяжении пяти лет выдержал шесть изданий и разошелся в количестве 50.000 экземпляров.

Большим достижением кафедры на первом году ее существования явилось также создание при ней марксистского кружка семинарского типа, из среды участников которого впоследствии вышел ряд молодых научных работников.

Одним из опорных пунктов теоретически-исследовательской работы по марксизму, равно и пропаганды марксизма и приобщения к нему широких слоев учащейся молодежи, делалось и научное общество при Белорусском Государственном Университете.

Надо отметить, что в первое время существования университета, в этой единственной высшей школе Белоруссии, имелось лишь самое незначительное марксистское ядро (4—5 чел.), которому, несмотря на его малочисленность, удалось выполнить довольно значительную работу. В деле воспитания революционно-марксистских кадров большую роль сыграла также Центральная Партийная Школа, в которой работало небольшое, но хорошо сколоченное марксистское преподавательское ядро.

Марксистские позиции укреплялись в Белорусском Государственном Университете с каждым годом. Увеличивалось количество марксистов, научных работников. Марксизм подчинял себе все большее количество преподаваемых в университете дисциплин и оказывал все более заметное влияние на наши печатные издания. С созданием в БССР новых высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений, в частности с возникновением Коммунистического Университета Белоруссии имени В. И. Ленина, расширялась и «сфера влияния» марксизма, создавались и новые возможности для марксистской работы. Успехи марксизма не должны, однако, быть преувеличены. О гегемонии марксизма в нашей высшей школе и наших научных учреждениях, к сожалению, до сих пор говорить еще не приходится.

Даже в последнем году мы имели случаи, вызвавшие необходимость ликвидации анимарксистских, враждебных марксизму вузовских курсов. У нас до сих пор имеются еще кафедры, где марксизм («автоматическими марксизмами») применяется в весьма умеренных дозах, — как «неизбежное зло», где к нему прибегают как ни к чему не обязывающей фразеологии. Не закрывая глаз на это весьма угрожающее обстоятельство, все же мы констатируем большие достижения в марксистской научной работе в БССР. Если бы эта работа и по своему количественному росту, и по своей качественной эволюции могла быть точно учтена, мы несомненно могли бы изобразить весьма внушительную, все время поднимающуюся вверх кривую.

Если считать началом марксистской научной работы в БССР 1921 год, то каков же ее актив за 7 минувших лет и по каким основным линиям эта работа устремлялась?

В области непосредственной разработки теории диалектического материализма (философия и социология), равно и истории материалистической философии напечатаны в Белоруссии или изданы за пределами БССР научными работниками Белоруссии следующие работы:

Б. Э. Быховский: Марксизм и философия. «Польмя» 1926 г., № 5. Введение в философию диалектического материализма. «Польмя» 1926, № 7 и 1927, № 1, 4 и 5. Психологическая проблема в учении Спинозы. Труды БГУ № 14—15. Был ли Спиноза материалистом? «Польмя» 1927, № 3 и отдельным изданием. Дидро и Спиноза. Труды БГУ № 16. Философия на службе революции. «Большевик Белоруссии» 1927, № 10. Психологическое учение Т. Гоббса. «Вестник Коммунистической академии» 1928, № 23.

С. Волобрынский: Помещена в журн. «Вперед» 1923 г., № 1, статья Маркс и Дарвин и напечатаны в журнале «Дер Штерн» (еврейский) за 1926 г., № 1—3, очерк по философии марксизма под заголовком: Марксистские этюды и там же две статьи: Национальный вопрос.

С. Я. Вольфсон: издан упоминавшийся уж выше курс диалектического материализма. Последнее 6-е издание вышло в 1927 г., стр. 380. Интеллигенция как социально-экономическая категория. «Красная Новь» 1925, № 6. То же отдельным изданием. Лиг. 1925, стр. 64. Диалектика природы. «Советское строительство» 1926, № 1. Идеализм и материализм. «Польмя» 1926, № 1. Естествознание и марксизм. «Польмя» 1926, № 8. Судьбы человеческой морали. «Польмя» 1926, № 11—12. Этическое мировоззрение Спинозы. Труды БГУ 1927, № 14.

Р. Выдра—статья: Метод или «схема» в «Воинствующем материалисте» за 1925 г.

С. З. Каценбоген: К вопросу о закономерностях общественной жизни. «Польмя» 1924, № 1. Марксистская социология. Литографированный курс лекций 1925. Что такое марксизм? (Философские и социологические основы). 1925. Диалектический материализм и механическое мировоззрение. Труды БГУ 1926, № 11.

И. Перепечко: К. Маркс и Ф. Энгельс о крестьянском вопросе. «Большевик Белоруссии» 1928, № 4.

Специально Ленину и ленинизму были посвящены следующие статьи: **Быховского**—Материализм и диалектика в творчестве Ленина «Под знаменем марксизма» 1924, № 2; **Вольфсона:** Ленин и Плеханов. «Польмя» 1926, № 3; **Каценбогена:** Ленин и Октябрьская революция. «Вперед» 1924, № 2, Историческое значение Ленина. Там же, № 4. Ленин о государстве. Труды БГУ, 1925, № 6—7; **Пучкова:** Ленинизм как предмет науки и преподавания. «Большевик Белоруссии» 1927; **Выдры:** Ленин и революционизирование крестьянства. Там же 1928, № 1, 7—8; **Шаповалова:** Ленин и культура. «Чырвоны сыцяг» 1925, № 2. Плеханов и Ленин—там же, № 3—4; **Р. Кузеля**—Ленин о Бунде. «Большевик Белоруссии» 1928, № 11.

Следует выделить статьи, посвященные борьбе с различными антимарксистскими авторами. Сюда относятся: **Б. Быховский**—Гносеологическая экскурсия проф. Сидницяна. «Под знаменем марксизма» 1924, № 3. **Р. Выдра**—Новое коммунистическое открытие (о книге проф. Гредескула). «Под знаменем марксизма» 1925, № 6, и **С. Я. Вольфсона**—Современные критики марксизма (о Кельзене и Ленце). «Под знаменем марксизма» 1924, № 8—9. К этой же группе следует отнести разработанную в университетском семинарии по диалектическому материализму и напечатанную в «Чырвоным сыцяг» за 1925, № 3—4 статью **Ю. Майзеля:** Современные социологи о классах. Попутно можно здесь отметить, что из этого семинария—кроме названных работ Шаповалова и Майзеля—вышло еще несколько печатных работ: **С. Борковского**—Эволюция Плеханова от народничества к марксизму. «Молодняк» 1926, № 10. **Г. Дунаева**—Диалектика в марксизме. «Чырвоны сыцяг» 1925, № 3 и 4, и его же в № 7 этого журнала—К вопросу о значении проблемы общественных классов. **А. Бейлина**—Плеханов в борьбе с ревизионизмом. «Чырвоны сыцяг» 1925, № 7.

Разрабатывая общие вопросы диалектического материализма, некоторые из наших научных работников концентрировали свое внимание на отдельных проблемах. Так, тов. *Быховский* специально разрабатывал одно время психоаналитическую проблему. Результатом этой разработки явились: статья—Методологические основания психоанализа в журн. «Под знаменем марксизма» 1923, № 11—12, статья—Генеономические воззрения Фрейда в № 9—10 того же журнала за 1926 г. и брошюра—Метапсихология Фрейда. Минск 1926, стр. 40.

С. Я. Вольфсон специально изучал творчество Г. В. Плеханова. В результате этого изучения появились следующие работы: Очерк жизни и творчества Г. В. Плеханова, выпущенный в 1922 г. «Белтрестпечатью» под заголовком: Великий социалист. Та же брошюра вышла в 1923 г. вторым изданием в Минске. В 1923 г. она же была переиздана Калужским Губкомом РКП. В 1925 г. несколько расширенным изданием она была выпущена в Берлине на немецком языке, в 1927 г.—в Мексике на испанском языке: «El grando socialista», и, кроме того, она была издана на белорусском языке Белгосиздатом в 1928—к десятилетию смерти Плеханова.

Тот же автор выпустил в 1924 г. монографию о Плеханове (375 стр.). 2-е издание книги вышло в 1925 году.

Помимо того он дал ряд библиографических обзоров плехановской литературы, озаглавленных: Вокруг Плеханова; обзор за 1922 г. был выпущен отдельным изданием «Белтрестпечатью» (стр. 99), за 1923, 1924 и 1925 гг. помещен в сборниках группы «Освобождение Труда» №№ 1, 5 и 6. В журн. «Штерн» за 1925 г. им напечатана статья—Плеханов и еврейский вопрос (на еврейском языке).

Предметом изучения некоторых работников служила *проблема генеономии*, которая, под несколько различным углом зрения, дала темы для работ следующих товарищей: *Б. Быховского*—Генеономические воззрения Фрейда. «Под знаменем марксизма» 1926, № 9—10; *И. В. Герчикова*—Новый замечательный документ социалистического правотворчества. «Польмя» 1926, № 2; *С. З. Каценбогена*—Спорные вопросы генеономии. Труды БГУ 1923, № 4—5; Сложная форма брака у племени аруси-галласов. Там же, *Н. А. Коноплина*—Два вопроса. «Польмя» 1926, № 8, и *С. Я. Вольфсона*, выпустившего в конце 1928 г. работу: Социология семьи и брака (Опыт введения в марксистскую генеономию), стр. 478.

Вслед за философско-социологической областью следует назвать, как привлекавшую больше всего внимание научных работников Белоруссии—марксистов, *область историческую*. Работа историко-марксистов БССР сосредоточивалась по преимуществу на истории Белоруссии.

В 1921 г. появился первый марксистский курс Белорусской истории, принадлежавший тов. В. М. Игнатовскому: Карточки нарыс гісторыі Беларусі, стр. 155. Курс этот выдержал 5 изданий и сыграл значительную роль в деле ознакомления нашей учащейся молодежи с историческим прошлым Белоруссии. К этому же курсу примыкает другая работа тов. Игнатовского: Гісторыя Беларусі у XIX і пачатку XX стагоддзя, вышедшая в 1925 г. и разошедшаяся в 3 изданиях. Стр. 125. Кроме того, из-под пера тов. Игнатовского вышли следующие статьи по истории Белоруссии, преимущественно по ее национально-культурному строительству: Белоруссия, территория, население, экономика и важнейшие моменты истории. В сборнике «Беларусь» две статьи под названием: а) Вялікі Кастрычнік на Беларусі и б) Камуністычная партыя Беларусі и беларускае пытанне; Сучасная вялікая рэвалюцыя і нацыянальнае пытанне. «Польмя» 1922; 3 гісторыі асьветы на Беларусі у пачатку XIX стагоддзя. «Польмя» 1923, № 7—8; Увагу аб вынікаванні беларускага руху. «Молодняк» 1926, № 10, 11 и 12; Беларускае культурна-нацыянальнае пытанне у БССР. Там же 1922, № 2, 3 и 4; 3 недалёкага мінулага школы. Там же 1922, X—XI; Вынікаванні зьмены арганізацыйных цэнтраў пастаныяна 1863 г. на Беларусі. «Польмя» 1927, № 3 и 4; Вывучэнне Кастрычнікавай рэвалюцыі. Журн. «Наш край» 1927, № 10 (25), Наша нацыянальна-культурнае будаўніцтва. «Савецкая будаўніцтва» 1928, № 1 и 2; Да пастаноўкі пытанья аб паўстанні 1863 г. «Бальшавік Беларусі» 1928 № 6—7.

В. И. Пичета, еще в своих дореволюционных работах рассматривавший исторические явления под углом зрения их экономической обусловленности, после 1921 г. начинает уделять все-больше внимания выявлению социально-экономической закономерности, которой подчинены исторические события. В своих работах, посвященных белорусской истории, Пичета трактует их как результат классовой борьбы. Им в это время написаны по истории Белоруссии следующие работы: Гісторыя Беларусі, ч. I. М. 1924, стр. 132; История крестьянских волнений в России. «Белтрестпечать». 1923, стр. 155; Состав населения в господских дворах и волостях Зап. Белоруссии. Труды БГУ; № 4—5, 6—7. Введение в русскую историю. Гиз. 1922. Да гісторыі вышэйшай школы Беларусі.

Труды БГУ, № 19; История сельского хозяйства и землевладения в Белоруссии, ч. I. Изд. Наркомзема БССР, стр. 176; Крестьянское и рабочее движение в Белоруссии в эпоху 1905 г. Труды БГУ, № 11; Белорусский язык как фактор национально-культурной. Белтрестпечать 1923, стр. 24; Волочная устава королевы Боны. Труды БГУ, № 1.

К историческим—в узком смысле слова—примыкают и работы, связанные с революционным движением в Белоруссии за последнее десятилетие.

Помимо уже упомянутых, сюда следует причислить и работы *В. Г. Кнорина*: Революция и контр-революция в Белоруссии, 1920; Пять лет (конспект истории КПБ), 1921; 1917 год в Белоруссии и на Западном Фронте. Бел. Гиз, 1925; Заметки об аграрной революции в Белоруссии. «Звезда» 1926, № 230—1, а также брошюру *А. Г. Черякова*. За Советскую Беларусь и сборник «Кастрычнік на Беларусі», изд. Истпарта.

Кроме работ названных авторов, подвергавших марксистскому анализу основные этапы белорусской истории, в этой же области вышло несколько работ, посвященных ее отдельным проблемам. Так, тов. *Гельтман* выпустил в 1921 г. брошюру: О национализации земли в Белоруссии и в 1927 г. книжку—Польский рабочий в Октябрьскую революцию в Белоруссии на польском языке.

Сильному критическому обстрелу подверглась изданная в 1928 г. книга тов. *Агурского*: Очерки по истории революционного движения в Белоруссии.

Из отдельных работ, связанных с Белорусской историей, назовем еще брошюру тов. *Шавалова*: Скарына, яго дні і пачатку на Беларусі, 1925 и его же статьи: Бандитизм в Белоруссии. «Большевик Белоруссии» 1927, № 7. Вступление Бунда в РКП. «Большевик Белоруссии» 1927, № 8—9; брошюру *Борковского*: 1-е мая в Белоруссии (1926) и статью *А. Меркина*: Вооруженные силы партии в Белоруссии в период подготовки Октября. «Большевик Белоруссии» 1928 г., № 11. Назову здесь же статью *Дм. Прищепова*: Дыфэрэнцыяцыя бел. вёскі. «Большевик Белоруссии» 1927, № 1. Косвенно с этим отделом связана и брошюра *Витковского*: Церковь и борьба классов (на польском языке).

В области *еврейской истории* из научных работников-марксистов работал *И. Д. Солис*, которым опубликованы следующие работы: Социально-экономическое положение евреев в России в первой половине XIX века (Ленинград, 1919). Отражение еврейского социального экономического быта в средневековой нравоучительной литературе (Еврейская старина, Т. II, 1924. Ленинград). К истории антиеврейского движения в царской России («Труды БГУ» 1925 и 1926 гг., № 6—7 и 12). К социальной истории евреев в Литве и Белоруссии («Цайтшифт», т. I, 1926 г., Минск). Еврейский сейм в Литве и Белоруссии (1623—1761) («Цайтшифт», т. II—III, 1927 г., Минск. Им же приготовлена к печати работа: История еврейских общественных течений в России в XIX веке (на еврейском языке).

Н. М. Никольский на протяжении отчетного десятилетия опубликовал следующие работы—преимущественно по древнему Израилю и раннему христианству: Иисус и первые христианские общины. 1918 г. М. Древний Израиль. М. 1922 г. Мировой и социальный переворот по воззрениям раннего христианства (брошюра) М. 1922. Феодальные отношения в древнем Израиле. Труды БГУ, № 1, 1922. Керубы по данным библии и восточной археологии. Труды БГУ, № 2—3, 1922. Религия и наука. Белтрестпечать. 1923. Стр. 47. Следы магической литературы в книге псалмов. I. Труды БГУ, № 4—5, 1923. Иудейские монархии I века, «Новый Восток» 1924, № 5. Талмудическая традиция об Иисусе. Труды БГУ 1925, № 6—7. Iaddische jomtorvim, Минск, 1925. Астрономический переворот в исторической науке (по поводу книги Н. Морозова «Христос») «Новый мир», 1925, № 1. Происхождение еврейских праздников и христианского культа. Гомель. 1926. Naüste Strömungen in der biblischer Wissenschaft («Цайтшифт») Евтодела Инбелкульта, т. I, 1926. Spuren magischer Formeln in den Psalmen. Giessen 1927. Хетские законы и их влияние на законодательство Пятикнижья. «Еврейская старина» XII, 1928. Новейшие археологические открытия в Палестине «Еврейский Вестник» I, 1928.

В лице *В. Н. Перцева* мы имеем ученого, в большей части своих работ дающего историко-материалистическое изложение изучаемых им явлений. Из работ, опубликованных Перцевым за период 1918—28, назовем: Социально-экономическое мировоззрение Платона. (Труды БГУ, № 1 и 2—3, 1922 г.). К вопросу об общинной собственности у древних германцев. (Труды БГУ, № 4—5, 1923 г.). Экономическое развитие Англии в XIX веке (Изд. Белтрестпечать, Минск, 1924). Историческая идеология Бисмарка, Працы БДУ, № 6—7. Гуманизм у Італіі. (В сборнике «Чатырохсотлетье Беларускага друку», 1926 г.). Дантониты в бриоме и фримере II г. (Працы БДУ, № 20, 1928 г.) Экономические основы падения эбертистов.

Ряд историко-политических работ дан тов. *И. В. Герчиковым*, а именно: К идее государства у Лассалля. «Польмя», 1925, № 6—7. Имперализм. Экономический очерк. «Польмя» 1925, № 3. Упадок британской империи. «Польмя» 1925 г., № 5. Упадок анг-

лийской хозяйственной гегемонии и проблема социалистической революции 1925, № 7. Роза Люксембург. Стр. 64, Минск, 1927. Историко-политические мотивы творчества Рихарда Вагнера. «Полюмя» 1926, № 7. Тайна британской имперской конференции. «Полюмя» 1926, № 8. Падение английской мировой гегемонии. «Красная Новь» 1927, № 6. К этому же разделу принадлежит статья *В. Сербенты*. Выборы и наказания 1789 г. во Франции. «Полюмя» 1927, № 1.

Современному революционному движению на Востоке посвящено несколько статей *Л. И. Кагана*, печатавшихся в «Полюмя» и образованных сборник, вышедший в 1927 г. под названием: «Национально-освободительное движение в странах Востока», стр. 178.

К той же теме относится статья: *Ул. Хруцкий*: Да пытанья аб індустрыялізацыі Індіі. «Большевик Белоруссии» 1928, № 11—12.

Вслед за историческим следует отметить раздел *теоретической экономики*. В этой области опубликованы работы *И. Я. Герцыка*: Теория ренты в связи с трудовой теорией стоимости. Труды БГУ 1925, № 6—7; О некоторых проблемах теории политической экономии. Труды БГУ, 1926, № 11. Новейшие течения в политической экономии в связи с проблемой кризисов. Там же, 1927, № 14—15. К этому же разделу примыкают статьи того же автора: Аграрные реформы в Западной Европе в последнюю четверть XIX столетия и после войны. Труды БГУ 1927, № 14—15, и Экономическая теория Отмара Шпана. Там же, № 21.

М. Б. Гольман, начавший работать в Белоруссии в 1927 г., успел до конца 1928 г. опубликовать в Трудах БГУ, № 20 статью: К вопросу о законе неравномерного развития и о формах его проявления. БГУ же выпущена на правах рукописи работа того же автора: Всеобщий кризис капитализма, переизданная с некоторыми вариациями Коммунистической Академии.

Чрезвычайно слабо проявили себя научные работники Белоруссии в области права. Как непосредственно относящуюся сюда мы можем назвать лишь одну марксистскую статью, принадлежащую *Г. С. Гурвичу* и помещенную в № 1 Трудов БГУ 1922 г.: Право и нравственность с точки зрения материалистического понимания истории. Косвенно сюда же относятся статьи *С. Я. Вольфсона*: К проблеме «Марксизм и государство». Труды БГУ, 1925, № 6—7. Его же брошюра: Кельзен, Ленц и Ко. Изд. Пролетстуда Белоруссии. Статья *Н. П. Козырева*: Учение К. Маркса и Ф. Энгельса о диктатуре пролетариата. Записки Белорусской Государственной Академии Сельского Хозяйства, Т. III. И статьи *Н. А. Коноплина*: Австрийский фашизм и банкротство австро-марксизма. «Большевик Белоруссии» 1928, № 1. Работа проф. Ширяева. «Большевик» 1927, № 4. Фашизм как новейшая форма диктатуры буржуазии. «Большевик Белоруссии». 1928, № 3 и 4.

Некоторые актив имеют научные работники Белоруссии и в деле марксистской разработки педагогических проблем. В этом отношении можно назвать работы *П. Я. Панкевича*: Мысли Плеханова о воспитании и образовании. Изд. «Раб. Просвещения», 1926, стр. 80. Некоторые проблемы психологии в освещении Маркса и Энгельса. «Полюмя» 1927, № 5—6. Педагогические идеи пролетариата в области воспитания и их исторические корни. Педагогическая Энциклопедия. Т. I. Политехническая школа в связи с развитием современной крупной индустрии, 1928. Изд. Секции научных работников БССР, стр. 170. Педагогические идеи Добролюбова. Труды БГУ, № 23.

С. М. Рывесом опубликованы по проблемам педагогического характера следующие работы: Из практики комплексного преподавания. Новая Москва. 1926. Советская трудовая школа. Книга для чтения и работы по основам советской системы воспитания. Т. III (Совместно с Калашниковым). Метод целевых заданий и дальтон-план в первой ступени. Работник Просвещения. 1928. Опыт тестирования на Белоруссии. Статья в сборнике «Тесты».

Сюда же относятся статьи *Р. А. Розенгер-Вольфсон*. Учет социального момента при исследовании детей. «Асьвета» 1927, № 2. Новая и старая педология. Труды БГУ 1928, № 19.

С. Я. Вольфсоном в 1925 г. выпущена в изд. «Белтрестпечати» брошюра—Марксизм и педагогика. Стр. 47.

Проблемам литературы, искусства и культурного строительства посвящены следующие работы.

С. Я. Вольфсон: Гейне в переписке с Марксом и Лассалем. Плеханов и вопросы искусства. «Красная Новь» 1923, № 5. Маркс и Толстой. «Полюмя» 1925, № 4. О пролетарской культуре. «Полюмя» 1925, № 8. К спору о Есенине. «Полюмя», 1927, № 4. О юбилее Толстого. Там же, 1928, № 7. О Чернышевском—революционере и мыслителе. Там же, № 9.

В. М. Игнатовский: Критичны нарыс да поэмы М. Чарота. «Босья на вонішчы» 1922. Статья в Вестнике Нар. Ком. Прос. Бел. 1921, № 2; Сучасныя матывы беларускай лірыкі. Я. Журба. Прадмова да паэмы Чарота Марына. 1926.

В. Г. Кнорин: Коммунист, как он должен быть. Известия ЦБ КПБ 1921 №№ 11—12. Ряд статей по вопросам культурного строительства и национального вопроса в БССР, образовавших книжку: За культурную революцию, выпущенную Белгизом к концу 1928 г., стр. 105.

А. А. Сенкевич: Литературные объединения в БССР. (Критический очерк) «Большевик Белоруссии», 1927, № 6. Печать Беларуси. «Большевик Белоруссии», 1927, № 7—8. *А. Крицницкий*: К вопросу о национальной культуре. «Большевик Белоруссии», 1927, № 5.

Здесь же следует отметить выпущенные в 1923 г. Белтрестпечатью под редакцией и со вступительными статьями *С. Я. Вольфсона* сборники: *Ида Аксельрод*. Литературно-критические очерки. *Франц Меринг*. На философские и литературные темы.

Если только количественный измеритель может служить некоторым, хотя бы и грубым, показателем научно-теоретической работы, то можно было бы привести следующие примерные цифры. Научная марксистская литература, выпущенная за рассматриваемый период работниками БССР и отмеченная в настоящем очерке, охватывает примерно 570 печатных листов. По отдельным отраслям эти листы распределяются так: 274 (т. е. примерно 53%) приходится на историческую литературу, 154 (примерно 30%) на философско-социологическую, 39 на педагогическую, 21 на теоретико-экономическую, 16 на посвященную вопросам литературы и культурного строительства и 7 на правовую.

Чрезвычайно важным явлением в области марксистской научной работы в БССР является выпуск на белорусском языке 12-томного издания *избранных сочинений В. И. Ленина*. Это издание, подготовительная работа к которому началась в 1928 г. и которое на протяжении года значительно подвинулось вперед, несомненно окажет очень существенное влияние на дело разработки белорусской марксистской научной терминологии, до сих пор находящейся в неудовлетворительном состоянии. Это издание будет, с одной стороны, содействовать белорусизации наших марксистских кадров, с другой—поможет приближению широких трудовых масс Советской Белоруссии к сокровищнице революционного марксизма-ленинизма. Выходит издание под общей редакцией гг. Кнорина, Игнатовского, Сенкевича и Сербенты. Попутно заметим здесь, что издание оригинальной литературы по теории марксизма на белорусском языке находится еще в зачаточном состоянии. В 1928 г. вышла в этой области одна книга: *С. Я. Вольфсон*: За марксизм. БДВ. Стр. 240. До того книг по теории марксизма, принадлежащих местным авторам, на белорусском языке совсем не выходило.

Неудовлетворительно обстоят дела и с марксистской литературой для наших вузов. К этому делу подошли вплотную только теперь. К будущему академическому году предполагается выпустить на белорусском языке лекции по диалектическому материализму Быховского, Рабочую книгу по диалектическому материализму Вольфсона, хрестоматию по политической экономии Гольмана, учебник по советскому государственному строю Коноплина и другие.

Вся марксистская работа велась в БССР весьма распыленно, в строго индивидуальном порядке, и необходимость объединения и согласования этой работы давала себя чувствовать уже очень давно. Эту цель и поставило перед собою созданное в 1923 г. Белорусское марксистское общество.

Однако, в силу объективной трудности работы при ничтожном количественном кадре своих членов, Общество, быстро захирев, умерло естественной смертью через каких-нибудь полгода после возникновения.

Следующая попытка объединения марксистских сил Белоруссии относится к 1927 г. и вначале была осуществлена лишь по линии марксистов-работников в области истории. Возникшее в мае 1927 года белорусское отделение Общества историков-марксистов в июне 1928 года слилось с вновь созданным «Обществом марксистов БССР».

Общество марксистов БССР имеет в своем составе 4 секции: историческую, философскую, экономическую и литературную. Оно начало фактически функционировать с октября 1928 года и до конца года провело несколько пленарных и ряд секционных заседаний, посвященных Толстому, памяти Степанова-Скворцова, социологии фон Визе, проблеме исгмата как социологии, книге Агурского: Очерки по истории революционного движения в Белоруссии, всесоюзной конференции историков-марксистов и др. Важнейшим начинанием Общества является издание «Марксистских сборников», первый из которых имеет выйти из печати в 1929 году.

В настоящее время ведется организационная работа по созданию кафедры марксизма-ленинизма в Белорусской Академии Наук, возникшей 1 января 1929 г.

Перед этой кафедрой Академией поставлены следующие основные задачи:
1. Теоретическая разработка различных проблем диалектического материализма.

2. Организованное марксистское методологическое содействие отдельным кафедрам Академии и систематическая борьба со всякими антиматериалистическими течениями и псевдомарксистскими искажениями диалектического материализма, в особенности проявляющимися в БССР.

3. Создание молодых кадров научных работников по отдельным отраслям марксистской теории.

4. Марксистское воспитание аспирантуры, работающей при Академии по всем научным дисциплинам.

При кафедре предполагается создать ряд комиссий, некоторые из которых будут иметь своей функцией планомерную работу в соответствующей области марксистского исследования (например, комиссия по изучению национального вопроса, по проблеме «марксизм и языкознание» и т.д.), а некоторые—выполнение определенных возложенных на них исследовательских поручений (например, выявление современных религиозных настроений в БССР).

Кафедру предполагается развертывать постепенно с перспективой превращения ее в течение 3-летнего периода в институт марксизма-ленинизма. Структура и функции кафедры в значительной степени определяются специфическими условиями БССР и необходимостью осветить лучами марксизма «узкие места» нашего идеологического фронта. Особенно важным является проникновение марксистской идеологии в такие, например, «узкие места», как история белорусской культуры и искусства. Нашим наиболее уязвимым местом является отсутствие белорусской марксистской критики. Бурный рост белорусской художественной литературы и искусства на протяжении последнего десятилетия и почти полное отсутствие марксистского анализа этого процесса создают чрезвычайно вредные в общественно-политическом отношении ножицы. Эти ножицы не уменьшают своего раствора от того, что иногда у нас под видом научной марксистской критики выступает критика, механически переплетающая марксистскую фразеологию с немарксистским, а часто и противомарксистским содержанием. Марксистская безграмотность часто маскируется в нашей литературной критике звонкой, марксистски построенной фразой. Такого рода искажения требуют самой решительной борьбы.

История белорусской культуры (в частности, история отдельных идеологий, как искусство) ждет еще своего марксистского исследования, которое сможет явиться лишь результатом дружных и объединенных усилий марксистской коллективной мысли.

Например, то приближение к материалистическим принципам, которое благодаря акад. Н. Я. Марру сделало в последние годы языкознание, в белорусской филологии не нашло никакого отражения.

Нужна еще большая работа для того, чтобы поднять марксистскую исследовательскую мысль в Белоруссии на высоту современного научного уровня: необходимо освободить ее из-под власти всяких идеологических спекуляций, вылущить из нее всякие схоластические рудименты и поставить ее под знак диалектико-материалистического метода.

Проникновение диалектико-материалистических принципов в нашу науку является важнейшим фактором в борьбе за национальную по форме и пролетарскую по содержанию культуру в противовес многочисленным попыткам, связанным с различными ухищрениями и маскировочными приемами, создавать советскую по форме и национальную по содержанию культуру...

В заключение следует еще указать, что важнейшей задачей нашего марксистского актива является самоквалификация. Борьба за поднятие своей собственной научной квалификации является первоочередной и важнейшей. Мы не можем занять ряда идеологических позиций из-за недостаточности наших научных кадров. Важнейшим злом в этом отношении является непосильная педагогическая, общественная, профессиональная и иная нагрузка большинства научных работников-марксистов БССР. В особенности грозным является этот факт по отношению к нашему научному молодяку, который уже с первых шагов аспирантуры распыляет свою энергию среди всякого рода работы и уделяет своей научной подготовке непозволительно мало времени и сил.

Нормирование нагрузки наших научных работников-марксистов в таких пределах, которые позволили бы им отдавать научной работе необходимое время, властно диктуют теми задачами, которые—как мы указывали—стоят ныне перед марксистским исследованием в БССР.

УКРАИНСКОЕ ОБЩЕСТВО «ВОИНСТВУЮЩИЙ МАТЕРИАЛИСТ-ДИАЛЕКТИК»

Украинское научно-философское общество «Воинствующий Материалист-Диалектик» создано в Харькове осенью 1927 года, в ответ на все растущую на Украине потребность в организации, которая объединяла бы распыленные силы сторонников принципов диалектического материализма среди научных работников и сумела бы, с одной стороны, осуществить заветы Ленина в области непосредственной конкретной разработки и углубления философии марксизма, а с другой—в открытом бою дать отпор всем тем многочисленным попыткам перевертывания и вульгаризации марксистской философии, которые мы видим сейчас на нашем философском фронте.

Общество в 1928 году имело 33 члена; из них 11—естествоведов.

Работа Общества вскоре же вызвала живой интерес в широких марксистских и даже более широких кругах научных работников, что служит лишним доказательством своевременности и необходимости организации общества «Воинствующий Материалист-Диалектик». На призыв Общества отозвались даже некоторые округа, как например, Луганск, Полтава, Кременчуг, хотя с другой стороны, к сожалению, такие культурные центры, как Киев, Одесса, пока еще не организовали у себя этой работы. Все доклады, которые были заслушаны на собраниях Общества, вызвали живейшую дискуссию.

За истекшее время заслушаны следующие доклады: В. Юринец—Итоги дискуссии на философском фронте, А. Слуцкий—Проблема качества в физике, Е. Финкельштейн—Диалектика живой природы, В. Юринец—Последнее слово ревизионизма, В. Беркович—Проблема случайности, Т. Степовой—Причинность, Е. Попов—О рефлексологии и психологии, В. Протопопов—Рефлексология, психология, реактология, В. Ришков—Новые течения в ментелизме, В. Юринец—Логика и диалектика у т. Варьяша.

В дискуссии между механистами и диалектиками общество «Воинствующий Материалист-Диалектик» не только приняло самое деятельное участие, но и выявило себя как научно-философская организация, твердо стоящая на защите чистоты диалектического материализма, диалектики Маркса, Энгельса и Ленина, борясь против уклонов в сторону механизма и максизма. Общество не замыкается в узких рамках и так, например, на докладе тов. Юринца «О последнем слове ревизионизма Каутского» присутствовало 400 человек.

При Обществе существует кружок врачей-материалистов в 60 человек. В ближайшее время будут организованы специальные секции, как например, биологическая и экономическая.

В план работ общества на 1929 год включены следующие работы:]

По линии организационной.—С целью создания широкого кадра активных борцов за диалектический материализм среди рабочего партийного актива, среди вузовцев, естествоведов, учителя и т. д.—решено приступить к организации кружков друзей Общества, выделив лучших товарищей для организации и обслуживания такого кружка в первую очередь на одном из крупных предприятий Харькова.

Имея в виду, что Общество должно стать всеукраинским,—должны быть приняты меры к организации в больших культурных центрах Украины отделений Общества, в первую очередь—в Киеве, Днепрпетровске и Одессе, а также проведена подготовительная работа к созыву всеукраинского совещания для разработки вопросов, связанных с работой Общества.

Решено также установить тесный контакт с другими организациями, ведущими общую идейную работу и в первую очередь—с философско-социологическим отделением Института Марксизма, с обществом «Историк-Марксист» и с кружками врачей и биологов-материалистов, а также поддерживать тесную связь с подобными организациями Москвы.

По линии пропаганды в ближайшее время должна быть проведена кампания для ознакомления широких рабочих и вузовских масс с итогами дискуссии на философском

фронте. Для этого силами Общества должны быть организованы открытые доклады в рабочих и студенческих клубах, а также циклы лекций, бесед и консультаций в Вечернем Рабочем и Комсомольском Университетах.

Литературно-издательская работа должна идти по линии научно-исследовательской и научно-популярной.

По линии научно-исследовательской намечено издание отдельными сборниками докладов и трудов членов Общества, а по линии научно-популярной решено приступить к изданию научно-философского популярного журнала и научно-популярной серийной библиотеки.

Силами Общества должно быть организовано систематическое рецензирование научно-философских трудов, освещение боевых вопросов диалектического материализма и поставлена информация о ходе работы Общества также и в периодической печати.

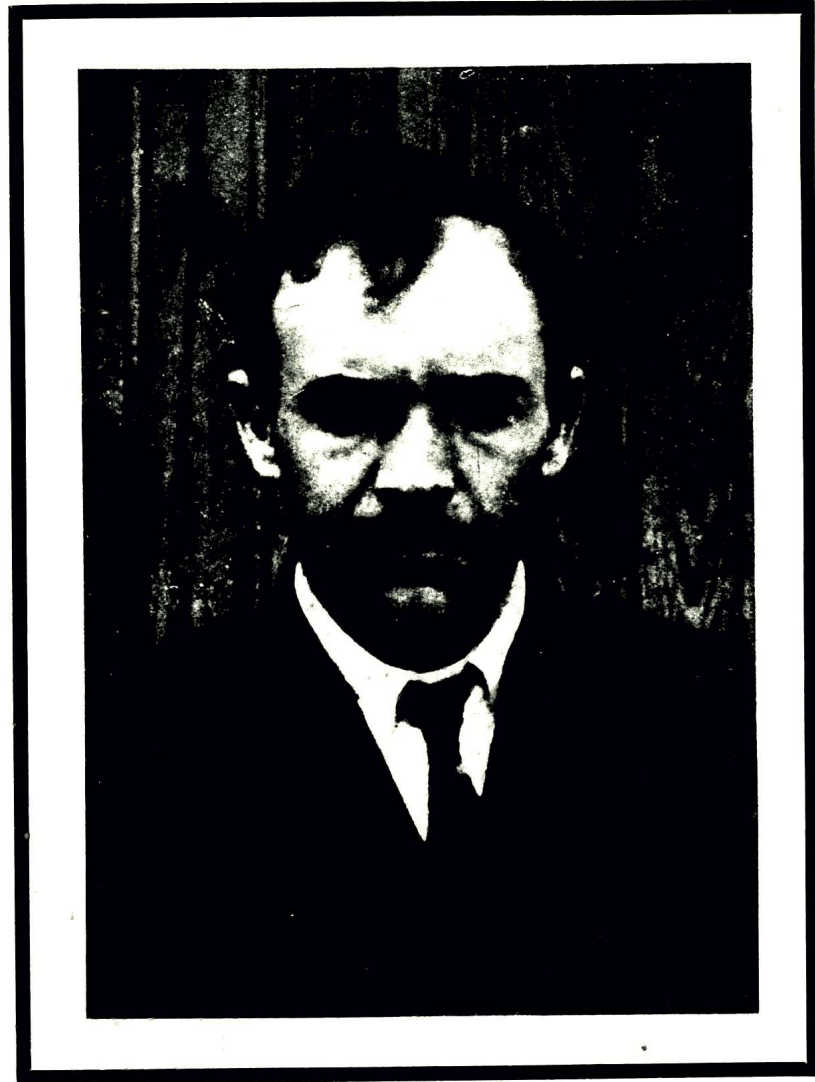
Всю литературную деятельность членов Общества решено сосредоточить вокруг журнала «Прапор Марксизму», «Більшевик України» и литературных изданий самого Общества.

По линии внутренней работы, исходя из того, что Общество является добровольным объединением только действительных сторонников диалектического материализма, взгляды которых проверены в устных или литературных выступлениях, каждый из членов Общества должен принимать активное участие в его работе и среди них не может быть так называемых «пассивных членов».

Собрания Общества для заслушания и обсуждения докладов должны созываться не менее двух раз в месяц, при чем на 1929 год уже намечено 17 докладов: В. Юринец—Логика и диалектика т. Варьяша, Е. Гирчак—Аксельродовщина как форма ревизии марксизма, В. Беркович—Предмет материалистической диалектики, Т. Степовой—И. Поляков—Теория подбора и генетика, В. Юринец—Теория относительности и диалектический материализм, П. Демчук—А. Слуцкий—Проблема пустоты, В. Беркович—Проблема национальной философии вообще и проблема конструкции истории философии на Украине, П. Демчук—Категория сути, Д. Нестеренко—Методология «Капитала» Маркса, Ю. Овчаров—Проблема права как идеология, В. Медзинский—К вопросу об отношении между психическим и физическим, Гайбов—О взаимной связи в жизни организма, Буланкин—Органы и функции, З. Лузина—Интерпретаторы Гегеля: Розенкранц и Гайм, П. Демчук—Философское творчество ВУАН'а, Игнатюк—Идеология и социальная деятельность современного католицизма, Н. Билярчик—Проблема скачков в философии Гегеля и Маркса.

Заслушанные доклады должны быть сданы в письменном виде и послужить материалом для годовых сборников Общества.

Признано желательным, чтобы доклады на темы, смежные между философией и естествознанием, делались одновременно двумя товарищами: философом и естествоведом, что должно послужить более тесному взаимному проникновению этих двух областей.

Д. С. ФУРСИКОВ
29 IX 1893 — 7 VIII 1929

Д. С. ФУРСИКОВ

29 IX 1893 — 7 VIII 1929

После продолжительной болезни 7 августа с/г. в Ялте скончался директор Института по изучению высшей нервной деятельности Коммунистической академии профессор Дмитрий Степанович Фурсиков.

Дмитрий Степанович родился в сентябре 1893 г. в гор. Борисоглебске Тамбовской губ., в крестьянской семье. В 1913 г. он, по окончании Борисоглебской гимназии, поступил на естественный факультет одесского университета, а затем уже в следующем году перевелся в петербургскую Военно-медицинскую академию и стал работать в лаборатории академика И. П. Павлова. В 1916 г., еще будучи студентом, Дмитрий Степанович уже исполняет обязанности ассистента по кафедре физиологии на Высших женских курсах им. Лесгафта, а в 1917 г. назначается младшим ассистентом лаборатории академика Павлова при Институте экспериментальной физиологии. Пробыв некоторое время на империалистическом фронте, Дмитрий Степанович в 1918 г. работает в качестве врача во главе санитарного отряда на финляндском фронте.

В 1919 г., по окончании Военно-медицинской академии, он остается работать под руководством академика Павлова в качестве помощника заведующего физиологическим отделом Института экспериментальной медицины, будучи одновременно старшим ассистентом по кафедре физиологии в Химико-фармацевтическом институте.

С осени 1925 г. Дмитрий Степанович принимает деятельное участие в создании организуемого Коммунистической академией Института высшей нервной деятельности и с начала 1926 года назначается его директором.

Еще в гимназии Дмитрий Степанович проявлял большой интерес к философии и естествознанию, особенно увлекаясь трудами Дарвина. Будучи еще студентом, он уже приступает к научной работе в области физиологии высшей нервной деятельности. Изучению этой области он и посвятил всю свою дальнейшую научную деятельность, дав ряд ценнейших работ и в частности труд «Явление взаимной индукции в коре головного мозга», который может быть отнесен к разряду научных открытий.

Занимаясь вопросом о соотношении между процессами возбуждения и торможения в центральной нервной системе, он постепенно приходит к открытию одного из важнейших явлений, характеризующих работу больших полушарий головного мозга,—явления «взаимной индукции». Работая над изучением иррадиации и концентрации тормозных процессов, он одновременно занимается вопросом локализации высшей нервной деятельности и в частности вопросом о месте образования условно-рефлекторных связей, изучение которых им было поставлено в Институте высшей нервной деятельности. Затем в Институте же им были поставлены работы по изучению связи между деятельностью центральной нервной системы и железам внутренней секреции, и в частности—по изучению влияния желез внутренней секреции на подкорковые ганглии. Начав свои исследования на собаках, он затем переносит их на обезьян и создает новую специальную и оригинальную методику работы в этой области.

Будучи одним из талантливейших учеников академика И. П. Павлова и восприняв от него в совершенстве методику его эксперимента, Дмитрий Степанович не мог удовлетвориться ее рамками, так же как он не мог удовлетвориться рамками мировоззрения Павлова вообще. Он искал новых путей в своей экспериментальной работе, выходя за грани павловской методики изучения условных рефлексов и идя одновременно от павловского элементарного материализма к более сложным и широким построениям.

Когда Коммунистическая академия поставила перед собой задачу охватить марксистским методом наряду с общественными науками также изучение естествознания и в 1925 г. в ней была организована Секция естественных и точных наук, а вслед за этим стал создаваться Институт по изучению высшей нервной деятельности, Дмитрию Степановичу было предложено президиумом Коммунистической академии встать во главе этого вновь создающегося учреждения. Организация этого учреждения имела несомненно большое значение в деле внедрения методов диалектического материализма в естествознание и в особенности в такую область естествознания, как изучение высшей нервной деятельности. Работа в этой области должна была быть особенно плодотворной благодаря предшествующей работе академика И. П. Павлова и вместе с тем должна была иметь особое боевое значение в борьбе со всякими проявлениями идеализма в науке о сознании и о поведении человека. Для руководства таким учреждением нужен был ученый, обладающий наряду с большой эрудицией в своей специальной области также пониманием ее революционных задач. Таковым был Дмитрий Степанович Фурсиков, молодой талантливый ученый, полный творческих устремлений, жадно ищущий новых путей и одаренный вместе с тем большим ясным, критическим умом.

Уже с ранней молодости став материалистом, получив подтверждение своему материалистическому мировоззрению в экспериментальной работе в павловской лаборатории, он однако не мог примириться с ограниченностью методики своего учителя. Перейдя на работу в Коммунистическую академию, он особенно почувствовал необходимость выработки целостного материалистически-диалектического мировоззрения, которое могло бы помочь ему в построении более общих выводов на основе экспериментальной работы в области высшей нервной деятельности и серьезно занялся изучением диалектического материализма.

Наряду с научно-исследовательской работой в Институте высшей нервной деятельности Дмитрий Степанович уделял много внимания также преподавательской деятельности. В 1926 г. он был избран профессором II МГУ по кафедре высшей нервной деятельности, читая сперва лекции по высшей нервной деятельности, а затем по физиологии. Обладая несомненными педагогическими способностями, он стремился сделать преподавание возможно более живым и демонстративным, сопровождая свои лекции большим количеством экспериментов.

Придавая большое значение подготовке молодых научных кадров для работы в области изучения высшей нервной деятельности и находясь в постоянном живом общении со студентами, он стремился привлечь их к работе в Институте, а кроме того организовал семинарии для слушателей Института красной профессуры и аспирантов РАНИОНА.

Не ограничиваясь изучением высшей нервной деятельности и обладая большими знаниями во всех основных отраслях физиологии, он работал в частности также в области физиологии питания и пищеварения. В 1924 г. в течение летних каникул он заведывал организованной им в Пятигорске экспериментальной лабораторией по изучению действия минеральных вод на пищеварение, а летом 1925 г. организовал экспериментальную лабораторию в Железноводске. В 1926 г., уже работая в Институте высшей нервной деятельности, он был избран действительным членом Института функциональной диагностики при Главнауке и заведывал физиологическим отделом этого Института до весны 1928 года.

Наряду с научно-исследовательской и педагогической работой Дмитрий Степанович участвовал в редактировании ряда научных изданий. Он был редактором физиологического отдела «Большой советской энциклопедии» и одним из редакторов «Медицинской энциклопедии», редактором «Медико-биологического журнала» и членом редакции журнала «Экспериментальная биология».

Кроме того, он принимал деятельное участие в организации физиологического общества им. Сеченова, а также в организации общества психоневрологов-материалистов при Комакадемии и состоял членом бюро этого общества.

Следует отметить также работу Дмитрия Степановича в области создания научно-популярного кино. Так при непосредственном его участии была организована постановка картины «Механика головного мозга», над созданием которой он работал в качестве научного руководителя. Он работал также над подготовлявшейся к постановке картиной «Пищеварение», которая однако из-за ухудшившегося состояния здоровья Дмитрия Степановича не была закончена.

Первые признаки туберкулеза появились у Дмитрия Степановича в 1919 г. Не щадя себя и отдавая все силы любимому делу, он не заботился о своем здоровье и не принял необходимых мер против своей все прогрессирующей болезни. Начиная с 1926 г. он уже заболел настолько, что в дальнейшем вся его жизнь состояла из промежутков

временного облегчения, чередовавшихся с приступами болезни, во время которых он принужден был отходить от работы.

Уже совершенно больным, осенью 1928 г., он едет в Сухум ставить работы над антропомимными обезьянами. Этим работам он придавал большое значение для разрешения задачи, над которой он работал—расширение методики изучения высшей нервной деятельности.

Из Сухума он вернулся уже совершенно изнуренным болезнью и проболел всю зиму. Весной он уехал в Ялту в Туберкулезный институт. Но было уже поздно. Лечение не могло помочь ему, силы постепенно оставляли его и после четырехмесячного пребывания в Ялте—он погиб.

В лице Дмитрия Степановича Фурсикова Коммунистическая академия потеряла талантливого ученого и экспериментатора, яркого и оригинального проводника нового материалистического учения физиологии высшей нервной деятельности, неутомимого искателя новых путей в науке, руководителя и первого директора Института высшей нервной деятельности.

За свою короткую жизнь он сумел приобрести богатую эрудицию в области естествознания и физиологии, в частности овладеть значительным экспериментальным опытом, приобрести способность к самостоятельному наметанию новых путей в науке, обещающую развиваться в талант научного предвидения и смелых научных обобщений.

Смерть поразила его как-раз в тот момент, когда он стоял накануне осуществления своих планов, когда после долгих исканий он мог уверенно встать на новые многообещающие пути.

Под его руководством было развернуто комплексное изучение деятельности мозга, к которому были привлечены все отделения Института высшей нервной деятельности, и Институтум были уже проделаны необходимые изыскательные работы по разведке новых методов такого комплексного изучения.

Работая в Институте высшей нервной деятельности, тесно связанном со всей Коммунистической академией, накопившей значительный опыт работы на основе методов диалектического материализма, работая в обстановке, свободной от традиционной узости буржуазной науки и встречая поддержку всем своим начинаниям, молодой талантливый ученый мог быть твердо уверен в успешном применении своих способностей и в осуществлении своих начинаний.

И теперь, когда Дмитрий Степанович погиб, когда Комакадемия лишилась одного из талантливейших своих работников, задача его товарищей по работе—с честью выполнить то, что не суждено было выполнить Д. С. Фурсикову.

Президиум Коммунистической академии

Редакционная коллегия:

Бухарин Н. И., Дволайцкий Ш. М., Деборин А. М., Крицман Л. Н., Лукин Н. М., Мюлютин В. П., Пашуканис Е. Е., Покровский М. Н., Шмидт О. Ю.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	<i>Стр.</i>
<i>Рейснер М.</i> , Идеология и политика	3
<i>Ральцевич В.</i> , Эмпиризм и диалектика	27
<i>Франкфурт Ю.</i> , О различии между психологией и идеологией	55
<i>Новиков С.</i> , Австро-марксистские концепции Октябрьской революции	80
<i>Кельда И.</i> , К проблеме происхождения языка	112
<i>Энгландер</i> , Бем-Баверк и Маркс. Вступительные замечания И. Рубина	145
<i>Захер Я.</i> , Жан Варле до 9 термидора	159

Т Р И Б У Н А

<i>Гиндин И.</i> , Некоторые итоги в области изучения финансового капитализма в России	185
--	-----

ДОКЛАДЫ В КОММ. АКАДЕМИИ

<i>Виноградская П.</i> , А. Клотс	200
<i>Иванов Л.</i> , Англо-американское соперничество	226
<i>Дашевский Г.</i> , Экспансия Соед. штатов в Латинской Америке	240
<i>Файнгар И.</i> , О майских событиях в связи с экономическим состоянием Германии	246
<i>Любвиц А.</i> , Капиталистическая рационализация и женский труд	253

К Р И Т И К А И Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

<i>Гребнев К.</i> , Критическая заметка. А. Деборин. Очерки по историческому материализму XVII и XVIII вв.	259
<i>Тележников Ф.</i> По иностранным социологическим журналам	265

Х Р О Н И К А

Деятельность Коммунистической академии	
<i>Торбек Г.</i> , Работа пленума, президиума, секций и институтов	269
Директивы по составлению плана работ Академии	278
Постановление ЦК ВКП(б) о мероприятиях по укреплению научной работы	282
<i>Вольфсон С.</i> , Научная работа марксистов в Белоруссии	284
Украинское общество «Войнствующий материалист-диалектик»	291

<i>Д. С. Фурсиков</i> (некролог и портрет)	293
--	-----

О П Е Ч А Т К А

В кн. 32(2) «ВКА», в последней строке письма в редакцию («Вместо ответа») тт. Абезгауза, Дукора и Ноткина вкралась досадная опечатка: вместо «идеалистических воззрений И. И. Рубина», должно быть—«идеалистических ошибок И. И. Рубина».

ИЗД-ВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Москва 19, ул. Фрунзе, 10, Тел. 5-71-38 и 3-59-48.

**ТРУДЫ ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Марксистско - ленинских научных учреждений.**

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА**

Доклад **А. М. Деборина**

Прения по докладу и заключительное слово

Стр. 200. Ц. 1 р. 30 к.

ВЫПУСК ВТОРОЙ

**ЗАДАЧИ МАРКСИСТОВ В ОБ-
ЛАСТИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ**

Доклад **О. Ю. Шмидта**

Прения по докладу и заключительное слово

Стр. 130. Ц. 90 к.

В. АСМУС

ДИАЛЕКТИКА КАНТА

Стр. 162. Ц. 1 р. 80 к., пер. 40 к.

Л. РУБАНОВСКИЙ

ПРОБЛЕМА МАТЕРИИ

Предисловие проф. **А. Тимирязева**

Стр. 207. Ц. 1 р. 65 к.

Я. РОЗАНОВ

**ФИЛОСОФСКО - СОЦИОЛОГИ-
ЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА МАР-
КСИЗМА**

за первое 10-летие сов. власти
(1917—1927)

Стр. 319. Ц. 2 р. 50 к., пер. 15 к.

**МЕДИЦИНА И ДИАЛЕКТИ-
ЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ**

Труды кружка врачей-материалистов
I МГУ.

Вып. I за 1924/25 г. Стр. 150., Ц. 1 р.

Вып. II за 1925/26 г. Стр. 200., Ц. 1 р.

Е. ПАЩУКАНИС и Н. П. РАЗУМОВСКИЙ
НОВЕЙШИЕ ОТКРОВЕНИЯ
К. КАУТСКОГО

(по поводу книги «Материалистиче-
ское понимание истории»)

Стр. 75. Ц. 75 к.

Ф. МЕСИН

**НОВАЯ РЕВИЗИЯ МАТЕРИА-
ЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМА-
НИЯ ИСТОРИИ**

Издание 2-е. Стр. 92. Ц. 1 р. 15 к.

ВЫСШАЯ НЕРВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Сборник работ Института высшей нервной деятельности

Стр. 434